И. С. НИКИТИН

Советский писатель

И. С. НИКИТИН

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА

М. ГОРЬКИМ

Большая серия

Второе издание

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

И. С. НИКИТИН

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СТИХОТВОРЕНИЙ

Предисловие Н. И. Рыленкова

Вступительная статья и примечания
Л. А. Плоткина

Подготовка текста М. И. Маловой

МОСКВА—ЛЕНИНГРАД · 1965

Превосходное знание народного быта, искреннее и теплое сочувствие простому человеку, любовь к русской природе объясняют ту популярность, которой издавна пользуется поэзия И. С. Никитина (1824—1861). Этот сборник является исчерпывающим сводом всего стихотворного наследия поэта.

Изданіе А. Мюнстера, С.П.Б.

Иван Никитин

I. NIKITINE.

ПОДВИГ ПОЭТА

Есть поэты, которые захватывают нас в юности сразу, но захватывают ненадолго. Увлечение ими проходит так же быстро, как и пришло. Охладев, мы уже редко вспоминаем о них, а если и вспоминаем, то только с добродушной насмешкой над собой.

Есть поэты иного рода. К ним мы трудно привыкаем, но, привыкнув, не расстаемся с ними никогда, открывая с годами в них все новые и новые глубины, все новые и новые богатства. И лишь самые счастливые из поэтических талантов входят в нашу жизнь навсегда с первого же знакомства. И дело тут, вероятно, не столько в размерах дарования, сколько в его характере, нравственной чистоте, в том обаянии, которое излучает поэт как своим творческим горением, так и всем подвигом своей жизни.

К числу именно таких поэтов я отношу для себя Ивана Саввича Никитина.

В старой деревне, где прошло мое раннее детство, книги были большой редкостью, но стихи Никитина я помню почти с тех же самых пор, как и себя. Его «Соху» читал мне в праздничные досуги отец, и я сразу запоминал полюбившиеся мне строки:

По твоей ли, соха, милости
С хлебом гумна пораздвинуты,
Сыты злые, сыты добрые,
По полям ковры раскинуты?..

...Уж и кем же ты придумана,
К делу на́веки приставлена?
Кормишь малого и старого,
Сиротой сама оставлена...

Наш сосед, печник Михайла Игнатов, поссорившись с сельским старостой и хватив с досады лишнюю чарку горькой, подбадривал себя перед деревенской околицей «Песней бобыля»:

Уж ты плачь ли, не плачь —
Слез никто не видит,
Оробей, загорюй —
Курица обидит.

В школьные годы я плакал, заучивая наизусть «Жену ямщика», а когда прочитал это стихотворение на уроке, наша учительница Ольга Михайловна решила, что мне непременно нужно выступить с ним на литературном вечере. Это было мое первое публичное выступление. Сама Ольга Михайловна открыла вечер тоже стихами Никитина:

Медленно движется время, —
Веруй, надейся и жди...
Зрей, наше юное племя!
Путь твой широк впереди.

Благодаря стараниям сельской интеллигенции, особенно учителей, у нас в округе стихи Никитина знали даже неграмотные мужики, вроде печника Михайлы. Его имя произносилось рядом с именем Некрасова.

Немудрено, что Никитин стал для меня уже в годы детства одним из самых близких, самых родных поэтов. Потом, когда в средней школе я познакомился с новейшей поэзией, пришли новые увлечения, но они не погасили в моей душе любви к Никитину.

С годами, чем больше я вчитывался в его произведения, вдумывался в его жизнь, тем больше проникался уважением к личности этого талантливого и нравственно несгибаемого человека.

Читая и перечитывая биографии широко известных русских писателей девятнадцатого века, ни на одну минуту не перестаешь удивляться воистину подвижническому характеру творцов нашей литературы. Но даже в ряду таких подвижников-страстотерпцев имя Ивана Саввича Никитина занимает совершенно особое место.

Жизнь Никитина являет яркий пример того, как сильный духом человек, осознавший свое право на творчество, воспитывает в себе гражданина и художника, поднимаясь не только над неблагоприятными житейскими обстоятельствами, над предрассудками окружающей среды, но и над самим собой, стараясь возвыситься до уровня стоящих перед ним задач, то есть прежде всего творит самого себя, и творит сознательно, целеустремленно.

В этом отношении биография Никитина весьма поучительна для подрастающих поколений. Она дает богатейший материал не только для исследователей, но и для художников.

Сколько талантливых русских людей надламывалось в сходной обстановке и либо становились такими же накопителями, как их удачливые соседи, либо спивались. И нужно было обладать поистине богатырской нравственной силой, чтобы не только не изменить лучшим идеалам своей юности, но и упорно идти вперед, преодолевая иллюзии и заблуждения, но не поступаясь ничем из благородных моральных принципов.

Если верно, что талант — это прежде всего характер, то Никитин обладал незаурядным талантом, так как в его характере нашли свое выражение лучшие черты русского национального духа — упорство в достижении поставленных целей, неистребимый оптимизм, высокая человечность, душевная чистота и суровая, бескомпромиссная требовательность к себе.

Конечно, у Никитина перед глазами уже был живой, вдохновляющий пример его земляка Кольцова, который, будучи прасолом, сумел создать произведения, заставившие заговорить о нем как о народном поэте всю страну. И тут Никитин, бесспорно, шел по уже проложенной дороге.

Но не следует забывать и о том, что, как ни тяжелы были обстоятельства личной жизни Кольцова, его прасольство все-таки давало ему гораздо больше простора, чем дворничество Никитина.

И нужно удивляться не тому, что Никитин не сразу нашел в поэзии свою дорогу, а тому, как быстро он преодолел чуждые влияния и как много смог сделать за свою короткую творческую жизнь.

Никитин не боится сказать о своих сермяжных героях самую горькую правду, не боится потому, что знает и любит народ, верит в его нравственную силу. И не случайно наивысший расцвет творчества Никитина совпадает с эпохой общественного подъема второй половины пятидесятых годов, связанного с подготовкой так называемой «крестьянской реформы». В эти годы поэт достигает полной творческой зрелости и создает лучшие свои произведения, в том числе и поэмы «Кулак» и «Тарас». В эти же годы появляются и наиболее проникновенные образцы пейзажной лирики Никитина, удивительно целомудренной, музыкальной и живописной.

Нет ничего более несправедливого для одного из самых любимых народом поэтов, чем представление, будто Никитин всю жизнь пел с чужого голоса, вначале подражая бардам «чистого искусства», а потом Некрасову.

Взыскательный, до жесткости требовательный к себе художник, Никитин, упорно боровшийся за овладение высотами мастерства и не раз переделывавший свои ранние стихи, в пору зрелости выработал свою собственную поэтическую форму, свой стих, емкий и гибкий, отличающийся большим ритмическим богатством. Возьмем для примера стихотворение «Гнездо ласточки», где в самом ритме как будто передается ход мельничных колес:

Шумит вода, рукав трясет,
На камни рожь дождем течет,
Под жерновом муку родит,
Идет мука, в глаза пылит.
Об мельнике и речи нет.
В пыли, в муке, и лыс, и сед...

Стих Никитина живописен и музыкален в одно и то же время. Вот начало одного из его стихотворений, где первые две строки в строфе не рифмуются:

Ах, у радости быстрые крылья,
Золотые да яркие перья!
Прилетит — вся душа встрепенется,
Перед смертью больной улыбнется!

Здесь поистине поет каждое слово.

Большого мастерства достиг Никитин в изображении родной природы, сказал о ней свое, очень свежее слово, которое глубоко волнует нас до сих пор. Его «Утро», начинающееся изумительно яркими по живописи строками:

Звезды меркнут и гаснут. В огне облака.
Белый пар по лугам расстилается.
По зеркальной воде, по кудрям лозняка
От зари алый свет разливается, —

на мой взгляд, стоит в ряду высших достижений русской пейзажной лирики. То же самое можно сказать и о таких стихах, как «В синем небе плывут над полями...», «Первый гром прогремел. Яркий блеск в синеве...» и некоторых других.

И при всем этом — как обаятельна сама личность поэта, как глубоко поучительна его судьба, открывающая огромную нравственную силу русского народного характера.

Н. Рыленков

И. С. НИКИТИН

Для каждого настоящего писателя литературное творчество есть всепоглощающая цель жизни, и она требует от поэта, романиста или драматурга всех сил его ума и сердца. Это общее правило вполне приложимо к Никитину. Для него тоже поэзия была любимым делом, она тоже отвечала непреодолимым потребностям его души и доставляла ему великую радость. И вместе с тем она была для него чем-то неизмеримо большим, чем просто любимый труд. Во всех высказываниях Никитина о себе и о своем литературном призвании звучит один мотив — постоянно и неизменно. В письме к Ф. А. Кони от 6 ноября 1853 года, то есть в самом начале своего творческого пути, Никитин писал: «С раннего детства в душу мою запала глубокая любовь к литературе... В моей грустной действительности единственное для меня утешение — книги и природа...» Посылая на суд Кони свои стихи, Никитин со страстным нетерпением ждал приговора: «Если из приложенных здесь стихотворений Вы увидите во мне жалкого ремесленника в деле искусства, тогда сожгите этот бессмысленный плод моего напрасного труда! Тогда я пойму, что дорога, по которой я желал бы идти, проложена не для меня, что я должен всецело погрузиться в тесную сферу торговой деятельности и навсегда проститься с тем, что я называл моею второю жизнью». [1]

В письме, адресованном В. А. Средину, звучит тот же мотив: «Не знаю, какая непостижимая сила влечет меня к искусству... Какая непонятная власть заставляет меня слагать задумчивую песнь, в то время когда горькая действительность окружает жалкою прозою мое одинокое незавидное существование...» (стр. 210).

---

[1] И. С. Никитин. Соч. М., 1955, стр. 209. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте с указанием страниц.

Условия жизни Никитина, богатой «разнообразной горечью», по словам самого поэта, были таковы, что литература представлялась ему единственной возможностью осознать себя человеком, вырваться из мертвящего плена затхлой, мещанской «грязной действительности», обрести высокую нравственную цель. При этом важно подчеркнуть: речь шла вовсе не о том, чтобы найти в литературной работе средства к существованию и тем самым освободиться от «тесной сферы торговой деятельности». Совсем нет — с точки зрения материальной поэзия почти ничего не давала Никитину. Поэт имел в виду духовное освобождение. Именно в этом смысле в литературе он видел «единственное утешение» и «вторую жизнь». Отсюда необыкновенно высокое представление о роли и назначении поэта, отсюда же и та предельная искренность и непосредственность, которая так характерна для поэтического творчества Никитина.

1

Иван Саввич Никитин родился 21 сентября 1824 года в Воронеже, в семье торговца. Детство и ранняя юность поэта прошли в обстановке сравнительного материального достатка. Отец поэта Савва Евтихиевич был видным человеком в городе. Он владел свечным заводом, лавкой и вел довольно крупную торговлю.

В жизни Никитина отец его сыграл роковую роль. Он был человеком суровым и деспотическим. В судьбе Никитина по-своему повторилась печальная участь Кольцова, жизнь которого тоже отравлена была диким самодурством отца. Обоим воронежским поэтам нелегко далось стремление порвать с мещанским миром и приобщиться к культуре.

Нам очень мало известно о ранних годах жизни поэта. В заметке о нем близкий знакомый поэта А. П. Нордштейн писал: «Ни братьев, ни сестер у Никитина не было; он рос один. Эта разобщенность с очень ранних лет приучила его к одиночеству, к размышлению; она же заставила его довольствоваться сначала фантастическим, сказочным миром, а впоследствии обратила к книгам, к чтению». [1]

Учился Никитин сперва в приходском и уездном духовных училищах, а затем в духовной семинарии. В «Дневнике семинариста» Никитин нарисовал достаточно колоритную картину семинарских нравов. Богословская схоластика, отсутствие в преподавании живой связи с действительностью, с теми напряженными социально-фило-

[1] «Отечественные записки», 1854, № 6, стр. 57.

софскими и эстетическими исканиями, которые были так характерны для России 30—40-х годов, невежество педагогов, жестокая палочная дисциплина — таково было положение вещей в семинарии.

Воспоминания об «отвратительной обстановке детских лет» преследовали Никитина всю жизнь. Однако ни «дикий образ воспитания», ни отупляющая атмосфера, царившая в этих учебных заведениях, не смогли заглушить богатых интеллектуальных задатков Никитина, его пытливого ума и поэтического дара. В борьбе с духом семинарии, в результате самостоятельного знакомства с лучшими творениями русской литературы, в частности с произведениями Белинского, формировалось мировоззрение Никитина.

Признавая, что воронежская семинария в то время, когда там обучался Никитин, не могла похвалиться хорошим составом преподавателей, биограф поэта М. Ф. Де-Пуле, однако, добавляет, что она «еще была полна воспоминаниями о Сребрянском; Кольцов, умерший в 1842 году, был еще живым напоминанием о преждевременно погибшем юноше, возбуждавшем восторг в семинарской молодежи; огненные статьи Белинского, так близкого к Кольцову, читались с жаром и чуть не заучивались наизусть». [1]

Здесь Никитин впервые познакомился со стихами Пушкина. Сильное впечатление произвело на него стихотворение Кольцова «Лес». В это время он и сам начал писать стихи.

Окончить семинарию Никитину не удалось: торговые дела отца все больше и больше приходили в упадок. Савва Евтихиевич стал пить. Вскоре умерла мать поэта. Никитин стал пропускать занятия и в конце концов был уволен по «малоуспешности» и «по причине нехождения в класс». Юноша вынужден был торговать в лавке, а потом и на площади — с лотка. В 1844 году отец поэта продал свечной завод и приобрел постоялый двор. Никитин превратился в содержателя постоялого двора — «дворника». Современники поэта рассказывают, что в это время Никитин и по наружности преобразился в «дворника»: волосы подрезал в кружок, сапоги надел с голенищами до колен, летом носил простую чуйку, а зимою нагольный тулуп.

Но и в этот горестный период своей жизни Никитин не переставал заниматься поэтическим творчеством. Позднее он рассказал, какой ценой давались ему первые шаги на литературном поприще и с какой энергией и настойчивостью он боролся с препятствиями на

---

[1] М. Ф. Де-Пуле. Иван Саввич Никитин. — И. С. Никитин. Соч., т. 1. Воронеж, 1869, стр. 10. (В дальнейшем ссылки на этот биографический очерк даются сокращенно: Де-Пуле). М. Сребрянский — друг и учитель А. В. Кольцова, поэт.

пути к овладению культурой: «Продавая извозчикам овес и сено, я обдумывал прочитанные мною и поразившие меня строки, обдумывал их в грязной избе, нередко под крик и песни разгулявшихся мужиков. Сердце мое обливалось кровью от грязных сцен, но с помощию доброй воли я не развратил своей души. Найдя свободную минуту, я уходил в какой-нибудь отдаленный уголок моего дома. Там я знакомился с тем, что составляет гордость человечества, там я слагал скромный стих, просившийся у меня из сердца. Все написанное я скрывал, как преступление, от всякого постороннего лица и с рассветом сжигал строки, над которыми я плакал во время бессонной ночи. С летами любовь к поэзии росла в моей груди, но вместе с нею росло и сомнение: есть ли во мне хотя искра дарования?..» (стр. 302).

Насколько сильны были эти сомнения, доказывает тот факт, что только в 1853 году, после ряда лет напряженной работы, почти в тридцатилетнем возрасте, поэт решился опубликовать впервые свои стихи за полной подписью. 12 ноября 1853 года Никитин отправил редактору «Воронежских губернских ведомостей» В. А. Средину письмо с приложением нескольких стихотворений. Автором их горячо заинтересовался Н. И. Второв, один из руководителей газеты, советник воронежского губернского правления, историк, этнограф и статистик, возглавлявший кружок воронежских интеллигентов. В своем письме к Д. Н. Толстому Второв писал: «Приложенные стихотворения были весьма хороши и заслуживали внимания как по мысли и теплоте чувства, так и по обработке стиха, необыкновенно звучного, гладкого и даже изящного... Вечером того же дня мы познакомились с поэтом: это молодой человек лет 27 с физиономией, весьма похожей на Шиллера (не шутя), бледный, худощавый, скромный, застенчивый, робкий». [1]

1853 год оказался поворотным в биографии Никитина. Начался новый этап его жизни. Никому неведомый доселе «дворник», живущий с вечно пьяным отцом и окруженный ямщиками, вышел на широкую дорогу литературной известности. Стихи его обратили на себя внимание. Он сблизился с кружком Второва. Им начали интересоваться «высшие сферы» воронежской администрации.

Благосклонное внимание обратил на Никитина по рекомендации Второва и влиятельный чиновник граф Д. Н. Толстой. Он оказывал покровительство молодому поэту и выразил готовность издать собрание его стихотворений на свой счет.

В 1854 году в июньском номере «Отечественных записок» была

---

[1] Де-Пуле, стр. 33.

напечатана статья А. П. Нордштейна, которая ставила своей целью познакомить читателей с новым талантом, появившимся на Руси, в том же самом городе Воронеже, который был «колыбелью и могилою Кольцова». А в июльском номере «Библиотеки для чтения» была помещена статья «Листки из записной книжки русского», принадлежащая Н. В. Кукольнику, где также говорилось о Никитине.

Любопытным свидетельством того, как была воспринята поэзия Никитина критикой и читателями, может послужить письмо известного в свое время литератора и педагога Иринарха Введенского, адресованное поэту. Заканчивалось письмо пожеланием: «Продолжайте изучать русскую природу в самом ее источнике, продолжайте наблюдать Ваших собратий, исследовать их нравы и обычаи. Это самое благоприятное и возвышенное поприще, на котором гений Ваш никогда не встретит себе соперника. В этой сфере Вы будете великим всегда, и в этой только сфере сделаетесь Вы нашею гордостию, нашею национальною славою, блистательным украшением нашей национальной литературы».[1]

Вряд ли Никитин с его трезвым умом мог всерьез принимать эти панегирические строки. Но внимание, проявленное к нему, действовало на него окрыляюще, и характерно, что 1854 год был одним из самых продуктивных в творческой биографии поэта.

За короткое время он написал много лирических стихотворений и, наряду с этим, усиленно работал над поэмой «Кулак».

В 1856 году вышел первый сборник стихотворений Никитина, изданный графом Д. Н. Толстым. В 1858 году отдельной книгой опубликована была поэма Никитина «Кулак».

Несмотря на то что Никитин к этому времени уже приобрел значительную известность, в жизни его резче, чем когда бы то ни было, обозначаются те же острые контрасты, которые так характерны были и в биографии Кольцова: с одной стороны, напряженные духовные интересы, радостные минуты поэтического вдохновения, усиленный творческий труд, а с другой — изнуряющая и ненавистная работа на постоялом дворе, брань пьяного отца, торгашество и грязь. Чтобы найти выход из этого положения, Никитин задумал в 1858 году бросить «дворничество» и открыть книжную торговлю. Ему страстно хотелось, как он пишет в одном из своих писем, «отдохнуть наконец от пошлых, полупьяных гостей, звона рюмок, полуночных криков и проч. и проч.» (стр. 245).

---

[1] Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского дома) Академии наук; фонд Де-Пуле. В дальнейшем ссылки на этот архив даются сокращенно: ПД.

Книжный магазин и библиотека при нем были открыты Никитиным в феврале 1859 года. Поэт ставил перед собой не только коммерческие цели. Он хотел и в качестве книготорговца «служить обществу», распространяя среди читателей лучшие образцы литературы.

Наделенный от природы большой физической силой, Никитин надорвал свое здоровье в пору работы на постоялом дворе — в начале 50-х годов. Последние десять лет он с перерывами подолгу и серьезно хворал. Проболел он почти весь 1859 год. В начале 1860 года его здоровье несколько улучшилось, и Никитин, по совету Второва, летом этого года посетил Москву и Петербург. В конце 1860 года болезнь снова разыгралась. Несмотря на крайне тяжелое физическое состояние, Никитин принимал, однако, деятельное участие в общественной жизни Воронежа: выступал на литературных вечерах, был устроителем воскресных школ. В 1859 году вышел последний прижизненный сборник стихотворений поэта. Никитин вел большую творческую работу: в 1860 году закончены были поэма «Тарас» и крупное прозаическое произведение мемуарного характера «Дневник семинариста».

В личной жизни поэта большую роль в последние годы сыграла его любовь к Н. А. Матвеевой, с которой он познакомился весной 1860 года. Между ними возникла дружба, а затем и взаимная любовь. Неясно, что помешало Никитину связать свою судьбу с этой женщиной. Так и остался неоконченным этот роман, который был одной из самых светлых страниц в жизни поэта.

1 мая 1861 года Никитин простудился и слег. С перерывами проболел он до осени. Последние месяцы его жизни были ужасны. Все лето отец поэта «пил без удержу и не только не понимал положения Никитина, но безобразничал напропалую. Часто он пугал умирающего сына, врываясь в его комнату в пьяном, безобразном виде, босой и в одном белье». [1]

16 октября 1861 года поэт умер. Похоронен он в Воронеже, рядом с Кольцовым. В 1911 году в Воронеже Никитину был поставлен памятник.

2

Творческая деятельность Никитина обнимает период 50-х и начала 60-х годов. Первые стихотворения его датированы 1849 годом; последние — 1861 годом. Это был период сложный, противоре-

[1] Де-Пуле, стр. 189.

чивый и во многих отношениях знаменательный. Революция 1848 года на Западе и усиление николаевской реакции, разгром революционной организации петрашевцев, Крымская война и ее трагический исход, бурный подъем освободительной борьбы накануне реформы, волна крестьянских восстаний, расцвет деятельности «Современника» Некрасова, Чернышевского и Добролюбова, «освобождение крестьян» — все эти события так или иначе нашли свое отражение в творчестве Никитина.

Эпоха, в которую творил поэт, характеризовалась острой и напряженной борьбой прогрессивных демократических сил за свободу и счастье народа, против реакции, застоя и социального гнета. В это время в русской поэзии резко обозначились две линии развития: направление гражданской поэзии, демократической и революционной по своему существу, наиболее ярким выразителем которого был Некрасов, и школа «чистой» лирики, декларировавшая уход от актуальных проблем социальной действительности в мир «вечной красоты» и «чистого искусства».

В сложном и многообразном литературном движении этого периода, в борьбе за поэзию большого социального звучания Никитин сыграл заметную роль. Творчество его противостояло «чистой» лирике и знаменовало собой дальнейшее развитие демократической поэзии. Уступая Некрасову и в поэтическом таланте и в цельности и последовательности мировоззрения, Никитин тем не менее входит в число крупных представителей некрасовского направления.

Однако Никитин не сразу нашел себя. Начальный период его деятельности отмечен чертами подражательности. Мотивы Лермонтова и Тютчева, Кольцова и Майкова без труда обнаруживаются в его творчестве. Так, стихотворение «Оставь печальный твой рассказ...» является подражанием стихотворению Лермонтова «Не верь себе». Стихотворение «Когда закат прощальными лучами...» воскрешает в памяти известное лермонтовское стихотворение «Когда волнуется желтеющая нива...».

Но само по себе указание на подражательный характер ранних стихов Никитина еще ничего не разъясняет. В письме к А. А. Краевскому сам поэт отмечал, что влияли на него только те произведения, которые были ему созвучны. В чем же состояло внутреннее содержание творческой деятельности Никитина в этот начальный период?

Ранняя лирика Никитина тем и знаменательна, что сквозь все чужие голоса, которые действительно слышатся в его первых стихах, сквозь все вариации, довольно традиционные для поэзии 40-х и 50-х годов, пробивается собственный голос поэта, заявлен свой

взгляд на мир, выражены свой пафос, своя страсть и своя дума. Этим пафосом является идея социальной справедливости, страстная мечта о гармонии, о счастье человека. В сущности мысль о социальной гармонии, о счастье и благе человека станет лейтмотивом всего творчества Никитина.

Уже в самых ранних стихах поэта мысль его устремлена к большим вопросам бытия. Его волнуют трагическое неустройство мира, контрасты, порождаемые нищетой и горем. Природа в философской лирике Никитина — это живое воплощение гармонии и счастья, которой противостоит реальная жизнь с ее драмами и страданиями. Таково первое из известных нам стихотворений поэта «Тихо ночь ложится...». Перед нами не просто пейзаж, картина природы, а некое синтетическое воплощение прекрасного в мире. И полным контрастом красоте, спокойствию, гармонии, царящим в природе выступает человеческая жизнь:

Лишь во мраке ночи
Горе и разврат
Не смыкают очи,
В тишине не спят.

И в другом стихотворении, датированном тем же 1849 годом, — «Тишина ночи» — снова перед нами образ природы, космоса, тихой и благостной ночи. Но под покровом блистающего звездами неба разыгрываются простые и обыденные человеческие драмы. В домике, освещенном огнем, «на столе лежит покойник» — бедняк голодный. В уголке его безутешная дочь:

И никто не знает,
Что в немой тоске
Сирота рыдает
В тесном уголке;

Что в нужде до срока,
Может быть, она
Жертвою порока
Умереть должна.

В стихотворении «Зимняя ночь в деревне» опять антитеза: зимнее село освещено весело сияющим месяцем, белый снег сверкает синим огоньком. Но как контрастирует с этой воплощенной красотой бегло набросанная сценка: больная старуха предается горестным размышлениям о судьбе ее малых детей, которых она уже видит сиротами.

Эти мысли о неустройстве жизни, о противоречии между прекрасным, как будто заложенным в самой природе вещей, и реальным горем и страданием, которое видит поэт и с которым он не может мириться, переплетаются в ранней лирике Никитина с религиозными мотивами. Поэт хочет найти успокоение своим тревогам в идее всеобщей предустановленной божественной гармонии бытия. В одном из стихотворений 1849 года он писал:

Присутствие непостижимой силы
Таинственно скрывается во всем...

Это незримое присутствие божественного провидения поэт усматривает во всех явлениях природы и человеческой жизни. Он упорно возвращается к этой мысли:

Когда один, в минуты размышленья
С природой я беседую в тиши, —
Я верю: есть святое провиденье
И кроткий мир для сердца и души.
И грусть свою тогда я забываю,
С своей нуждой безропотно мирюсь,
И небесам невидимо молюсь,
И песнь пою, и слезы проливаю...

Но если во всем есть таинственное божественное провидение, стало быть, оно оправдывает и горе, и страданье, и несчастья, и несправедливость, какие выпадают на долю людям. Такой вывод, казалось бы, неизбежно следовал из идеи божественной гармонии бытия.

Но Никитин был живым, отзывчивым человеком. И, отдавая дань религиозной метафизике, он в полном противоречии с ее доктринами создавал стихи, в которых никак не соглашался мириться со злом, с неправдой, с горем:

Весь день душа болела тайно
И за себя и за других...
От пошлых встреч, от сплетен злых,
От жизни грязной и печальной
Покой пора бы ей узнать.
Да где он? Где его искать?..

Нет, не находил поэт душевного покоя в религиозной метафизике, в спасительных мыслях о божественном предопределении. Как будто споря с самим собой, он восклицал: «Где этот покой, где его искать?» — и ответа не находил.

Никитин вступил в поэзию с чувством протеста против зла мира, с чувством скорби по поводу человеческих страданий и с горячей и страстной жаждой счастья «и для себя и для других».

Стремление к постановке больших вопросов широкого философского плана нельзя не признать существенной особенностью Никитина. Это тем более важно, что в некоторых работах, посвященных поэзии середины века, проскальзывает мысль о том, будто бы поэты школы «чистого искусства» занимались философскими проблемами, а гражданская поэзия была погружена в текущую злобу дня, обслуживала только политические интересы повседневной действительности. Конечно, известная доля истины в этом заключалась. «Мировые проблемы» у некоторых поэтов школы «чистого искусства» выражали стремление отвлечься от насущных тревог, от острейших противоречий современности. Но все же водораздел между двумя направлениями в лирике середины XIX века пролегал не в этой области. Можно было откликаться на самые злободневные темы современности и оставаться ретроградом, можно было стремиться к постановке мировых проблем и выражать свои гражданские демократические воззрения. Так было с Никитиным. Весь вопрос был в том, каков угол зрения поэта. В критике не без основания указывалось, что Никитин одно время находился под влиянием Аполлона Майкова, ревностного адепта поэзии «чистого искусства», в творчестве которого, кстати говоря, нашла широкое отражение проблема утраченной гармонии. Но как он решал ее?

Свое недовольство действительностью Майков выражал в противопоставлении современной жизни античной древности, в которой видел олицетворение гармонии, воплощение «золотого века» человечества. Разумеется, такое решение отличалось своей абсолютной социально-политической «безобидностью» и никак не отвечало страстному стремлению к общественным преобразованиям, столь характерному для бурной эпохи 60-х годов. Никитин, конечно, был несравненно ближе к живым потребностям времени, чем, скажем, Аполлон Майков. Но и он во многих произведениях ранней поры стремился отвратительную и ненавистную ему мещанскую действительность эстетически преодолеть путем создания особого, прекрасного, идеального мира. Сам Никитин так объяснял особенности своего творчества: «Не вдруг колодник запоет о своих цепях: физическая боль, мрак и сырой воздух тюрьмы остановят до известного времени поэтическое настроение. Воображение бедняка поневоле перенесется за крепкие стены и нарисует картины иного, светлого быта» (стр. 219—220).

Попытка эстетически преодолеть действительность толкала Никитина на проторенные литературные пути, возвращала его к традициям романтизма, делала его поэзию несамостоятельной и эклектичной. Но вместе с тем и этот ранний период творчества был для Никитина некоей школой поэтического мастерства. Он учился у больших поэтов подлинной поэтической культуре.

Никитину близок был протестующий характер лермонтовской поэзии. Но в то время как страстный протест Лермонтова выражал ненависть мятежной личности к реакционному режиму в стране, к тирании и бесправию, Никитин абстрактно противопоставлял мудрую гармонию природы горю, суете и бессмыслице человеческого существования. Отсюда и принцип композиционного построения многих его ранних пейзажных произведений. Его пейзаж в этот период — это не единая и целостная картина природы, как она предстоит чувственному созерцанию, а цепь специально отобранных картин, подчиненных логическому заданию и предназначенных иллюстрировать определенный тезис. Так построено стихотворение «Тихо ночь ложится...». Здесь и *ночь,* которая ложится на вершины *гор,* и *облака,* плывущие бесконечной цепью над глухой *степью,* и густой *лес,* покрытый сумраком и в тишине глубокой стоящий над широкой рекой, и светлые заливы, которые в камышах блестят, и *голубое* небо. И всем этим мирным картинам противостоит картина людского горя и разврата.

Природа — наставница и друг, она единственный источник прекрасного и истинного, только в ней можно обрести душевное спокойствие, только в ней можно найти утешение от грязи и пошлости низменной действительности, — так трактуется эта тема Никитиным.

В связи с этим находились и мысли Никитина о бренности и призрачности человеческой жизни с ее страстями, честолюбием, тщетными усилиями и недостижимой мечтой о счастье. В стихотворении «Похороны» отчетливо звучит этот мотив. К чему жизнь, страдание и борьба, если «отведена царю природы сажень земли между могил».

Но уже и в этот период в поэзии Никитина разрабатывались иные мотивы, предвещавшие будущего яркого выразителя демократической поэзии. В стихотворении «Оставь печальный твой рассказ...» Никитин интимной, камерной лирике противопоставлял гражданскую поэзию, которая избирает своим предметом не «личные страдания», а явления общественной жизни, пороки и социальное зло.

Правда, в первом варианте стихотворения «Певцу», датированном 1853 годом, отстаивая позиции гражданской поэзии, Никитин

самую гражданственность поэтического творчества понимал еще весьма противоречиво. Обращаясь к поэту, Никитин говорит о «нетвердой вере», о «бессилии свободы», о «дерзком неверье», которое глумится над «святым алтарем».

Но, как указывалось, и в ранних стихах поэта зрела и развивалась мысль о человеческих страданиях, о противоречиях жизни. В ряду ранних произведений Никитина выделяется прекрасное стихотворение «Мщение», написанное тем песенным, народным стихом, который ввел в поэзию Кольцов. В нем Никитин впервые с гневом и страстью говорит о крепостном праве. Крестьянин поджигает барскую усадьбу и убивает помещика из чувства мести за поруганное человеческое достоинство. В стихотворении «Мщение» некрасовская линия в поэзии Никитина начинает проявляться отчетливо и ярко.

При всем том мотивы, которые звучат в стихотворении «Мщение», прямых аналогий с поэзией Некрасова того времени не имеют. Они получили у Некрасова блестящее художественное претворение позднее. Таким образом, Никитин разработал их самостоятельно. Это доказывает только, что развитие обоих поэтов, при всех различиях, которые их разделяли, шло в известном смысле параллельно, образуя то, что можно назвать некрасовским направлением — вершинным явлением русской демократической поэзии середины века.

3

Внутреннее самоопределение поэта далось ему нелегко. Никитин вошел в социальную и литературную среду, таившую в себе многие опасности для него. Вице-директор департамента полиции Д. Н. Толстой, воронежский губернатор князь Долгоруков и его жена, страстная поклонница религиозных стихов Никитина, настоятельница воронежского монастыря Смарагда, купец Рукавишников — таково было окружение, в которое Никитин попал в 1854 году. Понятно, что оно всячески поддерживало и укрепляло консервативные черты мировоззрения поэта.

Никитина пытались идеологически воспитать в духе официальной «народности». Его толкали на путь казенного благонравия. Д. Н. Толстой проявлял в этом отношении особенное усердие. По его настоянию Никитин написал верноподданнические письма Александру II и членам царствующего дома и поднес им свою книгу, получив в благодарность за это бриллиантовый перстень и золотые часы. Толстой пытался оказывать влияние и на идейную направленность творчества поэта.

Но хотя Никитин зачастую внутренне сопротивлялся деспотическому навязыванию литературных и идейных принципов извне, все же эти попытки воздействия не остались бесследными. Очень сложно обстояло дело с положением Никитина в кружке Н. И. Второва.

Роль этого кружка в творческой биографии поэта, как и в культурной жизни Воронежа, была, несомненно, значительной.[1] Нельзя отрицать, что кружок в немалой степени содействовал приобщению Никитина к большой литературе.

Но поэт испытывал в нем самые различные воздействия. В этом кружке были люди прогрессивных убеждений. Судя по материалам, которыми мы располагаем, к ним принадлежали П. А. Придорогин и Н. И. Второв. Рассказывая о вечеринках, которые устраивались на квартире Никитина, Де-Пуле говорит о Придорогине: «Протестантом и радикалом был он страшным (конечно, на словах), когда речь заходила о крепостном праве: чего-чего не говорил он тут! каких не сочинял ужасов! До 1857 года почти ни одна наша беседа не обходилась без его горячих филиппик».[2]

Даже учитывая тенденциозность и ироничность этой характеристики, принадлежащей человеку отнюдь не прогрессивных взглядов, следует считать бесспорным, что Придорогин мог оказывать на Никитина благотворное влияние. Когда Придорогин умер, Никитин писал о нем: «Итак, теперь в Воронеже меньше одним из самых лучших людей. Я хорошо знал моего друга. Знал его горячую любовь к добру, любовь ко всему прекрасному и высокому, его ненависть ко всякой пошлости и произволу...» (стр. 270).

Человеком прогрессивных убеждений был и Второв. Он, видимо, стремился расширить кругозор Никитина. Известно, например, что Второв знакомил его с литературой о декабристах.[3]

Он содействовал обращению Никитина к темам и материалу окружающей действительности. Во второвском кружке шла своеобразная борьба за Никитина. А. П. Нордштейн с нескрываемым

---

[1] Можно, разумеется, спорить о масштабах воздействия второвского кружка на поэта, говорить о противоречивом характере этого влияния. Но совершенно произвольными представляются попытки изобразить дело таким образом, будто кружок сыграл только отрицательную роль в духовном формировании поэта. См.: К. Н. Шадрина. О ранней лирической поэзии Никитина. — «Ученые записки Ленинградского гос. педагогического института им. А. И. Герцена», 1957, т. 150, стр. 83—105.

[2] Де-Пуле, стр. 89.

[3] См. письмо Никитина к Второву от 11 июня 1854 г., в котором упоминается «книжка о 14-м декабря» (стр. 211).

раздражением сетовал на то, что Никитин плохо поддается «благонамеренным» влияниям и что повинен в этом Второв.

Но если Придорогин и Второв, судя по всему, оказывали благотворное воздействие на Никитина, то такие участники второвского кружка, как Де-Пуле и Нордштейн, стремились заразить поэта консервативными, охранительными идеями. О реакционной сущности общественно-политических взглядов Де-Пуле достаточно красноречиво свидетельствует хотя бы написанная им в начале 60-х годов прокламация,[1] в которой он повторяет все грязные, клеветнические инсинуации о русских революционерах.

Аналогичную общественную позицию по сути дела занимал и Нордштейн, толкавший Никитина на путь восхваления самодержавия. Он пытался приобщить поэта к числу ревнителей «чистой поэзии» и всячески стремился внушить ему отрицательное отношение к некрасовскому направлению.[2]

Противоречивые воздействия, которые испытывал Никитин, отразились и в его поэзии. В начале 1854 года Никитин пишет «Моление о чаше» — стихотворение религиозно-патетическое, представляющее собой переложение евангельских мотивов. В стихотворениях «Сладость молитвы», «С. В. Чистяковой» поэт говорит о религии как утешительнице в страдании и горе. Произведения подобного рода снискали Никитину популярность у воронежского губернатора и его окружения.

Насколько противоречивы были убеждения Никитина в этот период, можно судить по его стихотворениям, посвященным войне 1853—1856 годов. Мотивы искреннего патриотического воодушевления уживались в них с шовинистическими, глубоко чуждыми прогрессивной русской литературе. Добролюбов к этим стихам отнесся отрицательно. В конкретных условиях русской действительности такая оценка была вполне объяснимой. Но наряду с теми тенденциями, которые Добролюбов порицал, в них было и живое, искреннее чувство любви к родной земле, чувство гордости ее мужеством, убеждение в непобедимой силе русского народа.

В период сближения Никитина со второвским кружком обозначился поворот в творчестве поэта к темам окружающей действительности. В поэзии Никитина появляются черты своеобразного этнографизма — зарисовок колоритных и специфических особенностей быта. Так, в стихотворении «Купец на пчельнике» Никитин тща-

---

[1] ПД, фонд Де-Пуле.

[2] Письма А. П. Нордштейна к Никитину, хранящиеся в ПД, неопровержимо свидетельствуют об этом.

тельно выписывает внешние детали быта и облика своих персонажей. Вот портрет «пчелинца»: «Рубашка на нем из крученой холстины, а ноги в онучах и в новых лаптях». Характерна сценка: «пчелинец» беседует со сватами, пришедшими к нему:

Пред ними, на белой разостланной тряпке
Ведро деревянное с квасом стоит,
Желтеется мед в неокрашенной чашке
И черного хлеба краюха лежит...

и т. д.

Это стихотворение Никитин снабжает примечаниями, которые подчеркивают этнографическую достоверность всех деталей изображенного им быта.

В ряду произведений, щедро оснащенных этнографическими описаниями быта, народных верований, обычаев, стоит стихотворение «Неудачная присуха», повествующее о безуспешной попытке молодого парня приворожить возлюбленную. К ним можно отнести и стихотворение «Ночлег извозчиков».

Никитин создает и ряд произведений, которые по своему жанру могут быть названы идиллиями. Это стихотворения о благостной, умиротворяющей природе и о таких же чистых, простых и мудрых людях. Наиболее примечательны из произведений такого рода «Вечер после дождя», «Лесник и его внук», «Подле реки одиноко стою я под тенью ракиты...», «Буря». Образ природы как друга и наставника, фигурировавший в самых ранних произведениях Никитина, здесь представлен в новых своих качествах и проявлениях; человек слит с природой, растворяется в ней и обретает в ней новую силу.

Однако наиболее ярко самостоятельная поэтическая мысль Никитина проявлялась в тех стихотворениях, которые затрагивали темы народной жизни, темы социальных противоречий. Примечательно в этой связи широко известное его стихотворение «Жена ямщика» — простой и трагический рассказ о гибели ямщика, о горе его семьи, брошенной на произвол судьбы и обреченной на нищету и голод. Не менее значительно одно из прекрасных по художественной выразительности стихотворений Никитина «Бурлак» — повесть о том, как крестьянин потерял жену и сына, как это выбило его из привычной колеи и как он, чтобы не погибнуть, не опуститься нравственно, уходит в бурлаки. Это стихотворение замечательно во многих отношениях, и прежде всего тем, что в нем Никитин, впервые, пожалуй, в русской литературе, показал бурлаков; замечатель-

но оно и тем, что в бурлацком быте Никитин увидел поэзию: стремление к свободе, молодецкую удаль и душевный размах.

В жизни бурлаков Никитин подчеркивает не столько страдания и подневольный труд, сколько свободную, широкую и вольную деятельность, и не уныние звучит в этом стихотворении, а мотивы удали и силы. Позднее Некрасов в стихах, посвященных бурлакам, пойдет дальше и выразит гневный протест против горестной участи порабощенного народа.

Демократические симпатии в творчестве поэта приобретают все более отчетливую направленность. В стихотворении «Три встречи» поэт заговорил о трагической участи падшей женщины. Эту тему затронул в гениальном своем создании Некрасов («Еду ли ночью по улице темной...»). И примечательно, что Никитин прямо раскрывает причины падения своей героини. Это пороки общественного устройства: бедность и нищета, разорение, смерть отца.

Та же социальная тема разработана и в стихотворении «Рассказ крестьянки». Гибель мужа, нужда, голод, беспомощное состояние одинокой женщины — таковы обстоятельства, вынудившие ее выйти замуж за нелюбимого человека. Теме народного горя посвящено и стихотворение «Уличная встреча». И если Никитин еще не поднимается здесь до осознания более общих причин социального неустройства, то не подлежит сомнению, что в середине 50-х годов им был создан ряд прекрасных стихотворений, проникнутых подлинно демократическим духом.

Таким образом, поэзия Никитина первой половины 50-х годов отмечена противоречивыми чертами. Ей свойственны, с одной стороны, религиозные, консервативные и идиллические тенденции, с другой — в ней все сильнее начинают звучать некрасовские мотивы, мотивы демократические и социальные.

4

Эти противоречивые тенденции нашли свое отражение в первом сборнике стихотворений Никитина, который был выпущен в 1856 году.

Известно, что сборник встретил отрицательный отзыв Н. Г. Чернышевского в «Современнике». Отметив некоторую поэтическую выучку Никитина, критик увидел главный изъян его поэзии в отсутствии самобытности и в игнорировании жизненного материала, который давала поэту окружающая действительность.

Чем был вызван этот резкий приговор? Разумеется, немалую роль сыграло то, что реакционные литературные круги стремились

выдать Никитина за главного выразителя народных интересов и народных чаяний. В конкретных литературных условиях 50-х годов это можно было понять как попытку противопоставить живописную народность Никитина революционной поэзии Некрасова.

Самобытным народным поэтом величал Никитина Кукольник. Чуть ли не единственным преемником Кольцова изображал его Нордштейн. В предисловии к сборнику 1856 года Д. Н. Толстой утверждал, что поэзия Никитина сосредоточивает в себе все элементы народного духа. И характерно, что определяющей чертой поэзии Никитина Д. Н. Толстой считал отсутствие в ней следов «байроновского отчаяния». В устах Д. Н. Толстого это означало, что Никитин чужд революционной страсти и энергии. Чернышевский в своей рецензии прямо полемизирует с этой апологетической линией.

Следует учесть немаловажное обстоятельство, крайне существенное для понимания тона и направленности рецензии Чернышевского. Сборник 1856 года давал о Никитине неполное и даже одностороннее представление. Те новые тенденции в его творческой деятельности, которые могли бы импонировать Чернышевскому, были представлены в этом сборнике весьма скудно. В числе шестидесяти одного стихотворения, включенных в сборник, в подавляющем большинстве были ранние вещи, а между тем в него не вошли такие стихотворения, как «Мщение», которое было опубликовано уже после смерти поэта, «Рассказ ямщика», «Рассказ крестьянки». Таким образом, сборник 1856 года выставлял Никитина в невыгодном свете.

Однако в этом же сборнике Чернышевский заметил и такие черты поэзии Никитина, которым принадлежало будущее. Перечисляя поэтов, стихам которых Никитин подражает, Чернышевский упоминает имя Некрасова. В рукописи рецензии имеется фраза, исключенная из печатного текста: «из г. Некрасова взяты также многие стихотворения».[1] Возможно, Чернышевский считал эти мотивы не характерными для Никитина, не придавал им серьезного значения и потому выбросил эти слова из печатного текста, лишь глухо упомянув Некрасова в ряду других поэтов, которым Никитин подражал. Но факт таков, что в сложном взаимодействии поэтических влияний, отразившихся в стихах Никитина, Чернышевский правильно уловил мотивы некрасовского творчества. Эти мотивы оказались более значительными и принципиальными, чем мог предположить Чернышевский.

---

[1] Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч. в 15-ти томах, т. 3. М., 1947, стр. 839.

Его рецензия произвела на Никитина тягостное впечатление. В письме к А. А. Краевскому от 20 августа 1856 года он писал: «Г. рецензент говорит, что автор не видит окружающего его мира, сомневается даже, есть ли у него сердце, иначе, дескать, оно сочувствовало бы окружающему миру, а это сочувствие вызвало бы наружу нечто новое... всеобъемлющий г. рецензент упустил из виду примирение автора с горькою действительностью: оно совершается не так скоро... Конечно, в настоящее время я сознаю смешную сторону моего заоблачного полета, но он был естествен, он был неизбежен, покуда не явилось это сознание» (стр. 219—220).

В словах Никитина не только полемика и раздражение: судя по его последней фразе, он сам понимал, что предшествующий этап его деятельности заключал в себе немало заблуждений. Рецензия Чернышевского, прямая и резкая, быть может даже не во всем справедливая, помогла, видимо, Никитину отчетливей постигнуть ложные тенденции его поэзии; она укрепляла в нем мысль о необходимости упорной и настойчивой борьбы за самобытность, за правду жизни. «В первом собрании моих стихотворений действительно много дряни», — писал он Майкову в 1858 году (стр. 234). Эта резкая и откровенная самооценка знаменовала большой внутренний рост поэта.

Любопытно, что вместе с упомянутым выше письмом к Краевскому Никитин послал стихотворение «Пахарь». Стихотворение должно было как бы опровергнуть категорические суждения Чернышевского о безжизненности и абстрактности поэзии Никитина и вместе с тем подчеркнуть ту творческую линию, которая теперь стала у Никитина господствующей.

5

Вторая половина 50-х годов отмечена была бурным общественным подъемом. Поражение в Севастопольской кампании воочию доказало всю несостоятельность существующего политического режима. «Колокол» Герцена мощно и сильно звучал на всю Россию. «Современник» становился все более влиятельной революционной трибуной. Крестьянские волнения нарастали. Самые различные слои общества были исполнены ожидания перемен.

Никитин оказался захваченным этим общественным подъемом. В письме к К. О. Александрову-Дольнику от 9 сентября 1857 года он подчеркнул, что сборник 1856 года — для него пройденный этап: «Издание моей книжки решительно было для меня несчастием...

Разумеется, отдавая графу Д. Н. Толстому мою рукопись, я первоначально радовался, но граф продержал ее у себя, или где бы там ни было, два года; в продолжение этого времени взгляд мой на многое изменился» (стр. 229).

Душевно обогащаясь, испытывая значительные перемены, Никитин вместе с тем, как и всякий подлинный художник, оставался верен себе, и в тех сложных изменениях, какие претерпевала его поэзия, мы обнаруживаем свое внутреннее единство. Он по-прежнему пристально вглядывается в трагические неустройства жизни, и по-прежнему его поэзия проникнута мечтой о справедливости, о счастье, о гармонии. Но теперь он эти свои заветные чаянья, раздумья и тревоги выражает по-иному. Он приходит к выводу, что эстетическое преодоление «грязной действительности» ничего не сулит. Он, как и Кольцов, убеждается, что предметом поэзии может и должен быть окружающий реальный мир во всей его прозаической повседневности; и, наконец, им все больше овладевает мысль о том, что поэзия должна не преображать жизнь в сладостной мечте, а служить делу практического преобразования этой жизни на началах справедливости и всеобщего счастья. Лейтмотив поэзии Никитина — тема социальной справедливости — развивается глубже и конкретней. Если раньше контрасты жизни носили некий всеобщий, «космический», универсальный характер и заключали в себе роковую неизбежность, если раньше человеческая жизнь в целом противостояла некой мыслимой и неосуществимой гармонии, то теперь в самых реальных условиях общественного бытия поэт видит вопиющую несправедливость.

Насколько значительны и серьезны были перемены в мировоззрении Никитина, можно видеть из сравнительного анализа нескольких его стихотворений, созданных в разное время на одну и ту же тему. В 1854 году поэт написал стихотворение «Бобыль». Оно отличается своими несомненными демократическими тенденциями, но вместе с тем лишено социально-политической остроты. Бедность, одиночество и бездомность и вместе с тем душевный размах — вот характерные черты его героя.

В 1858 году Никитин снова вернулся к этому стихотворению, но он так радикально переделал его, что в сущности получилось совершенно новое произведение.

Изменилась вся тональность стихотворения, весь его внутренний смысл. Если раньше бобыль видел еще какую-то опору в богаче и обе эти социальные силы — народ и имущие классы — существовали в стихотворении «Бобыль» как «параллельные», в крайнем случае посторонние друг другу силы, то в «Песне бобыля»

народ и имущие классы даны как антагонистические начала; угрозой звучат слова бобыля по адресу богачей в конце стихотворения.

Не менее показательно сопоставление двух других стихотворений, общих по своей теме, — «Старый мельник» (1854) и «Гнездо ласточки» (1856). Первое характерно своими идиллическими интонациями, заканчивается оно словами утешения, обращенными к мельнику:

Не тужи, старик!
Было пожито.
Хоть не сын, так внук
Вспомнит дедушку!

Есть на черный день
В сундуке казна,
В крепком закроме
Хлеб некупленый.

В стихотворении «Гнездо ласточки» Никитин снова возвращается к образу мельника. Но какая огромная разница между трактовкой этого образа раньше и теперь! Характерно, что верный социальный аспект не сразу был найден Никитиным. В первом варианте стихотворения мы читаем о герое: «Сам мельник-то и сед и крут, ворчит он сплошь на бедный люд» и т. д.

И только в окончательной редакции Никитин воссоздал образ жестокого хищника и эксплуататора:

В пыли, в муке, и лыс, и сед,
Кричит весь день про бедный люд:
Вот тот-то мот, вот тот-то плут...
Сам, старый черт, как зверь глядит,
Чужим добром и пьян, и сыт;
Детей забыл, жену извел;
Барбос с ним жил, барбос ушел...

От идиллического благонравия, от картин «светлого быта» и помину не осталось. Сейчас поэту ясна вся жестокая истина о голодающем, нищем мужике, о страдальческой жизни городской голытьбы, обо всех унижениях и муках, которые неизбежно сопутствуют жизни бедняка. Некрасовские мотивы приобретают все более сильное и острое звучание в творчестве Никитина.

Исходный пункт никитинской поэзии — мысль о несправедливости, царящей в мире, — наполняется конкретным социальным содержанием: народ, являющийся творцом материальных ценностей,

лишен необходимого, насущного, а трутни и насильники пользуются всеми благами земли. Эта мысль ярко выражена в стихотворении «Пахарь». В нем есть такие строки:

С ранней зорьки пашня черная
Бороздами подымается,
Конь идет — понурил голову,
Мужичок идет — шатается...

Уж когда же ты, кормилец наш,
Возьмешь верх над долей горькою?
Из земли ты роешь золото,
Сам-то сыт сухою коркою!

В письме к Краевскому Никитин подчеркивал, что из цензурных соображений он в своем произведении «смягчил истину». Мотивы, выраженные в «Пахаре», а также в стихотворении «Соха», вызвали наиболее резкие нападки на поэта со стороны его былых поклонников из второвского кружка.

Вслед за Кольцовым Никитин вводит в поэзию простых людей из народа. Но если Кольцов главным героем своего творчества избрал крестьянина, то Никитин расширяет круг персонажей. У него наряду с пахарем, наряду с деревенской беднотой фигурирует бурлак, ямщик, городская беднота. От прежнего своего понимания «прекрасного», от традиционных и общепринятых литературных условностей и абстракций Никитин пришел к конкретному раскрытию повседневных будничных трагедий в жизни народа. Его «простонародные» стихи, как он их сам называл, лишенные всяких следов искусственной приподнятости, производили сильное впечатление своей суровой и обнаженной правдой.

О том, насколько приблизился Никитин к лагерю революционной демократии в этот последний период его творчества, можно судить хотя бы по нескольким стихотворениям той поры, не предназначавшимся к печати и увидевшим свет лишь в 1906 году. В них нетрудно уловить даже революционные мотивы.

Крепостническую Россию поэт характеризует следующими словами:

Тяжкий крест несем мы, братья,
Мысль убита, рот зажат,
В глубине души проклятья,
Слезы на сердце кипят.

Русь под гнетом, Русь болеет;
Гражданин в тоске немой,

Явно плакать он не смеет,
Сын об матери больной!

Нет в тебе добра и мира,
Царство скорби и цепей,
Царство взяток и мундира,
Царство палок и плетей.

Поэт протестует против безропотной покорности и долготерпения. Никитин возвышается даже до оправдания революционного действия:

Уж всходит солнце земледельца!..
Забитый, он на месть не скор;
Но знай: на своего владельца
Давно уж точит он топор...

Ненависть к «тиранству», к помещичьему классу, горячее сочувствие народу и готовность оправдать даже революционные методы борьбы против насильников сближали Никитина с революционной демократией.

6

Обращение к народной жизни требовало от поэта и выработки соответствующих художественных средств. Чутьем художника поэт понимал, что жизнь народа таит в себе богатые источники поэтической выразительности и что нельзя изобразить эту жизнь, пользуясь традиционными приемами книжной лирики. Поиски и сомнения Никитина хорошо выражены в его письме к А. Н. Майкову от 17 января 1855 года. Он спрашивает Майкова: «не ошибусь ли я, исключительно обратившись к стихотворениям в простонародном духе?.. Некоторые говорят, что произведения подобного рода (разумею, не лирические, но взятые в виде отдельных сцен) прозаичны по своей положительности, что поэзия собственно состоит в образах, в романтизме, даже в некоторой неопределенности» (стр. 215).

И далее Никитин уже не столько спрашивает совета у Майкова, сколько излагает свои взгляды, явно враждебные эстетике «чистого искусства»: «Нет ничего легче, как написать стихотворение вроде следующего по содержанию: березы дремлют над водою, трава благоухает, даль тонет в прозрачной сини, где-то слышатся мелодические звуки кузнечика и т. п. ... привязать к этому какую-нибудь мысль — и картина готова. Не так легко даются стихотво-

рения простонародные. В них первое неудобство — язык! Нужно иметь особенное чутье... чтобы избегать употребления слов искусственных или тривиальных, одно такое слово — и гармония целого потеряна. Достоинство их то, что, по моему мнению, они могут быть или верными очерками взятого быта и нравов, или показывать свой собственный угол зрения низшего класса народа. Неужели подобные вещи лишены жизни, своего рода истории и общечеловеческого интереса? С этим мне трудно согласиться. Может быть, внешняя форма избрана мною ошибочно, но форма более искусственная дает более простора фантазии, а я, напротив, стараюсь сколько возможно ближе держаться действительности» (стр. 215).

Конечно, то, что Никитин просит совета у Майкова, свидетельствует о наивной непосредственности молодого поэта, который в ту пору, видимо, не совсем отчетливо представлял общественный смысл литературной позиции Майкова. Он был для Никитина просто большим авторитетом в делах искусства. Но, адресуясь к Майкову, он, как уже было указано, спорит по существу с поэзией и с теорией «чистого искусства». Стихотворение, которое «нет ничего легче написать», — с дремлющими березами, с благоухающей травой — это же не что иное, как довольно распространенные мотивы лирических стихотворений Фета, Щербины и того же Майкова. Такая поэзия не удовлетворяет Никитина. Он не согласен с теми, кто отрицает поэтичность «простонародных» стихов.

Настаивая на художественной сложности изображения этой жизни, он провозглашает и исходные принципы своего понимания задачи. Произведения «простонародные» рисуются ему в виде «отдельных сцен». Они должны быть или верными очерками быта и нравов или запечатлевать угол зрения низшего класса народа. Трудность художественной задачи состоит в том, что поэт при этом должен заботиться о языке, о гармонии целого, избегать вульгаризации и тривиальности.

Если говорить о стихотворениях Никитина зрелого периода, то среди них можно установить в основном три жанровых разновидности. Это то, что можно было бы назвать лирическими монологами — стихи на философские, общественно-политические и литературные темы; во-вторых, это пейзажные стихи и, в-третьих, стихотворные новеллы, произведения из народной жизни. Разумеется, это деление условно и относительно, но в каждой из этих разновидностей есть свои специфические черты.

В стихотворениях о народной жизни талант Никитина раскрылся с наибольшей силой. Именно они доставили поэту широ-

кую популярность. Произведения этого рода почти всегда сюжетны. В основе их лежит рассказ о событии. К жанру миниатюрной стихотворной новеллы Никитин обратился еще в 1854 году. Тогда он написал такие стихотворения, как «Рассказ крестьянки», «Рассказ ямщика». К 1856 году относится «Рассказ моего знакомого». Этот жанр несомненно привлекал Никитина прежде всего возможностью объективных описаний. С тяготением к повествовательной манере связаны ритмические особенности поэзии Никитина. Показательно, что из двухсот с лишним его стихотворений около ста написано дактилем, анапестом и амфибрахием — трехсложными размерами, которые в 50-е годы оказались наиболее приспособленными для выражения разговорной интонации.

Прокладывая свой путь в искусстве, упорно преодолевая шаблоны и ходячие истины «чистой» поэзии, для которой быт социальных низов был предметом, недостойным художника, Никитин обращался к жизни народа, вырабатывая свой собственный подход к использованию средств народной поэзии.

Примечательно, что в самый ранний период творчества Никитин усваивал средства фольклорной поэтики главным образом через Кольцова. Но художественная манера Кольцова сообщала им такой индивидуальный отпечаток, что в стихах Никитина они воспринимались как прямое подражание. В дальнейшем от имитации особенностей кольцовского фольклоризма Никитин отходил все больше. «Видно, этим размером мне не суждено писать. Так и быть! Честь имею кланяться этому размеру», — писал он, имея в виду фактуру стиха Кольцова (стр. 214).

По мере того как складывалась собственная никитинская поэтическая интонация, вырабатывался его самостоятельный метод использования средств народной поэзии. В пейзажных стихах и в лирических монологах фольклорный элемент у Никитина либо вовсе отсутствует, либо имеется в весьма незначительной дозе. Зато в стихах из народной жизни он представлен чрезвычайно богато. Правда, структура этих стихов (чаще всего трехсложные размеры) — не фольклорного происхождения, но зато лексика, синтаксис, образность, вся система художественной символики прямо и непосредственно связана с народной поэзией. Параллелизмы и постоянные эпитеты, уменьшительные слова и метафоры Никитин щедро черпал из народной поэзии.

Уже с начала XIX века начался важный процесс сближения книжной поэзии с фольклором. Мерзляков, Дельвиг, Цыганов и особенно Кольцов много сделали в этом направлении. На этом пути поэзия Никитина означала дальнейший шаг. Он не имити-

ровал фольклор, не подражал его внешним формам, но добивался внутреннего синтеза, органического сплава элементов книжной поэзии, ее жанров и приемов с поэтикой народного творчества.

Отличным образцом такого внутреннего слияния книжной поэзии с символикой народного творчества может служить знаменитая песня из стихотворения «Хозяин»:

На старом кургане, в широкой степи,
Прикованный сокол сидит на цепи.
Сидит он уж тысячу лет,
Всё нет ему воли, всё нет!
И грудь он когтями с досады терзает,
И каплями кровь из груди вытекает.
Летят в синеве облака,
А степь широка, широка...

Прямого соответствия в фольклоре этой песне нет. Но образ сокола со связанными крыльями, образ, который так сильно запечатлен в лирике Кольцова, восходит к народной поэзии. На основе фольклора Никитин сумел создать символическое обобщение большой силы. Если вспомнить, что стихотворение написано было в начале 60-х годов, когда в стране готовились отметить тысячелетие России, образ прикованного сокола, который томится уже тысячу лет, приобретал острое политическое звучание.

Большого мастерства достиг Никитин и в жанрах пейзажной лирики. По богатству и разнообразию красок, по живому ощущению всей силы и величия природы лучшие стихи Никитина стоят на уровне образцов русской классической поэзии. Но если раньше пейзаж Никитина носил абстрактный характер, причем поэт пользовался пейзажем лишь для того, чтобы создать контрастный фон для «грязной» и «горестной» действительности, то в зрелую пору творчества картины природы у Никитина насыщаются более реальными красками, все меньше становится в них нейтральных, «литературных» красот. Живописная сила Никитина-пейзажиста особенно проявилась в таких произведениях, как «Утро», «В темной чаще замолк соловей...», «Поездка на хутор» и других.

Природа у него не психологизирована, а дана в объективном описании. Не столько настроение, создаваемое ландшафтами, сколько красота самого пейзажа интересует поэта. Он подчеркивает в природе живописность, праздничность, яркость и разнообразие красок.

Отсюда преобладание зрительных эпитетов, метафор и сравнений: «На цветах роса изумрудная», «Небо ясное голубым шат-

ром пораскинулось» («Весна в степи»), «Белый снег сверкает синим огоньком» («Зимняя ночь в деревне»), «Помню я вечер весенний, розовый блеск облаков» («Три встречи»), «Над полями вечерняя зорька горит, алой краскою рожь покрывает; зарумянившись, лес над рекою стоит» и т. д.

Стремление к объективному описанию определило и принцип композиционного строения пейзажных стихотворений: сочетание картин в пространственной или временной последовательности или же сопоставление природы и человеческой жизни.

Таким образом, поэзия Никитина находит свою истинную сферу. Поэт становится самобытным художником, он освобождается от консервативных и религиозных настроений; гражданские мотивы, мотивы социального протеста становятся преобладающими в его творчестве. Зреет и крепнет его поэтическое мастерство.

7

Идейный и художественный рост Никитина выразился не только в разработке стихотворной новеллы на темы народной жизни, но и в создании социально-бытовой поэмы на современную тему. Для развития и укрепления демократической поэзии, для утверждения некрасовского направления это было явлением принципиально важным.

Поэзия «чистого искусства» имела дело с замкнутой областью лирических переживаний и созерцаний поэта. Уход от реальной действительности мешал созданию подлинного эпоса. На этой почве поэма с современной тематикой развиваться не могла. И вполне закономерно, что именно в демократической поэзии 50-х и 60-х годов, и в особенности в поэзии Никитина и Некрасова, этот жанр обрел новую и содержательную жизнь.

Об этом неопровержимо свидетельствует социально-бытовая поэма «Кулак» (1854—1857). Проблематика ее определялась теми философскими предпосылками, которые лежали в основе произведения. Напомним, что в раннем творчестве Никитина фигурировала некая общая категория, которую можно было бы назвать миропорядком. Можно было этим миропорядком возмущаться, видя его несовершенства и контрасты, можно было, подавляя свой протест, искать успокоения в идее божественного предопределения. Теперь же вместо абстрактной и универсальной категории миропорядка поэт выдвигает конкретное понятие социальной среды, общественных условий, которые окружают личность, формируют ее и либо

благоприятствуют раскрытию заложенных в ней добрых и светлых начал, либо нравственно калечат и губят ее.

В конце 50-х годов, в пору работы над поэмой, Никитин много и упорно размышлял над ролью и значением среды в человеческой судьбе. В письме к Матвеевой от 27 марта 1861 года есть, например, такие строки: «Люди — всюду люди, есть в них много хорошего, много есть и подленького, низкого, грязного. Вините в последнем их воспитание, окружающую их среду и проч. и проч., только менее всего вините их самих» (стр. 294).

Эти мысли о роли обстоятельств и среды в формировании человеческого характера обусловили многие важные особенности «Кулака».

В поэме явно выражено автобиографическое начало. Многими чертами своего характера, некоторыми обстоятельствами жизни Лукич напоминает отца поэта. Никитин щедро использовал в произведении свои личные впечатления. Надо сказать, что замысел поэмы был весьма смелым и даже рискованным. Избрать героем большого стихотворного повествования заурядного человека, или, точнее сказать, человека, примечательного лишь своими плутнями и неудачами, — на это не всякий поэт отважился бы. Следует, впрочем, оговориться, что и Никитин не свел свою поэму к одним только злоключениям героя. Он раздвинул рамки повествования и нарисовал широкую картину нравов, жизни и быта большого провинциального города, во всех его гранях, со всеми его социальными контрастами.

Вступительная часть первой главы звучит торжественно и местами напоминает патетические строки пушкинского «Медного всадника». Очевидно, объясняется это тем, что в начальных стихах поэмы воссоздается величавая эпическая картина одного из южных форпостов России, созданных тем же Петром, которому посвятил свою поэму и Пушкин. Никитин рисует облик большого города Воронежа, который вознесся громадами каменных домов, живет кипучей и деятельной жизнью. И полным контрастом этому служат «избенки бедняков». Поэт сравнивает их с нищими в нарядной толпе:

В дырявых шапках, с костылями,
Они ползут по крутизнам
И смотрят тусклыми очами
На богачей по сторонам.

Так тема противоречия между нищетой и богатством служит как бы введением в повествование.

В одном из таких домишек «горюет» с женой и дочерью герой поэмы «Кулак» — Карп Лукич. Такова экспозиция произведения. В ней заключена и завязка последующих драматических событий.

Лукич — мелкий торгаш, с трудом перебивающийся всякого рода плутнями. Его дочь Саша, красивая и умная девушка, любит соседа — столяра Васю. Но отец ни за что не хочет выдать за него свою дочь. «Сосед наш честен, всем хорош, — рассуждает он, — да голь большая — вот причина». Лукичу хочется выгодным браком дочери поправить свои дела. Выбор его останавливается на преуспевающем купце Тараканове. Несмотря на любовь Саши к Васе, несмотря на все муки молодых влюбленных, вынужденный брак состоялся. Однако надежды и расчеты Лукича потерпели полный крах. Ему пришлось заложить дом, чтобы снарядить приданое дочери. Зять оказался черствым и жадным торгашом. Он даже и слышать не хотел о том, чтобы помочь тестю. Лукич вынужден оставить свой дом и перебраться в жалкую конуру. Он прибегает даже к кражам. Все это он делает для того, чтобы как-нибудь прокормить свою полуголодную семью. От горя и непосильного труда умирает жена его Арина. В заключительных эпизодах мы видим пьяного и несчастного Лукича, одинокого и заброшенного. Единственный человек, который протягивает ему руку помощи, — это тот самый Вася, чье счастье он так безжалостно растоптал.

Таков простой и естественно развивающийся сюжет поэмы. В нем и нашла выражение мысль о зависимости человеческого поведения от условий жизни. Лукич, доказывает Никитин, не был лишен хороших задатков. Но среда, условия его бытия оказались таковы, что это хорошее заглохло в нем, и, напротив, в его натуре проявились порочные черты. Эти отрицательные качества своего героя Никитин рисует прямо и открыто. Лукич — кулак. Слово это употреблено поэтом не в его современном значении. В словаре В. И. Даля дано одно из значений этого слова, которое имел в виду Никитин: «перекупщик, переторговщик... особенно в хлебной торговле, на базарах и пристанях, сам безденежный, живет обманом, обсчетом, обмером».

Лукич душевно черствый человек. Он готов пресмыкаться перед сильными мира сего, и вместе с тем он без конца тиранит своих родных. Его «философия» проста и цинична: «На то, к примеру, в море щука, чтоб не дремал карась».

Но, рисуя этот во многих отношениях отталкивающий образ, Никитин вместе с тем призывает к снисходительности. Он доказывает: по сути дела не сам Лукич виноват в своем падении, а

жизненные обстоятельства, социальная среда, воспитавшая его, условия его существования. Следует отметить, что выдвижение вопроса о влиянии среды, о решающем ее значении для формирования личности имело в то время очень серьезный прогрессивный смысл. Если в человеческих пороках и страданиях повинны не отдельные личности, а обстоятельства, стало быть, для того, чтобы сделать человека прекрасным и добрым, нужно изменить эти обстоятельства — таков был тот революционный вывод, к которому приводила логика статей Чернышевского и Добролюбова.

Никитин таких радикальных выводов не делал. Он противопоставляет бедствиям и порокам Лукича идею честного труда. В заключительных строках поэмы, представляющих собой лирический монолог поэта, Никитин подчеркивает типичность Лукича и его судьбы. Обращаясь мысленно к своему герою, поэт восклицает: «Вас много! Тысячи кругом, как ты, погибли под ярмом». И тут же поэт уносится мечтой к тому времени, когда «минёт проказа века и воцарится честный труд».

При всем том в изображении трагической любви Саши, во всех бытовых и сатирических картинах поэмы раскрываются лучшие черты таланта Никитина — глубокое демократическое чувство, ненависть к эксплуататорским классам, острая и живая наблюдательность, пристальное внимание к новому социальному материалу.

С несомненной сатирической силой изображены в поэме «хозяева жизни» — преуспевающие дельцы, крупные и удачливые хищники. Таков помещик Долбин. Он считает крестьян мошенниками и ворами, которые разоряют его. Ведя паразитический образ жизни, он, однако, преисполнен дворянской спеси, и Никитин отмечает, сколько жестокости и бесчеловечности в его обращении с крепостными рабами.

Особенно рельефно изображены представители капиталистического предпринимательства — авантюристы, дельцы, лишенные совести и чести, готовые обмануть и разорить кого угодно, если это сулит им выгоду. Характерна в этой связи фигура подрядчика Скобеева. За какие-то темные делишки он находится под судом, что не мешает ему и теперь заниматься всякого рода нечистыми спекуляциями. Это циничный и безжалостный хищник.

Не менее колоритна фигура купца Пучкова. Он являет собой отвратительную смесь преступного стяжательства и ханжества. Многозначительна внешность его дома. Закрытый ставень кладовой «железом накрест заколочен». На амбарах — тяжелые замки, добро Пучкова сторожит свирепый пес. Показательна и биография этого человека. В юности он был взят у бедных родителей в богатый

купеческий дом. Хозяин, бездетный и немощный старик, полюбил Пучкова за бойкость и пристроил его к торговому делу. Но тот достойным образом отблагодарил своего благодетеля. Пучков ограбил хозяина и пустил его по миру. Теперь он хочет замолить свои многочисленные грехи ревностными богослужениями и душеспасительными разговорами о нравственности.

К тому же миру подлости и наживы принадлежит зять Лукича, купец Тараканов. Это делец новой формации. Он любит щегольнуть «ученой фразой», он не прочь порисоваться своим великодушием. Но это такой же бессердечный хищник, как и остальные. Когда умирает Арина, мать Саши, он не дает даже денег на похороны. Своего тестя он с холодной жестокостью обрекает на голодную смерть.

В ряду этих персонажей «Кулака» особое место занимает профессор семинарии Зоров. Позднее, в «Дневнике семинариста», Никитин развернет целую серию портретов духовных наставников юношества. В поэме профессор Зоров дан как эпизодический герой, но и в этом своем качестве он как нельзя более характеризует образ жизни высокопоставленных кулаков. Сын пономаря, изведавший нищету и унижения, Зоров сейчас богат и упивается своим успехом. Он без зазрения совести берет взятки и в своей жажде наживы нисколько не уступает Пучкову.

Так понятие кулачества — бесчестной наживы, преступного обмана — вырастает в символическое обобщение, характеризующее строй жизни в целом. Мысли такого рода вкладывает Никитин в уста Лукича:

Кулак... да мало ль их на свете?
Кулак катается в карете,
Из грязи да в князья ползет
И кровь из бедняка сосет...
Кулак во фраке, в полушубке,
И с золотым шитьем, и в юбке,
Где и не думаешь — он тут!
Не мелочь, не грошовый плут,
Не нам чета, — поднимет плечи,
Прикрикнет — не найдешь и речи,
Рубашку снимет, — всё молчи.
Господь суди вас, палачи!

Такой поворот темы естественно заключал в себе острый социальный протест против тех общественных отношений, когда жизнью заправляют «кулаки». И совершенно естественно, что в этой

связи возникал мотив социальной несправедливости. Так, в четырнадцатой главе поэмы Лукич видит, как по широкой улице под ливнем гонят на каторгу толпу арестантов в «халатах серого сукна». И, с состраданием думая о горестной участи несчастных, Лукич заключает: «Поди, Скобеевы живут, их в кандалы не закуют, не отдадут на покаянье». Поэт говорит о Скобеевых, то есть о людях типа преуспевающего дельца, которому сходят с рук все темные махинации и преступления.

Демократические убеждения поэта выразились и в обрисовке положительных персонажей — жены Лукича Арины, его дочери Саши и столяра Васи. Изображая с большой симпатией и теплотой этих людей, Никитин страстно протестует против домостроевских нравов, против семейного деспотизма, против тирании, которая способна загубить человека, лишить его радости и счастья.

В «Кулаке» Никитин продемонстрировал свое возросшее мастерство в построении большого эпического произведения, в изображении природы и в лепке характеров.

Пейзажные зарисовки в поэме играют роль как бы некоего эмоционального комментария. Так, картина утра служит прелюдией к горестным раздумьям столяра, а изображение ненастья в четырнадцатой и в начале восемнадцатой и девятнадцатой глав как бы предсказывает роковые события в жизни Лукича; картина бури сопровождает сцены болезни и смерти Арины. Пейзаж, стало быть, дается либо по контрасту с тем, что воспроизводится в поэме, либо усиливает впечатление от изображаемого.

С большим мастерством Никитин сумел передать индивидуальные особенности языка персонажей поэмы. Колоритна речь самого Лукича с ее различными эмоциональными оттенками — от заискивания до повелительных интонаций. Удачно выражен и речевой колорит других персонажей — ученый язык Зорова, песенный склад речи Саши, просторечье свахи, неуклюжее языковое щегольство Тараканова.

В авторской речи заметны элементы народно-бытовой лексики. Таковы, например, областные слова «смотрушки» (смотрины), «горенка», «миса», «краснорядцы».

8

Поэма «Кулак», а также вышедший в 1859 году второй сборник стихотворений свидетельствовали о решительной победе в поэзии Никитина демократических и реалистических принципов.

Из первого сборника 1856 года Никитин отобрал для нового

издания лишь одну треть стихотворений. Да и оставшиеся двадцать стихотворений он включил, предварительно подвергнув тщательной переработке многие из них. Он отбросил стихи, проникнутые религиозным и консервативным духом, отверг также и те произведения, которые отличались подражательным характером.

Идейная и художественная эволюция Никитина встретила явное сопротивление у консервативно настроенных участников кружка Второва. Особую тревогу и раздражение вызывали эти перемены в Никитине у Нордштейна. «„Кулак" кончен, — писал Нордштейн в 1856 году. — Поздравляю. А за стихотворение «Рассказ моего знакомого» не благодарю: что мне читать подражания Некрасову».[1] И далее Нордштейн длинно и подробно поучает Никитина. Смысл этих поучений ясен: каждый человек должен довольствоваться тем, что ему выпало на долю, и не пытаться бунтовать против существующего порядка вещей.

Когда же Нордштейну стало известно стихотворение «Пахарь», он со всей резкостью возражал против новых тенденций в поэзии Никитина и порицал поэта за то, что в «Пахаре» — «мысль коммунистическая». Письма Нордштейна были попыткой «уберечь» поэта от «вредных увлечений», в частности от влияния Искандера (Герцена), вернуть его на стезю «благонамеренности». Эта попытка не увенчалась успехом. Никитин шел своим путем.

Существенные изменения в творчестве Никитина не оставались незамеченными и в лагере революционных демократов. В какой мере изменилось отношение к Никитину с их стороны, видно по статьям Добролюбова и другим отзывам «Современника».

Первая рецензия Добролюбова подробно анализирует поэму «Кулак». Если Чернышевский утверждал, разбирая сборник 1856 года, что Никитин способен только на перепевы с чужого голоса, то уже в 1858 году Добролюбов с явным чувством удовлетворения отмечает в поэме «Кулак», с одной стороны, обстоятельное знание того быта, который Никитин описывает, а с другой — ясное понимание того характера, который поэт поставил в центре своего произведения.

В нравственном падении героя никитинской поэмы Добролюбов видит результат социальных отношений, и объективный смысл поэмы для него заключается в необходимости изменения условий общественной жизни. Поэму «Кулак» Добролюбов рассматривает как значительное и яркое выражение демократической литературы.

---

[1] Письмо А. П. Нордштейна к Никитину от 26 апреля 1856 г. — ПД, фонд Де-Пуле.

Во второй рецензии — на сборник стихотворений Никитина, изданный в 1859 году, — Добролюбов, напомнив об отзыве Чернышевского, замечает: «Из стихотворений прежнего издания около половины выкинуто в новом. Просматривая эти выкинутые пьесы, мы заметили, что автор руководился при этом соображениями очень основательными». [1]

Нисколько не скрывая слабых сторон поэзии Никитина и подчеркивая, что и в издании 1859 года имеются эпигонские стихи, Добролюбов тем не менее возлагает серьезные надежды на Никитина. Сборник 1859 года, по мнению Добролюбова, свидетельствует о том, что страдания нищеты, сознание обид и несправедливостей сильно были прочувствованы самим поэтом и стали близки его душе. Далее Добролюбов указывает: «На изображениях картин этой жизни, этих впечатлений и уроков житейского опыта может развернуться талант г. Никитина». [2]

Добролюбов призывает поэта проникнуться последовательным революционным мировоззрением: «Нужно выработать в душе твердое убеждение в необходимости и возможности полного исхода из настоящего порядка этой жизни для того, чтобы получить силу изображать ее поэтическим образом». [3]

Разумеется, Добролюбов мог обратиться с этими многозначительными словами к Никитину только потому, что в творчестве поэта он видел черты, близкие и родственные революционной демократии.

Не следует думать, что эволюция Никитина шла только по восходящей прямой. Были у Никитина и на последнем этапе либеральные предрассудки, были мотивы смирения, были и политические иллюзии и заблуждения.

Все писавшие о Никитине останавливали внимание на том, как отнесся поэт к реформе 1861 года. Вопрос об отмене крепостного права самым живым и непосредственным образом волновал поэта. Никитин, отлично знавший положение крепостного крестьянства, всем сердцем желал уничтожения рабской неволи. Но в его отношении к реформе сказалась известная двойственность, которая отличала взгляды поэта от позиции революционных демократов. Чернышевский с самого начала подчеркивал грабительский характер реформы, осуществленной руками крепостников и в угоду крепост-

---

[1] Н. А. Добролюбов. Собр. соч., т. 6. М.—Л., 1963, стр. 158.

[2] Там же, стр. 169.

[3] Там же, стр. 167.

никам. Но Никитину не были свойственны в оценке реформы твердость и определенность революционных демократов. Вскоре после провозглашения манифеста в марте 1861 года Никитин говорил, что его огорчило то равнодушие, с которым городское население встретило манифест, что освобождение крестьян будет лучшею страницей в истории царствования Александра II (стр. 293).

Никитин не мог не заметить того, что крестьянство не удовлетворено пресловутой реформой и что социальных противоречий она не разрешила, но революционных выводов отсюда он все же не делал. Таким образом, творчество Никитина даже в этот период не освободилось до конца от мотивов социального бессилия, которые были свойственны ему раньше.

Но Никитин не был поэтом смирения, как это пыталось доказать буржуазное литературоведение. В таких стихотворениях последних лет, как «Хозяин», в образе «прикованного сокола» Никитину удалось выразить муку и гнев порабощенного народа. Вера в силы народа, разоблачение темных сил, стоящих на пути его развития, — вот что воодушевляло Никитина. В этом смысле характерно его последнее крупное поэтическое произведение — поэма «Тарас».

9

Поэма «Тарас» окончательно сложилась в 1860 году. Поставленная в ней проблема сильного и цельного характера, его борьбы с враждебными жизненными обстоятельствами занимала Никитина издавна.

Любопытно, что Нордштейн советовал поэту разрешить эту тему в духе назидательных повествований славянофильского толка. Но такое направление мысли было чуждо Никитину.

А. С. Суворин, который, живя в Воронеже, общался с Никитиным, указывает, что поэма задумана была широко: Тарас должен был пробиться сквозь тьму препятствий, побывать во всех углах России, падать и подыматься и выйти все-таки из борьбы победителем. Никитин хотел сделать этот образ олицетворением силы и нравственной красоты народного характера. Трудно сказать, в какой мере достоверно свидетельство Суворина. Но факт таков, что поэма с большой яркостью выразила порыв к широкой и вольной жизни.

Открывается поэма лирическим вступлением на тему о нищете и горе народа. Некрасовские интонации в этом лирическом зачине звучат очень ясно. Поэт восклицает:

Нужда, нужда! Всё старые избенки,
В избенках сырость, темнота;
Из-за куска и грязной одежонки
Все бьются... прямо нищета!

Но в народной массе, порабощенной и придавленной, пробуждаются живые, энергичные, ищущие счастья и доли, сильные и цельные люди. Такой натурой обрисован Тарас.

Сопоставление разных вариантов текста поэмы показывает, как в последних редакциях Никитин усиливал социальные мотивы в поведении своего героя. Первоначально Тарас был изображен как беспокойный и непоседливый человек. Поэма называлась «Сорока». Теперь же герой дан в его страстных порывах к счастью, к большой и разумной жизни.

Сын крестьянина-бедняка, Тарас с детства познал и нужду, и труд, и выходки пьяного отца. Но вопреки всем враждебным обстоятельствам он вырос в стойкого и отважного человека. Характерная черта Тараса — чувство человеческого достоинства, гордости. Поэт подчеркивает, что Тарас «головы не клонит в темной доле ни перед кем и никогда». Знаменательно то, что Никитин делает Тараса борцом за социальную справедливость: «Чуть мироед на бедняка наляжет — Тарас уж тут. Глаза блестят, лицо бледнеет... «Ты не трогай», — скажет...»

Тарас готов, не жалея сил, трудиться. Но он хочет, чтобы труд дал ему возможность по-человечески жить. И он уезжает из родного села в поисках «счастья и добра». Несмотря на силу и ловкость в работе, несмотря на любовь к труду, он этой счастливой доли так и не находит. В его сознании возникают мрачные и безысходные мысли. «Трудись... трудись... но жить когда?» — размышляет он. Радости и счастья он не видит «в суровой доле мужика», и Тарас стремится понять, «кем он проклят, проливая в поле кровавый пот из-за куска»?

Тарас погибает, спасая тонущего плотника. Сама смерть его многозначительна: он гибнет во имя спасения человеческой жизни. Никитин так и не нашел приложения силам Тараса. Но самый образ мужественного и самоотверженного человека, не удовлетворяющегося жизнью, ищущего счастья и доли, — характеризовал знаменательные процессы, происходившие в среде народа.

Насколько изменилось отношение к Никитину со стороны революционной демократии, помимо рецензий Добролюбова, можно видеть из одобрительного отзыва «Современника» о поэме «Тарас» и «Дневнике семинариста», принадлежавшего видному критику этого журнала М. А. Антоновичу.

* * *

В общем развитии русской литературы Никитин сыграл видную роль. 20-е и 30-е годы были периодом блистательного расцвета русской поэзии. Но в конце 30-х — начале 40-х годов она понесла невозместимые утраты: гибель Пушкина, Лермонтова, Кольцова. 40-е годы явились временем относительного затишья в поэзии. Интерес к ней снизился. 50-е годы — период нового подъема поэтического творчества. И эта новая волна вызвана была новыми условиями, новой обстановкой в стране, требовавшей не просто повторения того, что было раньше, а новых слов и новых песен. Перед русской поэзией встала важнейшая задача дальнейшего углубления демократических тенденций. Ярче всех эту потребность истории выразил Некрасов, но и талант Никитина развернулся широко и ярко потому, что он откликнулся на эту внутреннюю и властную потребность эпохи.

Никитин не стал поэтом некрасовского масштаба ни по художественному уровню своей поэзии, ни по своей идейной устремленности. Но следует признать, что из поэтов некрасовского направления творчество его — самое крупное явление.

Среди современников Никитина были и более искусные и тонкие мастера. И все же голос поэта дошел до наших дней именно потому, что Никитин чутко и отзывчиво вслушался в думы и чаяния народных масс и сумел выразить их словами, которые шли от самого сердца. Яркость и социальную значительность творчества Никитина отмечал Горький. В книге «Современные рабоче-крестьянские поэты» (Иваново-Вознесенск, 1925), в которой собрано шестьдесят четыре автобиографии, подавляющее большинство участников ее указывает, что стихи Никитина нередко были для них стимулом к поэтическому творчеству.

Представители царской администрации относились ко многим стихотворениям поэта с недоверием и опаской, причисляя их автора к ряду «неблагонамеренных писателей». Пролетарская революция всегда отдавала Никитину должное. Когда в 1918 году Совнарком постановил воздвигнуть памятники выдающимся деятелям революционного движения, науки и искусства, среди лиц, память которых рабочий класс увековечивал, было и имя Никитина.

Наше время отделяет заблуждения и ошибки Никитина от того здорового и неумирающего, что содержится в его творчестве. Нам дорога поэзия Никитина, проникнутая сочувствием и любовью к простому человеку, страстной жаждой социальной справедливости и общенародного счастья.

Л. Плоткин

СТИХОТВОРЕНИЯ

* * *

Тихо ночь ложится
На вершины гор,
И луна глядится
В зеркала озер;

Над глухою степью
В неизвестный путь
Бесконечной цепью
Облака плывут;

Над рекой широкой,
Сумраком покрыт,
В тишине глубокой
Лес густой стоит;

Светлые заливы
В камышах блестят,
Неподвижно нивы
На полях стоят;

Небо голубое
Весело глядит,
И село большое
Беззаботно спит.

Лишь во мраке ночи
Горе и разврат
Не смыкают очи,
В тишине не спят.

1849

ВЕСНА В СТЕПИ

Степь широкая,
Степь безлюдная,
Отчего ты так
Смотришь пасмурно?

Где краса твоя,
Зелень яркая,
На цветах роса
Изумрудная?

Где те дни, когда
С утра до ночи
Ты залетных птиц
Песни слушала,

Дорогим ковром
Расстилалася,
По зарям, сквозь сон,
Волновалася?

Когда в час ночной
Тайны чудные
Ветерок тебе
Шептал ласково,

Освежал твою
Грудь открытую,
Как дитя, тебя
Убаюкивал?..

А теперь лежишь
Мертвецом нагим;
Тишина вокруг,
Как на кладбище...

Пробудись! Пришла
Пора прежняя;
Уберись в цветы,
В бархат зелени;

Изукрась себя
Росы жемчугом;
Созови гостей
Весну праздновать.

Посмотри кругом:
Небо ясное
Голубым шатром
Пораскинулось,

Золотой венец
Солнца красного
Весь в огнях горит
Над дубравою,

Новой жизнию
Веет теплый день,
Ветерок на грудь
К тебе просится.

1849

ПОЛЕ

Раскинулось поле волнистою тканью
И с небом слилось темно-синею гранью,
И в небе прозрачном щитом золотым
Блестящее солнце сияет над ним;
Как по морю, ветер по нивам гуляет
И белым туманом холмы одевает,
О чем-то украдкой с травой говорит
И смело во ржи золотистой шумит.
Один я... И сердцу и думам свобода...
Здесь мать моя, друг и наставник — природа.
И кажется жизнь мне светлей впереди,
Когда к своей мощной, широкой груди
Она, как младенца, меня допускает
И часть своей силы мне в душу вливает.

1849

МОНАСТЫРЬ

Крестом высоким осененный,
Вдали от сел и городов,
Один стоишь ты, окруженный
Густыми купами дерёв.

Вокруг глубокое молчанье,
И только с шелестом листов
Однообразное журчанье
Живых сливается ручьев,

И ветерок прохладой веет,
И тень бросают дерева,
И живописно зеленеет
Полян высокая трава.

О, как сыны твои счастливы!
В твоем безмолвии святом
Они страстей своих порывы
Смирили бденьем и постом;

Их сердце отжило для мира,
Ум с суетою незнаком,
Как будто светлый ангел мира
Их осенил своим крестом,

И внемлет вечное бог слово,
Их тяжкий труд благословив,
Святых молитв живое слово
И гимнов сладостный призыв.

1849

ЛЕС

Шуми, шуми, зеленый лес!
Знаком мне шум твой величавый,
И твой покой, и блеск небес
Над головой твоей кудрявой.

Я с детства понимать привык
Твое молчание немое
И твой таинственный язык
Как что-то близкое, родное.

Как я любил, когда порой,
Краса угрюмая природы,
Ты спорил с сильною грозой
В минуты страшной непогоды,
Когда больших твоих дубов
Вершины темные качались
И сотни разных голосов
В твоей глуши перекликались...

Или когда светило дня
На дальнем западе сияло
И ярким пурпуром огня
Твою одежду освещало.
Меж тем в глуши твоих дерев
Была уж ночь, а над тобою
Цепь разноцветных облаков
Тянулась пестрою грядою.

И вот я снова прихожу
К тебе с тоской моей бесплодной,
Опять на сумрак твой гляжу
И голос слушаю свободный.
И может быть, в твоей глуши,
Как узник, волей оживленный,
Забуду скорбь моей души
И горечь жизни обыденной.

1849

Н. Д.

Не отравляй минут успокоенья
Болезненным предчувствием утрат:
Таинственно небес определенье,
Но их закон ненарушимо свят.

И если бы от самой колыбели
Страдание досталося тебе —
Как человек, своей высокой цели
Не забывай в мучительной борьбе.

1849

* * *

Присутствие непостижимой силы
Таинственно скрывается во всем:
Есть мысль и жизнь в безмолвии ночном,
И в блеске дня, и в тишине могилы,
В движении бесчисленных миров,
В торжественном покое океана,
И в сумраке задумчивых лесов,
И в ужасе степного урагана,
В дыхании прохладном ветерка,
И в шелесте листов перед зарею,
И в красоте пустынного цветка,
И в ручейке, текущем под горою.

1849

ГРУСТЬ СТАРИКА

Жизнь к развязке печально идет,
Сердце счастья и радостей просит,
А годов невозвратный полет
И последнюю радость уносит.
Охладела горячая кровь,
Беззаботная удаль пропала,
И не прежний разгул, не любовь —
В душу горькая дума запала.
Всё погибло под холодом лет,
Что когда-то отрадою было,
И надежды на счастие нет,
И в природе всё стало уныло:
Лес, нахмурясь, как слабый старик,
Погруженный в тяжелую думу,
Головою кудрявой поник,
Будто тужит о чем-то угрюмо;

Ветер с тучею, с синей волной
Речь сердитую часто заводит;
Бледный месяц над сонной рекой,
Одинокий, задумчиво бродит...
В годы прежние мир был иной:
Как невеста, земля убиралась,
Что камыш, хлеб стоял золотой,
Степь зеленым ковром расстилалась,
Лес приветно под тень свою звал,
Ветер весело пел в чистом поле,
По ночам ярко месяц сиял,
Реки шумно катилися в море.
И, как пир, жизнь привольная шла,
Душа воли, простора просила,
Под грозою отвага была,
И не знала усталости сила.
А теперь, тяжкой грустью убит,
Как живая развалина ходишь,
И душа поневоле скорбит,
И слезу поневоле уронишь.
И подумаешь молча порой:
Нет, старик, не бывалые годы!
Меж людьми ты теперь уж чужой,
Лишний гость меж гостями природы.

1849

МРАМОР

Недвижимый мрамор в пустыне глухой
Лежал одиноко, обросший травой;
Дожди в непогоду его обмывали
Да вольные птицы на нем отдыхали.
Но кто-то художнику молвил о нем;
Взглянул он на мрамор — и ярким огнем
Блеснули его вдохновенные очи,
И взял он его, и бессонные ночи
Над ним проводил он в своей мастерской,
И камень под творческой ожил рукой.
С тех пор в изумленьи, с восторгом немым
Толпа преклоняет колени пред ним.

1849

* * *

Еще один потухший день
Я равнодушно провожаю
И молчаливой ночи тень,
Как гостя скучного, встречаю.
Увы! не принесет мне сна
Ее немая тишина!
Весь день душа болела тайно
И за себя и за других...
От пошлых встреч, от сплетен злых,
От жизни грязной и печальной
Покой пора бы ей узнать,
Да где он? Где его искать?

Едва на землю утро взглянет,
Едва пройдет ночная тень —
Опять тяжелый, грустный день,
Однообразный день настанет.
Опять начнется боль души,
На злые пытки осужденной,
Опять наплачешься в тиши
Измученный и оскорбленный.

1849

ТИШИНА НОЧИ

В глубине бездонной,
Полны чудных сил,
Йдут миллионы
Вековых светил.

Тускло освещенный
Бледною луной,
Город утомленный
Смолк во тьме ночной.

Спит он, очарован
Чудной тишиной,
Будто заколдован
Властью неземной.

Лишь, объят дремотой,
Закричит порой
Сторож беззаботный
В улице пустой.

Кажется, мир сонный,
Полный сладких грез,
Отдохнул спокойно
От забот и слез.

Но взгляни: вот домик
Освещен огнем;
На столе покойник
Ждет могилы в нем.

Он, бедняк голодный,
Утешенья чужд,
Кончил век бесплодный
Тайной жертвой нужд.

Дочери не спится,
В уголке сидит...
И в глазах мутится,
И в ушах звенит.

Ночь минет — быть может,
Христа ради ей
Кто-нибудь поможет
Из чужих людей.

Может быть, как нищей,
Ей на гроб дадут,
В гробе на кладбище
Старика снесут...

И никто не знает,
Что в немой тоске
Сирота рыдает
В тесном уголке;

Что в нужде до срока,
Может быть, она

Жертвою порока
Умереть должна.

Мир заснул... и только
С неба видит бог
Тайны жизни горькой
И людских тревог.

1849

КЛЕВЕТНИКАМ

Молвы язвительной и дерзкой
Внимая ложный приговор,
Стыжусь ответить бранью резкой
На необдуманный укор.

Гоненья зритель равнодушный,
Я испытал уже давно,
Что злобе черни малодушной
Ответ — презрение одно.

Пускай позор несправедливый
Она готовит мне в тиши, —
Грозу я встречу терпеливо
И сохраню покой души.

Моей невинности сознанье
И незапятнанная честь
Незаслуженное страданье
Дадут мне силы перенесть.

Я прав, — и этого довольно,
И, что бы ни было со мной,
Я не унижусь добровольно
Перед язвительной молвой:

Я не подам руки свободной
Ожесточенному врагу;
Скорей погибну благородно,
Но твердость воли сберегу.

1849

ПОХОРОНЫ

Парчой покрытая гробница,
Над нею пышный балдахин,
Вокруг задумчивые лица
И факелов огонь и дым,
Святых молитв напев печальный —
Вот всё, чем жизнь заключена!
И эта жизнь покрыта тайной,
Завеса смертью спущена...
Теперь скажи мне, сын свободы,
Зачем страдал, зачем ты жил?
Отведена царю природы
Сажень земли между могил.
Молчат в тебе любовь и злоба,
Надежды гордые молчат...
Зачем ты жил, усопший брат?..
Стучит земля по крышке гроба,
И, чуждый горя и забот,
Глядит бессмысленно народ.

1849

ПЕРЕМЕНА

Была пора невинности счастливой,
Когда свой ум тревожный и пытливый
Я примирял с действительностью злой
Святых молитв горячею слезой;
Когда, дитя беспечное свободы,
В знакомых мне явлениях природы
Величие и мысль я находил
И жизнь мою, как дар небес, любил.
Теперь не то: сомнением томимый,
Я потерял свой мир невозмутимый —
Единую отраду бытия,
И жизнь моя не радует меня...
Бывают дни: измученный борьбою,
В тиши ночной, с горячею мольбою
Склоняюсь я к подножию креста;
Слова молитв твердят мои уста,

Но сердце тем словам не отвечает,
И мысль моя бог знает где блуждает,
И сладких слез давно минувших лет
Ни на лице, ни на глазах уж нет.
Так, холодом темницы окруженный,
Скорбит порой преступник осужденный
И к прежним дням уносится мечтой
От горечи существенности злой,
Но бедняку лишь новое страданье
Приносит лет былых воспоминанье.

1849

ДУМА

В глубокой мгле холодного забвенья
Теряются народов поколенья,
Законы их, междоусобный спор,
И доблести, и слава, и позор.
Лицо земли печально изменилось,
И много царств великих сокрушилось
И скрылося под пеплом городов,
Лишь темный след исчезнувших веков —
Нестройное собрание обломков, —
Да вымыслы неведомых певцов
И письмена нам чуждых языков
От праотцов осталось для потомков...
Пройдут века, в событиях Вселенной
И мы мелькнем, как метеор мгновенный,
И, может быть, потомства поздний род
Забудет наш угаснувший народ.
Так! вечности не суждено земному;
Покорствуя всеобщему закону,
Всё умереть когда-нибудь должно;
Но жизнь одних, как чудное зерно,
Останется в самом процессе тленья
Залогом сил другого поколенья.
Да, не вотще под холодом времен
Идут ряды бесчисленных племен;
Наследники бессмертья и свободы,
Как дар благой, иным гостям природы

Мы отдаем в известный период
Свои права на жизнь, свой цвет и плод,
Окончив здесь вполне свое призванье —
Быть семенем в системе мирозданья.

1849

* * *

Бегут часы, недели и года,
И молодость, как легкий сон, проходит.
Ничтожный плод страданий и труда
Усталый ум в уныние приводит:
Утратами убитый человек
Глядит кругом в невольном изумленье,
Как близ него свой начинает век
Возникшее недавно поколенье.
Он чувствует, печалию томим,
Что он чужой меж новыми гостями,
Что жизнь других так скоро перед ним
Спешит вперед с надеждами, страстями;
Что времени ему дух новый чужд
И смелые вопросы незнакомы,
Что он теперь на сцене новых нужд
Уж не актер, а только зритель скромный.

Между 1849 и 1853

УЕДИНЕНИЕ

Приличий тягостные цепи
И праздность долгих вечеров
Оставил я для тихой степи
И тени сумрачных лесов.
Отшельник мира добровольный,
Природой дикой окружен,
Я здесь мечтою своевольной
Бываю редко увлечен:
Здесь под влияньем жизни новой
И вдохновенного труда

Разоблачает ум суровый
Мои минувшие года;
И, полный мира и свободы,
На жизнь вернее я гляжу
И в созерцании природы
Уроки сердцу нахожу.

Между 1849 и 1853

* * *

Когда, мой друг, в часы одушевленья
Далеких лет прекрасное значенье
Предузнает восторженный твой ум,
Как я люблю свободу этих дум!
Как радостно словам твоим внимаю,
А между тем и помню я и знаю,
Что нас судьба неверная хранит,
Что счастию легко нам изменить
И, может быть, в те самые мгновенья,
Когда на грудь твою в самозабвенье
Склоняюсь я горячей головой,
Быть может, рок нежданною грозой,
Как божий гром, закрытый облаками,
Уже готов обрушиться над нами.

Между 1849 и 1853

* * *

Уж и как же ты,
Моя жизнь, прошла,
Как ты, горькая,
Прокатилася!

В четырех стенах,
Под неволею,
Расцветала ты
Одинокою.

Верно, в час худой
Мать родимая

Родила меня,
Бесталанного,

Что я красных дней
Во всю жизнь не знал,
Не скопил добра,
Не нажил друзей;

Что я взрос себе
Только нá горе,
А чужим людям
На посмешище;

Что нужда и грусть
Да тяжелый труд
Погубили всю
Мою молодость.

Или в свете я
Гость непрошеный,
Судьбы-мачехи
Жалкий пасынок?

Или к счастию
Меж чужих дорог
И тропинки нет
Горемычному?..

У людей разгул,
Звонкий смех и песнь,
За большим столом
До рассвета пир;

У людей весна
Непрожитая,
Про запас казна,
В черный день друзья;

А подлé меня
Ни живой души,
Один ветр шумит
На пустом дворе.

Я сижу один
Под окном, в тоске,
Не смыкаю глаз
До полуночи.

И не знаю я,
Чем помочь себе,
Какой выбрать путь,
Не придумаю.

Оглянусь назад —
Пусто, холодно,
Посмотрю вперед —
Плакать хочется.

Эх, грустна была
Ты, весна моя,
Темней осени,
Хуже похорон;

И состарился
Я до времени,
А умру — мне глаз
Закрыть некому;

Как без радости
Прожил молодость,
Так и лягу в гроб
Неоплаканным;

И людской молве
На помин меня
Не останется
Ни добра, ни зла.

Уж как вспомню я
Тебя, жизнь моя, —
Сердце кровию
Обливается!

Между 1849 и 1853

ЖИЗНЬ

Прекрасны молодые годы,
Когда, не ведая утрат,
Картины жизни и природы
Мы начинаем изучать!
Когда надежды беззакатной
Звезда приветливо горит
И нам так много говорит
Желаний голос непонятный;
Когда в восторг приводит нас
Борьба и подвиг знаменитый,
И безыскусственный рассказ
О старине давно забытой,
И ночи мрак, и солнца блеск,
И утренней зари сиянье,
И музыкальный моря плеск,
И ветра тихое дыханье,
Степей безлюдье и простор,
Напевы бури заунывной,
И вечный снег пустынных гор,
И леса тень, и шум призывный...
И жить в ту пору мы спешим,
Вперед глядим нетерпеливо
И новой жизни перспективу
Узнать заранее хотим.
А между тем, как метеор,
Воображенье потухает,
И в книге жизни юный взор
Картины грустные встречает;
В душе является борьба
Глубокой веры и сомненья,
И вот беспечные года
Берут другое направленье.

Акт жизни прожит — и теперь
Иная сцена пред очами:

Для сердца перио́д потерь
Приходит с пылкими страстями;
Взамен забытых нами грез
Под пестротою маскарадной

Находим мы источник слез
В существенности безотрадной,
И, не умея примирять
Нужду с достоинством свободы,
Мы начинаем замечать
Противоречия в природе,
Не признавая в ней чудес.
И сколько грустных размышлений
В нас пробуждает интерес
Разнообразных впечатлений:
Терпимый в обществе разврат
И злоба сплетней утонченных,
Их горький смысл и результат,
И цель вопросов современных!..
Потом и эта колея
Приводит нас к явленьям новым.

Здесь акт последний бытия,
С его значением суровым:

Здесь наша жалкая судьба
Лишается блестящей маски,
И жизнь теряет навсегда
И светлый колорит, и краски,
И привлекательной весны
Очаровательные строки,
И прелесть яркой новизны,
И роскошь чудной обстановки,
И тише мы вперед идем,
Не видя цели сокровенной,
Колеблясь меж добром и злом,
Без истины определенной
О назначении своем;
Теперь не темная мечта
Ум занимает осторожный:
Нас мучит сердца пустота,
Страстей и горя плод ничтожный.
Нам тяжело припоминать
Минувшей молодости повесть,
Читать ее и усыплять
Неумолкающую совесть,
И в поколенье молодом

Казаться лишними гостями
С своим обманутым умом
И затаенными слезами,
В тоске безмолвно изнывать,
В надеждах лучших сомневаться,
В вопрос о жизни углубляться
И постепенно умирать.

Между 1849 и 1853

ВОСПОМИНАНИЕ О ДЕТСТВЕ

Однообразно и печально
Шли годы детства моего:
Я помню дом наш деревянный,
Кусты сирени вкруг него,
Подъезд, три комнаты простые
С балконом на широкий двор,
Портретов рамы золотые,
Разнохарактерный узор
Причудливых изображений
На белом фоне потолков —
Счастливый плод воображенья
Оригинальных маляров,
Лампадку перед образами,
Большой диван и круглый стол,
На нем часы, стакан с цветами,
Под ним узорчатый ковер...
С каким восторгом я встречал
Час утра летнею порою,
Когда над сонною землею
Восток безоблачный пылал
И золотистыми волнами,
Под дуновеньем ветерка,
Над полосатыми полями
Паров вставали облака!
С какой-то тайною отрадой
Глядел я на лазурь небес,
На даль туманную и лес
С его приветливой прохладой,
На цепь курганов и холмов,

На блеск и тень волнистой нивы,
На тихо спящие заливы
В зеленых рамах берегов.
Дитя степей, дитя свободы,
В пустыне рос я сиротой,
И для меня язык природы
Одной был радостью святой...
Зато как скучен я бывал,
Когда сырой туман осенний
Поля и дальние деревни,
Как дым свинцовый, одевал,
Когда деревья обнажались
И лился дождь по целым дням,
Когда в наш дом по вечерам
Соседи шумные сбирались,
Бранили вечный свой досуг,
Однообразный и ленивый,
А самовар, как верный друг,
Их споры слушал молчаливо
И пар струистый выпускал
Иль вдруг на их рассказ бессвязный
Какой-то музыкою странной,
Как собеседник, отвечал...
В ту пору, скукою томимый,
От шума их я уходил
И ночь за книгою любимой,
Забытый всеми, проводил,
Иль слушал няни устарелой
О блеске чудных царств и гор
Одушевленный разговор
Во мраке залы опустелой.

Между 1849 и 1853

* * *

Когда Невы, окованной гранитом,
Алмазный блеск я вижу в час ночной
И весел по освещенным плитам
Толпа людей мелькает предо мной —
Тогда на ум невольно мне приходит

Минувший век, когда среди болот,
Бывало, здесь чухонец бедный бродит,
Дитя нужды, болезней и забот,
Тот век, когда один туман свинцовый
Здесь одевал леса и небеса
И так была печальна и сурова
Пустынных вод холодная краса.
И с гордостью я вспоминаю тайной
Ум творческий великого царя,
Любуяся на город колоссальный —
Прекрасное создание Петра.

Между 1849 и 1853

* * *

Помоги ты мне,
Сила юная,
В роковой борьбе
С горькой долею!

Нет мне, бедному,
Ни в чем счастия,
И друзья в нужде
Меня кинули.

На пирах прошло
Мое золото,
Радость кончилась
С весной красною.

На кого ж теперь
Мне надеяться,
Под окном сидеть
Призадумавшись?

Ведь что прожито —
Не воротится.
Что погублено —
Не исправится.

Умереть иль жить,
Что бы ни было, —
Гордо встречу я
Горе новое.

Между 1849 и 1853

МОГИЛА

Густой травой поросшая могила,
Зачем к тебе неведомая сила
Влечет меня вечернею порой?
Зачем люблю я с грустию немой
Задумчиво глядеть сквозь сумрак лунный
На свежий твой курган и крест чугунный?..
О, сколько раз от клеветы людской
Я уходил отыскивать покой
И отдыхать от горького сомненья
Подле гробниц, в обители забвенья!
Как много здесь сокрыто навсегда
Безвременно погибшего труда,
Надежд, забот, добра и преступлений
И, может быть, высоких вдохновений!
И кто теперь в кустах густой травы
Укажет мне забытые холмы,
Где вечным сном спят кости гражданина,
Иль мудреца, или поселянина?..
Здесь все равны. Здесь слава и позор
Окончили между собою спор
И не дают ответа на призванье;
Одно только изустное преданье
Бросает луч на их минувший век...
О, как велик и беден человек!..

Между 1849 и 1853

ОТЪЕЗД

Прощайте, темные дремучие леса,
С необозримыми степями,
Ландшафты деревень и гор, и небеса,
Увенчанные облаками,

Сугробы снежные безжизненных пустынь,
Ночей суровые туманы,
И грозной вьюги шум, и тишина равнин,
И туч холодных караваны!

Прощайте, дикий бор и мурава лугов,
Ковры волнующейся нивы,
И зелень яркая цветущих берегов,
И рек широкие разливы!
Прости, прости и ты, напев родимый мой,
Мои возлюбленные звуки,
Так полные любви печальной и немой,
Разгула и глубокой муки!

Не знаю, может быть, уже в последний раз
Мои тоскующие взоры
Любуются на ваш сверкающий алмаз,
Во льду закованные горы.
Быть может, гроб один, а не покой души,
Я отыщу в стране далекой
И кости положу в неведомой глуши,
В песке могилы одинокой...

Зовут меня теперь иные небеса,
Иных долин благоуханье,
И моря синего угрюмая краса,
И стон, и грозное молчанье,
Величие и блеск сияющих дворцов,
Прохлада рощи кипарисной
И сумрак сладостный таинственных садов
С их красотою живописной.

Безмолвие и мрак подземных галерей,
Так полных вековых преданий,
Святыня древняя чужих монастырей,
Обломки колоссальных зданий,
Тысячелетние громады пирамид,
И храмов мраморных ступени,
И, при лучах луны, развалин чудный вид,
Жилище бывших поколений.

Там в созерцании природы и искусств —
Ума созданий благородных —
Найду ль я новый мир для утомленных чувств
Или простор для дум свободных?
Иль снова принесу на север мой родной
Сомненье прежнее и горе
И только в памяти останутся моей
Чужие небеса и море?

Между 1849 и 1853

* * *

Не плачь, мой друг! Есть много муки
И без того в моей груди;
Поверь мне, что лета разлуки
Не будут гробом для любви:
В какую б дикую пустыню
Я ни был увлечен судьбой,
Я сохраню мою святыню —
Твой образ в памяти моей.

Между 1849 и 1853

ВЕЧНОСТЬ

О грозная вечность,
Безмолвная вечность!
Какую ты скрыла
Великую тайну
За крепкой печатью —
За дверью могилы?
Что ты? Не одно ли
Ничтожное слово,
Пустая угроза
Толпы малодушной,
Дитя предрассудков,
Обманчивый призрак?..
Или ты граница
Обширной Вселенной,
Развязка явлений,
Уму непонятных,

Тяжелых для сердца,
И жизни прекрасной,
Разумно-духовной,
Сомнения чуждой, —
Священный источник?

О грозная вечность,
Безмолвная вечность!
Крепка твоя тайна;
Но разум мой верит,
Что ты существуешь:
Отрадно мне думать,
Что дух мой бессмертный
Есть вечный наследник
Бесплотного царства;
Что будет он видеть
Веков миллионы,
Миров разрушенье
И, может быть, новых
Прекрасных творений
Конец и начало;
И будет, как прежде,
Идти к совершенству,
Всегда оставаясь
Разумно-свободным.

Между 1849 и 1853

НЕБО

С глубокою думой
Гляжу я на небо,
Где, в темной лазури,
Так ярко сверкают
Планет мириады.
Чья мощная сила
Вращает их чудно
В таинственной сфере?
Когда и откуда
Тела их начало
Свое получили?
Какие в составе

Их тел неизвестных
Основою жизни
Положены части?
Какое имеют
Они назначенье
И кто бытия их
Всесильный виновник?

Уж много минуло
Суровых столетий;
Как легкие тени,
Исчезли народы,
Но так же, как прежде,
Прекрасна природа,
И нету песчинки,
Нет капли ничтожной,
Ненужной в системе
Всего мирозданья;
В ней всё служит к цели,
Для нас непонятной...
И пусть остается
Во мраке глубоком
Великая тайна
Начала творений;
Не ясно ль я вижу
Печать дивной силы
На всем, что доступно
Уму человека
И что существует
Так долго и стройно,
Всегда совершая
Процесс своей жизни
По общему смыслу
Законов природы;
И как мне поверить
Иль даже подумать,
Чтоб случай бессильный
Был первой причиной
Начала, законов
Движенья и жизни
Обширной вселенной?

Между 1849 и 1853

* * *

Что счастье? — бред воображенья,
Любовь — лишь чувственности дань;
Власть — бремя или униженье,
А дружба — лесть или обман.

Под маской радости беспечной
Сокрыта жизни нагота;
Наш эгоизм — вожатый вечный,
Свобода — жалкая мечта.

Между 1849 и 1853

НОЧЬ НА БЕРЕГУ МОРЯ

В зеркало влаги холодной
Месяц спокойно глядит
И над землею безмолвной
Тихо плывет и горит.

Легкою дымкой тумана
Ясный одет небосклон;
Светлая грудь океана
Дышит как будто сквозь сон.

Медленно, ровно качаясь,
В гавани спят корабли;
Берег, в воде отражаясь,
Смутно мелькает вдали.

Смолкла дневная тревога...
Полный торжественных дум,
Видит присутствие бога
В этом молчании ум.

1850

ДУБ

От темного леса далеко,
На почве бесплодно-сухой,
Дуб старый стоит одиноко,
Как сторож пустыни глухой.

Стоит он и смотрит угрюмо
Туда, где под сводом небес
Глубокую думает думу
Знакомый давно ему лес;

Где братья его с облаками
Ведут разговор по ночам
И дивы приходят толпами
Кружиться по свежим цветам;

Где ветер прохладою веет
И чудные песни поет,
И лист молодой зеленеет,
И птица на ветках живет.

А он, на равнине песчаной,
И пылью и мохом покрыт,
Как будто изгнанник печальный,
О родине милой грустит;

Не знает он свежей прохлады,
Не видит небесной росы
И только — последней отрады —
Губительной жаждет грозы.

1850

ТАЙНОЕ ГОРЕ

Есть горе тайное: оно
Вниманья чуждого боится
И в глубине души одно,
Неизлечимое, таится.
Улыбку холодом мертвит,
Опор не ищет и не просит

И, если горе переносит, —
Молчанье гордое хранит.
Не всякому нужна пощада,
Не всяк наследовать готов
Удел иль нищих, иль рабов.
Участье — жалкая отрада.
К чему колени преклонять?
Свободным легче умирать.

1850

ВЕЧЕР

Когда потухший день сменяет вечер сонный,
Я оставляю мой приют уединенный
И, голову свою усталую склонив,
Задумчиво иду под тень плакучих ив.
Сажусь на берегу и, грустной думы полный,
Недвижимый, гляжу на голубые волны,
И слушаю их шум и жалобный призыв,
И с жизнию моей я сравниваю их...
Вдали передо мной душистый луг пестреет,
Колышется трава, и желтый колос зреет,
И, тучных пажитей обильные плоды,
Стоят соломою накрытые скирды;
За гибким тростником глубокие заливы,
Как зеркала, блестят; на золотые нивы
Спускается туман прозрачною волной,
И зарево зари сияет над рекой.
И кажется мне, всё какой-то дышит тайной,
И забываю я тогда свой день печальный,
С оставленным трудом без жалобы мирюсь,
Гляжу на небеса и в тишине молюсь.

1850

КЛЮЧ

В глубоком ущелье, меж каменных плит,
Серебряный ключ одиноко звучит;
Звучит он и точит жемчужные слезы
На черные корни засохшей березы,

И катятся с камня те слезы ручьем,
Бесплодно теряясь в ущелье глухом.
Давно уж минули счастливые годы,
Когда он, любимец цветущей природы,
Алмазные брызги кругом рассыпал,
Когда его путник отрадою звал,
Когда дерева близ него вырастали,
И листья зеленые тихо шептали,
И сам он при свете блестящей луны
Рассказывал чудные были и сны.
Теперь, одинокий, зарос он травою,
Стал скуден и мутен, и знойной порою
К нему не приходит пробитой тропой
Измученный путник за чистой водой.
В ту пору, как горы туман одевает,
Над ним, как бывало, теперь не играет
Сверкающий месяц прозрачным лучом,
И звезды, как прежде, не смотрятся в нем.
Лишь старый скелет обнаженной березы
Глядит на его бесполезные слезы,
Да изредка ветер к нему прилетит
И с ним при мерцании звезд говорит
Про светлые реки и синее море,
Про славу их в свете и жизнь на просторе.

1850

НОЧЬ

Оделося сумраком поле. На темной лазури сверкает
Гряда облаков разноцветных. Бледнея, заря потухает.
Вот вспыхнули яркие звезды на небе одна за другой,
И месяц над лесом сосновым поднялся, как щит золотой;
Извивы реки серебристой меж зеленью луга блеснули;
Вокруг тишина и безлюдье: и поле и берег уснули;
Лишь мельницы старой колеса, алмаз рассыпая, шумят
Да с ветром волнистые нивы бог знает о чем говорят.
На кольях, вдоль берега вбитых, растянуты мокрые сети;
Вот бедный шалаш рыболова, где вечером резвые дети
Играют трепещущей рыбой и ищут в траве водяной
Улиток и маленьких камней, обточенных синей волной;

Как лебеди, белые тучи над полем плывут караваном,
Над чистой рекою спят ивы, одетые легким туманом,
И, к светлым струям наклонившись, сквозь чуткий,
прерывистый сон
Тростник молчаливо внимает таинственной музыке волн.

1850

* * *

Как мне легко, как счастлив я в тот миг,
Когда, мой друг, речам твоим внимаю
И кроткую любовь в очах твоих,
Задумчивый, внимательно читаю!
Тогда молчит тоска в моей груди
И нет в уме холодной укоризны.
Не правда ли, мгновения любви
Есть лучшие мгновенья нашей жизни!
Зато, когда один я остаюсь
И о судьбе грядущей размышляю,
Как глубоко я грусти предаюсь,
Как много слез безмолвно проливаю!

1850

ПОЭТУ

Нет, ты фигляр, а не певец,
Когда за личные страданья
Ждешь от толпы рукоплесканья,
Как милостыни ждет слепец;

Когда личиной скорби ложной
Ты привлекаешь чуждый взгляд
С бесстыдством женщины ничтожной,
Доставшей платье напрокат.

Нет, ты презрения достоин
За то, что дерзостный порок
Ты не казнил как чести воин,
Глашатай правды и пророк!

Ты пренебрег свой путь свободный,
К добру любовию согрет,
Не так бы плакал всенародно
От скорби истинный поэт!

Ты позабыл, что увядает
Наш ум в бездействии пустом,
Что истина в наш век страдает,
Порок увенчан торжеством;

Что мы, как дети, не развили
В себе возвышенных идей
И что позором заклеймили
Себя, как граждан и людей,

Что нет в нас сил для возрожденья,
Что мы бесчувственно влачим
Оковы зла и униженья
И разорвать их не хотим...

Об этом плачь в тиши глубокой,
Тогда народ тебя поймет
И, может быть, к мечте высокой
Его укор твой приведет.

1850, январь 1855

* * *

Когда закат прощальными лучами
Спокойных вод озолотит стекло,
И ляжет тень ночная над полями,
И замолчит веселое село,
И на цветах и на траве душистой
Блеснет роса, посланница небес,
И тканию тумана серебристой
Оденется темнокудрявый лес, —
С какою-то отрадой непонятной
На божий мир я в этот час гляжу
И в тишине природы необъятной
Покой уму и сердцу нахожу;

И чужды мне земные впечатленья,
И так светло во глубине души:
Мне кажется, со мной в уединеньи
Тогда весь мир беседует в тиши.

1851

* * *

Когда один, в минуты размышленья,
С природой я беседую в тиши, —
Я верю: есть святое провиденье
И кроткий мир для сердца и души.
И грусть свою тогда я забываю,
С своей нуждой безропотно мирюсь,
И небесам невидимо молюсь,
И песнь пою, и слезы проливаю...
И сладко мне! И жаль мне отдавать
На суд людской восторги вдохновений
И от толпы, как платы, ожидать
Пустых похвал иль горьких обвинений.
Глухих степей незнаемый певец,
Я нахожу в моей пустыне счастье;
Своим слезам, как площадной слепец,
Стыжусь просить холодного участья;
Печаль моя застенчиво робка, —
В родной груди скрываясь боязливо,
За песнь свою награды и венка
Не требует она самолюбиво.

1851

* * *

На западе солнце пылает,
Багряное море горит;
Корабль одинокий, как птица,
По влаге холодной скользит.

Сверкает струя за кормою,
Как крылья, шумят паруса;

Кругом неоглядное море,
И с морем слились небеса.

Беспечно веселую песню,
Задумавшись, кормчий поет,
А черная туча на юге,
Как дым от пожара, встает.

Вот буря... и море завыло,
Умолк беззаботный певец;
Огнем его вспыхнули очи:
Теперь он и царь и боец!

Вот здесь узнаю человека
В лице победителя волн,
И как-то отрадно мне думать,
Что я человеком рожден.

1851

ДИТЯТИ

Не знаешь ты тоски желаний,
Прекрасен мир твоей весны,
И светлы, чуждые страданий,
Твои младенческие сны.

С грозою жизни незнакома,
Как птичка, вечно весела,
Под кровлею родного дома
Ты рай земной себе нашла.

Придет пора — прольешь ты слезы,
Быть может, труд тебя согнет...
И детства радужные грезы
Умрут под холодом забот.

Тогда, неся свой крест тяжелый,
Не раз под бременем его
Ты вспомнишь о весне веселой
И — не воротишь ничего.

1851

ЮГ И СЕВЕР

Есть сторона, где всё благоухает;
Где ночь, как день безоблачный, сияет
Над зыбью вод и моря вечный шум
Таинственно оковывает ум;
Где в сумраке садов уединенных,
Сияющей луной осеребренных,
Подъемлется алмазною дугой
Фонтанный дождь над сочною травой;
Где статуи безмолвствуют угрюмо,
Объятые невыразимой думой;
Где говорят так много о былом
Развалины, покрытые плющом;
Где на коврах долины живописной
Ложится тень от рощи кипарисной;
Где всё быстрей и зреет и цветет;
Где жизни пир беспечнее идет.

Но мне милей роскошной жизни Юга
Седой зимы полуночная вьюга,
Мороз и ветр, и грозный шум лесов,
Дремучий бор по скату берегов,
Простор степей и небо над степями
С громадой туч и яркими звездами.
Глядишь кругом — всё сердцу говорит:
И деревень однообразный вид,
И городов обширные картины,
И снежные безлюдные равнины,
И удали размашистый разгул,
И русский дух, и русской песни гул,
То глубоко беспечной, то унылой,
Проникнутой невыразимой силой...
Глядишь вокруг — и на душе легко,
И зреет мысль так вольно, широко,
И сладко песнь в честь родины поется,
И кровь кипит, и сердце гордо бьется,
И с радостью внимаешь звуку слов:
«Я Руси сын! здесь край моих отцов!»

1851

РУСЬ

Под большим шатром
Голубых небес —
Вижу — даль степей
Зеленеется.

И на гранях их,
Выше темных туч,
Цепи гор стоят
Великанами.

По степям в моря
Реки катятся,
И лежат пути
Во все стороны.

Посмотрю на юг —
Нивы зрелые,
Что камыш густой,
Тихо движутся;

Мурава лугов
Ковром стелется,
Виноград в садах
Наливается.

Гляну к северу —
Там, в глуши пустынь,
Снег, что белый пух,
Быстро кружится;

Подымает грудь
Море синее,
И горами лед
Ходит пó морю;

И пожар небес
Ярким заревом
Освещает мглу
Непроглядную...

Это ты, моя
Русь державная,
Моя родина
Православная!

Широко ты, Русь,
По лицу земли
В красе царственной
Развернулася!

У тебя ли нет
Поля чистого,
Где б разгул нашла
Воля смелая?

У тебя ли нет
Про запас казны,
Для друзей стола,
Меча недругу?

У тебя ли нет
Богатырских сил,
Старины святой,
Громких подвигов?

Перед кем себя
Ты унизила?
Кому в черный день
Низко кланялась?

На полях своих,
Под курганами,
Положила ты
Татар полчища.

Ты на жизнь и смерть
Вела спор с Литвой
И дала урок
Ляху гордому.

И давно ль было́,
Когда с Запада

Облегла тебя
Туча темная?

Под грозой ее
Леса падали,
Мать сыра-земля
Колебалася,

И зловещий дым
От горевших сел
Высоко вставал
Черным облаком!

Но лишь кликнул царь
Свой народ на брань —
Вдруг со всех концов
Поднялася Русь.

Собрала детей,
Стариков и жен,
Приняла гостей
На кровавый пир.

И в глухих степях,
Под сугробами,
Улеглися спать
Гости нáвеки.

Хоронили их
Вьюги снежные,
Бури севера
О них плакали!..

И теперь среди
Городов твоих
Муравьем кишит
Православный люд.

По седым морям
Из далеких стран
На поклон к тебе
Корабли идут.

И поля цветут,
И леса шумят,
И лежат в земле
Груды золота.

И во всех концах
Света белого
Про тебя идет
Слава громкая.

Уж и есть за что,
Русь могучая,
Полюбить тебя,
Назвать матерью,

Стать за честь твою
Против недруга,
За тебя в нужде
Сложить голову!

1851

МОЛИТВА

О боже! дай мне воли силу,
Ума сомненье умертви, —
И я сойду во мрак могилы
При свете веры и любви.

Мне сладко под твоей грозою
Терпеть и плакать и страдать;
Молю: оставь одну со мною
Твою святую благодать.

1851

* * *

Вечер ясен и тих;
Спят в тумане поля;
В голубых небесах
Ярко пышет заря.

Золотых облаков
Разноцветный узор
Накрывает леса,
Как волшебный ковер;

Вот пахнул ветерок,
Зашептал в тростнике;
Вот и месяц взошел
И глядится в реке.

Что за чудная ночь!
Что за тени и блеск!
Как душе говорит
Волн задумчивый плеск!

Может быть, в этот час
Сонмы светлых духо́в
Гимны неба поют
Богу дивных миров.

1851

* * *

Бывают светлые мгновенья:
Мир ясный душу осенит;
Огонь святого вдохновенья
Неугасаемо горит.

Оно печать бессмертной силы
На труд обдуманный кладет;
Оно безмолвию могилы
И мертвым камням жизнь дает,

Разврат и пошлость поражает,
Добру приносит фимиам
И вечной правде воздвигает
Святой алтарь и вечный храм.

Оно не требует награды,
В тиши творит оно, как бог...
Но человеку нет пощады
В бездонном омуте тревог.

Падет на грудь заботы камень,
Свободу рук скует нужда,
И гаснет вдохновенья пламень,
Могучий двигатель труда.

1851, 1852

* * *

Суровый холод жизни строгой
Спокойно я переношу
И у небес дороги новой
В часы молитвы не прошу.

Отраду тайную находит
И в самой грусти гордый ум:
Так часто моря стон и шум
Нас в восхищение приводит.

К борьбе с судьбою я привык,
Окреп под бурей искушений:
Она высоких дум родник,
Причина слез и вдохновений.

1852

РАЗВАЛИНЫ

Как безыменная могила
Давно забытого жильца,
Лежат в пустыне молчаливой
Обломки старого дворца.
Густою пылию покрыла
Рука столетий камни стен
И фантастических письмен
На них фигуры начертила.
Тяжелый свод упасть готов,
Карниз массивный обвалился,
И дикий плющ вокруг столбов
Живой гирляндою обвился,
И моха желтого узор,
Однообразно испещренный,

Покрыл разбитые колонны,
Как чудно вытканный ковер.

Чье это древнее жилище,
Пустыни грустная краса?
Над ним так светлы небеса, —
Оно печальнее кладбища!
Где эти люди с их страстями
И позабытым их трудом?
Где безыменный старый холм
Над их истлевшими костями?..
Была пора, здесь жизнь цвела,
Пороки, может быть, скрывались
Иль благородные дела
Рукою твердой совершались.
И может быть, среди пиров
Певец, в минуты вдохновенья,
Здесь пел о доблестях отцов
И плакал, полный умиленья;
И песням сладостным его
В восторге гости удивлялись,
И дружно кубки вкруг него
В честь славных дедов наполнялись.
Теперь всё тихо... нет следа
Минувшей жизни. Небо ясно,
Как и в протекшие года,
Земля цветущая прекрасна...
А люди?.. Этот ветерок,
Пустыни житель одинокой,
Разносит, может быть, далеко
С их прахом смешанный песок!..

1852

КЛАДБИЩЕ

Как часто я с глубокой думой
Вокруг могил один брожу
И на курганы их гляжу
С тоской тяжелой и угрюмой.
Как больно мне, когда, порой,
Могильщик, грубою рукой

Гроб новый в землю опуская,
Стоит с осклабленным лицом
Над безответным мертвецом,
Святыню смерти оскорбляя.
Или когда в траве густой,
Остаток жалкий разрушенья,
Вдруг череп я найду сухой,
Престол ума и вдохновенья,
Лишенный чести погребенья.
И поражен, и недвижим,
Сомненья холодом облитый,
Я мыслю, скорбию томим,
Над жертвой тления забытой:
Кто вас в сон вечный погрузил,
Земли неведомые гости,
И ваши брошенные кости
С живою плотью разлучил?
Как ваше вечное молчанье
Нам безошибочно понять:
Ничтожества ль оно печать,
Или печать существованья?
В какой загадочной стране,
Невидимой и неизвестной,
Здесь кости положив одне,
Витает дух ваш бестелесный?
Чем занят он в миру ином?
Что он, бесстрастный, созерцает?
И помнит ли он о земном,
Иль всё за гробом забывает?
Быть может, небом окружен,
Жилец божественного света,
Как на песчинку смотрит он
На нашу бедную планету;
Иль, может быть, сложив с себя
Свои телесные оковы,
Без них другого бытия
Не отыскал он в мире новом.
Быть может, всё, чем мы живем,
Чем ум и сердце утешаем,
Земле как жертву отдаем
И в ней одной похороняем...
Нет! прочь бесплодное сомненье!

Я верю истине святой —
Святым глаголам откровенья
О нашей жизни неземной.
И сладко мне в часы страданья
Припоминать порой в тиши
Загробное существованье
Неумирающей души.

1852

ПЕВЦУ

Не пой о счастии, певец, не утешай
Себя забавою ничтожной;
Пусть это счастие невозмутимый рай,
Оно в наш век — лишь призрак ложный.
Пусть песнь твоя звучна, — она один обман
И обольстительные грезы:
Она не исцелит души глубоких ран
И не осушит сердца слезы.

Взгляни, как наша жизнь ленивая идет
И скучно и однообразно,
Запечатленная тревогою забот
Одной действительности грязной;
Взгляни на все плоды, которые в наш век
Собрать доселе мы успели,
На всё, чем окружен и занят человек
До поздних лет от колыбели.

Везде откроешь ты печальные следы
Ничтожества иль ослепленья,
Причины тайные бессмысленной борьбы,
Нетвердой веры и сомненья,
Заметишь грубого ничтожества печать,
Добра и чести оскорбленье,
Бессовестный расчет, обдуманный разврат
Или природы искаженье.

И многое прочтет внимательный твой взор
В страницах ежедневной жизни...
И этот ли слепой общественный позор
Оставишь ты без укоризны?

И не проснется вмиг в тебе свободный дух
Глубокого негодованья?
И ты, земной пророк и правды смелый друг,
Не вспомнишь своего призванья!

О нет! не пой, певец, о счастии пустом
В годину нашего позора!
Пусть песнь твоя меж нас, как правосудный гром,
Раздастся голосом укора!
Пусть ум наш пробудит и душу потрясет
Твое пророческое слово
И сердце холодом и страхом обольет
И воскресит для жизни новой!

1852, 1853

СТЕПНАЯ ДОРОГА

Спокойно небо голубое;
Одно в бездонной глубине
Сияет солнце золотое
Над степью в радужном огне;
Горячий ветер наклоняет
Траву волнистую к земле,
И даль в полупрозрачной мгле,
Как в млечном море, утопает;
И над душистою травой,
Палящим солнцем разреженный,
Струится воздух благовонный
Неосязаемой волной.
Гляжу кругом: всё та ж картина,
Всё тот же яркий колорит.
Вот слышу — тихо над равниной
Трель музыкальная звучит:
То — жаворонок одинокой,
Кружась в лазурной вышине,
Поет над степию широкой
О вольной жизни и весне.
И степь той песни переливам,
И безответна и пуста,
В забытьи внемлет молчаливом,
Как безмятежное дитя;

И, спрятавшись в коврах зеленых.
Цветов вдыхая аромат,
Мильоны легких насекомых
Неумолкаемо жужжат.
О степь! люблю твою равнину,
И чистый воздух, и простор,
Твою безлюдную пустыню,
Твоих ковров живой узор,
Твои высокие курганы,
И золотистый твой песок,
И перелетный ветерок,
И серебристые туманы...
Вот полдень... жарки небеса..
Иду один. Передо мною
Дороги пыльной полоса
Вдали раскинулась змеею.
Вот над оврагом, близ реки,
Цыгане табор свой разбили,
Кибитки вкруг постановили
И разложили огоньки;
Одни обед приготовляют
В котлах, наполненных водой;
Другие на траве густой,
В тени кибиток отдыхают;
И тут же, смирно, с ними в ряд,
Их псы косматые лежат,
И с криком прыгает, смеется
Толпа оборванных детей
Вкруг загорелых матерей;
Вдали табун коней пасется...
Их миновал — и тот же вид
Вокруг меня и надо мною;
Лишь дикий коршун над травою
Порою в воздухе кружит,
И так же лентою широкой
Дорога длинная лежит,
И так же солнце одиноко
В прозрачной синеве горит.
Вот день стал гаснуть... вечереет...
Вот поднялись издалека
Грядою длинной облака,
В пожаре запад пламенеет,

Вся степь, как спящая краса,
Румянцем розовым покрылась,
И потемнели небеса,
И солнце тихо закатилось.
Густеет сумрак... ветерок
Пахнул прохладою ночною,
И над уснувшею землею
Зарницы вспыхнул огонек.
И величаво месяц полный
Из-за холмов далеких встал
И над равниною безмолвной,
Как чудный светоч, засиял...
О, как божественно прекрасна
Картина ночи средь степи,
Когда торжественно и ясно
Горят небесные огни,
И степь, раскинувшись широко,
В тумане дремлет одиноко,
И только слышится вокруг
Необъяснимый жизни звук.
Брось посох, путник утомленный,
Тебе ненадобно двора:
Здесь твой ночлег уединенный,
Здесь отдохнешь ты до утра;
Твоя постель — цветы живые,
Трава пахучая — ковер,
А эти своды голубые —
Твой раззолоченный шатер.

1853

ХУДОЖНИКУ

Я знаю час невыразимой муки,
Когда один, в сомнении немом,
Сложив крестом ослабнувшие руки,
Ты думаешь над мертвым полотном;
Когда ты кисть упрямую бросаешь
И, голову свою склонив на грудь,
Твоих идей невыразимый труд
И жалкое искусство проклинаешь.

Проходит гнев, и творческою силой
Твоя душа опять оживлена,
И, всё забыв, с любовью терпеливой
Ты день и ночь сидишь близ полотна.
Окончен труд. Толпа тебя венчает,
И похвала вокруг тебя шумит,
И клевета в смущении молчит,
И всё вокруг колена преклоняет.
А ты, бедняк! поникнувши челом,
Стоишь один, с тоскою подавленной,
Не находя в создании своем
Ни красоты, ни мысли воплощенной.

1853

* * *

Не повторяй холодной укоризны:
Не суждено тебе меня любить.
Беспечный мир твоей невинной жизни
Я не хочу безжалостно сгубить.
Тебе ль, с младенчества не знавшей огорчений,
Со мною об руку идти одним путем,
Глядеть на зло и грязь и гаснуть за трудом,
И плакать, может быть, под бременем лишений,
Страдать не день, не два — всю жизнь свою страдать!..
Но где ж на это сил, где воли нужно взять?
И что тебе в тот час скажу я в оправданье,
Когда, убитая и горем и тоской,
Упреком мне и горькою слезой
Ответишь ты на ласки и лобзанье?
Слезы твоей себе не мог бы я простить...
Но кто ж меня бесчувствию научит
И, наконец, заставит позабыть
Всё, что меня и радует и мучит,
Что для меня, под холодом забот,
Под гнетом нужд, печали и сомнений, —
Единая отрада и оплот,
Источник дум, надежд и песнопений?..

1853

ЗАСОХШАЯ БЕРЕЗА

В глуши на почве раскаленной
Береза старая стоит;
В ее вершине обнаженной
Зеленый лист не шелестит.

Кругом, сливаясь с небесами,
Полуодетыми в туман,
Пестреет чудными цветами
Волнистой степи океан.

Курганы ярко зеленеют,
Росу приносят вечера,
Прохладой тихой ночи веют,
И пышет заревом заря.

Но беззащитная береза
Глядит с тоской на небеса,
И на ветвях ее, как слезы,
Сверкает чистая роса;

Далёко бурею суровой
Ее листы разнесены,
И нет для ней одежды новой
И благодетельной весны.

1853

* * *

Привет мой вам, угрюмый мрак ночей
И тишина безжизненных полей,
Одетые сырым туманом степи
И облаков неправильные цепи,
Холодное сияние небес
И инеем осеребренный лес!

Привет мой вам, мороз и непогода!
Теперь, вдали от шума и народа,
В часы ночей, за сладостным трудом,

В моем углу, и скромном, и спокойном,
И тишиной глубокой окруженном,
Я отдохну и сердцем и умом.

Пускай сыны тщеславия и лени,
Поклонники мгновенных наслаждений,
Изысканность забав своих любя,
В них радости находят для себя
И на алтарь непостоянной моды
Несут, как дань, часы своей свободы!

Милее мне мой уголок простой,
Божественной иконы лик святой,
И перед ним горящая лампада,
И тихий труд, души моей отрада, —
Здесь всё, к чему привык я с давних пор,
Что любит мой неприхотливый взор.

Мне кажется: живу я в мире новом,
Когда один, в безмолвии суровом,
Забыв весь шум заботливого дня,
Недвижимый, сижу я близ огня
И летопись минувшего читаю,
И скромный стих задумчиво слагаю.

И грустно мне, когда дневной рассвет
Меня от дум любимых оторвет;
Когда рука действительности строгой
Укажет мне печальную дорогу,
И всё мое вниманье поглотит,
И все мои восторги умертвит.

1853

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ

Невидимой цепью
Жизнь связана тесно
С таинственной смертью.
И в самом начале
Зародыша жизни

Сокрыта возможность
Его разрушенья,
И в жалких остатках
Ничтожного праха
Таятся начала
Для будущей жизни...
Так годы проходят
И целые веки,
И всё поглощает
Могущество смерти,
Всегда оставаясь
Источником жизни;
И так существует
Доселе природа,
Служа колыбелью
И вместе могилой.

1853

УСПОКОЕНИЕ

О, ум мой холодный!
Зачем, уклоняясь
От кроткого света
Божественной веры,
Ты гордо блуждаешь
Во мраке сомненья?
Ответь, если можешь:
Кто дал тебе силу
Разумной свободы
И к истинам вечным
Любовь и влеченье?
Кто плотью животной
Покрыл мне так чудно
Скелет обнаженный,
Наполнил все жилы
Горячею кровью,
Дал каждому нерву
Свое назначенье
И сердце заставил
Впервые забиться

Дотоль ему чуждой,
Неведомой жизнью?
Кто дал тебе средство
Чрез малую точку
Подвижного ока
Усваивать знанье
О видимом мире?
И как назовешь ты
Тот дух в человеке,
Который стремится
За грани земного,
С сознаньем свободы
И сильным желаньем
Познаний и блага?
Который владеет
Порывами сердца,
Один торжествует
В страданиях тела,
Законы природы
Себе подчиняя?..
Кто дал это свойство
Цветущей природе, —
Что в ней разрушенье
Единого тела
Бывает началом
Для жизни другого?
Кто этот художник,
Рукой всемогущей
В цветке заключивший
Целебную силу,
И яд смертоносный,
И яркие краски,
И тени, и запах?..
Смирись же и веруй,
О, ум мой надменный:
Законы вселенной,
И смерть, и рожденье
Живущего в мире,
И мощная воля
Души человека
Дают мне постигнуть
Великую тайну,

Что есть Высший Разум,
Всё дивно создавший,
Всем правящий мудро.

1853

* * *

Кое изобилие человеку во всем труде его, им же трудится под солнцем; род преходит и род приходит, а земля вовек стоит.

Екклезиаста, гл. 1, ст. 3 и 4.

С тех пор как мир наш необъятный
Из неизвестных нам начал
Образовался непонятно
И бытие свое начал,
Событий зритель величавый,
Как много видел он один
Борьбы добра и зла, и славы
И разрушения картин!
Как много царств и поколений,
И вдохновенного труда,
И гениальных наблюдений
Похоронил он навсегда!..
И вот теперь, как и тогда,
Природа вечная сияет:
Над нею бури и года,
Как тени легкие, мелькают.
И между тем как человек,
Земли развенчанный владыка,
В цепях страстей кончает век
Без цели ясной и великой, —
Всё так же блещут небеса,
И стройно движутся планеты,
И яркой зеленью одеты
Непроходимые леса;
Цветут луга, поля и степи,
Моря глубокие шумят,
И гор заоблачные цепи
В снегах нетающих горят.

1853

НОВЫЙ ЗАВЕТ

Измученный жизнью суровой,
Не раз я себе находил
В глаголах предвечного слова
Источник покоя и сил.
Как дышат святые их звуки
Божественным чувством любви,
И сердца тревожного муки
Как скоро смиряют они!..
Здесь всё в чудно сжатой картине
Представлено духом святым:
И мир, существующий ныне,
И бог, управляющий им,
И сущего в мире значенье,
Причина, и цель, и конец,
И вечного сына рожденье,
И крест, и терновый венец.
Как сладко читать эти строки,
Читая, молиться в тиши,
И плакать, и черпать уроки
Из них для ума и души!

1853

МОЛИТВА ДИТЯТИ

Молись, дитя: сомненья камень
Твоей груди не тяготит;
Твоей молитвы чистый пламень
Святой любовию горит.

Молись, дитя: тебе внимает
Творец бесчисленных миров,
И капли слез твоих считает,
И отвечать тебе готов.

Быть может, ангел, твой хранитель,
Все эти слезы соберет
И их в надзвездную обитель
К престолу бога отнесет.

Молись, дитя, мужай с летами!
И дай бог в пору поздних лет
Такими ж светлыми очами
Тебе глядеть на божий свет!

Но если жизнь тебя измучит
И ум и сердце возмутит,
Но если жизнь роптать научит,
Любовь и веру погасит —

Приникни с жаркими слезами,
Креста подножье обойми:
Ты примиришься с небесами,
С самим собою и с людьми.

И вновь тогда из райской сени
Хранитель — ангел твой сойдет
И за тебя, склонив колени,
Молитву к богу вознесет.

1853

* * *

О, сколько раз я проклинал
Позор слепого заблужденья
И о самом себе рыдал
В часы молитв и размышленья!
И как бы я благословил
В ту пору неба гром нежданный,
Когда бы этот гость желанный
Надменный ум мой поразил!..
Но миг святой прошел — и снова
Страстям, как прежде, я служу,
И на позор их и оковы,
Как на свободу, я гляжу.
Так, влажный воздух рассекая,
Меж облаков, во тьме ночной,
Блистает молния порой,
Мгновенно небо освещая.

1853

МЩЕНИЕ

Поднялась, шумит
Непогодушка,
Низко бор сырой
Наклоняется.

Ходят, плавают
Тучи пó небу,
Ночь осенняя
Черней ворона.

В зипуне мужик
К дому барскому
Через сад густой
Тихо крадется.

Он идет, глядит
Во все стороны,
Про себя один
Молча думает:

«Вот теперь с тобой,
Барин-батюшка,
Мужик-лапотник
Посчитается;

Хорошо ты мне
Вчера вечером
Вплоть до плеч спустил
Кожу бедную.

Виноват я был,
Сам ты ведаешь:
Тебе дочь моя
Приглянулася.

Да отец ее —
Несговорчивый,
Не велит он ей
Слушать барина...

Знаю, ты у нас
Сам большо́й-старшо́й,
И судить-рядить
Тебя некому.

Так суди ж, господь,
Меня, грешника:
Не видать тебе
Мое детище!»

Подошел мужик
К дому барскому,
Тихо выломил
Раму старую,

Поднялся, вскочил
В спальню темную, —
Не вставать теперь
Утром барину...

На дворе шумит
Непогодушка,
Низко бор сырой
Наклоняется;

Через сад домой
Мужик крадется,
У него лицо
Словно белый снег.

Он дрожит как лист,
Озирается,
А господский дом
Загорается.

1853

* * *

Я помню сча́стливые годы,
Когда беспечно и шутя
Безукоризненной свободой
Я наслаждался, как дитя;

Когда в тиши уединенья,
Как воплощенный херувим,
Тревогой горя и сомненья
Я не был мучим и томим.

С каким восторгом непонятным
Тогда час утра я встречал,
Когда над полем необъятным
Восток безоблачный пылал

И серебристыми волнами,
Под дуновеньем ветерка,
Над благовонными лугами
Паров вставали облака!

С какою детскою отрадой
Глядел я на кудрявый лес,
Весенней дышащий прохладой,
На свод сияющих небес,

На тихо спящие заливы
В зеленых рамах берегов,
На блеск и тень волнистой нивы
И на узоры облаков...

То были дни святой свободы,
Очарованья и чудес
На лоне мира и природы,
То на земле был рай небес!

Пришла пора... иные строки
В страницах жизни я прочел,
И в них тяжелые уроки
Уму и сердцу я нашел.

О, если б в пору перехода
Из детства в зрелые года
Широкий путь моя свобода
Нашла для скромного труда!

Согретый мыслию живою,
Как гражданин и человек,

Быть может, светлою чертою
Тогда б отметил я свой век!

Но горек жребий мой суровый!
И много сил я схоронил,
Пока дорогу жизни новой
Средь зла и грязи проложил!

И грустно мне, и стыдно вспомнить
Ничтожность прожитых годов;
Чтоб пустоту их всю пополнить,
Отдать полжизни б я готов!

Но дни идут, идут бесплодно...
И больно мне, что и теперь
Одною мыслью благородной
Я не загладил их потерь!

Что в массу общего познанья
Другим взыскательным векам,
Как весь итог существованья,
Я ничего не передам,

И одинокий, без значенья,
Как лишний гость в пиру чужом,
Ничтожной жертвою забвенья
Умру в краю моем родном!

Декабрь 1853

* * *

С суровой долею я рано подружился:
Не знал веселых дней, веселых игр не знал,
Мечтами детскими ни с кем я не делился,
Ни от кого речей разумных не слыхал.

Но всё, что грязного есть в жизни самой бедной, —
И горе, и разгул, кровавый пот трудов,
Порок и плач нужды, оборванной и бледной,
Я видел вкруг себя с младенческих годов.

Мучительные дни с бессонными ночами,
Как много вас прошло без света и тепла!
Как вы мне памятны тоскою и слезами,
Потерями надежд, бессильем против зла!..

Но были у меня отрадные мгновенья,
Когда всю скорбь мою я в звуках изливал,
И знал я сердца мир и слезы вдохновенья,
И долю горькую завидной почитал.

За дар свой в этот миг благодарил я бога,
Казался раем мне приют печальный мой,
Меж тем безумная и пьяная тревога,
Горячий спор и брань кипели за стеной...

Вдруг до толпы дошел напев мой вдохновенный,
Из сердца вырванный, родившийся в глуши, —
И чувства лучшие, вся жизнь моей души
Разоблачилися рукой непосвященной.

Я слышу над собой и приговор, и суд...
И стала песнь моя, песнь муки и восторга,
С людьми и с жизнию меня миривший труд, —
Предметом злых острот, и клеветы, и торга...

Декабрь 1853

ПОЭТУ

Не говори, что жизнь ничтожна.
Нет, после бурь и непогод,
Борьбы суровой и тревожной
И цвет, и плод она дает.

Не вечны все твои печали.
В тебе самом источник сил.
Взгляни кругом: не для тебя ли
Весь мир сокровища раскрыл.

Кудряв и зелен лес дремучий,
Листы зарей освещены,

Огнем охваченные тучи
В стекле реки отражены.

Покрыт цветами скат кургана.
Взойди и стань на вышине, —
Какой простор! Сквозь сеть тумана
Село чуть видно в стороне.

Звенит и льется птички голос,
Узнай, о чем она поет;
Пойми, что шепчет спелый колос
И что за речи ключ ведет?

Вот царство жизни и свободы!
Здесь всюду блеск! здесь вечный пир!
Пойми живой язык природы —
И скажешь ты: прекрасен мир!

Декабрь 1853

ПЕСНЯ

Зашумела, разгулялась
    В поле непогода;
Принакрылась белым снегом
    Гладкая дорога.

Белым снегом принакрылась,
    Не осталось следу,
Поднялася пыль и вьюга,
    Не видать и свету.

Да удалому детине
    Буря не забота:
Он проложит путь-дорогу,
    Лишь была б охота.

Не страшна глухая полночь,
    Дальний путь и вьюга,
Если молодца в свой терем
    Ждет краса-подруга.

Уж как встретит она гостя
Утренней зарею,
Обоймет его стыдливо
Белою рукою,

Опустивши ясны очи,
Друга приголубит...
Вспыхнет он — и холод ночи,
И весь свет забудет.

Декабрь 1853

ВОЙНА ЗА ВЕРУ

Как волны грозные, встают сыны Востока,
Народный фанатизм муллами подожжен,
Толпы мятежников под знамена пророка,
С надеждой грабежа, сошлись со всех сторон.
Языческих времен воскрес театр кровавый,
Глумится над крестом безумство мусульман,
И смотрят холодно великие державы
На унижение и казни христиан.
За слезы их и кровь нет голоса и мщенья!
От бедных матерей отъятые сыны
В рабы презренному еврею проданы,
И в пламени горят несчастные селенья...
Скажите нам, враги поклонников креста:
Зачем оскорблены храм истинного бога
И Древней Греции священные места,
Когда жидовская спокойна синагога?
Когда мятежников, бесчестия сынов,
Орудие крамол, тревог и возмущенья,
Не заклеймили вы печатию презренья,
Но дали их толпам гостеприимный кров?
Скажите нам, враги Руси миролюбивой,
Ужель вы лучшего предлога не нашли,
Чтобы извлечь свой меч в войне несправедливой
И положить свой прах в полях чужой земли?
Ужель чужих умов холодное коварство
Вас в жалких палачей умело обратить
И для бесславия жестокого тиранства
Народные права заставило забыть?

Ужели в летопись родной своей отчизны
Не стыдно вам внести свой собственный позор,
Потомков заслужить суровый приговор
И современников живые укоризны?
Иль духа русского доселъ вы не узнали?
Иль неизвестно вам, как Севера сыны,
За оскорбление родной своей страны,
По слову царскому мильонами вставали?
Вам хочется борьбы! Но страшен будет спор
За древние права, за честь Руси державной;
Мы вашей кровию скрепим наш договор —
Свободу христиан и веры православной!
Мы вновь напомним вам героев Рымника,
И ужас чесменский, и славный бой Кагула,
И грозной силою холодного штыка
Смирим фанатиков надменного Стамбула!
Вперед, святая Русь! Тебя зовет на брань
Народа твоего поруганная вера!
С тобой и за тебя молитвы христиан!
С тобой и за тебя святая матерь-дева!
Придет пора, ее недолго ждать, —
Оценят твой порыв, поймут твой подвиг громкий,
И будет свет тебе рукоплескать,
И позавидуют тебе твои потомки.

Декабрь 1853

СТАРИК ДРУГОЖЕНЕЦ

Удружил ты мне, сват, молодою женой!
Стала жизнь мне и радость не в радость:
День и ночь ни за что она спорит со мной
И бранит мою бедную старость;
Ни за что ни про что малых пасынков бьет
Да заводит с соседями ссоры —
Кто что ест, кто что пьет и как дома живет, —
Хоть бежать, как начнет разговоры.
И уж пусть бы сама человеком была!
Не поверишь, весь дом разорила!
И грозил ей, — да что! .. значит, волю взяла!
Женский стыд, божий гнев позабыла!

А любовь... уж куда тут! молчи про любовь!
За себя мне беда небольшая, —
Погубил я детей, погубил свою кровь:
Доконает их мачеха злая!
Эх! не прежняя мочь, не былая пора,
Молодецкая удаль и сила, —
Не ходить бы жене, не спросясь, со двора,
И воды бы она не взмутила...
Спохватился теперь, да не сладишь с бедой,
Лишь гляди на жену и казнися,
Да молчи, как дурак, когда скажут порой:
Поделом старику, — не женися!

Декабрь 1853

ЗИМНЯЯ НОЧЬ В ДЕРЕВНЕ

Весело сияет
Месяц над селом;
Белый снег сверкает
Синим огоньком.

Месяца лучами
Божий храм облит;
Крест под облаками,
Как свеча, горит.

Пусто, одиноко
Сонное село;
Вьюгами глубоко
Избы занесло.

Тишина немая
В улицах пустых,
И не слышно лая
Псов сторожевых.

Помоляся богу,
Спит крестьянский люд,
Позабыв тревогу
И тяжелый труд.

Лишь в одной избушке
Огонек горит:
Бедная старушка
Там больна лежит.

Думает-гадает
Про своих сирот:
Кто их приласкает,
Как она умрет.

Горемыки-детки,
Долго ли до бед!
Оба малолетки,
Разуму в них нет;

Как начнут шататься
По дворам чужим —
Мудрено ль связаться
С человеком злым!..

А уж тут дорога
Не к добру лежит:
Позабудут бога,
Потеряют стыд.

Господи, помилуй
Горемык-сирот!
Дай им разум-силу,
Будь ты им в оплот!..

И в лампадке медной
Теплится огонь,
Освещая бледно
Лик святых икон,

И черты старушки,
Полные забот,
И в углу избушки
Дремлющих сирот.

Вот петух бессонный
Где-то закричал;

Полночи спокойной
Долгий час настал.

И бог весть отколе
Песенник лихой
Вдруг промчался в поле
С тройкой удалой,

И в морозной дали
Тихо потонул
И напев печали,
И тоски разгул.

Декабрь 1853

НАСЛЕДСТВО

Не осталося
Мне от батюшки
Палат каменных,
Слуг и золота;

Он оставил мне
Клад наследственный:
Волю твердую,
Удаль смелую.

С ними молодцу
Всюду весело!
Без казны богат,
Без почета горд.

В горе, в черный день,
Соловьем поешь;
При нужде, в беде
Смотришь соколом;

Нараспашку грудь
Против недруга,
Под грозой, в бою
Улыбаешься.

И мила душе
Доля всякая,
И весь белый свет
Раем кажется!

Декабрь 1853

* * *

Не вини одинокую долю,
О судьбе по ночам не гадай,
Сберегай свою девичью волю,
Словно клад золотой, сберегай:

Уж недолго тебе оставаться
В красном тереме с няней родной,
На леса из окна любоваться,
Расцветать ненаглядной зарей;

Слушать песни подруг светлооких,
И по бархату золотом шить,
И беспечно в стенах одиноких
Беззаботною пташкою жить.

Отопрется твой терем дубовый,
И простится с тобою отец,
И, гордясь подвенечной обновой,
Ты пойдешь с женихом под венец;

Да не радость — желанную долю —
Ты найдешь на пороге чужом:
Грубый муж твою юную волю
Похоронит за крепким замком.

И ты будешь сносить терпеливо,
Когда злая старуха свекровь
Отвечать станет бранью ревнивой
На покорность твою и любовь;

Будешь глупой бояться золовки,
Пересуды соседей терпеть,
За работой сидеть без умолку
И от тайного горя худеть,

Слушать хмельного мужа укоры,
До рассвета его поджидать;
И забудешь ты песню, уборы,
Станешь злую судьбу проклинать;

И, здоровье в груди полумертвой
От бесплодной тоски погубя,
Преждевременной жалкою жертвой
В гроб дощатый положишь себя.

И никто со слезой и молитвой
На могилу к тебе не придет,
И дорогу к могиле забытой
Густым снегом метель занесет.

Декабрь 1853

* * *

Наскучив роскошью блистательных забав,
Забыв высокие стремленья
И пресыщение до времени узнав,
Стареет наше поколенье.
Стал недоверчивей угрюмый человек;
Святого чуждый назначенья,
Оканчивает он однообразный век
В глубокой мгле предубежденья.

Ему не принесло прекрасного плода
Порока и добра познанье,
И на челе его осталось навсегда
Бессильной гордости сознанье;
Свое ничтожество не хочет он понять
И юных сил не развивает,
Забытой старине стыдится подражать
И нового не создавает.

Слабея медленно под бременем борьбы
С действительностию суровой,
Он смутно прожил всю слепую нить судьбы,
Влачит сомнения оковы,

И в жалких хлопотах, в заботах мелочных,
В тревоге жизни ежедневной
Он тратит попусту избыток чувств святых,
Минуты мысли вдохновенной.

Не зная, где найти страданию исход
Или вопросам объясненье,
Печальных перемен он равнодушно ждет,
Не требуя успокоенья;
Во всех явлениях всегда одно и то ж
Предузнавает он, унылый,
И сон хладеющей души его похож
На мир безжизненной могилы.

Декабрь 1853

НУЖДА

В худой час, не спросясь,
Как полуночный вор,
Нужда тихо вошла
В старый дом к мужичку.

Стал он думать с тех пор,
Тосковать и бледнеть,
Мало есть, дурно спать,
День и ночь работать.

Всё, что долгим трудом
Было собрано в дом,
Злая гостья, нужда,
Как пожар, подняла.

Стало пусто везде:
В закромах, в сундуках,
На забытом гумне,
На широком дворе.

Повалились плетни,
Ветер всюду гулял,
И под крышей худой
Дом, как старец, стоял.

За бесценок пошел
Доморощенный скот,
Чужой серп рано снял
Недозрелую рожь.

Обнищал мужичок,
Сдал он пашню внаём
И с молитвой святой
Запер наглухо дом.

И с одною сумой
Да с суровой нуждой
В путь-дорогу пошел
Новой доли искать;

Мыкать горе свое,
В пояс кланяться всем,
На людей работать,
Силу-матушку класть...

Много вытерпел он
На чужой стороне;
Много зла перенес
И пролил горьких слез;

И здоровье сгубил,
И седины нажил,
И под кровлей чужой
Слег в постелю больной.

И на жесткой доске
Изнывая в тоске,
Он напрасно друзей
Слабым голосом звал.

В час ночной он один,
Как свеча, догорал
И в слезах медный крест
Горячо целовал.

И в дощатом гробу,
На дубовом столе
Долго труп его ждал
Похорон и молитв.

И не плакал никто
Над могилой его
И, как стража, на ней
Не поставил креста;

Лишь сырая земля
На широкой груди
Приют вечный дала
Жертве горькой нужды.

1853 (?)

МОЛЕНИЕ О ЧАШЕ

И, прешед мало, паде на лице своем, моляся и глаголя: отче мой, аще возможно есть, да мимо идет от мене чаша сия: обаче не яко же аз хощу, но яко же ты.

Ев. Матф. гл. XXVI, ст. 39—47.

День ясный тихо догорает;
Чист неба купол голубой;
Весь запад в золоте сияет
Над Иудейскою землей.
Спокойно высясь над полями,
Закатом солнца освещен,
Стоит высокий Елеон
С благоуханными садами.
И, полный блеска, перед ним,
Народа шумом оживленный,
Лежит святой Ерусалим,
Стеною твердой окруженный.
Вдали Гевал и Гаризим,[1]
К востоку воды Иордана
С роскошной зеленью долин
Рисуются в волнах тумана,

[1] Гевал (ныне Емадед-дин) и Гаризим (ныне Шах-Гаден) близ Сихема, в колене Ефремовом, на север от Ерусалима в 52 верстах. Шесть колен Израилевых на первой произносили проклятия, а другие шесть на второй — благословения, заповеданные Моисеем (Св<ященная> цер<ковная> география В. П. П<олякова>, изд. второе, 1848).

И моря Мертвого краса
Сквозь сон глядит на небеса.[1]
А там, на западе, далеко,
Лазурных Средиземных волн
Разлив могучий огражден
Песчаным берегом широко...[2]
Темнеет... всюду тишина...
Вот ночи вспыхнули светила, —
И ярко полная луна
Сад Гефсиманский озарила.
В траве, под ветвями олив,
Сыны божественного слова,
Ерусалима шум забыв,
Спят три апостола Христовы.
Их сон спокоен и глубок;
Но тяжело спал мир суровый:
Веков наследственный порок
Его замкнул в свои оковы,
Проклятье праотца на нем
Пятном бесславия лежало
И с каждым веком новым злом
Его, как язва, поражало...
Но час свободы наступал —
И, чуждый общему позору,
Посланник бога, в эту пору,
Судьбу всемирную решал.
За слово истины высокой
Голгофский крест предвидел он.
И, чувством скорби возмущен,
Отцу молился одиноко:
«Ты знаешь, отче, скорбь мою
И видишь, как твой сын страдает, —
О, подкрепи меня, молю,
Моя душа изнемогает!
День казни близок: он придет, —
На жертву отданный народу,
Твой сын безропотно умрет,

---

[1] Вода Мертвого моря светла и прозрачна, но чрезвычайно горька, как в наших солончаках. Самая большая длина его простирается на 91 версту, ширина на 25. (Там же.)

[2] Средиземное море находится на расстоянии 50 верст от Ерусалима. (Там же.)

Умрет за общую свободу...[1]
Проклятьем черни поражен,
Измученный и обнаженный,
Перед толпой поникнет он
Своей главой окровавленной.
И те, которым со креста
Пошлет он дар благословенья,
С улыбкой гордого презренья
Поднимут руки на Христа...
О, да минует чаша эта,
Мой отче, сына твоего!
Мне горько видеть злобу света
За искупление его!
Но не моя да будет воля,
Да будет так, как хочешь ты!
Тобой назначенная доля
Есть дело вечной правоты.
И если твоему народу
Позор мой благо принесет,
Пускай за общую свободу
Сын человеческий умрет!»
Молитву кончив, скорби полный,
К ученикам он подошел
И, увидав их сон спокойный,
Сказал им: «Встаньте, час пришел!
Оставьте сон свой и молитесь,
Чтоб в искушенье вам не впасть,
Тогда вы в вере укрепитесь
И с верой встретите напасть».
Сказал — и тихо удалился
Туда, где прежде плакал он,
И, той же скорбью возмущен,
На землю пал он и молился:
«Ты, отче, в мир меня послал,
Но сына мир твой не приемлет:
Ему любовь я возвещал —
Моим глаголам он не внемлет;
Я был врачом его больным,
Я за врагов моих молился —
И надо мной Ерусалим,

---

[1] Посл. ап. Павла к римл<янам>, гл. VIII, ст. 21; к гал<атам>, гл. V, ст. 1 и 13.

Как над обманщиком, глумился!
Народу мир я завещал —
Народ судом мне угрожает,
Я в мире мертвых воскрешал —
И мир мне крест приготовляет! . .
О, если можно, от меня
Да мимо идет чаша эта!
Ты бог любви, начало света,
И всё возможно для тебя!
Но если кровь нужна святая,
Чтоб землю с небом примирить, —
Твой вечный суд благословляя,
На крест готов я восходить!»
И взор в тоске невыразимой
С небес на землю он низвел,
И снова, скорбию томимый,
К ученикам он подошел.
Но их смежавшиеся очи
Невольный сон отягощал;
Великой тайны этой ночи
Их бедный ум не постигал.
И стал он молча, полный муки,
Чело высокое склонил
И на груди святые руки
В изнеможении сложил.
Что думал он в минуты эти,
Как человек и божий сын,
Подъявший грех тысячелетий, —
То знал отец его один.
Но ни одна душа людская
Не испытала никогда
Той боли тягостной, какая
В его груди была тогда,
И люди, верно б, не поняли,
Весь грешный мир наш не постиг
Тех слез, которые сияли
В очах спасителя в тот миг.
И вот опять он удалился
Под сень смоковниц и олив,
И там, колени преклонив,
Опять он плакал и молился:
«О боже мой! Мне тяжело!

Мой ум, колебляся, темнеет;
Всё человеческое зло
На мне едином тяготеет.
Позор людской, позор веков, —
Всё на себя я принимаю,
Но сам под тяжестью оков,
Как человек, изнемогаю...
О, не оставь меня в борьбе
С моею плотию земною, —
И всё угодное тебе
Тогда да будет надо мною!
Молюсь: да снидет на меня
Святая сила укрепленья!
Да совершу с любовью я
Великий подвиг примиренья!»
И руки к небу он подъял,
И весь в молитву превратился;
Огонь лицо его сжигал,
Кровавый пот по нем струился.
И вдруг с безоблачных небес,
Лучами света окруженный,
Явился в сад уединенный
Глашатай божиих чудес.[1]
Был чуден взор его прекрасный
И безмятежно и светло
Одушевленное чело,
И лик сиял, как полдень ясный;
И близ спасителя он стал
И речью, свыше вдохновенной,
Освободителя вселенной
На славный подвиг укреплял;
И сам, подобный легкой тени,
Но полный благодатных сил,
Свои воздушные колени
С молитвой пламенной склонил.

Вокруг молчало всё глубоко;
Была на небе тишина, —
Лишь в царстве мрака одиноко
Страдал бесплодно сатана.

---

[1] Ев. Луки, гл. XXII, ст 43.

Он знал, что в мире колебался
Его владычества кумир
И что бесславно падший мир
К свободе новой приближался.
Виновник зла, он понимал,
Кто был Мессия воплощенный, [1]
О чем отца он умолял,
И, страшной мукой подавленный,
Дух гордый молча изнывал,
Бессильной злобой сокрушенный...

Спокойно в выси голубой
Светил блистали мириады,
И полон сладостной прохлады
Был чистый воздух. Над землей,
Поднявшись тихо, небожитель
Летел к надзвездным высотам, —
Меж тем всемирный искупитель
Опять пришел к ученикам.
И в это чудное мгновенье
Как был он истинно велик,
Каким огнем одушевленья
Горел его прекрасный лик!
Как ярко отражали очи
Всю волю твердую его,
Как радостно светила ночи
С высот глядели на него!

Ученики, как прежде, спали,
И вновь спаситель им сказал:
«Вставайте, близок день печали
И час предательства настал...»
И звук мечей остроконечных
Сад Гефсиманский пробудил,
И отблеск факелов зловещих
Лицо Иуды осветил.

7 января 1854

---

[1] Ев. Матфея, гл. VIII, ст. 29; Марка, гл. V, ст. 7; Луки, гл. IV, ст. 34 — «Воскресное чтение», 1840, № 45. Искушение Иисуса Христа от диавола.

СЛАДОСТЬ МОЛИТВЫ

Бывают минуты, — тоскою убитый,
На ложе до утра без сна я сижу,
И нет на устах моих теплой молитвы,
И с грустью на образ святой я гляжу.

Вокруг меня в комнате тихо, безмолвно...
Лампада в углу одиноко горит,
И кажется мне, что святая икона
Мне в очи с укором и строго глядит.

И дума за думой на ум мне приходит,
И жар непонятный по жилам течет,
И сердце отрады ни в чем не находит,
И волос от тайного страха встает.

И вспомню тогда я тревогу желаний,
И жгучие слезы тяжелых утрат,
Неверность надежды и горечь страданий,
И скрытый под маской глубокий разврат,

Всю бедность и суетность нашего века,
Все мелочи жалких ничтожных забот,
Всё зло в этом мире, всю скорбь человека,
И грозную вечность, и с жизнью расчет;

И вспомню я крест на Голгофе позорной,
Облитого кровью страдальца на нем,
При шуме и кликах насмешки народной
Поникшего тихо покорным челом...

И страшно мне станет от этих видений,
И с ложа невольно тогда я сойду,
Склоню пред иконой святою колени
И с жаркой молитвою ниц упаду.

И мнится мне, слышу я шепот невнятный,
И кто-то со мной в полумраке стоит;...

Быть может, незримо, в тот миг благодатный,
Мой ангел-хранитель молитву творит.

И в душу прольется мне светлая радость,
И смело на образ тогда я взгляну,
И, чувствуя в сердце какую-то сладость,
На ложе я лягу и крепко засну.

15 января 1854

НОЧЛЕГ ИЗВОЗЧИКОВ

Далёко, далёко раскинулось поле,
Покрытое снегом что белым ковром,
И звезды зажглися, и месяц, что лебедь,
Плывет одиноко над сонным селом.

Бог знает откуда с каким-то товаром
Обоз по дороге пробитой идет:
То взъедет он тихо на длинную гору,
То в темной лощине из глаз пропадет.

И вот на дороге он вновь показался
И на гору стал подыматься шажком;
Вот слышно, как снег заскрипел под санями
И кони заржали под самым селом.

В овчинных тулупах, в коломенских шапках,
С обозом, и с правой и с левой руки,
В лаптях и онучах, в больших рукавицах,
Кряхтя, пожимаясь, идут мужики.

Избились их лапти от дальней дороги,
Их жесткие лица мороз заклеймил,
Высокие шапки, усы их и брови
И бороды иней пушистый покрыл.

Подходят они ко дворам постоялым;
Навстречу к ним дворник спешит из ворот
И шапку снимает, приветствуя словом:
«Откудова, братцы, господь вас несет?»

— «Да едем вот с рыбой в Москву из Ростова, —[1]
Передний извозчик ему отвечал, —
А что на дворе-то, не тесно ль нам будет? —
Теперь ты, я чаю, нас вовсе не ждал».

— «Для доброго гостя найдется местечко, —
Приветливо дворник плечистый сказал
И, рыжую бороду тихо погладив,
Слегка ухмыляясь, опять продолжал: —

Ведь я не таков, как сосед-прощелыга,
Готовый за грош свою душу продать;
Я знаю, как надо с людьми обходиться,
Кого как приветить и чем угощать.

Овес мой — овинный, изба — та же баня,
Не как у соседа, — зубов не сберешь;
И есть где прилечь, посидеть, обсушиться,
А квас, то есть брага, и нехотя пьешь.

Въезжайте-ка, братцы; нам стыдно считаться:
Уж я по-приятельски вас угощу,
И встречу, как водится, с хлебом и солью,
И с хлебом и солью с двора отпущу».

Послушались дворника добрые люди:
На двор поместились, коней отпрягли,
К саням привязали и корму им дали,
И в теплую избу чрез сени вошли.

Сняв шапки, святым образам помолились,
Обчистили иней пушистый с волос,
Разделись, тулупы на нары поклали
И речь завели про суровый мороз.

Погрелись близ печки и руки помыли,
И, грудь осенивши широким крестом,
Хозяйке хлеб-соль подавать приказали,
И ужинать сели за длинным столом.

[1] Ростов-на-Дону.

И вот, в сарафане, покрытая кичкой,
К гостям молодая хозяйка вошла,
Сказала: «Здорово, родные, здорово!»
И каждому порознь поклон отдала;

По крашеной ложке им всем разложила,
И соли в солонке и хлеб подала,
И в чашке глубокой с надтреснутым краем
Из кухни горячие щи принесла.

И блюдо за блюдом пошла перемена...
Извозчики молча и дружно едят,
И пот начинает с них градом катиться,
Глаза оживились, и лица горят.

«Послушай, хозяюшка! — молвил извозчик,
С трудом проглотивши свинины кусок: —
Нельзя ли найти нам кваску-то получше,
Ведь этот слепому глаза продерет».

— «И, что́ ты, родимый! квасок-ат что брага,
Его и купцам доводилося пить».
— «Спасибо, хозяйка! — сказал ей извозчик, —
Не скоро нам брагу твою позабыть».

— «Ну́, полноте спорить, вишь с бабой связался! —
Промолвил другой, обтирая усы. —
Аль к теще приехал с женою на праздник?
Что есть, то и ладно, а нет — не проси».

— «Вестимо, Данилыч, — сказал ему третий: —
За хлебом и солью шуметь не рука;
Ведь мы не бояре: что есть, тем и сыты...
А ну-ка, хозяюшка, дай-ка гуська!»

— «Эх, братцы! — рукою расправивши кудри,
Товарищам молвил детина один. —
Раз ездил я летом в Макарьев на тройке,
Нанял меня, знаешь, купеческий сын.

Ну что за раздолье мне было в дороге!
Признаться, уж попил тогда я винца!
Как свистнешь, бывало, и тронешь лошадок,
Захочешь потешить порой молодца, —

И птицей несется залетная тройка,
Лишь пыль подымается черным столбом,
Звенит колокольчик, и версты мелькают,
На небе ни тучки, и поле кругом.

В лицо ветерок подувает навстречу,
И на сердце любо, и пышет лицо...
Приехал в деревню: готова закуска,
И дворника дочка подносит винцо.

А вечером, знаешь, мой купчик удалый,
Как этак порядком уже подгульнет,
На улицу выйдет, вся грудь нараспашку,
Вокруг себя парней толпу соберет,

Оделит деньгами и весело крикнет:
«А ну-ка, валяй: «Не белы-то снеги!..»
И парни затянут, и сам он зальется,
И тут уж его кошелек береги.

Бывало, шепнешь ему: „Яков Петрович!
Припрячь кошелек-то, — ведь спросит отец“.
— „Молчи, брат! за словом в карман не полезу!
В товаре убыток — и делу конец“».

Так, сидя на лавках за хлебом и солью,
Смеясь, мужички продолжают рассказ,
И, стоя близ печки, качаясь в дремоте,
Их слушает дворник, прищуривши глаз,

И думает сам он с собою спросонок:
«Однако, от этих барыш мне придет!
Овса-то, вот видишь, по мерочке взяли,
А есть — так один за троих уберет.

Куда ж это, господи, всё уложилось!
Баранина, щи, поросенок и гусь,
Лапша и свинина, и мед на заедки...
Ну, я же по-своему с ними сочтусь».

Вот кончился ужин. Извозчики встали...
Хозяйка мочалкою вытерла стол,
А дворник внес в избу охапку соломы,
Взглянул исподлобья и молча ушел.

Проведав лошадок, сводив их к колодцу,
Извозчики снова все в избу вошли,
Постлали постель, помолилися богу,
Разделись, разулись и спать залегли.

И всё замолчало... Лишь в кухне хозяйка,
Поставив посуду на полку рядком,
Из глиняной чашки, при свете огарка,
Поила теленка густым молоком.

Но вот наконец и она улеглася,
Под голову старый зипун положив,
И крепко на печке горячей заснула,
Все хлопоты кухни своей позабыв.

Всё тихо... все спят... и давно уже полночь.
Раскинувши руки, храпят мужики,
Лишь, хрюкая, в кухне больной поросенок
В широкой лоханке сбирает куски...

Светать начинает. Извозчики встали...
Хозяйка остаток огарка зажгла,
Гостям утереться дала полотенце,
Ковшом в рукомойник воды налила.

Умылися гости; пред образом стали,
Молитву, какую умели, прочли
И к спящему дворнику в избу другую
За корм и хлеб-соль рассчитаться вошли...

Сердитый, спросонок глаза протирая,
Поднялся он с лавки и счеты сыскал,
За стол сел, нахмурясь, потер свой затылок
И молвил: «Ну, кто из вас что забирал?»

— «Забор ты наш знаешь: мы поровну брали;
А ты вот за ужин изволь положить
Себе не в обиду и нам не в убыток,
С тобою хлеб-соль нам вперед чтоб водить».

— «Да что же, давай четвертак с человека:
Оно хоть и мало, да так уж и быть».
— «Не много ли будет, почтенный хозяин?
Богат скоро будешь! нельзя ли сложить?»

— «Нет, складки, ребята, не будет и гроша,
И эта цена-то пустяк пустяком;
А будете спорить — заплатите вдвое:
Ворота ведь заперты добрым замком».

Подумав, извозчики крепко вздохнули
И, нехотя вынув свои кошели,
Хозяину деньги сполна отсчитали
И в путь свой, в дорогу сбираться пошли.

Всю выручку в старый сундук положивши,
Хозяин оделся и вышел на двор
И, видя, что гости коней запрягают,
Взял ключ и замок на воротах отпер.

Накинув арканы на шеи лошадок,
Извозчики стали съезжать со двора.
«Спасибо, хозяин! — промолвил последний. —
Смотри, разживайся с чужого добра!»

— «Ну, с богом, любезный! — сказал ему дворник, —
Еще из-за гроша ты стал толковать!
Вперед, просим милости, к нам заезжайте,
Уж нам не учиться, кого как принять!»

Январь 1854

НОВАЯ БОРЬБА

Опять призыв к войне! Еще на Русь святую
Две тучи новые грозу свою несут
И снова нашу Русь на битву роковую,
На битву страшную помериться зовут!
Но не забыли мы своей недавней славы!
Еще не прожил сил великий наш народ;
И так же грозный он, и так же величавый,
Как буря зашумит и двинется вперед.
Вперед за христиан, позорно умерщвленных!
Вперед за нашу честь и за права отцов,
За славу мест святых, нечестьем оскорбленных,
За веру русскую — наследие веков!
Пришла теперь пора для нашего народа
Решить своим мечом совре́менный вопрос:
Свята ли христиан поруганных свобода
И крепок ли досель наш северный колосс?..
Понятно Англии кичливое волненье:
Народный русский дух не много ей знаком;
Она не видела Полтавского сраженья,
И чужды ей наш снег и Бородинский гром.
И может быть, она узнает слишком поздно
Своей политики запятнанную честь,
И начатой войны расчет неосторожный,
И нашу правую воинственную месть.
Но этот ли Париж, уж дважды пощаженный
Благословенного державною рукой,
Опять подъемлет меч, бесчестно обнаженный,
Заране хвастаясь бесславною борьбой!
Вы ль это, жаркие поклонники свободы,
Об общем равенстве твердившие всегда,
На брань позорную сзываете народы
И защищаете насилье без стыда!
Вы ль, представители слепые просвещенья,
Сыны Британии и Франции сыны,
Забыли вы свое народное значенье
И стали с гордостью под знаменем Луны!..
С каким презрением потомок оскорбленный,
Краснея, ваш позор в историю внесет
И, гневом праведным невольно увлеченный,
Постыдный ваш союз, быть может, проклянет!

Но славу Севера, наследие столетий,
Но честь своей страны Россия сохранит!
Восстанет стар и млад, и женщины и дети,
И благородный гнев в сердцах их закипит!
И далеко наш клич призывный пронесется,
И пробудит он всех униженных славян,
И грозно племя их в один народ сольется
И страшной карою падет на мусульман!
И вновь увидит мир, как мы в борьбе кровавой
Напомним скопищам забывшихся врагов
Свой богатырский меч, запечатленный славой,
И силу русскую, и доблести отцов!

20 февраля 1854

ССОРА

«Не пора ль, Пантелей, постыдиться людей
И опять за работу приняться!
Промотал хомуты, промотал лошадей, —
Верно, по миру хочешь таскаться?
Ведь и так от соседей мне нету житья,
Показаться на улицу стыдно;
Словно в трубы трубят: что, родная моя,
Твоего Пантелея не видно?
А ты думаешь: где же опричь ему быть,
Чай, опять загулял с бурлаками...
И сердечко в груди закипит, закипит,
И, вздохнувши, зальешься слезами».
— «Не дурачь ты меня, — муж жене отвечал, —
Я не первый денек тебя знаю,
Да по чьей же я милости пьяницей стал
И теперь ни за что пропадаю?
Не вино с бурлаками — я кровь свою пью,
Ею горе мое заливаю,
Да за чаркой тебя проклинаю, змею,
И тебя и себя проклинаю!
Ах ты, время мое, золотая пора,
Не видать уж тебя, верно, боле!
Как, бывало, с зарей на телегах с двора
Едешь рожь убирать в свое поле:

Сбруя вся на заказ, кони — любо взглянуть,
Словно звери, из упряжи рвутся;
Не успеешь, бывало, вожжой шевельнуть —
Уж голубчики вихрем несутся,
Пашешь — песню поешь, косишь — устали нет;
Придет праздник — помолишься богу,
По деревне идешь — и почет, и привет:
Старики уступают дорогу!
А теперь... Одного я вот в толк не возьму:
В закромах у нас чисто и пусто;
Ину пору и нету соломы в дому,
В кошеле и подавно не густо;
На тебя ж поглядишь — что откуда идет:
Что ни праздник — иная обновка;
Оно, может, тебе и господь подает,
Да не верится... что-то неловко!..»

— «Не велишь ли ты мне в старых тряпках
ходить? —
Покрасневши, жена отвечала. —
Кажись, было на что мне обновки купить, —
Я ведь целую зимушку пряла.
Вот тебе-то, неряхе, великая честь!
Вишь, он речи какие заводит:
Самому же лаптишек не хочется сплесть,
А зипун-то онучи не стоит».

— «Поистерся немного, не всем щеголять;
Бедняку что бог дал, то и ладно.
А ты любишь гостей-то по платью встречать,
Сосед ходит недаром нарядно».

— «Ах, родные мои, — закричала жена, —
Уж и гостя приветить нет воли!
Ну, хорош муженек, хороши времена:
Не води с людьми хлеба и соли!
Да вот на-ка тебе! Не по-твоему быть!
Я не больно тебя испугалась!
Таки будет сосед ко мне в гости ходить,
Чтоб сердечко твое надрывалось!»
— «Коли так, ну и так! — муж жене отвечал. —
Мне тебя переучивать поздно;

Уж и то я греха много нá душу взял,
    А соседа попробовать можно...
Перестанем кричать! Собери-ка поесть:
    Я и то другой день без обеда,
Дай хоть хлеба ломоть да влей щей, коли
есть,
    Молоко-то оставь для соседа».

— «Да вот хлеба-то я не успела испечь! —
    Жена, с лавки вскочивши, сказала. —
Коли хочешь поесть, почини прежде печь...» —
    И на печку она указала.
Муж ни слова на это жене не сказал;
    Взял зипун свой и шапку с постели,
Постоял у окна, головой покачал
    И пошел куда очи глядели.
Только он из ворот, сосед вот он — идет,
    Шляпа набок, халат нараспашку,
От коневьих сапог чистым дегтем несет,
    И застегнута лентой рубашка.
«Будь здоров, Пантелей! Что повесил, брат, нос?
    Аль запала в головушку дума?»
— «Видишь, бойкий какой! А ты что мне
за спрос?» —
    Пантелей ему молвил угрюмо.
«Что так больно сердит! знать, болит голова,
    Или просто некстати зазнался?..»
Пантелей второпях засучал рукава,
    Исподлобья кругом озирался.
«Эх, была не была! Ну, держися, дружок!» —
    И мужик во всю мочь развернулся
Да как хватит соседа с размаху в висок,
    И не охнул — бедняк протянулся.

Ввечеру Пантелей уж сидел в кабаке
    И, слегка подгульнув с бурлаками,
Крепко руку свою прислонивши к щеке,
    Песни пел, заливаясь слезами.

25 февраля 1854

ИЗМЕНА

Ты взойди, взойди,
Заря ясная,
Из-за темных туч
Взойди, выгляни;

Подымись, туман,
От сырой земли,
Покажись ты мне,
Путь-дороженька.

Шел к подруге я
Вчера вечером;
Мужички в селе
Спать ложилися.

Вот взошел я к ней
На широкий двор,
Отворил избы
Дверь знакомую.

Глядь — огонь горит
В чистой горенке,
В углу стол накрыт
Белой скатертью;

У стола сидит
Гость разряженный,
Вплоть до плеч лежат
Кудри черные.

Подле, рядом с ним,
Моя милая:
Обвила его
Рукой белою

И, на грудь к нему
Склонив голову,
Речи тихие
Шепчет ласково...

Поднялись мои
Дыбом волосы,
Обдало меня
Жаром-холодом.

На столе лежал
Белый хлеб и нож.
Знать, кудрявый гость
Зван был ужинать.

Я схватил тот нож,
К гостю бросился;
Не успел он встать,
Слова вымолвить —

Облило его
Кровью алою;
Словно снег, лицо
Забелелося.

А она, вскочив,
Громко ахнула
И, как лист вздрогнув,
Пала замертво.

Стало страшно мне
В светлой горенке:
Распахнул я дверь,
На двор выбежал...

Ну, подумал я,
Добрый молодец,
Ты простись теперь
С отцом, с матерью!

И пришел мне в ум
Дальний, темный лес,
Жизнь разгульная
Под дорогою...

Я сказал себе:
Больше некуда!

И, махнув рукой,
В путь отправился...

Ты взойди, взойди,
Заря ясная,
Покажи мне путь
К лесу темному!

10 марта 1854

ЖЕНА ЯМЩИКА

Жгуч мороз трескучий,
На дворе темно;
Серебристый иней
Запушил окно.

Тяжело и скучно,
Тишина в избе;
Только ветер воет
Жалобно в трубе.

И горит лучина,
Издавая треск,
На полати, стены
Разливая блеск.

Дремлет подле печки,
Прислонясь к стене,
Мальчуган курчавый
В старом зипуне.

Слабо освещает
Бледный огонек
Детскую головку
И румянец щек.

Тень его головки
На стене лежит;
На скамье, за прялкой,
Мать его сидит.

Ей недаром снился
Страшный сон вчера:
Вся душа изныла
С раннего утра.

Пятая неделя
Вот к концу идет,
Муж что в воду канул —
Весточки не шлет.

«Ну, господь помилуй,
Если с мужиком
Грех какой случился
На пути глухом!..

Дело мое бабье,
Целый век больна,
Что я буду делать
Одиной-одна!

Сын еще ребенок,
Скоро ль подрастет?
Бедный!.. всё гостинца
От отца он ждет!..»

И глядит на сына
Горемыка-мать.
«Ты бы лег, касатик,
Перестань дремать!»

— «А зачем же, мама
Ты сама не спишь,
И вечор всё пряла,
И теперь сидишь?»

— «Ох, мой ненаглядный,
Прясть-то нет уж сил:
Что-то так мне грустно,
Божий свет немил!»

— «Полно плакать, мама!» —
Мальчуган сказал

И к плечу родимой
Головой припал.

«Я не стану плакать;
Ляг, усни, дружок;
Я тебе соломки
Принесу снопок,

Постелю постельку,
А господь пошлет —
Твой отец гостинец
Скоро привезет;

Новые салазки
Сделает опять,
Будет в них сыночка
По двору катать...»

И дитя забылось.
Ночь длинна, длинна...
Мерно раздается
Звук веретена.

Дымная лучина
Чуть в светце горит,
Только вьюга как-то
Жалобней шумит.

Мнится, будто стонет
Кто-то у крыльца,
Словно провожают
С плачем мертвеца...

И на память пряхе
Молодость пришла,
Вот и мать-старушка,
Мнится, ожила.

Села на лежанку
И на дочь глядит:
«Сохнешь ты, родная,
Сохнешь, — говорит, —

Где тебе, голубке,
Замужем-то жить,
Труд порой рабочей
В поле выносить!

И в кого родилась
Ты с таким лицом?
Старшие-то сестры
Кровь ведь с молоком!

И разгульны, правда,
Нечего сказать,
Да зато им — шутка
Молотить и жать.

А тебя за разум
Хвалит вся семья,
Да любить-то... любит
Только мать твоя».

Вот в сенях избушки
Кто-то застучал.
«Батюшка приехал!» —
Мальчуган сказал.

И вскочил с постели,
Щечки ярче роз.
«Батюшка приехал,
Калачей привез!..»

— «Вишь мороз как крепко
Дверь-то прихватил!» —
Грубо гость знакомый
Вдруг заговорил...

И мужик плечистый
Сильно дверь рванул,
На пороге с шапки
Иней отряхнул,

Осенил три раза
Грудь свою крестом,

Почесал затылок
И сказал потом:

«Здравствуешь, соседка!
Как живешь, мой свет?..
Экая погодка,
В поле следу нет!

Ну, не с доброй вестью
Я к тебе пришел:
Я лошадок ваших
Из Москвы привел».

— «А мой муж?» — спросила
Ямщика жена,
И белее снега
Сделалась она.

«Да в Москву приехав,
Вдруг он захворал,
И господь бедняге
По душу послал».

Весть, как гром, упала...
И, едва жива,
Перевесть дыханья
Не могла вдова.

Опустив ручонки,
Сын дрожал как лист....
За стеной избушки
Был и плач и свист...

«Вишь какая притча! —
Рассуждал мужик. —
Верно, я не впору
Развязал язык.

А ведь жалко бабу,
Что и говорить!
Скоро ей придется
По миру ходить...»

«Полно горевать-то, —
Он вдове сказал: —
Стало, неча делать,
Бог, знать, наказал!

Ну, прощай покуда,
Мне домой пора;
Лошади-то ваши
Тут вот, у двора.

Да! .. ведь эка память,
Всё стал забывать:
Вот отец сынишке
Крест велел отдать.

Сам он через силу
С шеи его снял,
В грамотке мне отдал
В руки и сказал:

«Вот благословенье
Сыну моему;
Пусть не забывает
Мать, скажи ему».

А тебя-то, видно,
Крепко он любил:
По смерть твое имя,
Бедный, он твердил».

15 марта — апрель 1854

УТРО НА БЕРЕГУ ОЗЕРА

Ясно утро. Тихо веет
    Теплый ветерок;
Луг, как бархат, зеленеет,
    В зареве восток.

Окаймленное кустами
    Молодых ракит,
Разноцветными огнями
    Озеро блестит.

Тишине и солнцу радо,
По равнине вод
Лебедей ручное стадо
Медленно плывет;

Вот один взмахнул лениво
Крыльями — и вдруг
Влага брызнула игриво
Жемчугом вокруг.

Привязав к ракитам лодку,
Мужички вдвоем,
Близ осоки, втихомолку,
Тянут сеть с трудом.

По траве, в рубашках белых,
Скачут босиком
Два мальчишки загорелых
На прутах верхом.

Крупный пот с них градом льется,
И лицо горит;
Звучно смех их раздается,
Голосок звенит.

«Ну, катай наперегонки!»
А на шалунов
С тайной завистью девчонка
Смотрит из кустов.

«Тянут, тянут! — закричали
Ребятишки вдруг. —
Вдоволь, чай, теперь поймали
И линей и щук».

Вот на береге отлогом
Показалась сеть.
«Ну, вытряхивай-ка, с богом —
Нечего глядеть!» —

Так сказал старик высокий,
Весь как лунь седой,
С грудью выпукло-широкой,
С длинной бородой.

Сеть намокшую подняли
Дружно рыбаки;
На песке затрепетали
Окуни, линьки.

Дети весело шумели:
«Будет на денек!»
И на корточки присели
Рыбу класть в мешок.

«Ты, подкидыш, к нам откуда?
Не зови — придет...
Убирайся-ка отсюда!
Не пойдешь — так вот!..»

И подкидыша мальчишка
Оттолкнул рукой.
«Ну, за что ее ты, Мишка?» —
Упрекнул другой.

«Экий малый уродился, —
Говорил старик, —
Всё б дрался он да бранился,
Экий озорник!»

— «Ты бы внука-то маленько
За вихор подрал:
Он взял волю-то раненько!» —
Свату сват сказал.

«Эх!.. девчонка надоела...
Сам я, знаешь, голь,
Тут подкидыша, без дела,
Одевать изволь.

Хлеб, смотри, вот вздорожает, —
Ты чужих корми;
А ведь мать небось гуляет,
Прах ее возьми!»

— «Потерпи, — чай, не забудет
За добро господь!
Ведь она работать будет,
Бог даст, подрастет».

— «Так-то так... вестимо, надо
К делу приучить;
Да теперь берет досада
Без толку кормить.

И девчонка-то больная,
Сохнет, как трава,
Да всё плачет... дрянь такая!
А на грех жива!»

Мужички потолковали
И в село пошли;
Вслед мальчишки побежали,
Рыбу понесли;

А девчонка провожала
Грустным взглядом их,
И слеза у ней дрожала
В глазках голубых.

17 марта, первая половина сентября 1854

УПРЯМЫЙ ОТЕЦ

«Ты хоть плачь, хоть не плачь — быть по-моему!
Я сказал тебе: не послушаю!
Молода еще, рано умничать!
«Мой жених-де вот и буян и мот,
Он в могилу свел жену первую...»

Ты скажи прямей: мне, мол, батюшка,
Полюбился сын Кузьмы-мельника.
Так сули ты мне горы золота —
Не владеть тобой сыну знахаря.
Он добро скопил, — пусть им хвалится,
Наживи же он имя честное!
Я с сумой пойду, умру с голода,
Не отдам себя на посмешище, —
Не хочу я быть родней знахаря!
Колдунов у нас в роду не было.
А ты этим-то мне, бесстыдница,
За мою хлеб-соль платить вздумала,
Женихов своих пересуживать!
Да ты знаешь ли власть отцовскую?
С пастухом, велю, под венец пойдешь!
Не учи, скажу: так мне хочется!»

Захватило дух в груди дочери,
Полотна белей лицо сделалось,
И, дрожа как лист, с мольбой горькою
К старику она в ноги бросилась:
«Пожалей меня, милый батюшка,
Не сведи меня во гроб заживо!
Аль в избе твоей я уж лишняя,
У тебя в дому не работница?..
Ты, кормилец мой, сам говаривал,
Что не выдашь дочь за немилого.
Не губи же ты мою молодость:
Лучше в девках я буду стариться,
День и ночь сидеть за работою!
Откажи, родной, свахе засланной».

— «Хороша твоя речь, разумница;
Только где ты ей научилася?
Понимаю я, что ты думаешь:
Мой отец, мол, стар, — ему белый гроб,
Красной девице своя волюшка...
Али, может быть, тебе не любо,
Что отец в почет по селу пойдет,
Что богатый зять тестю бедному
При нужде порой будет помочью?

Так ступай же ты с моего двора,
Чтоб ноги твоей в доме не было!»

— «Не гони меня, сжалься, батюшка,
Ради горьких слез моей матушки!
Ведь она тебя богом, при смерти,
Умоляла быть мне защитою...
Не гони, родной: я ведь кровь твоя!»

— «Знаю я твои бабьи присказки!
Что, по мертвому, что ль, расплакалась?
Да хоть встань твоя мать-покойница,
Я и ей скажу: «Быть по-моему!»
Прокляну, коли́ не послушаешь!..»

Протекло семь дней: дело сладилось.
Отец празднует свадьбу дочери.
За столом шумят гости званые;
Под хмельком старик пляшет с радости,
Зятем, дочерью выхваляется.
Зять сидит в углу, гладит бороду,
На плечах его кафтан новенький,
Сапоги с гвоздьми, с медной прошвою, [1]
Подпоясан он красным поясом.
Молодая с ним сидит об руку;
Сарафан на ней с рядом пуговок,
Кичка с бисерным подзатыльником, —
Но лицо белей снега чистого:
Верно, много слез красной девицей
До венца в семь дней было пролито.

Вот окончился деревенский пир.
Проводил старик с двора детище.
Только пыль пошла вдоль по улице,
Когда зять, надев шляпу на ухо,
Во весь дух пустил тройку дружную,
И без умолку под дугой большой
Залилися два колокольчика.

---

[1] В некоторых селах Воронежской губернии задники крестьянских сапог прошиваются для щегольства медною проволокою.

Замолчало всё в селе к полночи,
Не спалось только сыну мельника;
Он сидел и пел на завалине:
То души тоска в песне слышалась,
То разгул, будто воля гордая
На борьбу звала судьбу горькую.

Стал один старик жить хозяином,
Молодую взял в дом работницу...
Выпал первый снег. Зиму-матушку
Деревенский люд встретил весело;
Мужички в извоз отправляются,
На гумнах везде молотьба идет,
А старик почти с утра до ночи
В кабаке сидит пригорюнившись.
«Что, старинушка, чай, богатый зять
Хорошо живет с твоей дочерью?..» —
Под хмельком ему иной вымолвит;
Вмиг сожмет Пахом брови с проседью
И, потупив взор, скажет нехотя:
«У себя в дому за женой смотри,
А в чужую клеть не заглядывай!»
— «За женой-то мне глядеть нечего;
Лучше ты своим зятем радуйся:
Вон теперь в грязи он на улице».

Минул свадьбе год. Настал праздничек,
Разбудил село колокольный звон.
Мужички идут в церковь весело;
На крещеный люд смотрит солнышко.
В церкви божией белый гроб стоит,
По бокам его два подсвечника;
В головах один, в зипуне худом,
Сирота-Пахом думу думает
И не сводит глаз с мертвой дочери...
Вот окончилась служба долгая,
Мужички снесли гроб на кладбище;
Приняла земля дочь покорную.
Обернулся зять к тестю бледному
И сказал, заткнув руки зá пояс:
«Не пришлось пожить с твоей дочерью!
И хлеб-соль была, кажись, вольная,

А всё как-то ей нездоровилось...»
А старик стоял над могилою,
Опустив в тоске на грудь голову...
И когда на гроб земля черная
С шумом глыбами вдруг посыпалась —
Пробежал мороз по костям его,
И ручьем из глаз слезы брызнули...
И не раз с тех пор в ночь бессонную
Этот шум ему дома слышался.

18 марта — апрель 1854

ТРИ ВСТРЕЧИ

Помню я вечер весенний,
Розовый блеск облаков,
Запах душистой сирени,
Светлые стекла прудов.

Яблонь расцветших вершины,
Группы черемух и лип
И, вдоль широкой равнины,
Сада причудливый вид.

Помню: близ липы склоненной,
В платьице белом своем,
Ты на скамейке зеленой
Рядом сидела с отцом;

Ярким пурпуровым блеском
Солнца вас луч обливал,
И на лице твоем детском
Нежный румянец играл.

Помню твой смех серебристый,
Звонкий, живой голосок,
Ямочки щек и душистый,
Свежий по кудрям венок.

Как в эту пору сияла
Радость в очах у тебя!

Что за миры создавала
В будущем ты для себя!

Дни и года миновали;
Детство твое протекло.
Вдруг ты узнала печали,
Слезы и бедности зло.

Из дому вас беспощадно
Выгнал за долг ростовщик;
С горя, в тоске безотрадной,
Умер отец твой старик.

Стала ты жить сиротою,
Горечь забот узнавать,
Молча, под кровлей чужою,
Ночи одна работать.

Так я расстался с тобою...
Но через год, при реке,
Встретилась снова со мною
Ты в небольшом городке.

День уж к закату склонялся;
Шумом разлившихся вод,
Берег покрыв, любовался
Праздный, беспечный народ.

Помню: в роскошном наряде
Рядом с мужчиной ты шла;
Тайная злость в твоем взгляде
Слишком заметна была.

Помню: в толпе разнородной
Ты замечала не раз
Отзыв насмешки холодной,
Звуки двусмысленных фраз.

И на лице твоем грустном
Вдруг выступала тогда,
Горьким рожденная чувством,
Яркая краска стыда.

Было сознаться мне больно,
Кто с тобой рядом идет,
И я подумал невольно,
Чтó впереди тебя ждет.

21 марта 1854

* * *

Село замолчало; безлюдны дороги;
Недвижно бор темный стоит;
На светлые воды, на берег отлогий
Задумчиво месяц глядит.

Как яркие звезды, в тумане сверкают
Вдоль луга огни косарей,
И бледные тени их смутно мелькают
Вокруг разведенных огней.

И вторит отчетливо чуткое эхо
Уснувших давно берегов
Разгульные песни, и отзывы смеха,
И говор веселых косцов.

Вот песни умолкли; огни потухают;
Пустынно и тихо вокруг;
Лишь светлые звезды на небе сияют
И смотрят на воды и луг.

Как призраки, в зеркале вод отражаясь,
Зеленые ивы стоят
И, мерно от тихого ветра качаясь,
Чуть слышно ветвями шумят.

И в сумраке лунном, поднявшись высоко
Над крепко уснувшим селом,
Белеется церковь от изб недалеко,
Село осеняя крестом.

Спит люд деревенский, трудом утомленный,
Лишь где-нибудь бедная мать
Ребенка, при свете лучины зажженной,
Сквозь сон продолжает качать;

Да с жесткой постели поднятый нуждою,
Бездетный и слабый старик
Плетет себе обувь дрожащей рукою
Из свежих размоченных лык.

27 марта 1854

* * *

Ах! признаюся, воля Ваша,
Мне надоела эта «Чаша»,
И я б благую часть избрал,
Когда б огню ее предал.
Предмет, конечно, колоссальный,
Религиозный и печальный.
Но всех элегий грустный тон
В наш век и жалок и смешон.
Скажите, где здесь совершенство?
К тому ж, что скажет духовенство?
А здесь ведь очень важен глас
Больших бород и длинных ряс.
Не дай бог, если л<об> их ме<дный>
Противоречье здесь найдет, —
Ведь этой «Чаши» автор бедный
Ни за копейку пропадет.

2 апреля 1854

* * *

Не широк мой двор
Разгороженный,
Холодна изба
Нетопленая.

Не пошла мне впрок
Казна батюшки,
В один год ее
Прожил молодец.

Довелось бы мне
С моей удалью
К кабаку идти
Или по миру,

Да богат сосед
Живет под боком,
У него казна
Непочатая;

Как поедет он
В город с вечера,
Намахнешь свою
Шубу на плечи —

И идешь, поешь,
Шапка на́ ухо,
А соседка ждет,
Песню слушает.

Продавай, сосед,
Муку в городе, —
Молодой жене
Деньги надобны.

16 апреля 1854

С. В. ЧИСТЯКОВОЙ

Да не смущается сердце ваше, веруйте в бога...

Ев. Иоанна, гл. XIV, ст. 1.

Тяжел ваш крест! .. Что было с вами
В глуши безлюдной и степной,
Когда у вас перед глазами,
На рыхлом снеге, сын родной,
Назад минуту жизни полный,
Как цвет, подрезанный косой,
Лежал недвижный и немой,
Мгновенной смертью пораженный?
Когда любимое дитя
Вы к жизни воплем призывали

И безответные уста
Своим дыханьем согревали?..
Тяжел ваш крест и ваша чаша
Горька! Но жив господь всего:
Да не смутится сердце ваше,
Молитесь, веруйте в него!
Слеза ль падет у вас — он знает
Число всех капель дождевых,
И ваши слезы сосчитает,
Оценит каждую из них.
Он весь любовь, и жизнь, и сила,
С ним благо всё, с ним свет во тьме!..
И, наконец, скажите мне,
Ужели так страшна могила?
Что лучше: раньше умереть
Или страдать и сокрушаться,
Глядеть на зло, и зло терпеть,
И веровать, и сомневаться?
Утраты, нужды испытать,
Прочесть весь свиток жизни горькой,
Чтоб у дверей могилы только
Их смысл таинственный понять?
Блажен, кто к вечному покою,
Не испытав житейских волн,
Причалил рано утлый челн,
Хранимый высшею рукою!
Кто знает? Может быть, в тот час,
Когда в тиши, в тоске глубокой,
Вы на молитве одинокой
Стоите долго, — подле вас
Ваш сын, теперь жилец небесный,
Стоит, как ангел бестелесный,
И слышит вас и, может быть,
За вас молитвы он творит;
Иль в хоре ангелов летает,
И — чуждый всех земных забот —
И славу бога созерцает,
И гимны райские поет!
К чему же плач? Настанет время,
Когда в надзвездной стороне
За всё свое земное бремя
Вознаградитесь вы вполне.

Там, окруженный неба светом,
Сын радость с вами разделит,
И, по разлуке в мире этом,
Вас вечность с ним соединит.

25 апреля 1854

КУПЕЦ НА ПЧЕЛЬНИКЕ

Меж ульев, к леску примыкая густому,
Под тенью гибких берез и ракит,
Недавно покрытая новой соломой,
Изба одинокая в поле стоит.
Вкруг ульев ветловый плетень. За избою
На толстых столбах обветшалый навес;
Правее ворота с одной вереею,
А далее поле, дорога и лес;
И как хорошо это поле! Вот гречка
Меж рожью высокой и спелым овсом
Белеется ярко, что млечная речка;
Вот стелется просо зеленым ковром,
Склоняяся к почве густыми кистями;
С ним рядом желтеет овес золотой,
Красиво качая своими кудрями;
А воздух струится прозрачной волной,
И солнце так ярко, приветно сияет!
Вон коршун лукавый над рожью плывет,
Вдали колокольчик звенит, замирает,
И мир насекомых немолчно поет.

Близ пчельника, в поле, под тенью ракиты,
С купцом и сва́тами пчелинец сидит,
Широкая лысина шляпой покрыта,
Глаза его мутны, лицо всё горит;
Лежат на щеках загорелых морщины,
И проседь белеет в его волосах;
Рубашка на нем из крученой холстины,
А ноги в онучах и в новых лаптях.
С ним рядом беседуют три его свата:
До плеч из-под шапок их кудри висят,

Все в синих рубахах, на шапках заплаты,
Все пылью покрыты с лица и до пят.
Пред ними, на белой разостланной тряпке,
Ведро деревянное с квасом стоит,
Желтеется мед в неокрашенной чашке [1]
И черного хлеба краюха лежит.
Напротив пчелинца, в поддевке [2] суконной,
В жилете и в плисовых черных штанах,
Купец темно-русый на травке зеленой
Сидит, подбоченясь, с бутылкой в руках.
Подалее, в кичке, в цветном сарафане, [3]
Невестка пчелинца, нагнувшись, стоит
И с салом свиным, на чугунном тагане,
Яичницу в глиняной чашке варит. [4]
Левей, по дороге, близ ивы тенистой,
Две лошади подле повозок стоят
И два медолома во ржи золотистой,
Позавтракав, трубки лениво курят.
Безоблачно небо; безлюдно всё поле;
Лишь пчелы жужжат, не смолкая, кругом,
Да громко, под тенью ракит, на просторе,
Ведут мужички свои речи с купцом.

1-й сват

Нет, ты уж на свата, купец, положися:
Ведь он не захочет душою кривить;
Давай-ка задаток да богу молися,
Товар — то же золото, можно купить.

Пчелинец

Не знаю я, сватушка, хитрых уловок;
Да мой и родитель-то был не таков.
Ты видишь, что за десять лучших колодок [5]
Всего-то я выпросил триста рублей.

---

[1] В свободное время любимое занятие пчелинцев, кроме починки старых ульев, выделка из дерева чашек, ложек и т. п. Эти произведения, разумеется, бывают самой грубой работы.

[2] Одежда — род казакина.

[3] Продажа меда у мужичка-пчелинца считается праздником. В это время он приглашает родных и знакомых погулять на счет покупателя, и бабы надевают тогда лучшие платья.

[4] Яичница — любимое полевое кушанье деревенских пчелинцев.

[5] Улей и колодка имеют одно и то же значение.

Купец

Эх, скуп ты, Кудимыч! грешишь против бога!
Знать, вздумал на старости в клад собирать,
И двадцать целковых, по-моему, много:
Ведь было б и мне из чего хлопотать.

2-й сват

Вестимо, где польза, легка и работа,
Я помню, говаривал кум мой Сысой:
Родись только просо, косить не забота,
Семья будет с кашей, хозяин с казной.

Пчелинец

Да, сватушка, любо на свете с казною.
А я вот на старости лет обеднел;
Лишился детишек, да вот и с женою
Жить вместе не долго господь мне велел.
Невестка, ты знаешь, зимой овдовела;
Сам стар: и пахать, и косить уж невмочь;
Тут горе — избушка недавно сгорела;
Одна мне утеха осталася — дочь.
Господь даст, голубушку к месту пристрою
(А ей наступил девятнадцатый год),
Тогда и глаза я покойно закрою.
Да денег-то нет: вся надёжа на мед.

Купец

Э, полно грустить-то. . . А лучше, Кудимыч,
Давай-ка вот выпьем по чарке одной!

Пчелинец

Спасибо, родимый мой, Яков Данилыч!
Премного доволен, спасибо, родной!

Купец

Да кушай, дружище! Зачем тут считаться?
Сторгуемся — ладно, и нет — не порок;
Мне стыдно отказом твоим обижаться;
Я знаю тебя уж не первый годок.

Пчелинец

Да как же! Еще твой родитель покойный
Лет двадцать со мной по-приятельски жил.

Вот был человек-то! Уж этакой скромный!
А как он моих ребятишек любил!
Зато коли бабы порой посмеются
И скажут, бывало: «Вон едет купец!» —
Ребята мои его ждут не дождутся,
Глядят на дорогу, и играм конец.
Душа был покойник! .. Поверишь, бывало,
Полсотни колодок он купит с двух слов.

Купец

Я сам не охотник болтать что попало.
Да что ж, ведь десяток не триста ж рублев?

Пчелинец

Ну, двадцать пять сбавлю: оно дешевенько,
Да надо тебе дать копейку нажить.

Купец

Спасибо, Кудимыч. Испей-ка маленько;
Успеем поладить: куда нам спешить!

Пчелинец

Я выпью; гляди только, Яков Данилыч,
Чтоб дело покончить по совести нам.

Купец

По совести кончим. Ну, кушай, Кудимыч!
Покамест я, кстати, налью и сватам.

2-й сват

Вот добрый купец-ат! Вишь, как угощает!
Люблю за обычай! .. А что, сват Иван,
Мне кажется, день померкать начинает
И по полю ходит какой-то туман?

3-й сват

В глазах, верно, сват, у тебя потемнело:
На поле идет всё своим чередом.
Туман или ясно — не важное дело...
Вот пчельник-то ходит немного кругом.

Купец

Послушай, Пахомовна, что там хлопочешь?
Поди-ка сюда, побеседуй со мной;
Ты, видно, меня и приветить не хочешь,
Как будто мы вовсе чужие с тобой.

Пахомовна

И, что ты! коли я тебя забывала?
Хозяйке грешно про гостей забывать.
Я всё за яичницей там хлопотала:
Дрова-то сырые, совсем не горят.

Купец

Небось, загорятся: закуска не к сроку.
Ты на-ка вот чарочку выпей пока;
А я ведь тебе приготовил обновку —
Кусок миткалю и два красных платка.
Смотри же, как с свекром-то ладить я буду,
Так ты, молодица, меня поддержи;
А я и в другой раз тебя не забуду;
Теперь лишь по-прежнему мне послужи.

Поморщившись, баба стакан осушила
И вытерла губы слегка рукавом,
Намазала меду на хлеб, закусила
И бойко промолвила свекру потом:
«За чем у вас, батюшка, дело-то стало?
Уважь, коли можно, купец-ат хорош;
Иной нападет ведь такой тряпыхало,
Пожалуй, и денег гроша́ не возьмешь.
Вот прошлое лето, у свата Степана,
Какой-то проезжий его подпоил,
А после, мошенник, наделал изъяну,
И к вечеру след его в поле простыл».

— «Ты сущую правду сказала про свата, —
Поднявшись, пчелинец с трудом бормотал, —
Купцы надувают ведь нашего брата,
Я сам этот грех на себе испытал.
Ну, слушай же, Яков Данилыч! Вот видишь, —
Признаться, ей-богу, в уме не было́,

За то, что в расчете меня не обидишь,
Долой семь целковых! Куда что ни шло!»
— «Нет, так не придется. Я рад бы душою,
Да слишком, любезный, цена высока.
Ты, видно, не хочешь поладить со мною,
А ждешь к себе в гости купца-кулака?
Что ж? — Вольному воля; пожалуй, как знаешь,
Но только такого, как я, не найдешь:
С меня ты червонцы всегда получаешь,[1]
С другого и лыками всех не возьмешь».

Пахомовна ложки меж тем разложила,
Холодного квасу в ведро подлила,
Поближе присесть всех гостей пригласила
И в чашке яичницу им подала.
И, весело гу́торя, около чашки
Сваты и пчелинец уселись в кружок;
Разгладили бороды, скинули шапки,
И каждый взял ложку и хлеба кусок.
И дружно обед свой они продолжали;
Но хмельный пчелинец не ел и молчал;
Глаза старика через силу моргали,
И нос его в воздухе что-то клевал.
Купец и Пахомовна рядом сидели,
И глаз не сводил с нее ловкий сосед,
И щеки молодки румянцем горели...
Вот медом окончился сытный обед.

«Спасибо за хлеб-соль и ласку, Кудимыч, —
Сваты говорили и силились встать, —
Спасибо тебе тоже, Яков Данилыч,
Довольны, родимый: уж неча сказать!»

— «Не стоит сваточки: вы вовсе не ели, —
Сватам, спотыкаясь, пчелинец сказал, —
А что бы одну вы мне песенку спели?
Я песен, признаться, давно не слыхал!»

---

[1] Мужики степных губерний почитают для себя величайшею обидою, если им платят за какой-либо товар разорванными билетами или старою серебряною монетою.

— «Ну, что же, Кудимыч, как будем мы ладить? —
Платком утираясь, промолвил купец. —
Нельзя ли с цены твоей что-нибудь сбавить?
Скажи покороче, — и делу конец».

— «Да вот что, кормилец, я сбавлю немного:
Ты хочешь мне двести и двадцать отдать,
Не то — так ступай себе... вон и дорога!
Я больше не стану с тобой толковать».

— «Сто двадцать!.. упрям ты маленько,
Кудимыч!» —
Как будто обидясь, купец повторил.

«Сто двадцать! Сто двадцать! как знаешь,
Данилыч!
Ни гроша не сбавлю, — и так уступил!»[1]

— «Ну, верно, час добрый! Помолимся богу!
Куплю хоть в убыток назло кулакам!.. —
И, синий картуз приподнявши немного,
С пчелинцем ударил купец по рукам. —
Да только, брат, вот что: ведь я покупаю
На божию волю, на милость твою,
И если я ульи плохие сломаю,
Поправь, ради дружбы, ошибку мою».

— «Не бойся, родимый, обиды не будет...
Родитель мой по́ смерть всегда говорил:
Будь честен, Ванюшка: господь не забудет,
Гляди, чтобы ты никого не забыл».

— «Давайте, ребята, проворней кадушку! —[2]
Работников кликнув, купец им сказал, —
Да кстати сейчас же зажгите курушку[3]

---

[1] Подобного рода проделки некоторыми покупателями меда употребляются нередко. Пьяный пчелинец бессознательно повторяет слова купца и, что всего удивительнее, опять остается его приятелем; проспавшись, бедняк не помнит ничего, сочтет вырученные за мед деньги и скажет: «Эх, дешевенько я продал мед-то купцу: ну, видно, его счастье!»

[2] В кадушку кладется мед, вынутый из улья.

[3] Курушкою медоломы подкуривают пчел.

И вместе с ножом не забудьте резец; [1]
Теперь уж позволь нам, хозяин, за дело,
И тотчас ребята работу начнут».

— «Час добрый, час добрый! работайте смело!
Пускай себе с богом на пчельник идут».

И вот медоломы к труду приступили.
Купец мужичков продолжал угощать,
И вновь даровое вино они пили
И стали с покупкой купца поздравлять.
Но праздник был полный для свата Ивана.
Смекнув, что без дела сидеть не рука,
Достал он жилейку свою из кармана
И, кашлянув, начал играть трепака.
Не долго Пахомовна смирно сидела,
Ей сватова песня знакома была, —
В красавице бабе вся кровь закипела,
И, вставши, плясать она бойко пошла;
И крепко под такт застучала котами,
Рукой подбоченяся, грудью вперед,
И тихо вокруг поводила глазами,
И градом катился с лица ее пот.

«Спасибо, невестка! — воскликнул Кудимыч. —
Всему свое время, — гулять так гулять!..
Как думаешь, батюшка, Яков Данилыч,
Такого нам праздника долго ведь ждать?»

— «Катай! и моя не щербата копейка! —
Вскочив и шатаясь, сват Карп закричал. —
Ну, что ж ты там дремлешь с своею жилейкой?
Играй веселее, коли заиграл!»
И, свистнув, он крепко притопнул ногами,
Хватил оземь шапку, подперся в бока,
Тряхнул молодецки густыми кудрями
И начал вприсядку плясать трепака.
И долго со звуком жилейки сливался

---

[1] Большой нож и резец (острый железный крюк) необходимы при очищении улья.

И свист его звонкий и стук сапогов...
На пляску с улыбкой купец любовался
И думал: «Ну, раз я надул мужичков,
Не дурно б теперь и в другой постараться».
Меж тем подошел уж один медолом...

«Ну что, брат: успели ли с медом убраться?» —
Хозяин работнику молвил тишком.

«Вот есть о чем думать! ведь нам не учиться!
Ну, польза от меду, хозяин, придет:
Полтиною можно на рубль поживиться;
Все ульи на выбор... отличнейший сорт!»

— «Ступай же, там всё убери хорошенько:
Мы скоро поедем, — купец отвечал. —
Ну что, друг Кудимыч! Ведь дело плохенько:
Ты медом-то крепко меня наказал!
Не дай уж в обиду, — прибавь две колодки...
Такая досада, и сам я не свой!»

— «Ох, нет ли, родимый, какой тут уловки?» —
Кудимыч сказал, покачав головой.

«Какой же уловки?.. Я разве мошенник?
Ты, стало быть, хочешь меня обижать?»

— «Ей-богу, не думал!.. Пойдем-ка на пчельник:
Колодку сверх счета не шутка отдать».
Купец говорил, что одной маловато,
Но твердо пчелинец стоял на своем
И тут же сослался на первого свата,
Промолвил: «Мы знаем ведь, дело-то в чем!»
Насилу упрямый купец согласился,
Пчелинцу сто двадцать рублей отсчитал,
И честью своей перед ним похвалился,
И шляпу в подарок ему обещал. [1]

И вот все на пчельник отправились вместе,
Пахомовна в тряпку посуду взяла,

---

[1] Подарить пчелинцу рукавицы или шляпу почти каждый покупатель меду считает своею обязанностию.

И только на прежнем, оставленном месте
Дымился огонь и белела зола.
Толкая друг друга, махая руками,
Сваты охмелевшие медленно шли,
И пыль загребали с дороги ногами,
И под руки свата-пчелинца вели.

«Ну, вот когда вдоволь мы все погуляли! —
Сватáм с расстановкой старик говорил. —
Вишь, дело какое... и мед мы продали,
И шляпу мне добрый купец посулил.
Вот праздник-то бог дал!.. Теперь я с казною...
Еще десять ульев последних продам;
Построю избушку... и дочку зимою
За парня хорошего замуж отдам...
Постойте... постойте... ведь я и забылся...
Эх, то-то, ведь старому пить не рука!
Я, кажется, с вами за что-то бранился?..
Простите, родные, меня, старика!»

— «Да что ты, Кудимыч! — сваты отвечали. —
Не грех ли об этом тебе говорить,
Коли от тебя мы обиду видали?
Нам пóвек, родимый, тебя не забыть».

Сват Карп, головою кудрявой качая
И старую шапку назад заломив,
С открытою грудью шел, песнь напевая,
Широкую руку к щеке приложив:
«Эх, воля моя, молодецкая воля!
Ненáдолго, верно, была ты дана:
Сгубила тебя горемычная доля,
Навек погубила злодейка-жена!
Как вспомнишь ту волю — слеза навернется,
И с горя б на свет, на людей не глядел!
Да, видно, живи, молодец, как живется,
Когда свое счастье беречь не умел!»

И долго сваты на дороге шумели...
Но силы остаток им стал изменять:
Их очи без цели и мысли глядели,
И речи их трудно уж было понять.

До пчельника кой-как с трудом дотащившись,
Меж ульев бродили они с полчаса,
И все наконец, на траву повалившись,
В тяжелой дремоте закрыли глаза.
И всё приутихло... Один лишь Кудимыч
Порою невнятно сквозь сон бормотал:
«Сто двадцать... сто двадцать... Как знаешь,
Данилыч!
Ни гроша не сбавлю... Я сразу сказал».

Садилося солнце. Волнистые нивы
Горели румянцем; весь запад пылал.
Чуть слышно шептали зеленые ивы;
Вечерней прохладою воздух дышал.
Очистивши улей, подарок пчелинца,
Купец отдал бабе миткаль и платки,
Промолвил: «Ну, вот тебе вдруг три гостинца!
Носи, не жалей, с моей легкой руки;
У тебя ведь обновок, я думаю, мало?»

— «Ох, мало, касатик! откуда их взять?
Нам после пожара, как лето настало,
И хлеб-то пришлось у людей занимать!
Теперь хоть от меду копейка собьется, —
Старик не минует избушку купить;
А дочь-то опять жениха не дождется...
Да, плохо, кормилец мой, стало нам жить!
Я думаю в город... в кухарки наняться...
Не то похороним, глядишь, старика,
Дочь станет в селе без приюта шататься,
И я-то останусь тогда без куска...»

«Эх, жаль, — купец думал, — дела
в беспорядке...
В другой раз тут нечего будет купить,
Ну, если б я знал, что пчелинец в упадке, —
Мне в мутной воде рыбу легче б ловить...»

Меж тем уж коней запрягли медоломы;
Купец сел в повозку, картуз приподнял,

Слегка поклонился молодке знакомой
И тронуть своих лошадей приказал,
И лошади крупною рысью пустились,
На уздах раздался бубенчиков звук,
И спицы тяжелых колес закружились,
И пыль за повозками встала вокруг...
Вот кони, исчезнув за пылью густою,
Еще на горе показалися раз,
Свернули налево и вдруг за горою
В глубокой лощине пропали из глаз.

Апрель 1854

ВЕЧЕР ПОСЛЕ ДОЖДЯ

Замерли грома раскаты. Дождем окропленное поле
После грозы озарилось улыбкой румяного солнца.
Заревом пышет закат. Золотисто-румяные тучи
Ярко горят над вершиной кудрявого леса.
Спят неподвижные нивы, обвеяны негой вечерней.
О, как хорош этот воздух, грозой и дождем освеженный!
Как ему рады повсюду, куда он проник, благодатный!
Видел я в полдень вот этот цветок темно-синий: от жару
Грустно свернув лепестки, он клонился к земле раскаленной;
Вот он опять развернулся и держится прямо на стебле.
Солнце-художник покрыло его золотистою краской,
Светлые капли, как жемчуг, горят на головке махровой;
Крепко прильнула к нему хлопотливо жужжащая пчелка,
Сок ароматный сбирая. А как забелелася ярко
Гречка расцветшая, чистой омытая влагой от пыли!
Издали кажется, снег это белой лежит полосою.
Словно воздушный цветок, стрекоза опустилась на колос;
Бедная! долго ждала она капли прозрачной из тучки.
Вышел сурок из норы своей темной, кругом оглянулся,
Стал осторожно на задние лапки и слушает: тихо...
Только кричит где-то перепел и распевает овсянка;
Весело свистнул и он и водицы напился из лужи.

Вот пожилой мужичок показался из лесу. Под мышкой
Держит он свежие лыки. Окинувши поле глазами,
Шляпу он снял с головы, сединой серебристой покрытой,
Тайно молитву творя, осенился крестом и промолвил:
«Экую радость послал нам господь — проливной этот дождик!
Хлеб-ат в неделю поправится так, что его не узнаешь».

17 мая 1854

ДОНЦАМ

Да здравствует донцов воинственное племя,
Да здравствует и млад и стар!
Привет вам всей Руси за славу в наше время!
Привет за славу вашу встарь!

Русь помнит те былые годы,
Когда свой гибельный удар,
Сын дикой степи и свободы,
Бросал ваш предок на татар;
Когда от Дона до Урала
И вдоль днепровских берегов
Внезапной молнией сверкала
Казачья сабля меж врагов.
И помнит Русь тот день великий,
Когда бесстрашный богатырь
К подножью Грозного владыки
Поверг обширную Сибирь;
И подвиг дивный и кровавый,
Которым в летопись веков
На память вечную и славу
Внесен разрушенный Азов.
Привет донцам! увековечен
Ваш сильный, доблестный народ,
И знает мир, как вами встречен
Войны отечественной год:
Весь Дон восстал, на голос чести
И день и ночь казак летел
И крови в битвах грозной мести
Последней капли не жалел.

Минула грозная година:
Повесив шашку на стене,
Казак за делом селянина
Забыл о славе и войне.
Но вот венгерец брани пламя
Рукой мятежною раздул, —
Донец опять родное знамя,
Наследье дедов, развернул,
Оставил мирные станицы
И на постах передовых
С отвагой новой за границей
Явился в битвах роковых.
«Вперед, донцы, врагу навстречу!
Долой мундир! через реку!» —
И молодцы уж под картечью,
Не страшны волны казаку,
Плывут... земля уж под ногами...
«Ура!» — вмиг шашки из ножен,
И берег, взятый удальцами,
Победы кликом потрясен.
Мятеж утих... года минули...
И вдоль дунайских берегов,
Как грозный лес, опять сверкнули
Стальные дротики донцов.
Привык казак к огню и бою,
Ему не страшно по реке
В глухую полночь под грозою
Пуститься в легком челноке,
Подкрасться к вражескому стану,
Канат у судна отрубить
И из-под носа оттомана
Его спокойно уводить,
Схватить «язык», открыть дороги
В лесах, болотах и горах,
И в неприятельских шатрах
Наделать шуму и тревоги,
Иль, подбоченясь молодцом,
На скакуне своем степном
Скрываясь в поле под туманом,
В руке с губительным арканом
Врага беспечного открыть
И вдруг — с коня его схватить.

Войны испытанные дети,
Русь помнит ваши имена!
Недаром славою столетий
Покрыты Дона знамена:
Вы вашей кровию вписали
Любовь к Руси в ее скрижали...

Теперь опять гроза шумит.
Восстань же снова, Дон наш славный!
Оковы брат твой православный
Четыре века уж влачит.
Как жалкий раб, четыре века
Он кровь и слезы проливал
И даже имя человека,
Святое имя потерял![1]
Но жив господь суда и мщенья!
Он грянет карой громовой!
Русь кровью выкупит своей
Родного племени спасенье!..
Вперед, казак! Тебя зовет
И кровь и плен твоих собратов!
Благословит тебя господь!
Благословит отец твой Платов,
И племя страждущих славян,
И царственный твой атаман.
Вперед, донцы! да разовьются
Родные ваши знамена,
И с честью ваши имена
Из рода в роды пронесутся!
Да поздний внук ваш на Дону
На вас с любовию укажет
И детям с гордостию скажет:
Они в великую войну
За честь и славу христианства
Казнили зависть и тиранство.

Между январем и августом 1854

---

[1] Турки называют христиан гяурами, т. е. собаками.

НЕУДАЧНАЯ ПРИСУХА

Удар за ударом,
Полуночный гром,
Полнеба пожаром
Горит над селом.

И дождь поливает,
И буря шумит,
Избушку шатает,
В оконце стучит.

Ночник одиноко
В избушке горит;
На лавке широкой
Кудесник сидит.

Сидит он — колдует
Над чашкой с водой,
То нá воду дует,
То шепчет порой.

На лбу бороздами
Морщины лежат,
Глаза под бровями
Как угли горят.

У притолки парень
В халате стоит:
Он, бедный, печален
И в землю глядит.

Лицо некрасиво,
На вид простоват,
Но сложен на диво
От плеч и до пят.

«Ну, слушай: готово!
Хоть труд мой велик, —
Промолвил сурово
Кудесник-старик, —

Я сделаю дело:
Красотка твоя
И душу и тело
Отдаст за тебя!

Ты сам уж, вестимо,
Зевать — не зевай:
Без ласки ей мимо
Пройти не давай...»

— «Спасибо, кормилец!
За всё заплачу;
Поможешь — гостинец
С поклоном вручу.

Крупы, коли скажешь, —
Мешок нипочем!
А денег прикажешь —
И денег найдем».

И с радости дома
Так парень мой спал,
Что бури и грома
Всю ночь не слыхал.

Пять дней пролетело...
Вот раз вечерком
На лавке без дела
Лежит он ничком.

На крепкие руки
Припав головой,
Колотит от скуки
Об лавку ногой.

И вдруг повернулся,
Плечо почесал,
Зевнул, потянулся
И громко сказал:

«Слышь, мамушка! бают,
У нас в деревнях,

Вишь, доки бывают, —
И верить-то страх!

Кого, вишь, присушат,
Немил станет свет:
Тоска так и душит! ..
Что — правда аль нет?»

— «Бывают, вестимо, —
Ответила мать. —
Не дай бог, родимый,
Их видеть и знать! ..»

«Ну правда — так ладно! —
Сын думал. — Дождусь! ..
Эх, жить будет славно,
Коли я женюсь! ..»

Но, видно, напрасно
Кудесник шептал
И девице красной
Тоской угрожал:

Другого красотка
Любила тайком
За песни, походку
И кудри кольцом...

А парень гуляет,
Как праздник придет,
Лицо умывает
И гребень берет,

И кудри направо,
Налево завьет,
Подумает: «Браво!» —
И пальцем щелкнет.

Как снег в чистом поле,
Рубашка на нем,
Кумач на подоле
Краснеет огнем;

На шляпе высокой,
Меж плисовых лент,
Горит одиноко
Витой позумент.

Онучи обвиты
Кругом бечевой,
И лапти прошиты
Суровой пенькой.

Тряхнет волосами,
Идет в хоровод.
«Ну вот, дескать, нами
Любуйся, народ!»

Как встретился с милой —
Ни слов, ни речей:
Что в памяти было —
Забыл, хоть убей!

Вдруг правда случайно
До парня дошла:
Уж девкина тайна
Не тайной была...

Вся кровь закипела
В бедняге... «Так вот, —
Он думал, — в чем дело!
Кудесник-ат врет.

Не грех ему палкой
Бока обломать,
Обманщику... Жалко
Мне руки марать!»

И два дня угрюмый,
Убитый тоской,
Всё думал он думу
В избушке родной.

На третий, лишь только
Отправилась мать

На речку в ведерко
Водицы набрать, —

С гвоздя торопливо
Котомку он снял;
«Пойду, мол! . .» — и живо
Ремни развязал.

В тряпице рубашку
В нее положил
И с ложкою чашку
Туда ж опустил.

Халат для дороги
Про непогодь взял. . .
Мать входит — он в ноги
Ей пал и сказал:

«Ну, мамушка, горько,
Признаться, идти
С родимой сторонки. . .
А видно, прости!»

Мать так и завыла:
«Касатик ты мой!
Ах, крестная сила!
Что это с тобой?»

— «Да что тут мне биться
Как рыбе об лед!
Пойду потрудиться,
Что бог ни пошлет.

И тут жил трудами,
Талана, вишь, нет. . .»
Старушка руками
Всплеснула в ответ:

«Да как же под старость
Мне жить-то одной?
Ведь ты моя радость,
Кормилец родной!»

И к сыну припала
На грудь головой
И всё повторяла:
«Кормилец родной!»

Сын крепко рукою
Хватил себя в лоб
И думал с собою:
«Прямой остолоп!

Ну, вот тебе, здравствуй! ..
Наладилось мне:
Иди, малый! царствуй
В чужой стороне!

А стало — старушке
Одной пропадать:
Казны-то полушки
Ей негде достать».

И парень украдкой
Лицо отвернул
И старую шапку
На лавку швырнул.

«Ну полно, родная!
Я в шутку... пройдет...
Всё доля дурная...
Наука вперед!»

Румяное солнце
К полям подошло,
В избушке оконце
Огнем залило,

Румянит, золотит
Лесок в стороне.
Мой парень молотит
Овес на гумне.

Тяжелые муки
В душе улеглись,

Могучие руки
За труд принялись.

Цеп так и летает,
Как молния, жжет,
На сноп упадает,
По колосу бьет.

Бог помочь, детина!
Давно б так пора! . .
Долой ты, кручина,
Долой со двора!

7 августа 1854

СТАРЫЙ МЕЛЬНИК

Отдыхай, старик,
Думу думая;
Замолчала-спит
Твоя мельница.

Убыла вода
Под колесами,
Не шумит ручей
За плотиною.

Рано кончил он
Молодой разгул,
Погубил, прожил
Силу юную.

И текут его
Слезы каплями,
По сырой земле
Тихо точатся.

Было времечко,
Пел он весело,
Рассыпал кругом
Брызги-золото,

Серебром кипел
Под колесами,
Поднимал ключом
Пену белую.

И сиял, горел
Против солнышка
Цветной радугой,
Огнем-искрами.

Из живой волны
В полночь тихую
Высыпал на свет
Дивы чудные, —

Запоют они
И заплещутся.
Закипит вокруг
Вода жемчугом,

Великан старик
Под березою
Весь как лунь седой
Им откликнется...

И стоишь, дрожишь,
Песни слушаешь,
Инда волосы
Встают иглами...

Чуть зажгла заря
Небо синее —
Мужички тащат
Хлеб на мельницу.

Вмиг заставки все
Дружно выдвинешь —
Жернова начнут
Свою музыку.

И на камни рожь
Тихим дождиком
Из ковшей идет,
В муку мелется.

Только гул стоит
Вокруг мельницы,
Ходит ходенем
Пол бревенчатый.

И бежит на шум
Рыбка смелая,
Сто́ит бредень взять —
Будешь с ужином.

Отдохнуть прилег —
Спишь под музыку,
В богатырском сне
Видишь праздники.

К мужику пришел —
Место первое,
Что ни год, кафтан
Новый на плечи.

Отвезешь вина,
Пшена знахарю, —
И копишь добро
Припеваючи. . .

Не тужи, старик!
Было пожито.
Хоть не сын, так внук
Вспомнит дедушку!

Есть на черный день
В сундуке казна,
В крепком закроме
Хлеб некупленый.

11 августа 1854

* * *

Подле реки одиноко стою я под тенью ракиты,
Свет ослепительный солнца скользит по широким
уступам
Гор меловых, будто снегом нетающим плотно покрытых.
В зелени яркой садов, под горою, белеются хаты.
Бродят лениво вдоль луга стада, — и по пыльной
дороге
Тянется длинный обоз; подгоняя волов утомленных,
Тихо идут чумаки, и один черномазый хохленок
Спит крепким сном на возу, беззаботно раскинувши
руки.
Но поглядите налево: о боже, какая картина!
Влага прозрачная, кажется, дышит, разлившись
широко!
Синее небо и белые, тихо плывущие тучки,
Берега желтый песок, неподвижного леса вершины,
Тонкий пушистый камыш и рыбак, опускающий
сети, —
Всё отразилось в стекле этой влаги так живо и ясно,
Так сохранило всю чудную прелесть и тени
и света, —
Что вдохновенный художник с своею волшебною
кистью,
Смелый поэт с своим словом послушным сознали б
здесь оба
Жалкую бедность искусства пред жизнию вечной
природы!..
С первого взгляда всё кажется просто, но сколько
тут силы,
Жизни, величия, новых предметов для песен и думы!
Слышишь ли эти немолчные звуки серебряной влаги?
Что она хочет сказать? не разгула ли просит и воли?
Иль на своем языке непонятном и годы и веки
Вторит свободно торжественный гимн вездесущему
богу?
Есть ли таинственный смысл в этом говоре ветра
с листами?
Я ли один созерцаю присутствие бога в твореньи,
Иль надо мною здесь духи витают незримой толпою,
Жизнию, мне незнакомой, живут, и доступен им лучший,

Полный прекрасного, мир с его тайнами, силой
и славой?
Видно, не чужд он и мне: будто что-то родное я слышу
В шепоте ветра с травою и в говоре волн под ногами.
Вижу на каждом шагу своем тайны; но сладко мне
думать:
В царстве природы не лишний я гость с моей думой
и песней.

12 августа 1854

БУРЛАК

Эх, приятель, и ты, видно, горе видал,
Коли плачешь от песни веселой!
Нет, послушай-ка ты, что вот я испытал,
Так узнаешь о жизни тяжелой!

Девятнадцати лет, после смерти отца,
Я остался один сиротою;
Дочь соседа любила меня, молодца,
Я женился и зажил с женою!
Словно счастье на двор мне она принесла, —
Дай бог царство небесное бедной! —
Уж такая-то, братец, хозяйка была,
Дорожила полушкою медной!
В зимний вечер, бывало, лучину зажжет
И прядет себе, глаз не смыкает;
Петухи пропоют — ну, тогда отдохнет
И приляжет; а чуть рассветает —
Уж она на ногах, поглядишь — побежит
И овцам, и коровам даст корму,
Печь истопит и снова за прялкой сидит
Или что прибирает по дому.
Летом рожь станет жать иль снопы подавать
С земи нá воз, — и горя ей мало.
Я, бывало, скажу: «Не пора ль отдыхать?»
— «Ничего, говорит, не устала».
Иногда ей случится обновку купить
Для утехи, так скажет: «Напрасно:
Мы без этого будем друг друга любить,
Что ты тратишься, сокол мой ясный!»

Как в раю с нею жил!.. Да не нам, верно, знать,
Где и как нас кручина застанет!
Улеглася жена в землю на́веки спать...
Вспомнишь — жизнь немила тебе станет!
Вся надежа была — словно вылитый в мать,
Темно-русый красавец сынишка.
По складам уж псалтырь было начал читать...
Думал: «Выйдет мой в люди мальчишка!»
Да не то ему бог на роду написал:
Заболел от чего-то весною, —
Я и бабок к нему, знахарей призывал,
И поил наговорной водою,
Обещался рублевую свечку купить,
Пред иконою в церкви поставить, —
Не услышал господь... И пришлось положить
Сына в гроб, на кладбище отправить...
Было горько мне, друг, в эти черные дни!
Опустились совсем мои руки!
Стали хлеб убирать, — в поле песни, огни,
А я сохну от горя и скуки!
Снега первого ждал: я продам, мол, вот рожь,
Справлю сани, извозничать буду, —
Вдруг, беда за бедой, — на скотину падеж...
Чай, по гроб этот год не забуду!
Кой-как зиму провел; вижу — честь мне не та:
То на сходке иной посмеется:
«Дескать, всякая вот что ни есть мелкота
Тоже в дело мирское суется!»
То бранят за глаза: «Не с его-де умом
Жить в нужде: видишь, как он ленится;
Нет, по-нашему так: коли быть молодцом,
Не тужи, хоть и горе случится!»
Образумил меня людской смех, разговор:
Видно, бог свою помочь мне подал!
Запросилась душа на широкий простор...
Взял я паспорт; подушное отдал...
И пошел в бурлаки. Разгуляли тоску
Волги-матушки синие волны!..
Коли отдых придет — на крутом бережку
Разведешь огонек в вечер темный,
Из товарищей песню один заведет,
Те подхватят, — и вмиг встрепенешься,

С головы и до ног жар и холод пойдет,
Слезы сдержишь — и сам тут зальешься!
Непогода ль случится и вдруг посетит
Мою душу забытое горе —
Есть разгул молодцу: Волга с шумом бежит
И про волю поет на просторе;
Ретивое забьется, и вспыхнешь огнем!
Осень, холод — не надобна шуба!
Сядешь в лодку — гуляй! Размахнешься веслом,
Силой с бурей помериться любо!
И летишь по волнам, только брызги кругом...
Крикнешь: «Ну, теперь божия воля!
Коли жить — будем жить, умереть — так умрем!»
И в душе словно не было горя!

17 августа 1854

ЛЕСНИК И ЕГО ВНУК

«Дедушка, дедушка! Вот я чудес-то когда насмотрелся!
Песней наслушался всяких!.. и вспомню, так сердце забьется.
Утром я сел на поляне под дубом и стал дожидаться,
Скоро ли солнышко встанет. В лесу было тихо, так тихо,
Словно всё замерло... Вижу я, тучки на небе алеют —
Больше, да больше, и солнышко встало! Как будто пожаром
Лес осветило! Цветы на поляне, листы на деревьях, —
Ожило всё, засияло... ну, точно смеется сквозь слезы
Божьей росы!.. Сквозь просеку увидел я чистое поле:
Ярким румянцем покрылось оно, а пары подымались
Выше и выше, и золотом тучки от солнца горели.
Бог весть, кто строил из тучек мосты, колокольни, хоромы,
Горы какие-то с медными шапками... Диво, и только!
Глянул я вверх: надо мною на ветках была паутина, —
Мне показалось, серебряной сети я вижу узоры.
Сам-то паук длинноногий, как умный хозяин, поутру
Вышел, работу свою осмотрел и две ниточки новых

Бойко провел, да и скрылся под листиком, — вот уж
лукавый!..
Вдруг на сухую березу сел дятел и носиком длинным
Начал стучать, будто вымолвить хочет: «Проснитеся,
сони!»
Слышу, малиновка где-то запела, за нею другая,
И раздалися в кустах голоса, будто праздник великий
Вольные птички встречали... Так весело!.. Ветер
прохладный
Что-то шепнул потихоньку осине, — она встрепенулась,
С листьев посыпались светлые капли, как дождик,
на травку;
Вдруг зашумели березы, орешник, и лепет, и говор
По лесу всюду пошел, словно гости пришли на беседу...»

— «Ох ты, кудрявый шалун, наяву начинаешь ты
грезить!
Ветер в лесу зашумел — у него это чудо большое.
Любишь ты сказки-то слушать и сам их рассказывать
мастер.
Вишь, вчера вечером сел у ручья да глазеет на звезды,
Невидаль точно какая! Колол бы ты лучше лучину!
Что, и ручей, чай, вчера рассказал тебе нового много?»

— «Как же, рассказывал, дедушка! Я любовался
сначала,
Как потухала заря, и на небе, одна за другою,
Звездочки стали выглядывать; мне показалось
в ту пору:
Ангелов светлые очи глядят к нам оттуда на землю.
Видел я, как подымался и месяц над лесом; не знаю,
Что он не смотрит, как солнышко? всё будто думает
что-то!
Любо мне было. Прилег я на травку под ивой зеленой, —
Слышу, ручей говорит: «Хорошо мне журчать в темном
лесе:
В полночь тут дивы приходят ко мне, поют песни
и пляшут;
Только раздолья здесь нет. Будет время, я выйду
на волю,
Выйду из темного леса, увижу я синее море;

В море дворцы из стекла и сады с золотыми плодами;
Есть там русалки, белей молока их открытые плечи;
Очи как звезды горят; в волосах дорогие каменья.
Есть там старик чародей; рассылает он ветры по воле;
Слушают рыбы его; вести чудные реки приносят...»

— «Вот погоди, подрастешь — позабудешь ты эти рассказы;
Люди за них не дадут тебе хлеба, а скажут: трудися!
Вон наш пастух с ранних лет обучился играть на свирели,
Так и состарился нищим, всё новые песни слагает!»

— «Разве не плакал ты, дедушка, сам, когда вечером поздним
Брался пастух за свирель и по темному лесу далеко
Песнь соловьиная вдруг разливалась, — и всё замолкало,
Словно и лес ее слушал, и синее небо, и звезды?..
Нет, не брани меня, дедушка! Выросту, буду трудиться,
Буду и песни я петь, как поет ветерок перелетный,
Вольные птицы по дням, по ночам темный лес под грозою,
Буду петь радость и горе и улыбаться сквозь слезы!»

20 августа 1854

* * *

Полно, степь моя, спать беспробудно:
Зимы-матушки царство прошло,
Сохнет скатерть дорожки безлюдной,
Снег пропал, — и тепло и светло.

Пробудись и умойся росою,
В ненаглядной красе покажись,
Принакрой свою грудь муравою,
Как невеста, в цветы нарядись.

Полюбуйся: весна наступает,
Журавли караваном летят,
В ярком золоте день утопает,
И ручьи по оврагам шумят.

Белоснежные тучки толпами
В синеве, на просторе, плывут,
По груди у тебя полосами,
Друг за дружкою, тени бегут.

Скоро гости к тебе соберутся,
Сколько гнезд понавьют, — посмотри!
Что за звуки, за песни польются
День-деньской от зари до зари!

Там уж лето... ложись под косою,
Ковыль белый, в угоду косцам!
Подымайся, копна за копною!
Распевайте, косцы, по ночам!

И тогда, при мерцанье румяном
Ясных зорек в прохладные дни,
Отдохни, моя степь, под туманом,
Беззаботно и крепко усни.

<Октябрь> 1854

БУРЯ

Тучи идут разноцветной грядою по синему небу.
Воздух прозрачен и чист. От лучей заходящего солнца
Бора опушка горит за рекой золотыми огнями.
В зеркале вод отразилися небо и берег,
Гибкий, высокий тростник и ракит изумрудная зелень.
Здесь чуть заметная зыбь ослепительно блещет
от солнца,
Там вон от тени крутых берегов вороненою сталью
Кажется влага. Вдали полосою широкой, что скатерть,
Тянется луг, поднимаются горы, мелькают в тумане
Села, деревни, леса, а за ними синеется небо.
Тихо кругом. Лишь шумит, не смолкая, вода у плотины;
Словно и просит простора и ропщет, что мельнику
служит,
Да иногда пробежит ветерок по траве невидимкой,
Что-то шепнет ей и, вольный, умчится далеко.
Вот уж и солнце совсем закатилось, но пышет доселе

Алый румянец на небе. Река, берега и деревья
Залиты розовым светом, и свет этот гаснет, темнеет...
Вот еще раз он мелькнул на поверхности дремлющей
влаги,
Вот от него пожелтевший листок на прибрежной осине
Вдруг, как червонец, блеснул, засиял — и угас
постепенно.
Тени густеют. Деревья вдали принимать начинают
Странные образы. Ивы стоят над водою, как будто
Думают что-то и слушают. Бор как-то смотрит угрюмо.
Тучи, как горы, подъятые к небу невидимой силой,
Грозно плывут и растут, и на них прихотливою грудой
Башен, разрушенных за́мков и скал громоздятся
обломки.
Чу! Пахнул ветер! Пушистый тростник зашептал,
закачался,
Утки плывут торопливо к осоке, откуда-то с криком
Чибис несется, сухие листы полетели с ракиты.
Темным столбом закружилася пыль на песчаной дороге,
Быстро, стрелою коленчатой молния тучи рассекла,
Пыль поднялася густее, — и частою, крупною дробью
Дождь застучал по зеленым листам; не прошло
и минуты —
Он превратился уж в ливень, и бор встрепенулся
от бури,
Что исполин, закачал головою своею кудрявой
И зашумел, загудел, словно несколько мельниц
огромных
Начали разом работу, вращая колеса и камни.
Вот всё покрылось на миг оглушительным свистом,
и снова
Гул непонятный раздался, похожий на шум водопада.
Волны, покрытые белою пеной, то к берегу хлынут,
То побегут от него и гуляют вдали на свободе.
Молния ярко блеснет, вдруг осветит и небо и землю,
Миг — и опять всё потонет во мраке, и грома удары
Грянут, как выстрелы страшных орудий. Деревья
со скрипом
Гнутся и ветвями машут над мутной водою.
Вот еще раз прокатился удар громовой — и береза
На́ берег с треском упала и вся загорелась,
как светоч.

Любо глядеть на грозу! Отчего-то сильней в это время
Кровь обращается в жилах, огнем загораются очи,
Чувствуешь силы избыток и хочешь простора и воли!
Слышится что-то родное в тревоге дремучего бора,
Слышатся песни и крики, и грозных речей отголоски...
Мнится, что ожили богатыри старой матушки-Руси,
С недругом в битве сошлись и могучие меряют силы...
. . . .
Вот темно-синяя туча редеет. На влажную землю
Изредка падают капли дождя. Словно свечи, на небе
Кое-где звезды блеснули. Порывистый ветер слабеет,
Шум постепенно в бору замирает. Вот месяц поднялся,
Кротким серебряным светом осыпал он бора вершину,
И, после бури, повсюду глубокая тишь воцарилась,
Небо по-прежнему смотрит с любовью на землю.

Октябрь 1854

* * *

Подула непогодушка с родной моей сторонушки,—
Пришла от милой грамотка, слезами вся облитая;
Назад она прислала мне кольцо мое заветное.
Сгубили ненаглядную, сгубили — замуж выдали!
Лежит она в чужом дому, в постели жесткой
при смерти,
Кладет вину и жалобу на мужа да на мачеху...
Гори огнем, добро мое! прощай, родная матушка!
Не долго быть мне, молодцу, твоей подпорой крепкою.
Уж что за день без солнышка, а жизнь без друга
милого!

Октябрь 1854

ПОРЧА

(ВОЛЕСТЬ)

«Сходи-ка, старуха, невестку проведать,
Не стала б она на дворе голосить».
— «А что там я стану с невесткою делать?
Ведь я не могу ей руки подложить.

Вот нажили, бог дал, утеху под старость!
Твердила тебе: «Захотел ты, мол, взять,
Старик, белоручку за сына на радость —
Придется тебе на себя попенять».
Вот так и сбылось! Что ни день — с ней забота:
Тут это не так, там вон то не по ней,
То, вишь, не под силу ей в поле работа,
То скажет: в избе зачем держим свиней.
Печь топит — головка от дыму кружится,
Всё б ей вот опрятной да чистою быть,
А хлев велишь чистить — ну, тут и ленится,
Чуть станешь бранить — и пошла голосить:
„Их-ох! Их-ох!“»
— «Старуха, побойся ты бога!
Зачем ты об этом кричишь день и ночь?
Ну, знахаря кликни; беды-то немного, —
У бабы ведь порча, ей надо помочь.
А лгать тебе стыдно! она не ленится,
Без дела и часу не станет сидеть;
Бранить ее станешь — ответить боится;
Коли ей уж тошно — уйдет себе в клеть,
И плачет украдкой, и мужу не скажет:
«Зачем, дескать, ссору в семье начинать?»
Гляди же, господь тебя, право, накажет;
Невестку напрасно не след обижать».

— «Ох, батюшки, кто говорит-то, — досада!
Лежи на печи, коли бог наказал;
Ослеп и оглох, — ну чего ж тебе надо?
Туда же, жену переучивать стал!
И так у меня от хозяйства по дому,
Хрыч старый, вот эдак идет голова,
Да ты еще вздумал ворчать по-пустому, —
Тьфу! вот тебе что на твои все слова!
Вишь, важное дело, что взял он за сына
Разумную девку, мещанскую дочь, —
Ни платья за нею, казны ни алтына,
Теперь и толкует: «Ей надо помочь!»
Пришла в чужой дом, — и болезни узнала,
Нет, я еще в руки ее не взяла...»
Тут шорох старуха в сенях услыхала
И смолкла. Невестка в избушку вошла.

Лицо у больной было грустно и бледно;
Как видно, на нем положили следы
Тяжелые думы, и труд ежедневный,
И тайные слезы, и горечь нужды.

«Ну, что же, голубушка, спать-то раненько,
Возьми-ка мне на ночь постель приготовь
Да сядь поработай за прялкой маленько», —
Невестке сквозь зубы сказала свекровь.
Невестка за свежей соломой сходила,
На нарах, в сторонке, ее постлала,
К стене в изголовье зипун положила,
Присела на лавку и прясть начала.
В избе было тихо. Лучина пылала,
Старик беззаботно и сладко дремал,
Старуха чугун на полу вытирала,
И только под печью сверчок распевал
Да кот вкруг старухи ходил, увивался
И, щурясь, мурлыкал; но баба ногой
Толкнула его, проворчав: «Разгулялся!
Гляди, перед порчею, видно, какой».
Вдруг дверь отворилась: стуча сапогами,
Вошел сын старухи, снял шляпу, кафтан,
Ударил их об пол, тряхнул волосами
И крикнул: «Ну, матушка, вот я и пьян!»

— «Что это ты сделал? когда это было?
Ты от роду не пил и капли вина!»
— «Я не пил, когда мое сердце не ныло,
Когда, как былинка, не сохла жена!»

— «Спасибо, сыночек!.. спасибо, беспутный!..
Уж я и ума не могу приложить!
Куда же мне деться теперь, бесприютной?
Невестке что скажешь — начнет голосить,
Не то — сложит руки, и горя ей мало;
Старик только ест да лежит на печи.
А вот и от сына почету не стало, —
Живи — сокрушайся, терпи да молчи!
Ах, царь мой небесный! Да это под старость
Хоть руки пришлось на себя наложить!

Взрастила, взлелеяла сына на радость,
Он мать-то уж скоро не станет кормить!»

— «Неправда! я пó смерть кормить тебя буду!
Я лучше зипун свой последний продам,
Пойду в кабалу, а тебя не забуду
И крошку с тобой разделю пополам!
Ты мною болела, под сердцем носила
Меня, и твоим молоком я вспоен.
Сызмала меня ты к добру приучила, —
И вот тебе честь и земной мой поклон. . .
Да чем же невестка тебе помешала?
За что на жену-то мою нападать?»

— «Гляди ты, беспутный, пока я не встала, —
Я скоро заставлю тебя замолчать! . .»

— «На, бей меня, матушка! бей, чтоб от боли
Я плакал и выплакал горе мое!
Эхма! не далось мне таланта и доли!
Когда ж пропадешь ты, худое житье?»

— «Вот дело-то! жизнь тебе стала постыла!
Ты вздумал вино-то от этого пить?
Так вот же тебе! . .» —
И старуха вскочила
И кинулась палкою сына учить.
Невестка к ней броситься с лавки хотела,
Но только что вскрикнула: «Сжалься хоть раз!» —
И вдруг пошатнулась назад, побледнела,
И на пол упала.
«Помилуй ты нас,
Царица небесная, мать пресвятая!
Ах, батюшки! — где тут вода-то была?
Что это с тобою, моя золотая?» —
Над бабой свекровь голосить начала.

«Ну, матушка, бог тебе будет судьею! . .» —
Сын тихо промолвил и сам зарыдал.

«Чай, плачут? . . Аль ветер шумит за стеною? —
Проснувшись, старик на печи рассуждал. —

Не слышу... Знать, сын о жене всё горюет;
У ней эта порча, тут можно понять,
Старуха не смыслит, свое мне толкует,
А нет, чтобы знахаря к бабе позвать».

Октябрь 1854

БОБЫЛЬ

Посвящается Н. В. Кукольнику

Дай взгляну веселей:
Дума не помога.
Для меня ль, бобыля,
Всюду не дорога!

Без избы — я пригрет,
Сокол — без наряда,
Без казны — мне почет,
Умирать не надо!

В чистом поле идешь —
Ветерок встречает,
Забегает вперед,
Стежки подметает.

Рожь стоит по бокам,
Отдает поклоны;
Ляжешь спать — под тобой
Постлан шелк зеленый;

Звезды смотрят в глаза;
Белый день настанет —
Умывает роса,
Солнышко румянит.

На людей поглядишь —
Право, смех и горе!
Целый век им труды
На дворе и в поле.

А тут вот молодец:
За сохой не ходит —

Да привет, и хлеб-соль,
И приют находит.

Ну, а нечего есть —
Стянешь пояс крепче,
Волосами тряхнешь —
Вот оно и легче.

А не то — к богачам:
Им работник нужен;
Помолотишь денек —
Вот тебе и ужин.

Уж зато, коли есть
Зипунишка новый,
На ногах сапоги,
В кошельке целковый —

И раздумье прошло,
И тоска пропала;
Сторонись, богачи:
Бедность загуляла!

Как взойдешь в хоровод
Да начнешь там пляску,
При вечерней заре,
С присвистом вприсядку, —

Бабы, девки глядят,
Стукают котами,
Парни нехотя в лад
Шевелят плечами.

Вот на старости лет
Кто-то меня вспомнит, —
Приглядит за больным,
Мертвого схоронит?

Да бобыль-сирота
Ничего не просит;
Над могилой его
Буря поголосит,

Окропит ее дождь
Чистою слезою,
Принакроет весна
Шелковой травою.

Октябрь 1854

РАССКАЗ ЯМЩИКА

Век жить — увидишь и худо порою.
Жаль, что вот тёмно, а то из окна
Я показал бы тебе: за рекою
Есть у нас тут деревенька одна.
Там живет барин. Господь его знает,
Этакой умница, братец ты мой,
Ну, а теперь ни за что пропадает.
Раз он немножко размолвил с женой:
Барыня сделала что-то не ладно, —
Муж сгоряча-то ее побранил.
Правду сказать, ведь оно и досадно:
Он без ума ее, слышно, любил.
Та — дело барское, знаешь, обидно —
К матушке нежной отправилась в дом
Да сиротою прикинулась, видно, —
С год и жила со старухой вдвоем.
Только и тут она что-то. . . да это
Дело не наше, я сам не видал. . .
Барин-ат сох; иногда до рассвета
С горя и глаз, говорят, не смыкал.
Всё, вишь, грустил да жены дожидался,
Ей поклониться он сам не хотел;
Ну, а потом в путь-дорогу собрался,
Нанял меня и к жене полетел.
Как помирился он с нею, не знаю,
Барыня что-то сердита была. . .
Сам-ат я, братец ты мой, помекаю —
Мать поневоле ее прогнала.
Вот мы поехали. Вижу — ласкает
Барин жену: то в глаза ей глядит,
То, знаешь, ноги ковром укрывает,
То этак ласково с ней говорит, —

Ну, а жена пожимает плечами,
В сторону смотрит — ни слова в ответ. . .
Он и пристал к ней почти со слезами:
«Или в тебе и души, дескать, нет?
Я, дескать, всё забываю, прощаю. . .
Так же люблю тебя, милый мой друг. . .»
Тут она молвила что-то — не знаю,
И покатилася со смеху вдруг. . .
Барин притих. Уж и зло меня взяло!
Я как хвачу коренного кнутом. . .
После одумался — совестно стало:
Тройка шла нá гору, шла-то с трудом;
Конь головой обернулся немного,
Этак глядит на меня, всё глядит. . .
«Ну, мол, ступай уж своею дорогой.
Грех мой на барыне, видно, лежит. . .»
Вот мы. . . о чем, бишь, я речь вел сначала?
Да, — я сказал, что тут барин притих.
Вот мы и едем. Уж ночь наступала.
Я приударил лошадок лихих.
Въехали в город. . . Эхма! Забываю,
Чей это двор, где коней я кормил?
Двор-то мощеный. . . постой, вспоминаю. . .
Нет, провались он, совсем позабыл!
Ну, ночевали. Заря занималась. . .
Барин проснулся — глядь: барыни нет!
Кинулись шарить-искать, — не сыскалась;
Только нашли у ворот один след, —
Кто-то, знать, был с подрезными санями. . .
Мы тут в погоню. . . Уж день рассветал;
Верст этак семь пролетели полями —
След неизвестно куда и пропал.
Мы завернули в село, да в другое —
Нет нигде слуху; а барин сидит,
Руки ломает. Лицо-то больное,
Сам-ат озяб; словно лист весь дрожит. . .
Что мне с ним делать? Проехал немного
И говорю ему: «Следу, мол, нет;
Этой вот, что ли, держать нам дорогой?»
Он и понес чепуху мне в ответ.
Сердце мое облилось тогда кровью!
«Эх, погубил, мол, сердечный ты мой,

Жизнь и здоровье горячей любовью!»
Ну и привез его к ночи домой.
Жаль горемычного! Вчуже сгрустнется:
В год он согнулся и весь поседел.
Нынче над ним уж и дворня смеется:
«Барин-ат наш, мол, совсем одурел. . .»
Дивно мне! Как он жену не забудет!
Нет вот, поди! коротает свой век!
Хлеба не ест, всё по ней, вишь, тоскует. . .
Этакой, братец ты мой, человек!

1 ноября 1854

УТРО

Звезды меркнут и гаснут. В огне облака.
Белый пар по лугам расстилается.
По зеркальной воде, по кудрям лозняка
От зари алый свет разливается.
Дремлет чуткий камыш. Тишь — безлюдье вокруг.
Чуть приметна тропинка росистая.
Куст заденешь плечом — на лицо тебе вдруг
С листьев брызнет роса серебристая.
Потянул ветерок, воду морщит-рябит.
Пронеслись утки с шумом и скрылися.
Далеко-далеко колокольчик звенит.
Рыбаки в шалаше пробудилися,
Сняли сети с шестов, весла к лодкам несут. . .
А восток всё горит-разгорается.
Птички солнышка ждут, птички песни поют,
И стоит себе лес, улыбается.
Вот и солнце встает, из-за пашен блестит,
За морями ночлег свой покинуло,
На поля, на луга, на макушки ракит
Золотыми потоками хлынуло.
Едет пахарь с сохой, едет — песню поет;
По плечу молодцу всё тяжелое. . .
Не боли ты, душа! отдохни от забот!
Здравствуй, солнце да утро веселое!

16 ноября 1854, январь 1855

ВСТРЕЧА ЗИМЫ

Поутру вчера дождь
В стекла окон стучал,
Над землею туман
Облаками вставал.

Веял холод в лицо
От угрюмых небес,
И, бог знает о чем,
Плакал сумрачный лес.

В полдень дождь перестал,
И, что белый пушок,
На осеннюю грязь
Начал падать снежок.

Ночь прошла. Рассвело.
Нет нигде облачка.
Воздух легок и чист,
И замерзла река.

На дворах и домах
Снег лежит полотном
И от солнца блестит
Разноцветным огнем.

На безлюдный простор
Побелевших полей
Смотрит весело лес
Из-под черных кудрей,

Словно рад он чему, —
И на ветках берез,
Как алмазы, горят
Капли сдержанных слез.

Здравствуй, гостья-зима!
Просим милости к нам
Песни севера петь
По лесам и степям.

Есть раздолье у нас, —
Где угодно гуляй;
Строй мосты по рекам
И ковры расстилай.

Нам не стать привыкать, —
Пусть мороз твой трещит:
Наша русская кровь
На морозе горит!

Искони уж таков
Православный народ:
Летом, смотришь, жара —
В полушубке идет;

Жгучий холод пахнул —
Всё равно для него:
По колени в снегу,
Говорит: «Ничего!»

В чистом поле метель
И крутит, и мутит, —
Наш степной мужичок
Едет в санках, кряхтит:

«Ну, соколики, ну!
Выносите, дружки!»
Сам сидит и поет:
«Не белы-то снежки! . .»

Да и нам ли подчас
Смерть не встретить шутя,
Если к бурям у нас
Привыкает дитя?

Когда мать в колыбель
На ночь сына кладет,
Под окном для него
Песни вьюга поет.

И разгул непогод
С ранних лет ему люб,

И растет богатырь,
Что под бурями дуб.

Рассыпай же, зима,
До весны золотой
Серебро по полям
Нашей Руси святой!

И случится ли, к нам
Гость незваный придет
И за наше добро
С нами спор заведет —

Уж прими ты его
На сторонке чужой,
Хмельный пир приготовь,
Гостю песню пропой;

Для постели ему
Белый пух припаси
И метелью засыпь
Его след на Руси!

20 ноября 1854

* * *

Воздадим хвалу Русской земле.
(Сказание о Мамаевом побоище)

Уж как был молодец —
Илья Муромец,
Сидел сиднем Илья
Ровно тридцать лет,

На тугой лук стрелы
Не накладывал,
Богатырской руки
Не показывал.

Как проведал он тут,
Долго сидючи,

О лихом Соловье,
О разбойнике,

Снарядил в путь коня:
Его первый скок —
Был пять верст, а другой —
Пропал из виду.

По коню был седок, —
К князю в Киев-град
Он привез Соловья
В тороках живьем.

Вот таков-то народ
Руси-матушки!
Он без нýжды не вдруг
С места тронется;

Не привык богатырь
Силой хвастаться,
Щеголять удальством,
Умом-разумом.

Уж зато кто на брань
Сам напросится,
За живое его
Тронет не в пору, —

Прочь раздумье и лень!
После отдыха
Он, как буря, встает
Против недруга!

И поднимется клич
С отголосками,
Словно гром загремит
С перекатами.

И за тысячи верст
Люд откликнется,
И пойдет по Руси
Гул без умолку.

Тогда всё трын-трава
Бойцу смелому:
На куски его режь, —
Не поморщится.

Эх, родимая мать,
Русь-кормилица!
Не пришлось тебе знать
Неги-роскоши!

Под грозой ты росла
Да под вьюгами,
Буйный ветер тебя
Убаюкивал,

Умывал белый снег
Лицо полное,
Холод щеки твои
Подрумянивал.

Много видела ты
Нужды смолоду,
Часто с злыми людьми
На смерть билася.

То не служба была,
Только службишка;
Вот теперь сослужи
Службу крепкую.

Видишь: тучи несут
Гром и молнию,
При морях города
Загораются.

Все друзья твои врозь
Порассыпались,
Ты одна под грозой...
Стой, Русь-матушка!

Не дадут тебе пасть
Дети-соколы.

Встань, послушай их клич
Да порадуйся...

«Для тебя — всё добро,
Платье ценное
Наших жен, кровь и жизнь —
Всё для матери».

Пронесет бог грозу,
Взглянет солнышко,
Шире прежнего, Русь,
Ты раздвинешься!

Будет имя твое
Людям памятно,
Пока миру стоять
Богом сужено.

И уж много могил
Наших недругов
Порастет на Руси
Травой дикою!

8 декабря 1854

ВНЕЗАПНОЕ ГОРЕ

Вот и осень пришла. Убран хлеб золотой,
Всё гумно у соседа завалено...
У меня только смотрит оно сиротой, —
Ничего-то на нем не поставлено!

А уж я ль свою силу для пашни жалел,
Был ленив за любимой работою,
Иль как надо удобрить ее не умел,
Или начал посев не с охотою?

А уж я ли кормилице — теплой весне —
Не был рад и обычая старого
Не держался — для гостьи с людьми наравне
Не затеплил свечу воску ярого!..

День и ночь всё я думал: авось, мол, дождусь!
Стану осенью рожь обмолачивать, —
Всё, глядишь, на одежду детишкам собьюсь
И оброк буду в пору уплачивать.

Не дозрела моя колосистая рожь,
Крупным градом до корня побитая! ..
Уж когда же ты, радость, на двор мой войдешь?
Ох, беда ты моя непокрытая!

Посидят, верно, детки без хлеба зимой,
Без одежды натерпятся холоду...
Привыкайте, родимые, к доле худой!
Закаляйтесь в кручинушке смолоду!

Всем не стать пировать... К горьким горе идет,
С ними всюду как друг уживается,
С ними сеет и жнет, с ними песни поет,
Когда грудь по частям разрывается! ..

16 декабря 1854

РАССКАЗ КРЕСТЬЯНКИ

Ох, много, мои матушки,
И слез я пролила,
И знала горя горького,
И нужд перенесла!

Тут бог послал безвременье —
Овин у нас сгорел,
Тут, эдак через полгода,
Вдруг муж мой заболел.

Пора была рабочая —
И кинуть жаль его,
И в поле-то не убрано,
Как надо, ничего,

А там детишки малые, —
Хлопочешь день-деньской,
Разломит все суставчики
Ночною-то порой.

Раз в поле я работаю —
Жара, терпеть невмочь,
Напиться-то мне нечего...
Пока настала ночь,

Уж так я утомилася —
Не подыму руки.
Щемит мое сердечушко
И ноет от тоски.

Ох, ну-ка, мол, проведаю
Больного я пойду;
Пришла, а он, касатик мой,
Уж мечется в бреду.

Теленок был на привязи —
Покромку оборвал
И всю солому кой-куда
В избе поразбрыкал.

Сынишка перепуганный
Сидит, кричит в углу,
А дочь грудная ползает
И плачет на полу.

Я на нее как глянула —
Едва не обмерла!
Взяла бедняжку на руки
Да к мужу подошла.

«Васильевич! Васильевич!
Опомнись, мол, на час.
Уж на кого, родименький,
Ты покидаешь нас?»

Он застонал, голубчик мой,
Рукой вот так махнул,
Сказал: «На волю божию» —
Да на́век и уснул.

Осталася с детишками
Одна я одиной...

Покрылся без хозяина
Широкий двор травой.

Пришла зима с морозами —
А я без дров сижу,
Не знаю себе отдыха,
Горюю и тужу.

Тут дети просят хлебушка,
Покою не дают,
Там лошади голодные
Стоят и корму ждут;

То надо печь соломою
Топить и щи варить;
То за водою нá реку
С ведерками сходить;

То снег самой откидывать
Лопатой от ворот, —
Денек-ат как помаешься,
Еда на ум нейдет.

Детишки, мои ягодки,
Сиротками глядят,
Общипаны, оборваны,
Худеют да болят.

Смотрю на них и думаю:
«Уж чем их я вскормлю?»
И думу свою крепкую
И сплю-то не засплю. . .

Вдруг за меня посватался
Зажиточный мужик;
Такой, господь с ним, взбалмошный,
Причудливый старик,

Всегда с женою ссорился,
А бабу грех корить —
Она была разумная,
Умела домом жить.

И был он мне не по́ сердцу,
А вышла за него;
Теперь глаза и колет мне
Семья-то вся его:

«Что вот-де навязалася
Какая-то с детьми,
Сама родила, нянчила,
Сама их и корми!»

Да благо, что сиротки-то
Пригреты у меня,
А о себе-то, матушки,
Уж не забочусь я.

23 декабря 1854

ЧЕРЕМУХА

Много листьев красовалося
На черемухе весной
И гостей перебывалося
Вплоть до осени сырой.

Издалёка в ночь прохладную
Ветерок к ней прилетал
И о чем-то весть отрадную
Ей, как друг, передавал.

Чуть, бывало, загорается
Алой зорьки полоса —
Разной краской покрывается
На кудрях ее роса.

И она вся зарумянится,
Сон забудет, гостя ждет;
Смотришь — гость любимый явится,
Сядет, свищет и поет...

Но пришла зима сердитая,
И, как уголь, вся черна,

На морозе, беззащитная,
Сиротой стоит она.

И меня весна покинула, —
Милый друг меня забыл;
С ним моя вся радость минула,
Он мою всю жизнь сгубил.

Всё к нему сердечко просится,
Всё его я жду, одна;
Но ко мне, знать, не воротится,
Как к черемухе, весна...

1854

* * *

Уж не я ли тебя, милая, упрашивал,
Честью, ласкою, как друга, уговаривал:
«Позабудь меня — ты после будешь счастлива,
Обвенчают нас — ты вспомнишь волю девичью.

У меня зимой в избушке сыро, холодно,
Мать-старуха привередлива, причудлива,
Сестры злы, а я головушка разгульная,
Много горя ты со мною понатерпишься».

Ты не верила, сквозь слезы улыбалася,
Улыбаясь, обняла меня и молвила:
«Не покинь меня, надёжа, всё я вынесу,
При тебе и злое горе будет радостью...»

Уж на что ж теперь ты поздно стала каяться,
На свекровь и на золовок горько плакаться?
Не они тоски-кручины тебе придали —
Что трава от ветра, от меня ты высохла.

Разлюбил я друга, как — и сам не ведаю!
Ноет мое сердце, разума не слушает:
О тебе печалюсь, об иной я думаю,
Ты вся сокрушилась, — весь и я измучился!

1854, январь 1855

* * *

Сибирь!.. Напишешь это слово —
И вдруг свободная мечта
Меня уносит в край суровый.
Природы дикой красота
Вдали встает передо мною.
И, мнится, вижу я Байкал
С его прозрачной глубиною,
И цепи гор с громадой скал,
И бесконечную равнину
Вокруг белеющих снегов,
И грозных, девственных лесов
Необозримую вершину...
Но вот проходит этот бред,
И снова видишь пред собою:
Диван с подушкою худою,
Комод, старинный туалет,
Семь стульев, стол на жалких ножках,
Навоз какой-то на полу,
Цветы в каких-то глупых плошках
И, наконец, кота в углу.
Да вот пришел старик сердитый,
О похоронах говорит
И, кажется, меня бранит,
Что моей тетки гроб открытый
До церкви я не проводил.

2 января 1855

* * *

За какую ж вину и беду
Я состарился рано без старости,
И терплю с малолетства нужду,
И не вижу отрады и радости?

Только я, бедный, на ноги стал —
Сиротою остался без матушки;
И привета и ласки не знал
Во всю жизнь от родимого батюшки.

Помню, как он, бывало, возьмет
С полки крашеной книгу измятую,
Под хмельком мне приказ отдает —
Прочитать ему заповедь пятую,

И ударит об стол кулаком...
Я стою, от испуга шатаюся,
Что скажу — позабуду потом,
Начинаю опять — заикаюся...

Помню, как я не раз убегал
По утрам в лес зеленый украдкою, —
Что родной, меня он принимал,
Утешал речью тихой и сладкою;

И когда по нем буря порой
С грозным шумом, бывало, расходится,
Притаюся я в чаще глухой,
И мне страшно и любо становится.

И не раз я с любовью глядел,
Когда солнце над ним поднималося,
И на листьях румянец горел,
И кругом меня всё просыпалося.

Годы шли... Стал я ночи не спать,
Думы думать про степи раздольные,
Чудных звуков игру понимать,
Втихомолку слагать песни вольные.

Но иное судил мне господь...
Где тут петь, когда жизнь уж наскучила,
И не слезы из глаз — кровь течет,
И всю душу кручина измучила!

У людей хоть и бедность, да мир.
У меня в доме крик, ссора шумная,
При тяжелой нужде — хмельной пир,
При печали — веселость безумная.

Но как доля моя ни горька,
И сквозь слезы петь песни мне хочется,

Лежит нá сердце камнем тоска —
На уста звуки чудные просятся.

И придет час — отрада души,
Песню грустную сложишь украдкою,
И забудется горе в тиши,
И на миг жизнь покажется сладкою!..

18 января 1855

* * *

Пошутила я — и другу слово молвила:
«Не ходи ты темной ночью в наш зеленый сад:
Молодой сосед догадлив, он дознается,
Быль и нéбыль станет всем про нас рассказывать».

Милый друг мой, что ненастный день, нахмурился,
Не подумал и ответил мне с усмешкою:
«Не молвы людской боишься ты, изменница,
Верно, видеться со мною тебе нé любо».

Вот неделя — моя радость не является,
Засыпаю — мне во сне он, сокол, видится,
Просыпаюсь — мне походка его чудится,
Вспомню речь его — всё сердце разрывается.

Для чего же меня, друг мой, ты обманывал,
Называл душою, дорогою радостью?
Покидая радость, ты слезы не выронил
И с душой расстался, что с заботой скучною.

Не виню я друга, на себя я плачуся:
Уж зачем его я слушала, лелеяла?
Полюбить умела лучше милой матери,
Позабыть нет сил, разлюбить — нет разума.

19 января 1855

* * *

Взгляни: небесный свод безоблачен над нами,
И безмятежно угасает день,
И листья темных ив, нависших над водами,
Объяли сон и сладостная лень.

Не тронется трава, камыш не шевелится,
Безлюдны берега, молчит полей простор,
И солнце на покой торжественно садится,
И в золоте горит недвижный бор.

Повсюду тишина и мир невозмутимый...
Лишь слышен мельницы однообразный шум
Да резвой рыбы плеск... О друг неутомимый!
Зачем же ты один и мрачен и угрюм?

Вот оттого-то так мне тяжело и больно,
Что всё покоится в глубокой тишине,
Тогда как нет отрады только мне,
Тогда как плачу я от горьких дум невольно.

20 января 1855

УЛИЧНАЯ ВСТРЕЧА

Словно безлюдный, спокоен весь город.
Солнце чуть видно сквозь сеть облаков,
Пусто на улице. Утренний холод
Вывел узоры на стеклах домов.
Крыши повсюду покрыты коврами
Мягкого снега; из труб там и сям
Дым подымается кверху столбами,
Вьется, редеет, подобно клочкам
Тучек прозрачных, — и вдаль улетает...
Скучная улица! Верно, народ
Здесь неохотно дворы покидает...
Вот только баба, согнувшись, несет
Гробик под мышкою... Вот и другая
Встретилась с нею, поклон отдала,

Кланяясь, молвила: «Здравствуй, родная!»
Остановилась и речь повела:

«Кому же этот гробик-то
Ты, мать моя, взяла,
Сыночек, что ли, кончился
Иль дочка умерла?»

— «Сынка, моя голубушка,
Сбираюсь хоронить;
Да вот насилу сбилася
И гробик-то купить.

А уж свечей и ладану
Не знаю где и взять...
Есть старый самоваришко,
Хочу в заклад отдать.

Муж болен. Вот три месяца
Лежит всё на печи,
Просить на бедность — совестно,
Хоть голосом кричи!»

— «И, мать! и я стыдилася
Просить в твои года...
Глупа была, уж что таить,
Глупа да и горда.

Теперь привыкла, горя нет;
Придешь в знакомый дом,
Поплачешь да поклонишься,
Расскажешь обо всем:

Вдова, мол, я несчастная...
Глядишь — присесть велят,
Дадут какое платьишко
И к чаю пригласят.

Другое дело, мать моя,
Под окнами ходить, —
Вестимо, это совестно,
Уж надо нищей быть.

А примут тебя в комнате, —
Какой же тут порок?..
Ты, кажется, кручинишься,
Что помер твой сынок?»

— «Ох, я ведь с ним заботушки
Немало приняла!..
Кормить его, по немочи,
Я грудью не могла.

Поутру жидкой кашицы
Вольешь ему в рожок,
Сосет ее он, бедненький,
Да тем и сыт денек.

Тут, знаешь, у нас горенка
Зимой-то что ледник, —
Чуть сонный он размечется,
Ну и подымет крик...

И весь дрожит от холода...
Начнешь ему дышать
На красные ручонки-то,
Ну и заснет опять».

— «И плакать тебе нечего,
Что бог его прибрал...
Он, мать моя, я думаю,
Недолго прохворал?»

— «С неделю, друг мой, маялся
И нé брал в рот рожка;
Бывало, только капельку
Проглотит молока.

Вчера, моя голубушка,
Ласкаю я его,
Глядь — слезки навернулися
На глазках у него,

Как будто жизнь безгрешную
Он кинуть не хотел...

А умер тихо, бедненький,
Как свечка, догорел!»

— «О чем же ты заплакала?
Тут воля не твоя.
И дети-то при бедности —
Железы, мать моя!

Вот у меня Аринушка
И умница была,
По бархату, душа моя,
Шить золотом могла;

Бывало, за работою
До петухов сидит,
А мне с поклоном по людям
И выйти не велит:

«Сама уж, дескать, маменька,
Я пропитаю вас».
Работала, работала, —
Да и лишилась глаз.

Связала мои рученьки:
Ведь чахнет от тоски;
Слепа, а вяжет кое-как
Носчишки да чулки.

Чужого калача не съест,
А если и возьмет
Кусок какой от голода,
Всё сердце надорвет:

И ест, и плачет глупая;
Журишь — ответа нет...
Вот каково при бедности
С детьми-то жить, мой свет!..»

— «Ох, горько, моя милая!
Растет дитя — печаль,

Умрет оно — своя ведь кровь,
Жаль, друг мой, крепко жаль!»

— «Молися богу, мать моя, —
Не надобно тужить.
Прости же, я зайду к тебе
Блинов-то закусить».

Бабы расстались. На улице снова
Пусто. Заборы и стены домов
Смотрят печально и как-то сурово.
Солнце за длинной грядой облаков
Спряталось. Небо так бледно, бесцветно,
Точно как мертвое... И облака
Так безотрадно глядят, бесприветно,
Что поневоле находит тоска...

Январь 1855

* * *

Погуляла вода
По зеленым лугам, —
Вдоволь бури понаслушалась;
Поломала мостов,
Подтопила дворов, —
Вольной жизнью понатешилась.

Миновала весна,
Присмирела река, —
По песку течет — не мутится;
В ночь при месяце спит,
Дунет ветер — молчит,
Только хмурится да морщится.

Погулял молодец
По чужим сторонам, —
Удальством своим похвастался;
По пирам походил,

Чужих жен поласкал,
Их мужьям придал заботушки.

А теперь при огне
Сиди лапоть плети, —
Всю вину на старость сваливай;
Молодая жена
Ею колет глаза, —
Ну, рад не рад — а смалчивай.

Январь 1855

* * *

Над светлым озером пурпуровой зари
Вечерний пламень потухает.
На берегу огни разводят косари,
И беззаботно собирает
Рыбак близ камыша сеть мокрую в челнок.
Уснули в сумраке равнины,
И только изредка прохладный ветерок
Пошевелит листы осины.

Люблю я этот час, когда со всех сторон
Ко мне идут густые тени,
И веет свежестью, и воздух напоен
Дыханьем дремлющих растений;
Когда становится яснее каждый звук,
Горит зарница надо мною.
И месяц огненный, безмолвный ночи друг,
Встает над ближнею горою.

Что нужды? Этот день печально я прожил
Под гнетом горьких впечатлений,
Зато теперь кипит во мне избыток сил
И новых чувств и размышлений.
Я вновь теперь живу! и как отраден мне
И сон полей в тиши безлюдной,
И этих ярких звезд, горящих в вышине,
Язык торжественный и чудный!

Январь 1855

ЕЛКА

Посвящено кн. Е. П. Долгорукой

Одиноко вырастала
Елка стройная в лесу,
Холод смолоду узнала,
Часто видела грозу.

Но, покинув лес родимый,
Елка бедная нашла
Уголок гостеприимный,
Новой жизнью зацвела.

Вся огнями осветилась,
В серебро вся убралась,
Словно вновь она родилась,
В лучший мир перенеслась.

Дети нужды и печали!
Точно елку, вас, сирот,
Мaтерински приласкали
И укрыли от невзгод.

Обогрели, приютили,
Свят и светел ваш приют,
Здесь вас рано научили
Полюбить добро и труд.

И добра живое семя
Не на камень упадет:
Даст господь, оно во время
Плод сторичный принесет.

Начат сев во имя бога.
Подрастайте, в добрый час!
Жизни тесная дорога
Пораздвинется для вас.

Но невзгода ль вас застанет
На пути, или порок
Сети хитрые расставит —
Детства помните урок.

Для борьбы дана вам сила;
Не родное по крови,
Вам свет истины открыло
Сердце, полное любви.

И о нем воспоминанье
Да хранит вас в дни тревог,
В пору счастья и страданья,
Как добра святой залог.

Январь 1855

ДРУГ
(СТЕПЬ)

Пусть снова дни мои мне горе принесут,
Часы тяжелого томленья,
Я знаю, выкупит восторг иных минут
Другие чувства и явленья.

Когда поверхность вод при месяце блестит,
Когда закат огнем пылает,
Иль по дороге вихрь густую пыль кружит,
Иль в полночь молния блистает,

Когда поля зимой под белым пухом спят,
Иль гнется лес от вьюги грозной,
Иль на́ небе столбы, как радуги, горят
При свете солнца в день морозный, —

За всем отрадно мне и весело следить,
Всё так знакомо мне и ново,
И всё я в памяти желал бы сохранить,
Замкнуть в обдуманное слово!..

Природа, ты одна, наставник мой и друг,
Мир, полный мысли, мне открыла,
Счастливым сделала печальный мой досуг
И с бедной долей примирила!

От тайной ли тоски болит и ноет грудь,
Иль мучит сердце нужд тревога, —
В твои объятия спешу я отдохнуть,
Как в храм невидимого бога.

И мне ли не любить тебя от всей души,
Мой друг, не знающий забвенья!
Меня и мертвого ты приютишь в тиши,
Теперь живого утешенье!

Март 1855

СЛЕПОЙ ГУСЛЯР

Давно уж не вижу я солнца и неба,
Не знаю, как мир и живет и цветет,
Как птица, не сею зернистого хлеба,
Пою и ночую, где бог приведет.

Но слух мой в замену отрадного зренья
Неведомой силою чудно развит, —
Когда и былинка стоит без движенья,
Со мною незримая жизнь говорит:

Листок ли на землю сырую ложится,
Змея ли ползет где-нибудь в стороне,
Камыш ли сквозь сон вдалеке шевелится, —
Я всё различаю в ночной тишине;

И голос веселья, и стон тайной муки
В тревоге дневной я умею ловить;
И в душу однажды запавшие звуки
В согласные песни спешу перелить.

Когда же порой, окруженный гостями,
Под крышей чужою найду я приют,
И гусли вздрогнут у меня под руками,
И звуки волнами от струн потекут, —

Откуда-то вдруг во мне сила возьмется,
Забегают пальцы, и кровь закипит,

Развернется дума, — и песня польется...
И свет мои очи тогда озарит!

Мне кажется, вижу я степи раздолье,
Блеск солнца и краски душистых цветов,
И светлые воды, и луга приволье,
И темные сени родимых лесов, —

Пою — и на мне подымается волос,
И впалые щеки румянцем горят,
И звучным становится слабый мой голос,
И гости, заслушавшись, молча сидят.

Умолкну — гусляра толпа окружает,
Но я уж не слышу тут грома речей:
Душа, словно ветер, по свету гуляет,
И слезы ручьями бегут из очей!

Март 1855

‹П. И. САВОСТЬЯНОВУ›

Не спится мне. Окно отворено,
Давно горят небесные светила,
Сияет пруд, в густом саду темно,
Ночь ясная безмолвна, как могила...

Но там — в гробах — наверно, есть покой;
Здесь жизни пир; во тьме кипят желанья,
Во тьме порок идет своей тропой,
Во тьме не спят ни страсти, ни страданья!

И больно мне и страшно за людей,
В ночной тиши мне чудятся их стоны,
И вижу я, как в пламени страстей
И мучатся и плачут миллионы...

И плачу я... Мне думать тяжело,
Что день и ночь, минута и мгновенье
Родят на свет невидимое зло
И новое, тяжелое мученье.

24 июня 1855

В ЛЕСУ
(ПОСЛЕ ВЫЗДОРОВЛЕНИЯ)

Привет тебе, знакомец мой кудрявый!
Прими меня под сень твоих дубов,
Раскинувших навес свой величавый
Над гладью светлых вод и зеленью лугов.

Как жаждал я, измученный тоскою,
В недуге медленном сгорая, как в огне,
Твоей прохладою упиться в тишине
И на траву прилечь горячей головою!

Как часто в тягостном безмолвии ночей,
В часы томительного бденья,
Я вспоминал твой мрак, и музыку речей,
И птиц веселый свист и пенье,

И дни давнишние, когда свой скучный дом
Я покидал, ребенок нелюдимый,
И молча в сумраке твоем
Бродил, взволнованный мечтой невыразимой!

О, как ты был хорош вечернею порой,
Когда весь молнией мгновенно освещался
И вдруг на голос тучи громовой
Разгульным свистом откликался!

И любо было мне!.. Как с существом родным,
С тобой я всем делился откровенно:
И горькою слезой, и радостью мгновенной,
И песнью, сложенной под говором твоим.

Тебя, могучего, не изменили годы!..
А я, твой гость, с летами возмужал,
Но в пламени страстей, средь мелочной невзгоды,
Тяжелой горечи я много испытал...

Ужасен этот яд! Он вдруг не убивает,
Не поражает, как небесный гром:
Он сушит мозг, в суставы проникает,
Жжет тело медленным огнем!

Паду ль я этим ядом пораженный,
Утратив крепость сил и песен скромный дар,
Иль новых дум и чувств узнаю свет и жар,
В горниле горя искушенный, —

Бог весть, что впереди! Теперь, полубольной,
Я вновь под сень твою, лес сумрачный, вступаю
И слушаю приветный говор твой,
Тебе мою печаль, как другу, поверяю!..

Август 1855

* * *

Отвяжися, тоска,
Пылью поразвейся!
Что за грусть, коли жив, —
И сквозь слезы смейся!

Не диковинка — пир
При хорошей доле;
Удаль с горя поет,
Пляшет и в неволе.

Уж ты как ни хвались
Умной головою —
Громовых облаков
Не отвесть рукою.

Грусть-забота не спит,
Без беды крушится;
Беззаботной душе
И на камне спится.

Коли солнышка нет —
Ясный месяц светит;
Изменила любовь, —
Песня не изменит!

Сердце просит не слез,
А живет отрадой;
Вот умрешь — ну, тогда
Ничего не надо.

18 октября 1855

19 ОКТЯБРЯ

Что это за утро! Серебряный иней
  На зелени луга лежит;
Камыш пожелтевший над речкою синей
  Сквозною оградой стоит.

Над черною далью безлюдной равнины
  Клубится прозрачный туман,
И длинные нити седой паутины
  Опутали серый бурьян.

А небо так чисто, светло, безмятежно,
  Что вон — далеко в стороне —
Я вижу — мелькнул рыболов белоснежный
  И тонет теперь в вышине.

Веселый, прохладой лугов освеженный,
  Я красного солнышка жду,
Любуюсь на пашни, на лес обнаженный
  И в сонную чащу вхожу.

Листы шелестят у меня под ногами,
  Два дятела где-то стучат...
А солнышко тихо встает над полями,
  Озера румянцем горят.

Вот ярко блеснули лучи золотые
  И крадутся в чащу берез
Всё дальше и дальше, — и ветки сырые
  Покрылися каплями слез.

У осени поздней, порою печальной,
    Есть чудные краски свои,
Как есть своя прелесть в улыбке прощальной,
    В последнем объятьи любви.

19 октября 1855

ДЕЛЕЖ

Да, сударь мой, нередко вот бывает:
Отец на стол, а детки за дележ,
И брата брат за шиворот хватает...
Из-за чего? И в толк-ат не возьмешь!

У вас-то, бар, я чаю, нет разлада...
А мужики, известно, вахлаки:
У них за грош — остуда и досада,
За гривенник какой-нибудь — пинки!

Тут из-за баб, детишек выйдет злоба...
Вот мы теперь: всего-то двое нас —
Мой брат да я; женаты, сударь, оба,
И хлеб всегда имели про запас;

И жили бы себе, домком сбирались...
Нет, погоди! Вишь, жены не в ладу:
Вон у одной коты поистаскались...
«Я, — говорит, — на речку не пойду;

Пускай идет невестка, коли хочет,
Ей муж успел обнову-то купить...»
А та себе, как бешеная, вскочит,
Начнет вот так руками разводить

И ну кричать: «А ты что за дворянка?
Котов-де нет, да села и сидит...»
И тут пойдет такая перебранка,
Что у тебя в ушах инда звенит.

Брат за жену, глядишь, замолвит слово
И дурою мою-то назовет,
А у тебя на слово пять готово, —
Вот, сударь мой, потеха и пойдет!

Всё это так... И при отце бывало.
Да старичок нас скоро разводил;
Чуть крикнет: «Эй!» — бежишь куда попало,
Не то — беда! Ох, крут покойник был!

Как помер он, мой брат и позазнался:
Срамит меня, срамит мою жену:
Вы, дескать, что? Старшим-то я остался,
Я, говорит, вас вот как поверну!

И повернул... Тут надо лык на лапти —
Он бражничать возьмется да гулять;
Ты цеп берешь — он ляжет на полати...
Ну, одному не растянуться стать.

Жена его всё, знаешь, поджигает:
«Делись, дескать! Твой брат-то лежебок,
Как куколку жену-то снаряжает,
Исподтишка весь дом поразволок...»

Сама-то, вишь, она скупенька больно,
Готова век в отрепьях пропадать,
Да любит жить хозяйкой самовольной,
По-своему всё, знаешь, повершать.

Ну, а моя бабенка не сварлива,
А грех таить — от щегольства не прочь,
Да и того... в работе-то ленива,
Что есть, то есть, — тут ложью не помочь.

Вот, сударь мой, и завязалось дело:
Что день, то шум, под шумом и заснешь;
И брату-то всё это надоело,
И мне равно, — и начали дележ...

Сперва-то мы по совести делились,
Не сладили — взялись было за суд;
Ну, кое-как в расправе помирились,
Остался спор за старенький хомут...

И я кричу, и брат не уступает:
«Нет, — говорит, — хоть тресни, не отдам!»

Я за шлею, — он, знаешь, вырывает
Да норовит ударить по рукам.

И смех и грех!.. Стоим за дрянь горою!..
Вдруг, сударь мой, моргнуть я не успел,
Как крикнул брат: «Возьми, пусть за тобою!» —
Да на меня хомут-то и надел.

Я сгоряча в шлее позапутлялся;
Народ орет: «Вот, обрядил коня!..»
Уж так-то я в ту пору растерялся —
Инда слеза прошибла у меня!..

Вам, сударь, смех... Нет, тут смешного мало:
Ведь брат-то мой по-барски чаял жить;
Взялся за гуж — ан силы недостало,
Тужил, тужил — и начал с горя пить.

И мне не мед... Ведь праздников не знаешь:
Работаешь, спины не разогнешь,
Чуть непогодь — всё стонешь да перхаешь...
Вот, сударь мой, мужицкий-то дележ!

26 октября 1855

* * *

Над полями вечерняя зорька горит,
    Алой краскою рожь покрывает,
Зарумянившись, лес над рекою стоит,
    Тихой музыкой день провожает.

Задымились огни на крутом бережку,
    Вкруг огней косари собралися,
Полилась у них песнь про любовь и тоску,
    Отголоски во мрак понеслися.

Ну, зачем тут один я под ивой сижу
    И ловлю заунывные звуки,
Вспоминаю, как жил, да насильно бужу
    В бедном сердце заснувшие муки?

Эх ты, жизнь, моя жизнь! Ночь, бывало, не спишь,
Выжидаешь минутку досуга;
Чуть семья улеглась, — что на крыльях летишь
В темный сад ненаглядного друга!

Ключ в кармане давно от калитки готов,
И к беседке знакома дорожка...
Свистнешь раз соловьем в сонной чаще кустов,
И раскроется настежь окошко.

Стало, спят старики... И стоишь, к голове
С шумом кровь у тебя приливает.
Вот идет милый друг по росистой траве,
«Это ты!» — и на грудь припадает.

И не видишь, не знаешь, как время летит...
Уж давно зорька ранняя светит,
Сад густой золотистым румянцем покрыт, —
Ничего-то твой взгляд не заметит.

Эх, веселые ночки! что сон вы прошли...
Волю девицы разом сковали:
Старика жениха ей, бедняжке, нашли,
Полумертвую с ним обвенчали...

Безотрадной тоске не сломить меня вдруг:
Много сил у меня и отваги!
Каково-то тебе, ненаглядный мой друг,
Под замком у ревнивого скряги!

27 октября 1855

* * *

Не смейся, родимый кормилец!
Кори ты меня не кори —
Куплю я хозяйке гостинец,
Ну, право, куплю, посмотри.

Ведь баба-то, слышь, молодая,
Красавица, вот что, мой свет!
А это беда небольшая,
Что лыс я немножко да сед.

Иной ведь и сокол по виду,
Да что он? живет на авось!
А я уж не дамся в обиду,
Я всякого вижу насквозь!

Соседи меня и поносят:
Над ним-де смеется жена...
Не верь им, напрасно обносят,
Всё враки, всё зависть одна!

Ну, ходит жена моя в гости,
Да мне это нуждушки нет,
Не стать мне ломать свои кости,
За нею подсматривать вслед.

Я крут! и жена это знает,
Во всем мне отчет отдает...
Случится ли, дом покидает, —
Она мне винца принесет.

Ну что ж тут? И пусть себе ходит!
Она вот пошла и теперь...
О-ох, поясницу-то сводит!
А ты никому, свет, не верь.

29 октября 1855

ВЫЕЗД ТРОЕЧНИКА

Ну, кажись, я готов:
Вот мой кафтанишко,
Рукавицы на мне,
Новый кнут под мышкой...

В голове-то шумит...
Вот что мне досадно!
Правда, хмель ведь не дурь, —
Выспался — и ладно.

Ты, жена, замолчи:
Без тебя всё знаю, —

Еду с барином... да!
Эх, как погуляю!

Да и барин!.. — поди —
У родного сына
Он невесту отбил, —
Стало, молодчина!

Схоронил две жены,
Вот нашел и третью...
А сердит... чуть не так —
Заколотит плетью!

Ну, ништо... говорят,
Эта-то невеста
И сама даст отпор, —
Не отыщешь места.

За богатство идет,
Ветрогонка, значит;
Сына пустит с сумой,
Мужа одурачит...

Сын, к примеру, не глуп,
Да запуган, верно:
Всё глядит сиротой,
Смирен... вот что скверно!

Ну, да пусть судит бог,
Что черно и бело...
Вот лошадок запречь —
Это наше дело!

Слышь, жена! погляди,
Каковы уздечки!
Вишь, вот медный набор,
Вот мохры, колечки.

А дуга-то, дуга, —
В золоте сияет...
Прр... шалишь, коренной!
Знай песок копает!

Ты, дружок, не блажи;
Старость твою жалко!..
Так кнутом проучу —
Станет небу жарко!..

Сидор вожжи возьмет —
Черта не боится!
Пролетит — на него
Облачко дивится!

Только крикнет: «Ну, ну!
Эх ты, беззаботный!»
Отстает позади
Ветер перелетный!

А седок-то мне — тьфу!..
Коли скажет: «Легче!» —
Нет, мол, сел, так сиди
Да держись покрепче.

Уж у нас, коли лень, —
День и ночь спим сряду;
Коли пир — наповал,
Труд — так до упаду;

Коли ехать — катай!
Головы не жалко!
Нам без света светло,
Без дороги — гладко!

Ну, Матрена, прощай!
Оставайся с богом;
Жди обновки себе
Да гляди за домом.

Да, — кобыле больной
Парь трухою ногу...
Не забудь!.. А воды
Не давай помногу.

Ну-ка, в путь! Шевелись!
Эх, как понеслися!
Берегись ты, мужик,
Глух, что ль?.. берегися!..

Октябрь 1855

ПОСЛЕДНЕЕ СВИДАНЬЕ

«Зачем это ты, матушка,
Кручинишься всегда
И отдыха и праздника
Не знаешь никогда?

Коли вот дома дедушка,
Так ты сидишь себе,
Как будто и здорова ты
И весело тебе;

А чуть одна останешься
Иль дедушка заснет,
Всё плачешь ты да молишься,
Аж грусть меня возьмет».

— «Ты не грусти, касаточка,
Поди ко мне, присядь,
Я буду сказку сказывать,
Коли не хочешь спать.

Сошью тебе и куколку;
Ты никогда, смотри,
Подружкам или дедушке,
Дружок, не говори,

Что плачу я... Ты умница,
Всегда такою будь.
Ну, сядь же, поцелуй меня,
Приляг ко мне на грудь.

Вот так. Что, хорошо тебе?
Ну, спи тут у меня.
Какая ты красавица,
Касаточка моя».

— «А я в обед с подружками
Играла на гумне...
Зачем это, родимая,
Они смеются мне?

А где, дескать, отец-ат твой
И как его зовут, —
И сами переглянутся
Да со смеху помрут...

Сказать им не придумаешь
В ту пору ничего.
И станет что-то стыдно мне...
Не знаю отчего».

— «Твои подружки дурочки,
Не след к ним и ходить;
А ты, моя касаточка,
Ты станешь мать любить?»

— «Ну, вот ты и заплакала!
Нечаянно войдет,
Глядишь, в избушку дедушка —
Бранить тебя начнет».

— «Не буду, ненаглядная,
Послушаюсь тебя.
Ну, вот уж мне и весело.
Ну, обними ж меня!»

Горит заря вечерняя,
Листы дерев молчат,
Во ржи густой без умолку
Перепела кричат.

Вдоль речки тени длинные
Легли от берегов.
Туман встает и стелется
По бархату лугов.

По роще шум от мельницы
Во все концы идет,
И шум тот роща слушает,
Листом не шевельнет.

Давно в избушке смерклося;
Покрывшись зипуном,
Малютка спит, не тронется,
На лавке под окном.

Мать сучит шерсть на варежки,
Ночник едва горит,
А серый кот на конике
Мышонка сторожит.

Но вот звенят бубенчики
И слышен скрип ворот,
Дверь настежь отворяется,
Гость не́жданный идет.

Плечистый и приземистый,
Лицо что маков цвет,
Бородка светло-русая,
На лбу морщинки нет.

Халат суконный на́ плечи
Накинут щегольски,
Рубашка темно-синяя,
Со скрипом сапоги.

Вошел он бойкой поступью,
Картуз проворно снял,
Раскланялся с хозяйкою
И весело сказал:

«Настасья Агафоновна,
Поклон тебе и честь!
Я к вам по старой памяти,
Прикажешь ли присесть?»

Хозяйка зарумянилась
И молвила в ответ:
«В угоду ль будет батюшке?
Его, вишь, дома нет».

— «Э! что тут, всё уладится:
Прикрикнет — помолчи.
Вот ты о самоварчике
Сперва похлопочи».

И кучеру кудрявому
Купчина молодец
Велел достать под войлоком
Дорожный погребец.

На девушку с улыбкою
Настасье указал
И два медовых пряника
Ей молча передал.

Гуляют тучи пó небу;
Село покойно спит;
На тайны мира здешнего
Ночь черная глядит.

Всё видит, где что деется,
Всё знает издавна...
И вот слезами крупными
Заплакала она...

Молчит Настасья бедная,
Не сводит глаз с окна;
Не смотрит ли кто с улицы —
Всё думает она.

И страшно ей и совестно,
Беда, коли опять
Пойдет молва недобрая;
Куда тогда бежать?..

Купчине нет заботушки, —
Сидит он за столом
И называет кучера
Набитым дураком.

«Да скоро ли ты, увалень,
Подашь мне самовар?»
И кучер с горя чешется
И раздувает жар:

Поотдохнет, пощурится,
Надсадит кашлем грудь
И снова принимается
В трубу со свистом дуть.

«Ну, слава тебе господи!
Насилу пар пошел...» —
И самовар с досадою
Поставил он на стол.

Но только гость подвинулся
Поближе к огоньку,
Взял бережно из чайницы
Щепоточку чайку

И стал его заваривать —
Беда как тут была:
Хозяина нелегкая
Как на́ смех принесла.

Старик седой с сутулиной,
Угрюмый и рябой,
На нем лаптишки старые,
В пыли чекмень худой.

Неласково и пристально
На гостя он взглянул,
Взглянул на дочь с усмешкою
И голову тряхнул.

«Зачем это пожаловал,
Коли велишь спросить?
Да ты тут по-домашнему...
Уж чай уселся пить».

— «Нельзя-с... погреться надобно,
В дороге-то продрог...
Здоров ли, как смогаешься,
Как милует вас бог?»

— «Ништо... живем по-старому...
А помнятся ль тебе
Слова твои разумные
Вот в этой же избе?

Давненько, сам ты ведаешь,
А я их не забыл.
Ты, пес, мне в ноги кланялся
И вот что говорил:

«Прости меня... не гневайся...
Вот образом клянусь —
Тебя на волю выкуплю,
На дочери женюсь».

Торгаш, торгаш бессовестный,
Ты рад, что обманул...
Уж лучше бы мне в ту пору
Ты в сердце нож воткнул.

Ведь я теперь посмешище
У добрых-то людей.
А дочь как щепка высохла;
Всё от тебя, злодей.

Вон девочка несчастная,
Изволь-ка отвечать:

Что, любо нам на улицу
Бедняжку выпускать?»

Смутился гость. Рукой со лба
Отер холодный пот
И думал: дело скверное,
Не в духе старый черт!

Пришлось кошель развязывать...
«Эх, Агафон Петров!
Ну, стоит ли нам ссориться,
Шуметь из пустяков!

Как быть! Не то случается
На свете меж людьми,
Да все концы хоронятся...
Вот сто рублей... возьми!»

Старик назад попятился,
Немного покраснел
И на Настасью бледную
Пытливо поглядел.

«Ну, дочка... вот ты плакалась:
Нас нищими зовут, —
Казна, вишь, с неба валится,
Бери, коли дают».

Дочь вспыхнула, что зарево,
И к гостю подошла;
В глазах у ней мутилося,
Но речь тверда была:

«Не надо нам казны твоей!
Не смейся надо мной!» —
И деньги на пол бросила
Дрожащею рукой.

«Вишь, — молвил гость, — знать, дешево
Чужое-то добро».
И гнулся в три погибели,
Сбирая серебро.

Седой старик не вытерпел
И крикнул: «Осмотрись!
Пощупай и в лоханке-то —
Там звякнуло, кажись!

Эх, Настя, Настя бедная!
Сгубила ты свой век!
Гляди, как тварь-то ползает;
А!.. тоже человек!..»

Дочь опустила голову
И плакала навзрыд,
Как будто разом выплакать
Хотела гнев и стыд.

«Ух, батюшки, измучился!
Всю спину изломал!» —
Насилу выпрямляяся,
Купчина рассуждал.

И, зá дверь тихо выбравшись,
Стал кучера ругать:
«Впрягай коней-то, увалень!
Покудова мне ждать?»

«Эхма!» — в ответ послышалось,
И, плюнув на ладонь,
Дугу взял кучер нехотя
И натянул супонь.

И стал просить хозяина:
«Ой, как болит живот!
Чайку там не осталося?
Равно он пропадет».

— «Толкуй вот с деревенщиной!
Смеется ведь, смотри.
Пошел в избушку, увалень,
Что нужно, собери».

Гремят, звенят бубенчики...
Купчина под дождем

Свою досаду горькую
Отмщает на другом:

«Дороги-то, дороги-то!
Поедешь, да не рад!
За чем это бездельники
Исправники глядят?»

Молчит избушка тесная.
Настасья в темноте
Стоит и богу молится
О дочке-сироте.

Старик лежит и думает:
«Еще прожит денек.
А что-то завтра старосте
Скажу я про оброк...»

Октябрь 1855

МУЗЫКА ЛЕСА

Без конца поля
Развернулися,
Небеса в воде
Опрокинулись.

За крутой курган
Солнце прячется,
Облаков гряда
Развернулася.

Поднялись, растут
Горы медные,
На горах дворцы
Золоченые.

Между гор мосты
Перекинуты,
В серебро и сталь
Позакованы.

По траве, по ржи
Тени крадутся,
В лес густой бегут,
Собираются.

Лес стоит, покрыт
Краской розовой,
Провожает день
Тихой музыкой.

Разливайтеся,
Звуки чудные!
Сам не знаю я,
Что мне весело...

Всё мне кажется,
Что давным-давно
Где-то слышал я
Эту музыку.

Всё мне помнится
Сумрак вечера,
Тесной горенки
Стены темные.

Огонек горел
Перед образом,
Как теперь горит
Эта звездочка.

На груди моей
Милой матушки
Я дремал, и мне
Песни слышались.

Были песни те
Звуки райские,
Неземная жизнь
От них веяла!..

И тогда сквозь сон
Всё мне виделся

Яркий блеск и свет
В темной горенке.

Не от этого ль
Так мне весело
Слушать в сумерки
Леса музыку,

Что при ней одной
Детство помнится,
Безотрадный день
Забывается?

Начало ноября 1855

* * *

Затеплились звезды одна за другою
    Над темною далью лугов;
Куда-то со скрипом, за сонной рекою,
    Проехал обоз чумаков.

Задумав поужинать, подле залива
    Рыбак разложил огонек;
И вдруг осветились: плакучая ива,
    Плечистый старик и челнок,

Развесистый невод, подпертый шестами,
    Шалаш на крутом берегу,
Кусты лозняка и, вдали за кустами,
    Стреноженный конь на лугу.

Вот в сторону, верно, испуганный светом,
    Со свистом кулик пролетел...
Всё тихо... лишь в поле, туманом одетом,
    Бог весть кто-то песню запел.

А к полночи, кажется, дождь соберется,
    Уж нáволочь кой-где пошла;
Теперь мужичок его ждет не дождется:
    Ведь рожь наливать начала!

Ложись, горожанин, в постель пуховую
И спи до утра без забот!
Хлеб будет: крестьянин свечу восковую
Сегодня ж с молитвой зажжет.

Вот тучки находят; отрада народа,
Господь даст, и дождик пойдет...
Уж сколько же завтра душистого меда
Пчела моя в поле найдет!

7 ноября 1855

НА ВЗЯТИЕ КАРСА

Во храмы, братьи! на колени!
Восстал наш бог, и грянул гром!
На память поздних поколений
Суд начат кровью и огнем...

Таков удел твой, Русь святая, —
Величье кровью покупать;
На грудах пепла, вырастая,
Не в первый раз тебе стоять.

В борьбе с чужими племенами
Ты возмужала, развилась
И над мятежными волнами
Скалой громадной поднялась.

Опять борьба! Растут могилы...
Опять стоишь ты под грозой!
Но чую я, как крепнут наши силы,
И вижу я, как дети рвутся в бой...

За Русь! — гремит народный голос,
За Русь! — по ратям клик идет,
И дыбом подымается мой волос, —
За Русь! — душа и тело вопиет.

Всё во гневе проснулось и всё закипело;
Великою мыслью всё царство живет;
На страшные битвы за правое дело
Народ оскорбленный, как буря, идет.

Задвигались рати, как тучи с громами,
Откликнулись степи, вздрогнули леса,
Мелькают знамена с святыми крестами,
И меркнут от пыли густой небеса.

За падших героев отмщенье настало:
По суше, по морю гул битвы пошел, —
И знамя Ислама позорно упало,
Над Карсом поднялся двуглавый орел.

Да здравствует наша родная держава,
Сынов-исполинов бессмертная мать!
Да будет тебе вековечная слава,
Облитая кровью, могучая рать!

Пусть огнедышащих орудий
Нам зевы медные грозят, —
Мы не закроем нашей груди
Гранитом стен и сталью лат.

Любовь к отчизне закалила
В неравных спорах наш народ, —
Вот сверхъестественная сила
И чудотворный наш оплот!

Твердыня Руси — плоть живая,
Несокрушимая стена,
Надежда, слава вековая,
И честь, и гордость — всё она!

За нас господь! Он Русью правит,
Он с неба жезл царю пошлет;
Царь по волнам жезлом ударит —
И рати двинутся вперед,

И грянут новые удары...
И вам, защитникам Луны,
За грабежи и за пожары
Отплатят Севера сыны.

30 ноября 1855

ПЕСНЯ

Ковыль, моя травушка, ковыль бесприютная,
Росла ты под бурями, от зноя повысохла,
Идет зима с вьюгами, а всё ты шатаешься;
Прошла почти молодость, — отрады нет молодцу.

Жил дома — кручинился, покинул дом нá горе;
Работал без устали — остался без прибыли;
Служил людям правдою — добра я не выслужил;
Нашел друга пó сердцу — сгубил свою голову!

О милой вся думушка, и грусть, и заботушка,
Жду, вот с нею встречуся, а встречусь — раскаюся:
Скажу ей что ласково — молчит и не слушает;
Я мукою мучуся — она улыбается...

Легко красной девице чужой тоской тешиться,
С ума сводить молодца, шутить злой изменою;
Полюбит ненáдолго — забудет по прихоти,
Без друга соскучится — нарядом утешится...

Уж полно печалиться! — твердят мне товарищи.
Чужое безвременье нетрудно обсуживать!
Узнаешь бессонницу, повесишь головушку,
Прощаяся нáвеки с последнею радостью...

Ковыль, моя травушка, ковыль бесприютная,
Росла ты под бурями, от зноя повысохла...
Когда же мы, бедные, с тобой красовалися?
Зачем с тобой, горькие, на свет показалися?

1855

НОВАЯ УТРАТА

Давно ль повеселел мой уголок печальный,
Давно ль я меж друзей сидел,
И слушал их, и радовался тайно?..
И вот опять осиротел!

Кругом глубокое молчанье...
Одним я позабыт, другой умчался в даль...
Да и кому нужна моя печаль?
У всякого свое страданье!

Последний друг безвременно зарыт...
Угас, замученный борьбою
С суровой долею, с бесчувственной семьею,
Тоскою медленной убит!

Погибли молодые силы!
Безжалостной судьбы не мог он победить...
Мой бедный друг! И гроб твой до могилы
Не удалось мне проводить!

Всё чудится — я слышу милый голос,
Всё жду, что друг отворит дверь...
Один остался я теперь, —
На сжатой ниве позабытый колос!

Безоблачны покуда небеса,
Но сердце у меня недаром замирает,
И этот стих недаром вызывает
Слезу на грустные глаза...

Так иногда, перед грозою,
Над зёркальной поверхностью реки,
Тревожно делая круги,
Щебечет ласточка порою...

Между 13 марта и 10 апреля 1856

НИКОЛАЮ ИВАНОВИЧУ ВТОРОВУ

Как другу милому, единственному другу,
Мой скромный труд тебе я посвятил.
Ты первый взор участья обратил
На музу робкую, мою подругу.
Ты показал мне новый, лучший путь,
На нем шаги мои направил,

И примирил с людьми, и жизнь любить заставил,
Развил мой ум, согрел мне грудь...
Я помню всё! Что б ни было со мною, —
В одном себе по гроб не изменю:
В день радости, в день горя — под грозою, —
В моей душе твой образ сохраню.

26 марта 1856

РАССКАЗ МОЕГО ЗНАКОМОГО

Позвольте-ко... Сысой... Сысой...
Не вспомню вот отечества...
Ах, боже мой! И брат-то свой —
Из нашего купечества...
Ну, всё равно-с! Мужик — добряк
И голова торговая,
А смирен, сударь, то есть так,
Что курица дворовая.
Ни боже мой-с не пьет вина!
Ребенок с ребятишками...
Но слабость у него одна —
И спит, то есть, за книжками...
Оно — ничто. Тут нет вреда,
Из книг, то есть, выведывать
И что и как... да вот-с беда —
Любил он проповедовать.
В торговле-де у нас обман,
Нам верить-де сомнительно,
И то, и то... такой туман,
Что слушать уморительно.
Бранил и бил отец крутой
Его за эти шалости, —
Всё толку нет... Махнул рукой
И перестал... из жалости!
И вздумал он-с его женить.
Сын плачет, убивается:
«Постой, дескать! Зачем спешить?» —
В ногах, то есть, валяется!
Отец сказал, что это вздор,
Одно непослушание.

Сын так и сяк... и бросил спор,
Исполнил приказание.
Жена лицом что маков цвет,
Дородная, работница,
Метет, скребет, встает чуть свет,
И мыть и шить охотница.
Ну-с муж того... ей не мешал.
Что думал — дело темное,
И всё, то есть, сидел — читал,
Всё разное-с, мудреное.
Когда-то он, когда с женой
Словечком перебросится!
Лежит, то есть, что пень какой,
Пойдет куда — не спросится...
Жена со зла и ну рыдать:
Что вот-де напущение —
И день читать, и ночь читать,
Жены милее чтение!..
Муж всё молчит. Картуз возьмет,
На рынке пошатается...
Нельзя-с, купец!.. Домой придет,
Никак не начитается.
Грустит жена: зачем она
Жизнь девичью покинула?
Она ль глупа? Она ль дурна?..
Да книжки в печь и кинула.
Тот, знаете, тужил-тужил,
Да с кислою улыбкою
И молвил ей: «Себя сгубил,
Связал тебя ошибкою...»
Возьмет картуз, из дома вон,
На рынке пошатается.
Придет домой — опять трезвон!
Жена не унимается:
«Куда ходил? За чем пропал?
Такой-сякой и грамотник!
Жена плоха, иной искал...
Не грамотник, ты лапотник!»
А завтра то ж, и после то ж,
Попреки да разладица,
И нет, то есть, добра на грош,
Такая беспорядица!

Оказия-с!.. Жену винить?
Любовь, то есть, ревнивая...
И мужа, сударь, грех чернить:
Природа молчаливая...
Молчал он год, молчал он два,
Читал что попадалося,
Тайком, то есть... Но голова...
Да-с! тут вот помешалося.
Он жив теперь. Всё вниз глядит,
Ничем не занимается,
Глуп, знаете!.. И всё молчит
Да горько улыбается.

Март 1856

* * *

У кого нет думы
И забот-кручины,
Да зато есть радость —
Уголок родимый.

Сядет он, усталый,
С милою женою,
Отдохнет в беседе
Сердцем и душою.

На дворе невзгода,
Свечка нагорает...
На полу малютка
Весело играет.

К дому он подходит —
Путь неровный гладок;
Ужинать присядет —
Бедный ужин сладок.

Не с кем поделиться
Теплыми словами, —
Поведешь беседу
С мертвыми стенами!

Облаку да ветру
Горе порасскажешь
И с подушкой думать
С вечера приляжешь.

26 апреля 1856

* * *

Помню я: бывало, няня,
Долго сидя за чулком,
Молвит: «Баловень ты, Ваня,
Всё дурачишься с котом.

Встань, подай мою шубейку:
Что-то холодно, дрожу...
Да присядь вот на скамейку,
Сказку длинную скажу».

И старушка с расстановкой
До полночи говорит.
С приподнятою головкой
Я сижу. Свеча горит.

Петухи давно пропели.
Поздно. Тянется ко сну...
Где-то дрожки прогремели...
И под говор я засну.

Сон покоен. Утром встанешь —
Прямо в садик... Рай земной!
Песни, говор... А как глянешь
На росинки — сам не свой!

Чуть сорока защекочет —
Понимаешь, хоть молчишь,
Упрекнуть она, мол, хочет:
«Здравствуй, Ваня! Долго спишь!»

А теперь ночной порою
На груди гора лежит:
День прожитый пред тобою
Страшным призраком стоит.

Видишь зла и грязи море,
Племя жалкое невежд,
Униженье, голод, горе,
Клочья нищенских одежд.

Пот на пашнях за сохами,
Пот в лесу за топором,
Пот на гумнах за цепами,
На дворе и за двором.

Видишь горькие потери,
Слезы падшей красоты
И затворенные двери
Для убитой нищеты...

И с тоскою ждешь рассвета,
Давит голову свинец.
О, когда же горечь эта
Вся исчезнет наконец!

27 апреля 1856

‹В АЛЬБОМ Н. В. ПЛОТНИКОВОЙ›

Прохладно. Все окна открыты
В душистый и сумрачный сад.
В пруде горят звезды. Ракиты
Над гладью хрустальною спят.

Певучие звуки рояли
То стихнут, то вновь потекут;
С утра соловьи не смолкали
В саду — и теперь всё поют.

Поник я в тоске головою,
Под песни душа замерла...
Затем, что под кровлей чужою
Минутное счастье нашла...

6 мая 1856

<В АЛЬБОМ М. И. ЖЮНО>

И дик и невесел наш север холодный,
Но ты сохранила вполне
Горячее сердце и разум свободный
В суровой, чужой стороне.

С тяжелой тоскою по родине дальней,
Скромна, благородно-горда,
Ты шла одиноко дорогой печальной
Под гнетом забот и труда.

Ты злому невежде и плуту не мстила;
Как голубь, нежна и кротка,
Ты черные сплетни презреньем казнила,
Прощала всегда дурака.

Ты грусти своей показать не хотела
Пред бедной и жалкой толпой
И смело на пошлые лица глядела,
Сквозь слезы смеялась порой.

Но рано иль поздно минует невзгода —
Недаром ты крепла в борьбе, —
Как дочери милой, родная природа
Откроет объятья тебе.

И ты отдохнешь... Но под кровлей родною
Не помни минувшего зла;
Поверь: на Руси не одною душою
Ты крепко любима была.

Май 1856

* * *

Чуть сошлись мы — друг друга узнали.
Ваши речи мне в душу запали,
Но, увы! не услышать мне их,
Не услышать мне звуков родных.

Не помочь, видно, горю словами!
На мгновенье я встретился с вами,
Расстаюсь навсегда, навсегда:
Унесетесь вы бог весть куда!

Вот как жизнь иногда бестолкова!
Вот как доля глупа и сурова!
Уж как ляжет она на плечах —
Белый свет помутится в глазах!

Май (?) 1856

* * *

День и ночь с тобой жду встречи,
Встречусь — голову теряю;
Речь веду, но эти речи
Всей душой я проклинаю.

Рвется чувство на свободу,
На любовь хочу ответа, —
Говорю я про погоду,
Говорю, как ты одета.

Не сердись, не слушай боле:
Этой лжи я сам не верю.
Я не рад своей неволе,
Я не рад, что лицемерю.

Такова моя отрада,
Так свой век я коротаю:
Тяжело ль — молчать мне надо,
Полюблю ль — любовь скрываю.

Май или июнь (?) 1856

ПАХАРЬ

Солнце за день нагулялося,
За кудрявый лес спускается;
Лес стоит под шапкой темною,
В золотом огне купается.

На бугре трава зеленая
Спит, вся искрами обрызгана,
Пылью розовой осыпана
Да каменьями унизана.

Не слыхать-то в поле голоса,
Молча ворон на меже сидит,
Только слышен голос пахаря, —
За сохой он на коня кричит.

С ранней зорьки пашня черная
Бороздами подымается,
Конь идет — понурил голову,
Мужичок идет — шатается. . .

Уж когда же ты, кормилец наш,
Возьмешь верх над долей горькою?
Из земли ты роешь золото,
Сам-то сыт сухою коркою!

Зреет рожь — тебе заботушка:
Как бы градом не побилася,
Без дождей в жары не высохла,
От дождей не положилася.

Хлеб поспел — тебе кручинушка:
Убирать ты не управишься,
На корню-то он осыплется,
Без куска-то ты останешься.

Урожай — купцы спесивятся;
Год плохой — в семье все мучатся,
Всё твой двор не поправляется,
Детки грамоте не учатся.

Где же клад твой заколдованный,
Где талан твой, пахарь, спрятался?
На труды твои да на́ горе
Вдоволь вчуже я наплакался!

Лето 1856

В САДУ

При заре по воде — и румянец и тень,
    В чаще песня да свист раздается;
Притаил сад дыханье, весь нега и лень,
    По кудрям его золото льется.

Долго ль буду я тут одиноко бродить,
    Слушать песню и свист соловьиный,
Надрывать свою грудь, свое сердце крушить,
    Молча сдерживать слезы кручины?

На печаль, милый друг мой, тебя я узнал,
    На тоску я с тобой повстречался,
На беду моим светом и счастьем назвал,
    Всей душою к тебе привязался!

Уж и так мои дни были днями потерь:
    Гибли молодость, сила, здоровье...
Выносил я, терпел... Каково ж мне теперь, —
    Знает бог да мое изголовье!

Нет, не жить мне с тобою под крышей одной;
    Как простимся — и полно встречаться!
Тяжело мне и горько расстаться с тобой,
    Легче б телу с душою расстаться!

И за что ж ты, мой друг, у меня отнята?..
    Ты права. Не тебя обвиняю;
Виноват, видно, я да моя беднота...
    В первый раз я ее проклинаю!

Лето 1856

‹Н. В. ПЛОТНИКОВОЙ›

Как голубь, кротка и нежна,
Как лань молодая, пуглива,
О боже! да будет она,
Как ангел небесный, счастлива.

26 августа 1856

СПЛЕТНЯ

Живи как отшельник,
Гуляй или плачь —
Найдет тебя сплетня,
Придет твой палач!

Двери не отворит —
Под дверь подползет,
Ограда мешает —
Сквозь камень пройдет.

В чем грешен, не грешен —
В набат прогудит,
Навек обесчестит,
По гроб осрамит.

И в грязь тебя втопчет
И недруг и друг...
Проклятая сплетня!
Проклятый недуг!

1856

* * *

Рассыпались звезды, дрожат и горят;
    За пашнями диво творится:
На воздухе синие горы висят,
    И в полыми люд шевелится.

Подвинулось небо назад от земли,
    Воде золотой уступило;
Без ветра плывут по воде корабли,
    Бока их огнем охватило...

А ночь через лес торопливо ползет,
    Ползет — и листа не зацепит;
Насупила брови, глазами сверкнет —
    Широкое поле осветит.

Опять я с тоскою домой ворочусь.
Молчал бы, да нет моей мочи:
Один я средь поля пятном остаюсь,
Чернее и пашен, и ночи!

Гляжу и любуюсь: простор и краса...
В себя заглянуть только стыдно:
Закиданы грязью мои небеса,
Звезды ни единой не видно!..

1856

ГНЕЗДО ЛАСТОЧКИ

Кипит вода, ревет ручьем,
На мельнице и стук и гром,
Колеса-то в воде шумят,
А брызги вверх огнем летят,
От пены-то бугор стоит,
Что мост живой, весь пол дрожит.
Шумит вода, рукав трясет,
На камни рожь дождем течет,
Под жерновом муку родит,
Идет мука, в глаза пылит.
Об мельнике и речи нет.
В пыли, в муке, и лыс, и сед,
Кричит весь день про бедный люд:
Вот тот-то мот, вот тот-то плут...
Сам, старый черт, как зверь глядит,
Чужим добром и пьян, и сыт;
Детей забыл, жену извел;
Барбос с ним жил, барбос ушел...

Одна певунья-ласточка
Под крышей обжилась,
Свила-слепила гнездышко,
Детьми обзавелась.

Поет, пока не выгнали.
Чужой-то кров — не свой;
Хоть нé любо, не весело,
Да свыкнешься с нуждой.

В ночь темную под крылышко
Головку подогнет
И спит себе под гром и стук,
Носком не шевельнет.

1856

‹Н. И. ВТОРОВУ›

Возверзи печаль твою на господа
и той тя препитает.

Ну вот, я дождался рассвета,
Гляжу в окно — всё нет добра!
Черт знает! Ни зима, ни лето...
Беги хоть с горя со двора!
Мой друг! Скажите, ради бога,
Когда ж падет надежный снег,
Окончится езда телег,
Настанет зимняя дорога?
Напрасно я за ворота
Спешу, обозов поджидая, —
Безмолвна улица пустая,
Двор пуст, в кармане пустота!..
Дай помолюсь в тоске-печали!
Не медли, матушка-зима!
Мы без тебя оголодали,
Всем дворникам грозит сума...
О горе, горе! В избах пусто...
Куда же денется у нас
В кадушках припасенный квас
И наша кислая капуста, —
Чем дорожит, к чему привык
Наш русский барин и мужик?
Аминь! Да будет власть господня!
Лукич мой просится сегодня
К вам в гости. Этакой осел!
Как зюзя с ярмарки пришел...

23 декабря 1856

* * *

С кем теперь мне сидеть
В опустелом дому?
Кому стану я петь
О прожитой весне?

На призывный мой клич
Не приходят друзья,
Не заводят со мной
Задушевных речей:

Успокоила их
Мать сырая земля;
Крепким сном они спят
Под доской гробовой.

Лишь меня, сироту,
Словно ветер ковыль,
Горе гонит вперед
По дороге глухой.

1856 (?)

ПЕВИЦЕ

О, пой еще! Безумной муки
Я снова жажду до конца!
Пусть унесут святые звуки
Вседневный холод от лица.

И вновь откликнется послушно
В душе, отравленной тобой,
Что угасало равнодушно,
Что было отнято судьбой.

Воскреснут вновь былые грезы
И принесут иной весны
Давно утраченные слезы,
Давно подавленные сны.

И песен вольные призывы
Сойдут, любовию полны,
Как на безжизненные нивы
Сиянье солнца и весны.

1856 (?)

* * *

Полночь. Темно в горенке,
Тишина кругом,
Вот идет под окнами
Дворник с фонарем.

Яркий свет полоскою
Проскользнул в окно,
Глянул на печь белую,
И — опять темно.

Экая бессонница,
Скука и тоска!
Диво! всё мне чудятся
Речи мужичка!

Точно, как и вечером,
Он сидит со мной,
С жидкою бородкою,
Желтый, испитой,

Зипунишка старенький,
От спины кряхтит...
Вот бедняк откашлялся,
Глухо говорит:

«Смолоду, касатик мой,
Силку потерял,
У купца на мельнице
Всё кули таскал.

Жил-то, знаешь, в бедности,
Кони — плохота,
А в избушке курево,
Грязь и теснота.

И сынишка ползает,
И теленок тут...
Ну да что уж! Ведомо,
Как у нас живут!

Дай, мол, я поправлюся,
Взял и нанялся,
Плата, знаешь, добрая,
Из того взялся.

Думок много думалось:
И коня купить,
Мало-мальски грамоте
Сына обучить.

Что ж, мол, он без разума
Скоротает век?
Соху знай и борону —
Будь и человек.

Вздумано — не сделано:
Год поработа́л,
Угодил хозяину,
А живот сорвал.

Зажил хуже прежнего...
Всё бы не беда,
Сын-ат... сын-ат, батюшка...
От холеры... да!

Тяжело на старости,
Божья власть... ништо!
А трудиться надобно:
Человек на то».

Чем мне заплатить тебе,
Бедный мужичок,
За святую истину,
За благой урок?

1856 (?)

⟨Н. И. ВТОРОВУ⟩

Из библиóтеки старинной
Вам том разрозненный дарю;
Я, признаюсь, морали чинной
В сатире скучной не люблю.
Она, как видно, очень мало
Задела заживо дворян:
Едва ль не лучше, чем бывало,
Они дерут своих крестьян.
Желаю вам под этой пылью
Сыскать побольше добрых лиц,
Пусть веет сладостною былью
На вас от сереньких страниц.
Да, кстати! новость сообщаю:
Мой Дмитрич далеко. . . увы!
Я сам извозчиков встречаю
И дворник с ног до головы!

1856 (?)

СТАРОСТА

Что не туча темная
Пó небу плывет —
На гумно по улице
Староста идет.

Борода-то черная,
Красное лицо,
Волоса-то жесткие
Завились в кольцо.

Пузо перевязано
Красным кушаком,
Плечи позатянуты
Синим кафтаном.

Палкой подпирается,
Бровью не ведет;
В сапоги-то новые
Мера ржи войдет.

Он идет по улице —
Без метлы метет;
Курица покажется —
В ворота́ шмыгнет.

Одаль да с поклонами
Мужички идут,
Ребятишки малые
Ко дворам ползут.

Утомился староста:
На гумне стоит,
Гладит ус и бороду
Да на люд глядит.

На́ небе ни облачка,
Ветерок-ат спит,
Солнце землю-матушку
Как огнем палит.

От цепов-то стук и дробь, —
Стонет всё гумно;
Баб и девок жар печет,
Мужичков равно.

Староста надумался:
«Молоти дружней!»
Баб и девок пот прошиб,
Мужичков сильней.

Бабу чернобровую
Староста позвал,
Речь-то вел разумную,
Дело толковал.

Дура-баба плюнула,
Молотить пошла.
То-то, значит, молодость,
В нужде не была!

Умная головушка
Рубит не сплеча:

Староста не выпустил
Слова сгоряча.

На скирды посматривал,
Поглядел на рожь, —
Поглядел и вымолвил:
«Умолот хорош!»

Улыбнулся ласково,
Девок похвалил,
Бабе с бровью черною
Черта посулил.

«Вечером, голубушка,
Чистить хлев пошлю. . .»
— «Не грешно ли, батюшка?»
— «Нет, коли велю!»

Баба призадумалась. . .
Староста пошел,
Он прошел по улице,
Без метлы подмел.

На гумне-то стон стоит,
Весело гумно:
По́том обливается
Каждое зерно.

Между 1856 и 1858

* * *

Первый гром прогремел. Яркий блеск в синеве,
В теплом воздухе песни и нега;
Голубые цветки в прошлогодней траве
Показались на свет из-под снега.

Пригреваются стекла лучом золотым;
Вербы почки свои распустили;
И с надворья гнездо над окошком моим
Сизокрылые голуби свили!

Что за робкие гости! Чуть мимо идешь —
Торопливо головки поднимут,
Смотрят долго и зорко... Того только ждешь,
Что бедняжки приют свой покинут.

Как я рад им! Боюсь и окно отворять:
Всё мне кажется, их испугаю;
Беззащитным созданьям легко помешать,
А легко ль им живется — я знаю.

Чуть окрасится небо полоской огня
И сквозь стекла рассвет забелеет —
Воркотнею своей они будят меня:
Посмотри, мол, как зорька алеет.

Стал уютней, светлей уголок мой теперь:
Этой кроткой семьи новоселье,
Может быть, после смут, и борьбы, и потерь
Предвещает мне мир и веселье!

Весна 1857

* * *

Медленно движется время, —
Веруй, надейся и жди...
Зрей, наше юное племя!
Путь твой широк впереди.
Молнии нас осветили,
Мы на распутье стоим...
Мертвые в мире почили,
Дело настало живым.

Сеялось семя веками, —
Корни в земле глубоко;
Срубишь леса топорами, —
Зло вырывать нелегко:
Нам его в детстве привили,
Деды сроднилися с ним...
Мертвые в мире почили,
Дело настало живым.

Стыд, кто бессмысленно тужит,
Листья зашепчут — он нем!
Слава, кто истине служит,
Истине жертвует всем!
Поздно глаза мы открыли,
Дружно на труд поспешим...
Мертвые в мире почили,
Дело настало живым.

Рыхлая почва готова,
Сейте, покуда весна:
Доброго дела и слова
Не пропадут семена.
Где мы и как их добыли —
Внукам отчет отдадим...
Мертвые в мире почили,
Дело настало живым.

14 сентября 1857

ЛАМПАДКА

Пред образом лампадка догорает,
Кидая тень на потолок...
Как много дум, дум горьких, вызывает
Глазам знакомый огонек!

Я помню ночь: перед моей кроваткой,
Сжав руки, с мукою в чертах,
Вся бледная, освещена лампадкой,
Молилась мать моя в слезах.

Я был в жару. А за стеною пели, —
Шел пир семейный, как всегда...
Испуганный, я вздрагивал в постели...
Зачем не умер я тогда?

Я помню день: лампадка трепетала;
Шел дождик, по стеклу звеня.
Отец мой плакал... мать в гробу лежала...
В глазах мутилось у меня.

Но молодость сильна. Вдали блестело;
    Полна надежды, жить спеша,
Из омута, где сердце холодело,
    Рвалась вперед моя душа.

Вот эта даль, страна моей святыни,
    Где, мне казалось, свет горит. . .
Иду по ней, — и холодом пустыни
    Со всех сторон меня язвит.

Увы! лампадки яркое сиянье,
    Что было, пробуждая вновь,
Бросает луч на новое страданье —
    Недавних ран живую кровь!

Я не нашел с годами лучшей доли,
    Не спас меня заветный путь
От тонких игл, что входят против воли
    В горячий мозг, в больную грудь.

Всё мрак и плач. . . рубцы от бичеванья. . .
    Рассвет спасительный далек. . .
И гаснут дни средь мрака и молчанья,
    Как этот бледный огонек!

1857

* * *

Смеркает день. В бору темнеет.
Пожар зари над ним краснеет.
Во влажной почве лист сухой
Без звука тонет под ногой.
Недвижны сосны. Сон их чудный
Так полон грез. Едва-едва
Приметна неба синева
Сквозь ветви. Сетью изумрудной
Покрыла цепкая трава
Сухое дерево. Грозою
Оно на землю свалено
И до корней обожжено.

Тропинка черной полосою
Лежит в траве. По сторонам
Грибы белеют тут и там.
Порою ветер шаловливый
Разбудит листья, слышен шум,
И вдруг всё стихнет — и на ум
Приходят сказочные дивы.
Слух раздражен. Вот в чаще треск —
И, мнится, видишь яркий блеск
Двух ярких глаз. . . Одно мгновенье —
И всё пропало. Вот река;
В зеленой раме лозняка
Ее спокойное теченье
Так полно силы. В челноки
Собрали сети рыбаки,
Плывут; струи бегут от весел;
Угрюмый берег тень отбросил;
Мост под телегами дрожит;
И скрип колес и стук копыт
Тревожат цаплю, и пугливо
Она летит из-под куста.
Веселый шум и суета
На мельнице. Нетерпеливо
Вода сердитая ревет,
Мелькает жернов торопливо. . .

Пора домой. Уж ночь идет,
Огни по небу рассыпает.
Пора домой: семья забот
Меня давно там поджидает;
Приду, — и встретит у ворот,
И крепко, крепко обоймет. . .

1857

* * *

Светит месяц в окна. . .
Петухи пропели;
Погасил я свечку
И лежу в постели.

Спать бы — да не спится.
Весь я как разбитый;
Голову и сердце
Мучит день прожитый.

Пусть бы мне на долю
Выпал труд тяжелый, —
Да хоть сон покойный,
Да хоть час веселый!

Что ж ты, жизнь-веселье,
Пропадаешь даром,
Улетаешь прахом,
Исчезаешь паром?

Есть же ведь у птички,
Что поет в лазури,
Воля да раздолье
И приют от бури.

Запоет зарею —
Кто-нибудь услышит;
Веселее смотрит,
Легче грудью дышит.

Ты же, как ни бейся,
Всё не в честь, не в радость:
И другим не нужен,
И себе-то в тягость.

1857

* * *

Покой мне нужен. Грудь болит,
Озлоблен ум, и ноет тело.
Всё, от чего душа скорбит,
Вокруг меня весь день кипело.

Куда бежать от громких слов?
Мы все добры и непорочны!
Боготворить себя готов
Иной друг правды безупречный!

Убита совесть, умер стыд,
И ложь во тьме царит свободно;
Никто позора не казнит,
Никто не плачет всенародно!..

Меж нами мучеников нет,
На крик: «Спасите!» — нет ответа!..
Не выйдем мы на божий свет:
Наш рабский дух боится света!

Быть может, в воздухе весь вред, —
Чему бы гибнуть — процветает,
Чему б цвести — роняет цвет
И жалкой смертью умирает...

1857

СОХА

Ты, соха ли, наша матушка,
Горькой бедности помощница,
Неизменная кормилица,
Вековечная работница!

По твоей ли, соха, милости
С хлебом гумны пораздвинуты,
Сыты злые, сыты добрые,
По полям ковры раскинуты?

Про тебя и вспомнить некому...
Что ж молчишь ты, бесприветная,
Что не в славу тебе труд идет,
Не в честь служба безответная?..

Ах, крепка, не знает устали
Мужичка рука железная,
И покоит соху-матушку
Одна ноченька беззвездная!

На меже трава зеленая,
Полынь дикая качается, —
Не твоя ли доля горькая
В ее соке отзывается?

Уж и кем же ты придумана,
К делу на́веки приставлена?
Кормишь малого и старого,
Сиротой сама оставлена...

1857

* * *

Ах ты, бедность горемычная,
Дома в горе терпеливая,
К куску черствому привычная,
В чужих людях боязливая!

Всем ты, робкая, в глаза глядишь,
Сирота, стыдом убитая,
К богачу придешь — в углу стоишь,
Бесприветная, забытая.

Ты плывешь — куда водой несет,
Стороной бредешь — где путь дадут,
Просишь солнышка — гроза идет,
Скажешь правду — силой рот зажмут.

У тебя весна без зелени,
А любовь твоя без радости,
Твоя радость безо времени,
Немочь с голодом при старости.

Век ты мучишься да маешься,
Всё на сердце грусть великая;
С белым светом ты расстанешься —
На могиле травка дикая!

1857

УДАЛЬ И ЗАБОТА

Тает забота, как свечка,
Век от тоски пропадает;
Удали горе — не горе,
В цепи закуй — распевает.

Ляжет забота — не спится,
Спит ли, пройди — встрепенется;
Спит молодецкая удаль,
Громом ударь — не проснется.

Клонится колос от ветра,
Ветер заботу наклонит;
Встретится удаль с грозою —
На ухо шапку заломит.

Всех-то забота боится,
Топнут ногой — побледнеет;
Топнут ногою на удаль —
Лезет на нож, не робеет.

Пó смерть забота скупится,
Поздно и рано хлопочет;
Удаль, не думав, добудет,
Кинет на ветер — хохочет.

Песня заботы — не песня;
Слушать — тоска одолеет;
Удаль присвистнет, притопнет —
Горе и думу развеет.

Явится в гости забота —
В доме и скука и холод;
Удаль влетит да обнимет —
Станешь и весел и молод.

1857

БЕСТАЛАННАЯ ДОЛЯ

Доля бесталанная,
Что жена сварливая,
Не уморит с голода,
Не накормит досыта.

Дома — гонит из дому,
Ведет в гости нá горе,
Ломит, что ни вздумает,
Поперек да надвое.

Ах, жена сварливая
Пошумит — уходится,
С петухами поздними
Заснет — успокоится.

Доля бесталанная
Весь день потешается,
Растолкает сонного —
Всю ночь насмехается,

Грозит му́кой, бедностью,
Сулит дни тяжелые,
Смотреть велит соколом,
Песни петь веселые.

Песни те веселые
Свистом покрываются,
После песен в три ручья
Слезы проливаются.

1857

* * *

Незаменимая, бесценная утрата!
И вера в будущность, и радости труда,
Чем жизнь была средь горести богата, —
Всё сгублено без цели и плода!
Как хрупкое стекло, всё вдребезги разбито
Железным молотом судьбы!
Так вот зачем так много лет прожито
В тяжелом воздухе, средь горя и борьбы!
Осталась боль... Незримо и несмело,
Но враг подходит в тишине,
До времени изношенное тело
Горит на медленном огне...
Жизнь обманула горько и обидно!
А всё не верится... всё хочешь на пути,
В глухой степи, где зги не видно,
Хоть точку светлую найти.
Но где ж она? Где отдохнуть возможно?

Где путеводные, небесные огни?
Неужто кончатся так пошло и ничтожно
Слезами памятные дни?..

Так, полная тревожного волненья,
Не смея тишины дыханьем нарушать,
Младенца милого последние мгновенья
Тоскливо сторожит трепещущая мать.
Неужто он умрет? И, чуду верить рада,
В слезах пред образом ниц падает она;
Но час пробил. Едва зажженная лампада
Таинственной рукой погашена...

1857

РАЗГОВОРЫ

Новой жизни заря —
И тепло и светло;
О добре говорим,
Негодуем на зло.

За родимый наш край
Наше сердце болит;
За прожитые дни
Мучит совесть и стыд.

Что нам цвесть не дает,
Держит рост молодой, —
Так и сбросил бы с плеч
Этот хлам вековой!

Где ж вы, слуги добра?
Выходите вперед!
Подавайте пример!
Поучайте народ!

Наш разумный порыв,
Нашу честную речь
Надо в кровь претворить,
Надо плотью облечь.

Как поверить словам —
По часам мы растем!
Закричат: «Помоги!» —
Через пропасть шагнем!

В нас душа горяча,
Наша воля крепка,
И печаль за других —
Глубока, глубока!..

А приходит пора
Добрый подвиг начать,
Так нам жаль с головы
Волосок потерять:

Тут раздумье и лень,
Тут нас робость возьмет...
А слова... на словах
Соколиный полет!..

1857

НИЩИЙ

И вечерней и ранней порою
Много старцев, и вдов, и сирот
Под окошками ходит с сумою,
Христа ради на помощь зовет.

Надевает ли сумку неволя,
Неохота ли взяться за труд, —
Тяжела и горька твоя доля,
Бесприютный, оборванный люд!

Не откажут тебе в подаянье,
Не умрешь ты без крова зимой, —
Жаль разумное божье созданье,
Человека в грязи и с сумой!

Но беднее и хуже есть нищий:
Не пойдет он просить под окном,
Целый век, из одежды да пищи,
Он работает ночью и днем.

Спит в лачужке, на грязной соломе,
Богатырь в безысходной беде,
Крепче камня в несносной истоме,
Крепче меди в кровавой нужде.

По́ смерть зерна он в землю бросает,
По́ смерть жнет, а нужда продает;
О нем облако слезы роняет,
Про тоску его буря поет.

1857

ДЕРЕВЕНСКИЙ БЕДНЯК

Мужичка-бедняка
Господь бог наградил:
Душу теплую дал
И умом наделил.

Да злодейка нужда,
И глупа и сильна,
Закидала его
Сором, грязью она.

Едким дымом в избе,
И курной и сырой,
Выедает глаза,
Душит зимней порой.

То работа невмочь,
То расправа и суд
Молодца-силача
В три погибели гнут.

Присмирел он, притих,
Речи скупо ведет,
Исподлобья глядит,
Силу в землю кладет.

Захирей его конь —
Бедный черт виноват,
Плаксу бабу бранит
И голодных ребят.

Пропадай, дескать, всё!..
На печь ляжет ничком, —
Вихорь крышу развей,
С горя всё нипочем!

А как крикнут «Пожар!» —
Не зови и не тронь:
За чужое добро
Рад и в дым и в огонь.

Коли хмель в голове —
Загуляет душа:
Тут и горе прошло,
Тут и жизнь хороша.

На дворе под дождем
Он зипун распахнет,
Про леса и про степь
Да про Волгу поет.

Проспался, где упал, —
И притих он опять:
Перед всеми готов
Шапку рваную снять.

Схватит немочь — молчит,
Только зубы сожмет;
Скажут: смерть подошла —
Он рукою махнет.

1857

ТОСКА

Как у нас по селу
Путь-дорога лежит,
По степной по глухой
Колокольчик звенит.

На мосту прозвенит,
За горой запоет,

Молодца-удальца
За собою зовет.

Ах, у нас-то житье —
От сохи к бороне,
Наяву — сухота,
Нужда-горе во сне.

В синеву да в туман
Наше поле ушло,
Любо ясным очам,
Да плечам тяжело...

По траве ль, по росе
Алый вечер идет —
По буграм, по межам
Хищных птиц перелет.

Стон кукушки в лесу,
Чей-то плач за рекой...
Дать бы волю тоске —
Пролилась бы слезой.

А вдали облака
Охватило огнем:
Высоко поднялась
Колокольня с крестом.

Золотой городок
Вдоль по взморью стоит,
Из серебряных труб
Дым янтарный валит.

Пролетит на ночлег
Белый голубь в село.
В синеве — по заре
Загорится крыло.

Уж и где ж ты, трава,
Без покосу растешь —
Молодецкая жизнь,
Без печали идешь?

Ах ты глушь-тишина,
Всё ковыль, камыши —
На всю степь закричи,
Не ответит души.

1857

‹ИЗ ЗАПИСКИ›

На языке чужом я начал объясняться,
Устав от русской чепухи:
Век просвещения!.. Чему тут удивляться,
Когда А. А. писал стихи?

1857 или 1858

НОЧЛЕГ В ДЕРЕВНЕ

Душный воздух, дым лучины,
Под ногами сор,
Сор на лавках, паутины
По углам узор;
Закоптелые палати,
Черствый хлеб, вода,
Кашель пряхи, плач дитяти...
О, нужда, нужда!
Мыкать горе, век трудиться,
Нищим умереть...
Вот где нужно бы учиться
Верить и терпеть!

1857 или 1858

ДЕДУШКА

Лысый, с белой бородою,
Дедушка сидит.
Чашка с хлебом и водою
Перед ним стоит.

Бел как лунь, на лбу морщины,
С испитым лицом,
Много видел он кручины
На веку своем.

Всё прошло; пропала сила,
Притупился взгляд;
Смерть в могилу уложила
Деток и внучат.

С ним в избушке закоптелой
Кот один живет.
Стар и он, и спит день целый,
С печки не спрыгнет.

Старику немного надо:
Лапти сплесть да сбыть —
Вот и сыт. Его отрада —
В божий храм ходить.

К стенке, около порога,
Станет там, кряхтя,
И за скорби славит бога,
Божее дитя.

Рад он жить, не прочь в могилу —
В темный уголок...
Где ты черпал эту силу,
Бедный мужичок?

1857 или 1858

ПРЯХА

Ночь и непогодь. Избушка
Плохо топлена.
Нитки бедная старушка
Сучит у окна.

Уж грозы ль она боится,
Скучно ли, — сидит,
Спать ложилась, да не спится,
Сердце всё щемит.

И трещит, трещит лучина,
Свет на пряху льет.
Прожитая грусть-кручина
За сердце берет.

Бедность, бедность! Муж, бывало,
Хоть подчас и пил, —
Всё жилось с ним горя мало:
Всё жену кормил.

Вот под старость, как уж зренье
Потерял навек,
Потерял он и терпенье —
Грешный человек!

За сохой ходить — не видит,
Побираться — стыд,
Тут безвинно кто обидит —
Он молчит, молчит,

Плюнет, срамными словами
Долю проклянет
И зальется вдруг слезами,
Как дитя, ревет...

Так и умер. Бог помилуй —
Вот мороз-то был!
Бились, бились! Сын могилу
Топором рубил!..

Паренек тогда был молод,
Вырос, возмужал, —
Что за сила! В зной и холод
Устали не знал!

Поведет ли речь, бывало, —
Что старик ведет;
Запоет при зорьке алой —
Слушать, дух замрет...

Человек ли утопает,
Иль изба горит,
Что б ни делал — всё бросает,
Помогать бежит.

И веселье и здоровье
Дал ему господь:
Будь хоть камень изголовье,
Лег он — и заснет...

Справить думал он избушку,
В бурлаки пошел;
Нет! Беречь ему старушку
Бог уж не привел!

Приустал под лямкой в стужу,
До костей промок,
Платье — ветошь, грудь наружу,
Заболел и слег.

Умер, бедный! Мать узнала —
Слез что пролила!
Ум и память потеряла,
Грудь надорвала!

И трещит, трещит лучина;
Нитке нет конца;
Мучит пряху грусть-кручина;
Нет на ней лица.

Плач да стон она всё слышит
И, припав к стеклу,
На морозный иней дышит;
Смотрит: по селу

Кто-то в белом пробегает,
С белой головой,
Горстью звезды рассыпает
В улице пустой;

Звезды искрятся... А вьюга
В ворота стучит...
И старушка от испуга
Чуть жива сидит.

1857 или 1858

* * *

Постыдно гибнет наше время!..
Наследство дедов и отцов,
Послушно носит наше племя
Оковы тяжкие рабов.

И сто́им мы позорной доли!
Мы добровольно терпим зло:
В нас нет ни смелости, ни воли...
На нас проклятие легло!

Мы рабство с молоком всосали,
Сроднились с болью наших ран.
Нет! в нас отцы не воспитали,
Не подготовили граждан.

Не мстить нас матери учили
За цепи сильным палачам —
Увы! бессмысленно водили
За палачей молиться в храм!

Про жизнь свободную не пели
Нам сестры... нет! под гнетом зла
Мысль о свободе с колыбели
Для них неведомой была!

И мы молчим. И гибнет время...
Нас не пугает стыд цепей —
И цепи носит наше племя
И молится за палачей...

Между 1857 и 1861

* * *

Тяжкий крест несем мы, братья,
Мысль убита, рот зажат,
В глубине души проклятья,
Слезы на́ сердце кипят.

Русь под гнетом, Русь болеет;
Гражданин в тоске немой;
Явно плакать он не смеет,
Сын об матери больной!

Нет в тебе добра и мира,
Царство скорби и цепей,
Царство взяток и мундира,
Царство палок и плетей.

Между 1857 и 1861

* * *

. . . .
Падет презренное тиранство,
И цепи с пахарей спадут,
И ты, изнеженное барство,
Возьмешься нехотя за труд.
Не нам — иному поколенью
Отдашь ты бич свой вековой,
И будешь ненавистной тенью,
Пятном в истории родной...
Весь твой разврат и вероломство,
Все козни время обнажит,
И просвещенное потомство
Тебя проклятьем поразит.

Мужик — теперь твоя опора,
Твой вол — и больше ничего —
Со славой выйдет из позора,
И вновь не купишь ты его.
Уж всходит солнце земледельца!..
Забитый, он на месть не скор;
Но знай: на своего владельца
Давно уж точит он топор...

Между 1857 и 1861

* * *

Ах, прости, святой угодник!
Захватила злоба дух:
Хвалят бурсу, хвалят вслух;
Мирянин — попов поклонник,
Чтитель рясы и бород —
Мертвой школе гимн поет.
Ох, знаком я с этой школой!
В ней не видно перемен:
Та ж наука — остов голый,
Пахнет ладаном от стен.
Искони дорогой торной
Медных лбов собор покорный
Там идет бог весть куда,
Что до цели за нужда!
Знай — долби, как дятел, смело...
Жаль, работа нелегка:
Долбишь, долбишь, кончишь дело —
Плод не стоит червяка.
Ученик всегда послушен,
Безответен, равнодушен,
Бьет наставникам челом
И дуреет с каждым днем.
Чуждый страсти, чуждый миру,
Ректор спит да пухнет с жиру,
И наставников доход
Обеспечен в свой черед...
Что до славы и науки!
Всё слова, пустые звуки!..

* * *

. . . .

Падетъ презрѣнное тиранство
И цѣпи съ пахарей спадутъ
И ты презрѣнное барство
Возмешся нехотя за трудъ
Не помня, иному поколѣнью
Отдашь ты быть свой вѣковой
И будешь ненавистной тѣнью
Пятномъ въ исторiи родной....
Весь твой развратъ и вѣроломство
Всѣ козни - время обнажитъ
И просвѣщенное потомство
Тебя проклятьемъ поразитъ
Мужикъ, теперь твоя опора
Твой волъ — и больше ничего
Со славой выйдетъ изъ позора
И вновь не купишь ты его.
Ужъ восходитъ солнце земледѣльца....
Забытый, онъ на месть не скоръ
Но знай: на своего владѣльца
Давно ужъ точитъ онъ топоръ.....

И. Тихиръ

Дали б рясу да приход!
Поп, обросший бородою,
По дворам с святой водою
Будет в праздники ходить,
До упаду есть и пить,
За холстину с причтом драться,
Попадьи-жены бояться,
Рабски кланяться рабам
И потом являться в храм.
Но авось пора настанет —
Бог на Русь святую взглянет,
Благодать с небес пошлет —
Бурсы молнией сожжет!

27 мая 1858

ДАЧНАЯ ЖИЗНЬ

Дождь и холод — нет погоды!
Выйти некуда — хоть брось!
Виды — сальные заводы...
Выздоравливай небось!
Наслаждайся в этом рае!
Слушай, музыка пошла:
Свинки хрюкают в сарае,
Лай собака подняла,
На дворе кричат вороны,
Ветер свищет и поет;
В поле слякоть, рожь поклоны
Поминутно отдает.
Вот так дача! Вот так радость!
Тут от скуки пропадешь!
Тут не жизнь, а просто — гадость,
Тут от холоду умрешь!
Правда, книги — утешенье,
Но весь день читать, читать,
В голове пойдет круженье,
Можно зренье потерять!
Не пойти ль к соседу с горя?
Там хоть люди, говор, смех,
Отдохнешь, шутя иль споря...
Как тут быть? Идти не грех.

Жаль, сосед с утра до ночи
Занят делом... Боже мой!
Как ему хватает мочи?
Это мученик святой!
Он умен — в глаза не скажет:
«Эх, брат, шут тебя принес!..»
Он и виду не покажет,
А подумать... гм!.. вопрос!
Что ж? повеситься мне, что ли?
Нет, на даче не рука!
Стало дурно, хорошо ли —
Марш с двора! Ей-ей, тоска!

7 июня 1858

* * *

В синем небе плывут над полями
Облака с золотыми краями;
Чуть заметен над лесом туман,
Теплый вечер прозрачно-румян.

Вот уж веет прохладой ночною;
Грезит колос над узкой межою;
Месяц огненным шаром встает,
Красным заревом лес обдает.

Кротко звезд золотое сиянье,
В чистом поле покой и молчанье;
Точно в храме, стою я в тиши
И в восторге молюсь от души.

Июль 1858

* * *

Ярко звезд мерцанье
В синеве небес;
Месяца сиянье
Падает на лес.

В зеркало залива
Сонный лес глядит;
В чаще молчаливой
Темнота лежит.

Слышен меж кустами
Смех и разговор;
Жарко косарями
Разведен костер.

По траве высокой,
С цепью на ногах,
Бродит одиноко
Белый конь впотьмах.

Вот уж песнь заводит
Песенник лихой,
Из кружка выходит
Парень молодой.

Шапку вверх кидает,
Ловит — не глядит,
Пляшет-приседает,
Соловьем свистит.

Песне отвечает
Коростель в лугах,
Песня замирает
Далеко в полях...

Золотые нивы,
Гладь да блеск озер,
Светлые заливы,
Без конца простор,

Звезды над полями,
Глушь да камыши...
Так и льются сами
Звуки из души!

Июль 1858

* * *

В чистом поле тень шагает,
Песня из лесу несется,
Лист зеленый задевает,
Желтый колос окликает,
За курганом отдается.

За курганом, за холмами,
Дым-туман стоит над нивой,
Свет мигает полосами,
Зорька тучек рукавами
Закрывается стыдливо.

Рожь да лес, зари сиянье, —
Дума бог весть где летает...
Смутно листьев очертанье,
Ветерок сдержал дыханье,
Только молния сверкает.

Июль 1858

* * *

Детство веселое, детские грезы...
Только вас вспомнишь — улыбка и слезы...
Голову няня в дремоте склонила,
На пол с лежанки чулок уронила,
Прыгает кот, шевелит его лапкой,
Свечка уж меркнет под огненной шапкой,
Движется сумрак, в глаза мне глядит...
Зимняя вьюга шумит и гудит.

Прогнали сон мой рассказы старушки.
Вот я в лесу у порога избушки;
Ждет к себе гостя колдунья седая —
Змей подлетает, огонь рассыпая.
Замер лес темный, ни свиста, ни шума,
Смотрят деревья угрюмо, угрюмо!
Сердце мое замирает-дрожит...
Зимняя вьюга шумит и гудит.

Няня встает и лениво зевает,
На ночь постелю мою оправляет.
«Ляг, мой соколик, с молитвой святою,
Божия сила да будет с тобою. . .»
Нянина шубка мне ноги пригрела
Вот уж в глазах у меня запестрело,
Сплю и не сплю я... Лампадка горит.
Зимняя вьюга шумит и гудит.

Вечная память, веселое время!
Грудь мою давит тяжелое бремя,
Жизнь пропадает в заботах о хлебе,
Детство сияет, как радуга в небе...
Где вы — веселье, и сон, и здоровье?
Взмокло от слез у меня изголовье,
Темная даль мне бедою грозит...
Зимняя вьюга шумит и гудит.

7 ноября 1858

* * *

Ехал из ярмарки ухарь-купец,
Ухарь-купец, удалой молодец.
Стал он на двор лошадей покормить,
Вздумал деревню гульбой удивить.
В красной рубашке, кудряв и румян,
Вышел на улицу весел и пьян.
Собрал он девок-красавиц в кружок,
Выхватил с звонкой казной кошелек.
Потчует старых и малых вином:
«Пей-пропивай! Поживем — наживем!..»
Морщатся девки, до донышка пьют,
Шутят, и пляшут, и песни поют.
Ухарь-купец подпевает-свистит,
Оземь ногой молодецки стучит.

Синее небо, и сумрак, и тишь.
Смотрится в воду зеленый камыш,
Полосы света по речке лежат.

В золоте тучки над лесом горят.
Девичья пляска при зорьке видна,
Девичья песня за речкой слышна,
По лугу льется, по чаще лесной...
Там услыхал ее сторож седой;
Белый как лунь, он под дубом стоит,
Дуб не шелохнется, сторож молчит.

К девке стыдливой купец пристает,
Обнял, целует и руки ей жмет.
Рвется красотка за девичий круг:
Совестно ей от родных и подруг,
Смотрят подруги — их зависть берет:
Вот, мол, упрямице счастье идет,
Девкин отец свое дело смекнул,
Локтем жену торопливо толкнул.
Сед он, и рваная шапка на нем,
Глазом мигнул — и пропал за углом.
Девкина мать расторопна-смела.
С вкрадчивой речью к купцу подошла:
«Полно, касатик, отстань — не балуй!
Девки моей не позорь — не целуй!»
Ухарь-купец позвенел серебром:
«Нет, так не надо... другую найдем!..»
Вырвалась девка, хотела бежать.
Мать ей велела на месте стоять.

Звездная ночь и ясна и тепла.
Девичья песня давно замерла.
Шепчет нахмуренный лес над водой,
Ветром шатает камыш молодой.
Синяя туча над лесом плывет,
Темную зелень огнем обдает.
В крайней избушке не гаснет ночник,
Спит на печи подгулявший старик,
Спит в зипунишке и в старых лаптях,
Рваная шапка комком в головах.
Молится богу старуха жена,
Плакать бы надо — не плачет она,
Дочь их красавица поздно пришла,
Девичью совесть вином залила.

Что тут за диво! и замуж пойдет...
То-то, чай, деток на путь наведет!
Кем ты, люд бедный, на свет порожден?
Кем ты на гибель и срам осужден?

1858

МЕРТВОЕ ТЕЛО

Парень-извозчик в дороге продрог,
Крепко продрог, тяжело занемог.

В грязной избе он на печке лежит,
Горло распухло чуть-чуть говорит.

Ноет душа от тяжелой тоски:
Пашни родные куда далеки!

Как на чужой стороне умереть!
Хоть бы на мать, на отца поглядеть!..

В горе товарищи держат совет:
«Ну-ка умрет, — попадем мы в ответ!

Из дому паспортов не взяли мы —
Ну-ка умрет, — не уйдем от тюрьмы!»

Дворник встревожен, священника ждет:
Медленным шагом священник идет.

Встали извозчики, встал и больной;
Свечка горит пред иконой святой,

Белая скатерть на стол постлана,
В душной избе тишина, тишина...

Кончил молитву священник седой,
Вышли извозчики зá дверь толпой.

Парень шатается, дышит с трудом,
Старец стоит недвижим со крестом.

«Страшен суд божий! покайся, мой сын!
Бог тебя слышит да я лишь один...»

«Батюшка!.. грешен!..» — больной простонал;
Пал на колени и громко рыдал.

Грешника старец во всем разрешил,
Крови и плоти святой приобщил,

Сел, написал: вот такой приобщен.
Дворнику легче: исполнен закон.

Полночь. Все в доме уснули давно.
В душной избе, как в могиле, темно.

Скупо в углу рукомойник течет,
Капля за каплею звук издает.

Мерно кузнечик кует в тишине,
Кто-то невнятно бормочет во сне.

Ветер печально поет под окном,
Воет-голосит, господь весть по ком.

Тошно впотьмах одному мужику:
Сны-вещуны навевают тоску.

С жесткой постели в раздумьи он встал,
Ощупью печь и лучину сыскал,

Красное пламя из угля добыл,
Ярко больному лицо осветил.

Тих он лежит, на лице доброта,
Впалые щеки белее холста.

Свесились кудри, открыты глаза,
В мертвых глазах не обсохла слеза.

Вздрогнул извозчик. «Ну вот, дождались!»
Дворника будит: «Проснись-подымись!»

— «Что там?» — «Товарищ наш мертвый
лежит...»
Дворник вскочил, как безумный глядит...

«Ох, попадете, ребята, в беду!
Вы попадете, и я попаду!

Как это паспортов, как не иметь!
Знаешь начальство... не станет жалеть!..»

Вдруг у него на душе отлегло.
«Тсс... далеко ли, брат, ваше село?»

— «Верст этак двести... не близко, родной!»
— «Нечего мешкать! ступайте домой!

Мертвого можно одеть-снарядить,
В сани ввалить да веретьем покрыть;

Подле села его выньте на свет:
Умер дорогою — вот и ответ!»

Думает-шепчет проснувшийся люд.
Ехать не радость, не радость и суд.

Помочи, видно, тут нечего ждать...
Быть тому так, что покойника взять.

Белеет снег в степи глухой,
Стоит на ней ковыль сухой;
Ковыль сухой и стар и сед,
Блестит на нем мороза след.
Простор и сон, могильный сон,
Туман, что дым, со всех сторон,
А глубь небес в огнях горит;
Вкруг месяца кольцо лежит;
Звезда звезде приветы шлет,
Холодный свет на землю льет.
В степи глухой обоз скрипит;
Передний конь идет-храпит.
Продрог мужик, глядит на снег,
С ума нейдет в селе ночлег,

В своем селе он сон найдет,
Теперь его всё страх берет:
Мертвец за ним в санях лежит,
Живому степь бедой грозит.
Мелькнула тень, зашла вперед,
Растет седой и речь ведет:
«Мертвец в санях! мертвец в санях!..»
Вскочил мужик, на сердце страх,
По телу дрожь, тоска в груди...
«Товарищи! сюда иди!
Эй, дядя Петр! мертвец встает!
Мертвец встает, ко мне идет!»
Извозчики на клич бегут,
О чуде речь в степи ведут.
Блестит ковыль, сквозь чуткий сон
Людскую речь подслушал он...

Вот уж покойник в родимом селе.
Убран, лежит на дубовом столе.
Мать к мертвецу припадает на грудь:
«Сокол мой ясный, скажи что-нибудь!
Как без тебя мне свой век коротать,
Горькое горе встречать-провожать!..»
«Полно, старуха! — ей муж говорит, —
Полно, касатка!» — и плачет навзрыд.
Чу! Колокольчик звенит и поет,
Ближе и ближе — и смолк у ворот.
Грозный чиновник в избушку спешит,
Дверь отворил, на пороге кричит:
«Эй, старшина! понятых собери!
Слышишь, каналья? да живо, смотри!..»
Всё он проведал, про всё разузнал,
Доктора взял и на суд прискакал.
Труп обнажили. И вот, второпях,
В фартуке белом, в зеленых очках,
По локоть доктор рукав завернул,
Острою сталью над трупом сверкнул.
Вскрикнула мать: «Не дадим, не дадим!
Сын это мой! Не ругайся над ним!
Сжалься, родной! Отступись — отойди!
Мать свою вспомни... во грех не входи!..»
— «Вывести бабу!» — чиновник сказал.

Доктор на трупе пятно отыскал.
Бедным извозчикам сделан допрос,
Обнял их ужас — и кто что понес...
Жаль вас, родимые! Жаль, соколы!
«Эй, старшина! Подавай кандалы!»

1858

‹В АЛЬБОМ Е. А. ПЛОТНИКОВОЙ›

С младенчества дикарь печальный,
Больной, с изношенным лицом,
С какой-то робостию тайной
Вхожу я в незнакомый дом.

Но где привык, где я встречаю
Хозяйки милое лицо —
Тут всё забыто: я вбегаю
Здоров и весел на крыльцо.

Вот так и здесь: я точно дома;
Мне так отрадно и тепло;
И рад я на листке альбома
Писать, что в голову пришло.

Хозяйка милая, я знаю,
Мне всё простит: она добра;
И сталь неловкого пера
Я неохотно покидаю.
Хотел бы вновь писать, писать —
До бесконечности болтать.

1858

‹В АЛЬБОМ А. Н. О—ВОЙ›

Послушный вашему желанью,
Беру перо, сажусь писать:
Грешно прекрасному созданью
В невинной просьбе отказать.

Конечно, жаль! Я вас не знаю;
Увы! скорбит моя душа!
Молве я с жадностью внимаю,
Что вы, как ангел, хороша.

Но всё равно. Идите с богом,
Мои стихи! Счастливый путь!
Отрадной встречи мне залогом
Послужите когда-нибудь.

Как угадать! Седой и хилый,
Когда весь сморщусь и согнусь,
Авось с красавицею милой
Лет через десять я сойдусь.

В тот миг — его воображаю, —
Добра, прекрасна, молода,
Она мне скажет: «Я вас знаю!»
И буду счастлив я тогда.

«Я с вами уж давно знакома...»
И этих строк напомнит ряд,
Покажет мне листок альбома,
И я отвечу: «Виноват!

Позвольте .. эта встреча с вами...»
И волю дам карандашу,
И вдохновенными стихами
Ее портрет я напишу.

1858

* * *

В небе радуга сияет,
Розы дождиком омыты,
Солнце в зелени играет,
Темный сад благоухает,
Кудри золотом покрыты.

Свет и тень под деревами
Переходят, как живые;

Мох унизан огоньками;
Над душистыми цветами
Вьются пчелы золотые.

В чаще свиста переливы,
Стрекотня и песен звуки.
Подле ты, мой друг стыдливый...
Слава богу! миг счастливый
Уловил я в час разлуки!

1858

* * *

В темной чаще замолк соловей,
Прокатилась звезда в синеве;
Месяц смотрит сквозь сетку ветвей,
Зажигает росу на траве.

Дремлют розы. Прохлада плывет,
Кто-то свистнул... вот замер и свист.
Ухо слышит, едва упадет
Насекомым подточенный лист.

Как при месяце кроток и тих
У тебя милый очерк лица!
Эту ночь, полный грез золотых,
Я б продлил без конца, без конца!

1858

* * *

Помнишь? — с алыми краями
Тучки в озере играли;
Шапки на ухо, верхами
Ребятишки в лес скакали.

Табуном своим покинут,
Конь в воде остановился
И, как будто опрокинут,
Недвижим в ней отразился.

При заре румяный колос
Сквозь дремоту улыбался;
Лес синел. Кукушки голос
В сонной чаще раздавался.

По поляне перед нами,
Что ни шаг, цветы пестрели,
Тень бродила за кустами,
Краски вечера бледнели...

Трепет сердца, упоенье, —
Вам в слова не воплотиться!
Помнишь?.. Чудные мгновенья!
Суждено ль им повториться?

1858

ГОРЬКИЕ СЛЕЗЫ

In meiner Brust da sitzt ein Weh,
Das will die Brust zersprengen.

Heine[1]

Чужих страданий жалкий зритель,
Я жизнь растратил без плода,
И вот проснулась совесть-мститель
И жжет лицо огнем стыда.

Чужой бедой я волновался,
От слез чужих я не спал ночь, —
И всё молчал, и всё боялся,
И никому не мог помочь.

Убит нуждой, убит трудами,
Мой брат и чах и погибал,
Я закрывал лицо руками
И плакал, плакал — и молчал.

Я слышал злу рукоплесканья
И всё терпел, едва дыша;

---

[1] В моей груди гнездится боль, которая хочет разорвать мою грудь. Гейне (нем.). — *Ред.*

Под пыткою негодованья
Молчала рабская душа!

Мой дух сроднился с духом века,
Тропой пробитою я шел:
Святую личность человека
До пошлой мелочи низвел.

Ты ль это — жизнь к добру с любовью,
Плод мысли, горя и борьбы?
Увы, отмечена ты кровью,
Насмешка страшная судьбы!..

1858

* * *

Мне, видно, нет другой дороги —
Одна лежит... иди вперед,
Тащись, покуда служат ноги,
А впереди — что бог пошлет.

Всё грязь да грязь... Господь помилуй!
Устанешь, дух переведешь,
Опять вперед! Хоть не под силу,
Хоть плакать в пору, — всё идешь!

Нужда, печаль, тоска и скука,
Нет воли сердцу и уму...
Из-за чего вся эта мука —
Известно богу одному.

Уж пусть бы радость пропадала
Для блага хоть чьего-нибудь,
Была бы цель — душа б молчала,
Имел бы смысл тяжелый путь;

Так нет! Какой-то враг незримый
Из жизни пытку создает
И, как палач неумолимый,
Над жертвой хохот издает...

1858

* * *

Ах, у радости быстрые крылья,
Золотые да яркие перья!
Прилетит — вся душа встрепенется,
Перед смертью больной улыбнется!

Уж зазвать бы мне радость обманом,
Задержать и мольбою и лаской,
От тумана глаза б прояснились,
На веселый лад песни б сложились.

Ты, кручинушка, ночь без рассвета,
Без рассвета да с холодом-ветром:
При тебе — вся краса иссушится,
При тебе — в голове помутится.

Уж и будь ты, кручинушка, пеплом —
Весь бы по полю в бурю развеял,
Пусть бы травушка в поле горела
Да на сердце смола не кипела!

1858

* * *

Опять знакомые виденья!
Опять, под детский смех и шум,
Прожитый день припомнил ум,
Проснулось чувство отвращенья!
О боже правый! Вот она,
И лжи и подлостей страница, —
На каждой букве кровь видна...
Какой позор! Вот эти лица
Ханжей, предателей, льстецов,
Низкопоклонников, рабов,
Рабов расчета и разврата,
Рабов бездушных, ледяных,
Рабов, продать готовых брата,
И друга, и детей родных,
Рабов безделья, скуки праздной,

Страстишек мелких и забот...
И ты, в своей одежде грязной,
Наш бедный труженик-народ,
Несущий крест свой терпеливо,
Ты, за кого красноречиво
Ведем мы спор, добро любя,
Пора ль на свет вести тебя, —
И ты мне вспомнился...
Угрюмо,
В печальной доле хлебу рад,
Ты мимо каменных палат
Идешь на труд с тупою думой,
Полуодет, полуобут,
Нуждой безжалостной согнут...
Неужто, молодое племя,
В тебе воскреснет наше время,
Разврат души, разврат ума,
И лень, и мелочность, и тьма?
Нам нет из пропасти исхода...
Влачась и в прахе и в пыли,
О, если б мы сказать могли:
«Вам, дети, счастье и свобода,
Широкий путь, разумный труд...»
Увы! неведом божий суд!

1858

ПЕСНЯ БОБЫЛЯ

Ни кола, ни двора,
Зипун — весь пожиток...
Эх, живи — не тужи,
Умрешь — не убыток!

Богачу-дураку
И с казной не спится;
Бобыль гол как сокóл,
Поет-веселится.

Он идет да поет,
Ветер подпевает;

Сторонись, богачи!
Беднота гуляет!

Рожь стоит по бокам,
Отдает поклоны...
Эх, присвистни, бобыль!
Слушай, лес зеленый!

Уж ты плачь ли, не плачь —
Слез никто не видит,
Оробей, загорюй —
Курица обидит.

Уж ты сыт ли, не сыт, —
В печаль не вдавайся;
Причешись, распахнись,
Шути-улыбайся!

Поживем да умрем, —
Будет голь пригрета...
Разумей, кто умен, —
Песенка допета!

1858

* * *

Ноет сердце мое от забот и кручин...
Уж и где ж вы, друзья? Отзовись хоть один!
Не на пир вас прошу: до пиров ли пришло!
Дорогое душе отжилось, отцвело,
Только горе живет, только горе растет, —
Уж когда ж тебя, горе, погибель возьмет?..
Безответны друзья... Только ветер шумит,
В поле ветер шумит, гром над лесом гремит,
Вспыхнет туча огнем, виден путь мой впотьмах,
Путь лежит — извился черным змеем в полях...
Подожди — как зимой соловей запоет,
Вот тогда-то на горе погибель придет...

Между 1858 и 1860

* * *

Средь жизни пошлой, грустной и бесплодной
Одну тебя я всей душой любил,
Одной тебе я в жертву приносил
Сокровища души моей свободной.

В заботах дня, в тиши ночей немых
Передо мной сиял твой образ милый,
Я черпал жизнь в улыбке уст твоих,
В приветном слове черпал силы.

Дитя, дитя! Я думал: я любим...
Нет, я был слеп, я был неосторожен.
И вот теперь осмеян, уничтожен,
Как раб, ненужный прихотям чужим.

О, как я мог так долго ошибаться,
Святое чувство на смех отдавать,
Служить шутом, игрушку заменять,
Так жестоко, так глупо унижаться!

Еще обман! Еще один урок!..
Учись, бедняк, терпенью в доле темной!
Тебе ль любить? Иди дорогой скромной
И помни свой печальный уголок.

Не верь словам ненужного участья.
Полюбишь ли, — таи свою любовь,
Души ее, точи по капле кровь
И гордо умирай без радости и счастья!

Между 1858 и 1860

ФИЛАНТРОП

Втихомолку гостьей нежданной,
Гостьей нежданной да незваной
К мужику нужда подкралася,
Подкралася, привязалася.

С сумой нищенской оставила,
Снимать шапку всем заставила...
Ах! головушка поклонная!
У тебя ли ночь бессонная,

Щеки бледные да впалые,
Да без хлеба дети малые,
На боку изба раскрытая,
Что пустырь — гумно забытое!

Пожалел богач голодного,
Бесприютного, холодного,
Не казной помог, так ласкою,
Не советами, так сказкою.

Ты забудь, дескать, и сон и лень,
Работай-трудись и ночь и день:
За трудом ты не измучишься,
Уму-разуму научишься...

Уж спасибо ж тебе за слово,
Что сказал красно да ласково!
Только в горе да при бедности
Не до сна и не до лености.

Не дари ж ты бедных золотом
Да не бей речьми, как молотом.

Между 1858 и 1861

СТАРЫЙ СЛУГА

Сохнет старик от печали,
Ночи не спит напролет:
Барским добром поклепали,
Вором вся дворня зовет.

Не ждал он горькой невзгоды,
Барину верно служил...
Как его в прежние годы
Старый слуга мой любил!

В курточке красной, бывало,
Весел, завит и румян,
Прыгает, бьет как попало
Резвый барчук в барабан;

Бьет, и кричит, и смеется,
Детскою саблей звенит;
Вдруг к старику повернется:
«Смирно!» — и ножкой стучит.

Ниткой его зануздает,
На спину сядет верхом,
В шутку кнутом погоняет,
Едет по зале кругом.

Рад мой старик — и проворно
На четвереньках ползет.
«Стой!» — и он станет покорно,
Бровью седой не моргнет.

Ручку ль барчук шаловливый,
Ножку ль убьет за игрой, —
Вздрогнет слуга боязливый:
«Барин ты мой золотой!»

Шепотом тужит-горюет:
«Недосмотрел я, злодей!»
Барскую ножку целует...
«Бей меня, батюшка, бей!»

Тошно под барской опалой!
Недругов страшен навет!
Пусть бы уж много пропало, —
Ложки серебряной нет!

Смотрит старик за овцами,
На ноги лапти надел,
Плечи покрыл лоскутами, —
Так ему барин велел.

Плакал бедняк, убивался,
Вслух не винил никого:
Раб своей тени боялся,
Так напугали его.

Господи! горе и голод...
Долго ли чахнуть в тоске?..
Вырвался как-то он в город
И загулял в кабаке.

Пей, бесталанная доля!
Пил он, и пел, и плясал...
Волюшка, милая воля,
Где же твой свет запропал?..

И потащился полями,
Пьяный, в родное село.
Вьюга неслась облаками,
Ветром лицо его жгло,

Снег заметал одежонку,
Сон горемыку клонил...
Лег он, надвинул шапчонку
И середь поля застыл.

1859

* * *

Живая речь, живые звуки, —
Зачем вам чужды плоть и кровь?
Я в вас облек бы сердца муки,
Мою печаль, мою любовь.

В груди огонь, в душе смятенье
И подавленной страсти стон,
А ваше мерное теченье
Наводит скуку или сон...

Так, недоступно и незримо,
В нас зреет чувство иногда,

И остается навсегда
Загадкою неразрешимой,
Как мученик, проживший век,
Нам с детства близкий человек.

1859

* * *

Перестань, милый друг, свое сердце пугать.
Что нам завтра сулит — мудрено угадать.
Посмотри: из-за синего полога туч
На зеленый курган брызнул золотом луч.
Колокольчик поник над росистой межой,
Алой краской покрыт василек голубой,
Сироты-повилики румяный цветок
Приласкался к нему и обвил стебелек.
Про талан золотой в поле пахарь поет,
В потемневшем лесу отголосок идет.
В каждой травке — душа, каждый звук — говорит,
В синеве про любовь голос птички звенит...
Только ты всё грустишь, слов любви не найдешь,
Громовых облаков в день безоблачный ждешь.

1859

* * *

И дождь и ветер. Ночь темна.
В уснувшем доме тишина.
Никто мне думать не мешает.
Сижу один в моем угле.
При свечке весело играет
Полоска света на окне.

Я рад осенней непогоде:
Мне шум толпы невыносим.
Я, как дикарь, привык к свободе,
Привык к стенам моим родным.
Здесь всё мне дорого и мило,
Хоть радости здесь мало было...

Святая ночь! Теперь я чужд
Дневных тревог, насущных нужд.
Они забыты. Жизни полны,
Виденья светлые встают,
Из глубины души, как волны,
Слова послушные текут.

И грустно мне мой труд отрадный,
Когда в окно рассвет блеснет,
Менять на холод беспощадный,
На бремя мелочных забот...
И снова жажду я досуга
И темной ночи жду, как друга.

1859

МОГИЛА ДИТЯТИ

Посвящается Н. И. Второву

Над твоей могилкой
Солнышко сияет;
В зелени сирени
Птичка распевает.

Вьются-распевают
Пчелы над цветами,
Ветерок лепечет
С темными листами.

Спишь ли ты, малютка,
Или так лежится?..
Встань и полюбуйся,
Что кругом творится.

Встал бы ты, — нет воли:
Тесный дом твой прочен;
Выход на свет божий
Крепко заколочен.

Спи, дитя! Едва ли
Стоит просыпаться,

На людское горе
Сердцем надрываться.

Наша жизнь земная,
Право, незавидна;
Спи, дитя родное,
Суждено так, видно.

Сон твой — сон отрадный.
Крест и камень белый
Над твоей могилкой
Солнышко пригрело.

Перелетным гостьям
Благодать святая,
В ямочке на камне
Влага дождевая.

Пьет шалунья-птичка,
Брызги рассыпает,
Чуткий слух малютки
Песнями ласкает.

1859

* * *

Я рад молчать о горе старом,
Мне к черным дням не привыкать;
Но вот вопрос: неужто даром
Мне нужно силы расточать?

Утраты, нужды и печали,
К чему меня вы привели?
Какой мне путь вы указали?
Какое благо принесли?

Дождусь ли я успокоенья,
От мук разумного плода?
Реши ты, жизнь, мои сомненья,
Когда ты смысла не чужда...

Но если ты полна позора,
Обмана, мелочных забот, —
Во что же верить? Где опора —
Из темной пропасти исход?

Исход... Едва ли он возможен.
Душа на скорбь осуждена,
Изныло сердце, ум встревожен,
А даль темна, как ночь темна...

Уж не пора ли лечь в могилу:
Усопших сон невозмутим.
О боже мой! Пошли ты силу
И мир душевный всем живым!

1859

* * *

Обличитель чужого разврата,
Проповедник святой чистоты,
Ты, что камень на падшего брата
Поднимаешь, — сойди с высоты!

Уж не первый в величье суровом,
Враг неправды и лени тупой,
Как гроза, своим огненным словом
Ты царишь над послушной толпой.

Дышит речь твоя жаркой любовью,
Без конца ты готов говорить,
И подумаешь, собственной кровью
Счастье ближнему рад ты купить.

Что ж ты сделал для края родного,
Бескорыстный мудрец-гражданин?
Укажи, где для дела благого
Потерял ты хоть волос один!

Твоя жизнь, как и наша, бесплодна,
Лицемерна, пуста и пошла...
Ты не понял печали народной,
Не оплакал ты горького зла.

Нищий духом и словом богатый,
Понаслышке о всем ты поешь
И бесстыдно похвал ждешь, как платы,
За свою всенародную ложь.

Будь ты проклято, праздное слово!
Будь ты проклята, мертвая лень!
Покажись с твоей жизнию новой,
Темноту прогоняющий день!

Перед нами — немые могилы,
Позади — одна горечь потерь...
На тебя, на твои только силы,
Молодежь, вся надежда теперь.

Много поту тобою прольется
И, быть может, в глуши, без следов,
Очистительных жертв принесется
В искупленье отцовских грехов.

Нелегка твоя будет дорога,
Но иди — не погибнет твой труд.
Знамя чести и истины строгой
Только крепкие в бурю несут.

Бесконечное мысли движенье,
Царство разума, правды святой —
Вот прямое твое назначенье,
Добрый подвиг на почве родной!

<9 апреля> 1860

‹М. Ф. ДЕ-ПУЛЕ›

Mein Freund,[1] от тоски изнываю,
Не вижу покойного дня;
И пищу и сон забываю:
Черт дернул влюбиться меня!

<15 августа> 1860

---

[1] Мой друг (нем.). — *Ред.*

<М. Ф. ДЕ-ПУЛЕ>

Брожу ли я вдоль улиц шумных,
Сижу ль один в моем угле —
Не слышу я речей разумных,
Лица не вижу Де-Пуле.

<15 августа> 1860

* * *

Теперь мы вышли на дорогу,
Дорога — просто благодать!
Уж не сказать ли: слава богу;
Труд совершен. Чего желать?

Душе простор, уму свобода...
Да, ум наш многое постиг:
О благе бедного народа
Мы написали груду книг.

Все эти дымные избенки,
Где в полумраке, в тесноте,
Полунагие ребятенки
Растут в грязи и нищете,

Где по ночам горит лучина
И, раб нужды, при огоньке,
Седой как лунь старик-кручина
Плетет лаптишки в уголке,

Где жница-мать в широком поле,
На ветре, в нестерпимый зной,
Забыв усталость поневоле,
Малютку кормит под копной.

Ее уста спеклися кровью,
Работой грудь надорвана...
Но, боже мой! с какой любовью
Малютку пестует она!

Всё это ныне мы узнали,
И наконец, — о мудрый век! —
Как дважды два, мы доказали,
Что и мужик наш — человек.

Всё суета! .. махнем рукою...
Нас чернь не слушает, молчит.
Упрямо ходит за сохою
И недоверчиво глядит.

Покамест ум наш созидает
Дворцы да башни в облаках,
Горячий пот она роняет
На нивах, гумнах и дворах,

В глухой степи, в лесной трущобе,
Средь улиц, сел и городов,
И, утомясь, в дощатом гробе
Опочивает от трудов.

Чем это кончится? .. Едва ли,
Ничтожной жизни горький плод,
Не ждут нас новые печали
Наместо прожитых невзгод.

Около сентября 1860

* * *

Бедная молодость, дни невеселые,
Дни невеселые, сердцу тяжелые!
Глянешь назад — точно степь неоглядная,
Глушь безответная, даль безотрадная.

Нет в этой дали ни кустика зелени,
Всё-то зачахло да сгибло без времени,
Спит, точно мертвое, спит, как убитое,
Солнышком божьим навеки забытое.

Солнышко божье на свет поскупилося,
Счастье-веселье на зов не явилося;
Горькое горе без зову нагрянуло,
При́ горе радость свинцом в воду канула.

Бедная молодость, дни невеселые,
Дни невеселые, сердцу тяжелые!
Рад бы забыть вас, да что ж мне останется?
Чем моя жизнь при бездолье помянется?..

Ноябрь 1860

* * *

За прялкою баба в поняве сидит;
Ребенок больной в колыбели лежит;
Лежит он и в рот не берет молока,
Кричит он без умолку — слушать тоска.

Торопится баба: рубашка нужна;
Совсем-то, совсем обносилась она:
Надеть-то ей нечего, просто — напасть!
Прядет она ночью, днем некогда прясть.

И зá полночь ярко лучина горит,
И грудь от сиденья щемит и болит,
И взгляд притупился, устала рука...
Дитя надрывается, — слушать тоска!

Пришлось поневоле работу бросать.
«Ну что, мое дитятко? — молвила мать. —
Усни себе с богом, усни в тишине,
Ведь некогда, дитятко, некогда мне!»

И баба садится, и снова прядет,
И снова покоя ей крик не дает.
«Молчи, говорю! мне самой до себя!
Ну, чем же теперь исцелю я тебя?»

Поют петухи, — видно, скоро рассвет,
Дымится лучина и гаснет — и нет;
Притих и ребенок, и глазки сомкнул,
Уснул он — да только уж нáвек уснул.

23 декабря 1860

ПОРТНОЙ

Пали на долю мне песни унылые,
Песни печальные, песни постылые,
Рад бы не петь их, да грудь надрывается,
Слышу я, слышу, чей плач разливается:
Бедность голодная, грязью покрытая,
Бедность несмелая, бедность забытая, —
Днем она гибнет, и в полночь, и зá полночь,
Гибнет она — и никто нейдет нá помочь,
Гибнет она — и опоры нет волоса,
Теплого сердца, знакомого голоса...
Горький полынь — эта песнь невеселая,
Песнь невеселая, правда тяжелая!
Кто здесь узнает кручину свою?
Эту я песню про бедность пою.

1

Мороз трещит, и воет вьюга,
И хлопья снега друг на друга
Ложатся, и растет сугроб.
И молчаливый, будто гроб,
Весь дом промерз. Три дня забыта,
Уж печь не топится три дня,
И нечем развести огня,
И дверь рогожей не обита,
Она стара и вся в щелях;
Белеет иней на стенах,
Окошко инеем покрыто,
И от мороза на окне
Вода застыла в кувшине.

Нет крошки хлеба в целом доме,
И на дворе нет плахи дров.
Портной озяб. Он нездоров
И головой поник в истоме.
Печальна жизнь его была,
Печально мóлодость прошла,
Прошло и детство безотрадно:
С крыльца ребенком он упал,

На камнях ногу изломал,
Его посекли беспощадно...
Не умер он. Полубольным
Всё рос да рос. Но чем кормиться?
Что в руки взять? Чему учиться?
И самоучкой стал портным.
Женился бедный, — всё не радость:
Жена недолго пожила
И богу душу отдала
В родах под пасху. Вот и старость
Теперь пришла. А дочь больна,
Уж кровью кашляет она.
И всё прядет, прядет всё пряжу
Иль молча спицами звенит,
Перчатки вяжет на продажу,
И всё грустит, и всё грустит.
Робка, как птичка полевая,
Живет одна, живет в глуши,
В глухую полночь, чуть живая,
Встает и молится в тиши.

2

Мороз и ночь. В своей постели
Не спит измученный старик.
Его глаза глядят без цели,
Без цели он зажег ночник,
Лежит и стонет. Дочь привстала
И посмотрела на отца:
Он бледен, хуже мертвеца...
«Что ж ты не спишь?» — она сказала.
— «Так, скучно. Хоть бы рассвело...
Ты не озябла?» — «Мне тепло...»

И рассвело. Окреп и холод.
Но хлеба, хлеба где добыть?
Суму надеть иль вором быть?
О, будь ты проклят, страшный голод!
Куда идти? Кого просить?
Иль самого себя убить?
Портной привстал. Нет, силы мало!

Все кости ноют, всё болит;
Дочь посинела и дрожит...
Хотел заплакать, — слез не стало...
И со двора, в немой тоске,
Побрел он с костылем в руке.
Куда? Он думал не о пище,
Шел не за хлебом, — на кладбище,
Шел бить могильщику челом;
Он был давно ему знаком.
Но как начать? Неловко было...
Портной с ним долго толковал
О том о сем, а сердце ныло...
И наконец он шапку снял:
«Послушай, сжалься, ради бога!
Мне остается жить немного;
Нельзя ли тут вот, в стороне,
Могилу приготовить мне?»
— «Ого! — могильщик улыбнулся. —
Ты шутишь иль в уме рехнулся?
Умрешь — зароют, не грусти...
Грешно болтать-то без пути...»
— «Зароют, друг мой, я не спорю.
Ведь дочь-то, дочь моя больна!
Куда просить пойдет она?
Кого?.. Уж пособи ты горю!
Платить-то нечем... я бы рад,
Я заплатил бы... вырой, брат!..»
— «Земля-то, видишь ты, застыла...
Рубить-то будет нелегко».
— «Ты так... не очень глубоко,
Не очень... всё-таки могила!
Просить и совестно — нужда!»
— «Пожалуй, вырыть не беда».

8

И слег портной. Лицо пылает,
В бреду он громко говорит,
Что божий гнев ему грозит,
Что грешником он умирает,
Что он повеситься хотел
И только Катю пожалел.

Дочь плачет: «Полно, ради бога!
У нас тепло, обита дверь,
И чай налит: он есть теперь,
И есть дрова, и хлеба много, —
Всё дали люди... Встань, родной!»
И вот встает, встает портной.
«Ты понимаешь? Жизнь смеется,
Смеется... Кто тут зарыдал?
Не кашляй! Тише! Кровь польется...»
И навзничь мертвым он упал.

Декабрь 1860

* * *

Вырыта заступом яма глубокая.
Жизнь невеселая, жизнь одинокая,
Жизнь бесприютная, жизнь терпеливая,
Жизнь, как осенняя ночь, молчаливая, —
Горько она, моя бедная, шла
И, как степной огонек, замерла.

Что же? усни, моя доля суровая!
Крепко закроется крышка сосновая,
Плотно сырою землею придавится,
Только одним человеком убавится...
Убыль его никому не больна,
Память о нем никому не нужна!..

Вот она — слышится песнь беззаботная,
Гостья погоста, певунья залетная,
В воздухе синем на воле купается;
Звонкая песнь серебром рассыпается...
Тише!.. О жизни покончен вопрос.
Больше не нужно ни песен, ни слез!

Декабрь 1860

ПОМИНКИ

Ни тучки, ни ветра, и поле молчит.
Горячее солнце и жжет и палит,
И, пылью покрытая, будто мертва,
Стоит неподвижно под зноем трава,
И слышится только в молчании дня
Веселых кузнечиков звон-трескотня.

Средь чистого поля конь-пахарь лежит;
На трупе коня ворон черный сидит,
Кровавый свой клюв поднимает порой
И каркает, будто вещун роковой.
Эх, конь безответный, слуга мужика,
Была твоя служба верна и крепка!
Побои и голод — ты всё выносил
И дух свой на пашне, в сохе испустил.

Мужик горемычный рукою махнул,
И снял с него кожу, и молча вздохнул,
Вздохнул и заплакал: «Ништо, мол,
не впрок!..»
И кожу сырую в кабак поволок.
И пел он там песни, свистал соловьем:
«Пускай пропадает! Гори всё огнем!»
Со смехом народ головами качал:
«Гляди, мол, ребята! Он ум потерял —
Со зла свое сердце гульбой веселит,
По мертвой скотине поминки творит».

1860

НА ПЕПЕЛИЩЕ

На яблоне грустно кукушка кукует,
На камне мужик одиноко горюет;
У ног его кучами пепел лежит,
Над пеплом труба безобразно торчит.

В избитых лаптишках, в рубашке дырявой
Сидит он, поник головою кудрявой,

Поник, горемычный, от дум и забот,
И солнце открытую голову жжет.

Не год и не два он терял свою силу:
На пашне он клал ее, будто в могилу,
Он клал ее дома, с цепом на гумне,
Безропотно клал на чужой стороне.

Весь век свой работал без счастья, без доли,
Росли на широких ладонях мозоли,
И трескалась кожа... да что за беда!
Уж, видно, не жить мужику без труда.

Упорной работы соха не сносила,
Ломалась, и в поле другая ходила,
Тупилось железо, стирался сошник,
И только выдерживал пахарь-мужик.

Просил, безответный, не счастья у неба,
Но хлеба насущного, черного хлеба;
Подкралась беда, всё метлой подмела, —
У пахаря нет ни двора, ни кола.

Крепись, горемычный! Не гнись от удара!
Всё вынесло сердце: и ужас пожара,
И матери старой пронзительный стон
В то время, как в полымя кинулся он

И выхватил сына, что спал в колыбели;
За ним по следам потолки загремели...
Пускай догорают!.. Мужик опален
И нищий теперь, да ребенок спасен.

1860

МАТЬ И ДОЧЬ

Худа, ветха избушка
И, как тюрьма, тесна;
Слепая мать-старушка
Как полотно бледна.

Бедняжка потеряла
Свои глаза и ум
И, как ребенок малый,
Чужда забот и дум.

Всё песни распевает,
Забившись в уголок,
И жизнь в ней догорает,
Как в лампе огонек.

А дочь с восходом солнца
Иглу свою берет,
У светлого оконца
До темной ночи шьет.

Жара. Вокруг молчанье,
Лениво день идет,
Докучных мух жужжанье
Покоя не дает.

Старушки тихий голос
Без умолку звучит...
И гнется дочь, как колос,
Тоска в груди кипит.

Народ неутомимо
По улице снует.
Идет всё мимо, мимо, —
Бог весть, куда идет.

Уж ночь. Темно в избушке.
И некому мешать,
Осталося к подушке
Припасть — и зарыдать.

1860

ПОГОСТ

Глубина небес синеет,
Светит яркая луна.
Церковь в сумраке белеет,
На погосте тишина.

Тишина — не слышно звука.
Не горит огня в селе.
Беспробудно скорбь и мука
Спят в кормилице-земле.

Спит в земле нужда-неволя,
Спит кручина бедняков,
Спит безвыходная доля.
Мир вам, кости мужичков!

Догорели ваши силы
Тише свечки восковой.
Донесли вы до могилы
Крест свой, кровью облитой...

Мир вам, старые невзгоды!
Память вечная слезам!
Веет воздухом свободы
По трущобам и лесам.

Золотые искры света
Проникают в глушь и дичь,
Слышен в поле клич привета,
По степям веселый клич.

1860

ЖИЗНЬ

Жизнь раскинулась вольною степью...
Поезжай, да гляди — не плошай!
За холмов зеленеющей цепью
Ты покоя найти не желай.

Хорошо под грозою-метелью,
Хорошо под дождем проливным
По степям, в бесконечном веселье,
Тройкой бешеной мчаться по ним!

Ну ж, ямщик! Пристегни коренную,
Что насупился? Вдаль погляди!
Что за ширь! Ну-ка песню родную,
Чтобы сердце заныло в груди,

Чтобы вышли проклятые слезы,
Те, что гнетом легли над душой,
Чтобы вдаль, под небесные грозы,
Нам лететь бесконечно с тобой.

1860 (?)

СОБРАТУ

Ты умрешь на больничной подушке,
Кое-как похоронят тебя,
И покончишь ты век одинокий,
Никого никогда не любя.

И никто над могилой твоею
Не помолится грустной душой —
Только синее небо над нею
Растоскуется вьюгой-грозой.

Только птицы слетят издалёка
Над твоим неприметным крестом,
Только зорька над ним заиграет
Предрассветным румяным лучом...

1860 (?)

ХОЗЯИН

Впряжен в телегу конь косматый,
Откормлен нá диво овсом,
И бляхи медные на нем
Блестят при зареве заката.
Купцу дай господи пожить:
Широкоплеч, как клюква красен,
Казной от бед обезопасен,
Здоров, — о чем ему тужить?
Да мой купец и не горюет.
С какой-то бабой за столом
В особой горенке, вдвоем,
Сидит на мельнице, пирует.
Вода ревет, вода шумит,
От грома мельница дрожит,

Идет работа толкачами,
Идет работа решетом,
Колесами и жерновами —
И стукотня и пыль кругом...
Купец мой рюмку поднимает
И кулаком об стол стучит.
«И выпью!.. кто мне помешает?
И пью..., сам черт не запретит!
Пей, Марья!..»

— «То-то, ненаглядный,
Ты мне на платье обещал...»
— «И кончено! Сказал — и ладно,
И будет так, как я сказал.
Мне что жена? Сыта, одета —
И всё... вот выпрягу коня
И прогуляю до рассвета,
И баста! Обними меня!..»

Вода шумит — не умолкает,
При свете месяца кипит,
Алмазной радугой сверкает,
Огнями синими горит.
Но даль темна и молчалива,
Огонь веселый рыбака
Краснеет в зеркале залива,
Скользит по листьям лозняка.

Купец гуляет. Мы не станем
Ему мешать. В тиши ночной
Мы лучше в дом его заглянем,
Войдем неслышною стопой.

Уж поздно. Свечка нагорела.
Больной лежит и смерти ждет.
Его лицо, как мрамор, бело,
И руки холодны, как лед;
На лоб открытый кудри пали;
Остаток прежней красоты,
Печать раздумья и печали
Еще хранят его черты.
Так, освещенные зарею,

В замолкшем на́долго лесу,
Листы осеннею порою
Еще хранят свою красу.
Пора на отдых. Грудь разбита,
На сердце запеклася кровь —
И радость на́век позабыта...
А ты, горячая любовь,
Явилась поздно. Доля, доля!
И если б раньше ты пришла, —
Какой бы здесь приют нашла?
Здесь труд и бедность, здесь неволя,
Здесь горе гнезда вьет свои,
И веет холод от порога,
И стены дома смотрят строго...
Здесь нет приюта для любви!
Лежит больной, лицо печально,
И будто тенью лоб покрыт;
Так летом, только догорит
Румяной зорьки луч прощальный, —
Под сводом сумрачных небес
Стоит угрюм и темен лес.

Родная мать роняет слезы,
Облокотясь на стол рукой.
Надежды, молодости грезы,
Мир сердца — этот рай земной —
Всё унесло, умчало горе,
Как буйный вихрь уносит пыль,
Когда в степи шумит ковыль,
Шумит взволнованный, как море,
И догорает вся дотла
Грозой зажженная ветла.

Плачь больше, бедное созданье!
И не слезами — кровью плачь!
Безвыходно твое страданье
И беспощаден твой палач.
Невесела, невыносима,
Горька, как яд, твоя судьба:
Ты жизнь убила, как раба,
И не была никем любима...
Твой муж... но виноват ли он,

Что пьян, и груб, и неумен?
Когда б он мог подумать строго,
Как зла наделано им много,
Как много ран нанесено, —
Себя он проклял бы давно.
В борьбе тяжелой ты устала,
Изнемогла и в грязь упала,
И в грязь затоптана толпой.
Увы! сгубил тебя запой!..
Твоя слеза на кровь походит...
Плачь больше!.. В воздухе чума!..
Любимый сын в могилу сходит,
Другой давно сошел с ума.

Вот он сидит на лежанке просторной,
Голо острижен, и бледен, и хил;
Палку, как скрипку, к плечу прислонил,
Бровью и глазом мигает проворно,
Правой рукою и взад и вперед
Водит по палке и песню поет:
«На старом кургане, в широкой степи,
Прикованный сокол сидит на цепи.
Сидит он уж тысячу лет,
Всё нет ему воли, всё нет!
И грудь он когтями с досады терзает,
И каплями кровь из груди вытекает.
Летят в синеве облака,
А степь широка, широка...»

Вдруг палку кинул он, закрыл лицо руками
И плачет горькими слезами:
«Больно мне! больно мне! мозг мой горит.
Счастье тому, кто в могиле лежит!
Мать моя, матушка! полно рыдать!
Долго ли нам эту жизнь коротать?
Знаешь ли? Спальню запри изнутри,
Сторожем стану я подле двери.
«Прочь! — закричу я. — Здесь мать моя спит!..
Больно мне, больно мне! мозг мой горит!..»

Больной всё слушал эти звуки,
Горел на медленном огне,

Сказать хотел он: дайте мне
Хоть умереть без слез и муки!
Ужель не мог я от судьбы
Дождаться мира в час кончины,
За годы думы и кручины,
За годы пытки и борьбы?
Иль эти пытки шуткой были?
Иль мало, среди стен родных,
Отравой зла меня поили?
Иль вместо слез из глаз моих
Текла вода на изголовье,
Когда, губя свое здоровье,
Я думал ночи безо сна —
Зачем мне эта жизнь дана?
И, догорающий в постели,
Всю жизнь припомнив с колыбели,
Хотел он на своем пути
Хоть точку светлую найти —
И не сыскал.

Так в полдень жгучий,
Спустившись с каменистой кручи,
Томимый жаждой, пешеход
Искать ключа в овраг идет.
И долго там, усталый, бродит,
И влаги капли не находит,
И падает, едва живой,
На землю с болью головной...

«Ну, отпирай! Заснули скоро!..» —
Ударив в ставень кулаком,
Хозяин крикнул под окном...
Печальный дом, приют раздора!
Нет, тяжело срывать покров
С твоих таинственных углов,
Срывать покров, как уголь, черный!
Угрюм твой вид, как гроба вид,
Как место казни, где стоит
С железной цепью столб позорный
И плаха с топором лежит!..
За то, что здесь так мало света,

Что воздух солнцем не согрет,
За то, что нет на мысль ответа,
За то, что радости здесь нет,
Ни ласк, ни милого объятья,
За то, что гибнет человек, —
Я шлю тебе мои проклятья,
Чужой оплакивая век!..

<9 апреля> 1861

‹Н. А. МАТВЕЕВОЙ›

На лицо твое солнечный свет упадал,
Ты со взором поникшим стояла;
Крепко руку твою на прощанье я жал,
На устах моих речь замирала.

Я не мог от тебя своих глаз отвести,
Одна мысль, что нам нужно расстаться,
Поглощала меня. Повторял я: «Прости!» —
И не мог от тебя оторваться.

Понимала ли ты мое горе тогда?
Или только, как ангел прекрасна,
Покидала меня без нужды и труда,
Будто камень холодный, бесстрастна?..

Вот затих стук колес средь безлюдных равнин,
Улеглась за ним пыль за тобою;
И, как прежде, я снова остался один
С беспощадной, бессонной тоскою.

Догорела свеча. Бродит сумрак в углах,
Пол сияет от лунного света;
Бесконечная ночь! В этих душных стенах
Зарыдай, — не услышишь ответа...

19 апреля 1861

‹Н. А. МАТВЕЕВОЙ›

Я вас не смею раздражать
И повинуюсь молчаливо,
И, хоть совсем не рад молчать,
Молчать я буду терпеливо.

«Но, ради самого Христа,
К чему вся эта пестрота,
Вся эта смесь стихов и прозы, —
Всё это шутки или слезы?» —

Меня вы спросите. «Увы!
Отчасти плод тяжелой скуки,
Отчасти плод душевной муки
И нездоровой головы».

Притом, скажу чистосердечно,
На вас мне трудно угодить:
Едва шутить начну беспечно —
Сейчас упрек: «Зачем шутить!»

Невесел я — опять укоры,
Опять нахмуренные взоры;
Но как же быть мне, мой творец!..
Assez![1] Довольно наконец.

За то, что врал напропалую,
За то, что мучил этим вас,
Склонив колени, в этот час
Прах вашей ножки я целую.

А ручку можно ли пожать?
Нельзя? Так что и толковать!
К чему излишняя награда?
Такая милая отрада
Меня с ума б теперь свела,
А вы... вы не творите зла.

Мне остается перед вами,
Приняв вид скромности святой,

---

[1] Довольно! (франц.) — *Ред.*

Стоять с поникшей головой
И с потупленными глазами
Или забыть весь свет — и вдруг
Воскликнуть. . . . .

19 апреля 1861

ИСПОВЕДЬ

Ох, водкой зашибаюся...
Что делать! не таюсь...
И перед богом каюся,
Перед людьми винюсь.
И рукава вот прорваны,
И рожа не чиста,
И силы понадорваны,
И совесть пропита, —
Как есть дошел до подлости!
Эх, крут был мой отец!
Держал меня он в строгости,
Богатый был купец;
Он взял меня от азбучки
И в лавку посадил;
Проклятой этой лавочки
Теперь я не забыл.
Бывало, кровь бросается
В лицо мне от стыда:
Всё плутовством кончается...
А не сплутуй — беда!
«Нет, ты пойми учение, —
Накинется отец, —
Ты будь — мое почтение! —
По правилам купец...»
Что слово — брань обидная.
Стоишь, в ушах звенит,
И в сердце злость постыдная
Против отца кипит.
Сказал бы слово смелое,
Молчишь, — хоть тяжело...
И черное за белое
Идет тебе назло.

Привычка — вещь мудреная,
Привык я ко всему;
Решил, что доля темная, —
Так нужно быть тому.
Оплеванный, обруганный,
Я злился на себя;
Людей, как зверь напуганный,
Боялся, не любя.
Привык я к послушанию,
Но раз не умолчал!
Отцу по приказанию
Я Библию читал.
Горела свечка сальная,
В углу мурлыкал кот,
И пелась песнь печальная
Бог весть кем у ворот.
Отец ходил нахмуренный,
И пол под ним скрипел;
С стены оштукатуренной
Портрет его глядел.
Читал я, — что за чтение!
Учен я плохо был
И как-то ударение
Не там постановил.
Отец мой плеть ременную
Снял молча со стены
И... в эту ночь бессонную
Я видел въяве сны,
Сны страшные!.. Покойником
Я будто бы лежал,
Зарезанный разбойником,
И кровью подплывал...
Эх, молодость беспечная!
Ничто ей не беда!
Выносит всё, сердечная,
Как полая вода...
Я вырос. Что печалиться!
Я думал наконец:
Пора уж мне оправиться...
«Женись!» — сказал отец.
Я спорить. «Врешь! Приказано!
Не то — всего лишу.

Вот так и будет сказано:
В духовной напишу».
Подумал я с подушкою,
Подумал, — как тут быть?
Как за чужой краюшкою
В чужом углу мне жить?
Огласка, порицание,
Попрек со всех сторон...
А где образование?
Чему я обучен?
Я прав, мол, дело честное.
Поверит ли народ?
Уж что за мненье лестное —
С отцом-де не живет.
Молчи, душа свободная!
На всё один ответ...
Жена моя дородная,
Лицо что маков цвет,
Жила в семействе, стряпала
И стряпать замуж шла,
Перед венцом поплакала
И... и приют нашла.
Приду домой — молчание.
Сидим мы. Как тут быть?
Ну просто наказание!
О чем с ней говорить?
Скажу: «Погода скверная!»
Ответит: «Да, дурна».
А вижу: баба верная,
Степенная жена.
Сидим мы. Мне зевается,
Зевнет она в ответ.
Тут ужин начинается
И сон, а там — рассвет.
Без грусти с ней прощаемся,
Приду, — молчим опять,
За стол опять сбираемся...
Хоть петлю надевать!
Пошлешь тоске проклятие —
И марш с двора чуть свет,
На рынке есть занятие,
И дружба, и совет.

Гуляй, душа родимая!
Зальешь глаза вином,
И грязь непроходимая,
И пропасть — нипочем.

1861

ПОРЫВЫ

Людскую скорбь, вопросы века —
Я знаю всё... Как друг и брат,
На скорбный голос человека
Всегда откликнуться я рад.

И только. Многое я вижу,
Но воля у меня слаба,
И всей душой я ненавижу
Себя как подлого раба.

Как я неправду презираю,
Какой я человек прямой,
Покуда жизни не встречаю
Лицом к лицу, — о боже мой!

И если б в жизнь переходили
Мои слова, — враги мои
Меня давно б благословили
За сердце, полное любви.

Погас порыв мой благородный.
И что же? Тешится над ним
Какой-нибудь глупец холодный
Безумным хохотом своим.

«Так вот-с как было это дело, —
Мне говорит степняк-сосед: —
Себя он вел уж очень смело,
Сказать бы: *да,* он скажет: *нет.*

Упрямство... вот и судит криво:
За правду стой, да как стоять!
Ну, перенес бы молчаливо,
Коли приказано молчать.

Вот и погиб. Лишился места,
Притих и плачет, как дитя,
Детишек куча, дочь невеста,
И в доме хлеба ни ломтя...»

— «Как вам не совестно, не стыдно!
Как повернулся ваш язык!
Мне просто слушать вас обидно!..» —
Я поднимаю громкий крик.

И весь дрожу. Лицо пылает,
Как лев пораненный, я зол.
Сигара в угол отлетает,
Нога отталкивает стол.

Сосед смеется: «Что вы! что вы!
Обидел, что ли, я кого?
Уж вы на нож теперь готовы,
Ха-ха, ну стоит ли того?»

И в самом деле, я решаю:
Что портить кровь из пустяков!
Махну рукой и умолкаю:
Не переучишь дураков.

Берусь за книгу ради скуки,
И желчь кипит во мне опять:
Расчет, обманы, слезы, муки,
Насилье... не могу читать!

Подлец на добром возит воду,
Ум отупел, заглох от сна...
Ужели грешному народу
Такая участь суждена?

«Ты дома?» — двери отворяя,
Чудак знакомый говорит
И входит, тяжело ступая.
Он неуклюж, угрюм на вид.

Взгляд ледяной, косые плечи,
Какой-то шрам между бровей.

Умен, как бес, но скуп на речи,
Трудолюбив, как муравей.

«Угодно ли? Была б охота,
Есть случай бедняку помочь —
Без платы... нелегка работа:
Сидеть придется день и ночь,

Писать, читать, в архиве рыться —
И жертва будет спасена».
— «А ты?» — «Без платы что трудиться!»
— «Изволь! мне плата не нужна».

И вот к труду я приступаю,
И горячусь, и невпопад
Особу с весом задеваю;
Я рвусь из сил, меня бранят.

Тут остановка, там помеха;
Я рад бы жертве, рад помочь,
Но вдруг!.. Мне тошно ждать успеха,
Мне эта медленность невмочь.

И всё с досадой я бросаю,
И после (жалкий человек)
Над бедной жертвой я рыдаю,
Кляну свой бесполезный век.

Нет, труд упорный — груз свинцовый.
Я друг добра, я гражданин,
Я мученик, на всё готовый,
Но мученик на миг один.

1861

ПОЭМЫ

КУЛАК

Всё благо и прекрасно на земле,
Когда живет в своем определеньи;
Добро везде, добро найдешь и в зле.
Когда ж предмет пойдет
по направленью,
Противному его предназначенью,
По сущности добро, он станет — злом.
Так человек: что добродетель в нем,
То может быть пороком.

Шекспир («Ромео и Юлия»)

1

День гаснет. Облаков громада
Покрыта краской золотой;
От луга влажною струей
Плывет душистая прохлада;
Над алым озером тростник
Сквозной оградою поник.
Порой куда-то пронесется
Со свистом стая куликов,
И снова тишь. В тени кустов
Рыбачий челн не покачнется.
Вдоль гати тянется обоз;
Скрипят колеса. За волами
Шагают чумаки с кнутами;
Кипит народом перевоз.
Паром отчалили лениво,
Ушами лошади пугливо
Прядут; рабочие кричат,
И плещет по воде канат.

Шлагбаум, с образом часовня,
Избушки, бани, колокольня
С крестом и галкой на кресте,
И на прибрежной высоте
Плетни, поникнувшие ивы —
Всё опрокинуто в реке.
Белеют мойки вдалеке,
Луками выгнулись заливы;
А там — кусты, деревня, нивы
Да чуть приметный сквозь туман
Средь поля чистого курган.

Тому давно, в глуши суровой,
Шумел тут грозно лес дубовый,
С пустынным ветром речи вел,
И плавал в облаках орел;
Синела степь безгранной далью,
И, притаясь за вал с пищалью,
Зажечь готовый свой маяк,
Татар выглядывал казак.
Но вдруг всё жизнью закипело,
В лесу железо зазвенело —
И падал дуб; он отжил век...
И вместо зверя человек
В пустыне воцарился смело.
Проснулись воды, и росли,
Гроза Азова, корабли.
Те дни прошли. Уединенно
Теперь под кровлей обновленной
Стоит на острове нагом
Безмолвный прадедовский дом,
Цейхгауз старый. Тихи воды.
Где был Петра приют простой,
Купец усердною рукой
Один почтил былые годы —
Часовню выстроил и в ней
Затеплил набожно елей.
Но город вырос. В изголовье
Он положил полей приволье,
Плечами горы придавил,
Болота камнями покрыл.
Одно пятно: в семье громадной

Высоко поднятых домов,
Как нищие в толпе нарядной,
Торчат избенки бедняков;
В дырявых шапках, с костылями,
Они ползут по крутизнам
И смотрят тусклыми очами
На богачей по сторонам;
Того и жди — гроза подует,
И полетят они в овраг...
Таков домишко, где горюет
С женой и дочерью кулак:
На крыше старые заплаты,
Приют крикливых воробьев,
Карниз обрушиться готов;
Стена крива; забор дощатый
Подперт осиновым колом;
Двор тесный смотрит пустырем;
Растет трава вокруг крылечка;
Но сад... В сад после завернем;
Теперь мы в горенку войдем.
Она светла. Икона, печка,
С посудой шкап, сосновый стол,
Скамейка, красный стул без спинки,
Комод пузатый под замком —
Всё старина, зато соринки
Тут не заметишь ни на чем.

2

Хозяйка добрая, здорово!
Ты вечно с варежкой в руке,
И в этом белом колпаке,
И всё молчишь! Порою слово
Промолвишь с дочерью родной,
И вновь разбитый голос твой
Умолкнет. Бедная Арина!
Повысушили до поры
Нужда да тяжкая кручина
Тебя, как травушку жары;
Поникла голова, что колос,
И поседел твой русый волос;

Одна незлобная душа
Осталась в горе хороша.

И ты, красавица, с работой
Сидишь в раздумье под окном;
Одной привычною заботой
Всю жизнь вы заняты вдвоем...
Глядишь на улицу тоскливо,
Румянец на лице поблек,
И спицы движутся лениво,
Лениво вяжется чулок.
О чем тоска? откуда скука?
Коса, что черная смола,
Как белый воск, рука бела...
Душа болит? неволя-мука?..
Что делать! подожди, пока
Прогонит ветер облака.

«Ох, Саша! полно сокрушаться!
Вот ты закашляешь опять...—
Промолвила старушка мать.—
Ну, в сад пошла бы прогуляться,
Вишь, вечер чудо!»
— «Всё равно!
И тут не дурно: вот в окно
Свет божий виден — и довольно!»

— «Глядеть-то на тебя мне больно!
Бледна, вот точно полотно...»
И мать качала головою
И с Саши не сводила глаз.
«Поди ты! сокрушает нас
Старик! над дочерью родною
Смеется... Чем бы не жених
Столяр-сосед? Умен и тих.
Три раза сваха приходила,
Уж как ведь старика просила!
Один ответ: на днях приди...
Подумать надо... погоди...
Ты вот что, Саша: попытайся,
С отцом сама поговори,
Чуть будет весел».
— «Дожидайся!

Я думаю, в ногах умри, —
Откажет...»
Мать не отвечала,
Поникнув грустно головой.

«Чуть будет весел... Боже мой!
За что же я-то потеряла
Веселье? Ведь к чужим придешь,
Там свет иной, там отдохнешь;
А при отце язык и руки —
Всё связано! когда со скуки
В окно глядишь, и тут запрет!
Уж и глазам-то воли нет!»

— «Всё осуждать его не надо.
Известно — стар, кругом нужда,
На рынке хлопоты всегда,
Вот и берет его досада.
Он ничего... ведь он не зол:
На час вспылит, и гнев прошел».
— «Я так... я разве осуждаю?
И день — печаль, и ночь — тоска,
Тут поневоле с языка
Сорвется слово».
— «Знаю, знаю!
Как быть? Живи, как бог велел...
Знать, положе́н таков предел».

Заря погасла. Месяц всходит,
На стекла бледный свет наводит;
За лес свалились облака;
В тумане город и река;
Не шевельнет листом осина;
Лишь где-то колесо гремит
Да соловей в саду свистит.
Молчат и Саша, и Арина,
Их спицы бедные одне
Не умолкают в тишине.

Как хорошо лицо больное
Старушки сгорбленной! Оно,

Как изваяние живое,
Всё месяцем освещено.
В руках на миг уснули спицы,
Глаза на дочь устремлены,
И неподвижные ресницы
Слезой докучной смочены.
Сверкает небо огоньками,
Не видно тучки в синеве,
А у старушки облачками
Проходят думы в голове:
«Без деток грусть, с детьми не радость!
Сынок в земле давно лежит,
Осталась дочь одна под старость —
И эту горе иссушит.
Ну что ей делать, если свахе
Старик откажет? Как тут быть?
Я чаю, легче бы на плахе
Бедняжке голову сложить!
И без того уж ей не сладко:
Работа, скука, нищета...
Всю жизнь свою, моя касатка,
Что в клетке птица, заперта.
Когда и выйти доведется,
Домой придет — печальней дом...
Глядишь, на грех старик напьется,
О-ох, беда мне с стариком!
Ну, та ль она была сызмала?
Бывало, пела и плясала,
На месте часу не сидит,
Вот, словно колокольчик звонкий,
Веселый смех и голос тонкий
В саду иль в горенке звенит!
Бывало, чуть с постельки встанет,
Посмотришь — куколки достанет,
Толкует с ними: «Ты вот так
Сиди, ты глупая девчонка...
Вот и братишка твой дурак,
Вам надо няню...» И ручонкой
Начнет их эдак тормошить...
Возьмет подаст им на бумажках
Водицы в желудевых чашках.
«Ну вот, мол, чай, извольте пить!»

Уймися, говорю, вострушка.
Отец прикрикнет: «Посеку!»
Бедняжка сядет в уголку,
Наморщит лобик, как старушка,
И хмурится. Отец с двора —
Опять потешная игра».

И мать работу положила,
Печной заслон впотьмах открыла,
Достала щепкой уголек
И стала дуть. Вдруг огонек
Блеснул — и снова замирает.
Вот щепка вспыхнула едва, —
Из мрака смутно выступает
Старушки бледной голова.

3

Уж стол накрыт, и скудный ужин
Готов. Покой старушке нужен,
Заснуть бы время, — мужа ждет;
Скрипит крылечко, — он идет.
Сюртук до пят, в плечах просторен,
Картуз в пыли, ни рыж, ни черен,
Спокоен строгий, хитрый взгляд,
Густые брови вниз висят,
Угрюмо супясь. Лоб широкий
Изрыт морщинами глубоко,
И темен волос, но седа
Подстриженная борода.

«Устал, Лукич? — жена спросила, —
Легко ль, чуть свет ушел с двора!
Садись-ко ужинать: пора!»

— «Не каплет сверху... заспешила! —
Ответил муж. — Успеешь, друг! —
И, сняв поношенный сюртук,
На гвоздь повесил осторожно,
Рубашки ворот распустил,
Лицо и руки освежил

Водою. — Ну, теперь вот можно
За щи приняться».
— «Вишь, родной! —
Старушка молвила. — Не спится!
Всю ноченьку провеселится,
Поди, как свищет!»

— «Кто такой?» —
Ответил муж скороговоркой,
Ломая хлеб с сухою коркой.
«Соловьюшек у нас в саду».
— «Сыт, стало. Коли б знал нужду,
Не пел бы. Мне вот не поется,
Как хлеб-ат потом достается...
Ты, Саша, ужинала, что ль?»
— «Мы ждали вас».
— «Подай мне соль».

Дочь подала.
«За ужин села,
Так ешь! ты что невесела?»
— «Я ничего».
— «Гм... дурь нашла!
Так, так!»
Старушка поглядела
На Сашу. Саша поняла
И ложку нехотя взяла.
«Ох, эта девичья кручина! —
Отец, нахмурясь, продолжал
И мокрой ложкой постучал
Об стол. — Всё блажь! Подбавь, Арина,
Мне каши... да! всё блажь одна!
Я знаю, отчего она,
Смотри!»
— «Опять не угодила!
За смех — упрек, за грусть — упрек...
Ну, грустно, — что ж тут за порок?
Что за беда?»
— «Заговорила!
Язык прикусишь! берегись!
Вишь ты!..» И жилы напряглись
На лбу отца. Гроза сбиралась.

Но Саша знала старика,
Словам дать волю удержалась, —
И пронеслися облака
Без грома.
Чашка опустела.
Лукич усы свои утер
И, помолившись, кинул взор
На Сашин хлеб. «Ломтя не съела...
Сердита, значит... Прибирай!
Есть квас-то на ночь?»
— «Есть немного».
— «Ну, принеси. Сейчас ступай!»
— «Куда ж идти? Теперь порога
Не сыщешь в погребе: не день...»
— «Ну-ну! пошевельнуться лень!»

Дочь вышла. На лице Арины
Слегка разгладились морщины.
Старик, мол, трезв... Иль он любви
Не знает к детищу родному?
Скажу про Сашу... не чужому...
Что ж! Господи благослови!
И подле мужа робко села.
«Лукич!»
— «Ну, что там?»
— «Я хотела...
Того... с тобой поговорить...
Не станешь ты меня бранить?..»
— «За что?»
— «Начать-то я не смею».
— «Ну, ладно, ладно! говори».
— «Вишь, мы вот стары, я болею,
Совсем свалюсь, того смотри,
Обрадуй ты меня под старость —
Отдай ты дочь за столяра!»
— «Обрадуй... что же тут за радость?
Вот ты, к примеру, и стара,
А дура!.. стало, есть причина,
Зачем я медлю... Эх, Арина!
Пора бы, кажется, умнеть!»
— «Как мне на Сашу-то глядеть?
Она час от часу худеет.

Ведь я ей мать!»
— «Повеселеет!
Ты знаешь, девичья слеза —
Что утром на траве роса:
Пригреет солнце — и пропала».
— «Пусть я отрады не видала,
Хоть ей-то, дочери, добра
Ты пожелай!»
— «В постель пора!
Оставь, пока не рассердился!»

Старушка в спальню побрела.
Там перед образом светился
Огонь. В углу кровать была
Без полога. Подушек тени
Как будто спали на стене.
Арина стала на колени,
И долго, в чуткой тишине,
Перед иконою святою
Слеза катилась за слезою.

Меж тем Лукич окно открыл
И трубку медленно курил;
Сквозь дым глаза его без цели
На кудри яблоней глядели.
«Ну, завтра ярмарка. Авось
На хлеб добуду. Плохо стало!
Ходьбы и хлопотни немало,
А прибыли от них — хоть брось!
Другим, к примеру, удается:
Казна валится, точно клад;
Ты, право, грошу был бы рад,
Так нет! Где тонко, тут и рвется.
Порой что в дом и попадет,
Нужда метлою подметет.
Вот дочь невеста... всё забота!
И сватают, да нет расчета:
Сосед наш честен, всем хорош,
Да голь большая — вот причина!
Что честь-то? коли нет алтына,
Далеко с нею не уйдешь.
Без денег честь — плохая доля!

Согнешься нехотя кольцом
Перед зажиточным плутом:
Нужда — тяжелая неволя!
Мне дочь и жаль! я человек,
Отец, к примеру... да не век
Мне мыкать горе. Я не молод.
«Лукич — кулак!» — кричит весь город.
Кулак... Душа-то не сосед,
Сплутуешь, коли хлеба нет.
Будь зять богатый, будь помога,
Не выйди я из-за порога,
На месте дай бог мне пропасть,
Коли подумаю украсть!
А есть жених, наверно знаю...
Богат, не должен никому,
И Саша нравится ему.
Давно я сваху поджидаю».

Так думал он. А ветерок
Его волос едва касался,
И в трубке красный огонек
Под серым пеплом раздувался.
Порой катилася звезда,
По небу искры рассыпала
И гасла. Ночь благоухала,
И белых облаков гряда
Плыла на север. Жадно пили
Росу поникшие листы
И звуки смутные ловили.
При свете месяца кусты,
Бросая трепетные тени,
Казалось, в царство сновидений
Перенеслись. Меж их ветвей
В потемках щелкал соловей.

Быть может, с детства взятый в руки
Разумной матерью, отцом,
Лукич избег бы жалкой муки —
Как ныне, не был кулаком.
Велик, кто взрос среди порока,
Невежества и нищеты
И остается без упрека

Жрецом добра и правоты;
Кто видит горе, знает голод,
Усталый, чахнет за трудом
И, крепкой волей вечно молод,
Всегда идет прямым путем!
Но пусть, как мученик сквозь пламень,
Прошел ты, полный чистоты,
Остановись, поднявши камень
На жертву зла и нищеты!
Корою грубою закрытый,
Быть может, в грязной нищете
Добра зародыш неразвитый
Горит, как свечка в темноте!
Быть может, жертве заблужденья
Доступны редкие мгновенья,
Когда казнит она свой век
И плачет, сердце надрывая,
Как плакал перед дверью рая
Впервые падший человек!

4

Еще ребенком, не стесненный
В привычках жизни обыденной,
Лукич безделье полюбил.
Своим Карпушкой занят был
Торгаш, отец его, не много,
Хоть и твердил сынишке строго:
«А вот, господь даст, доживем,
Мы поглядим, каким добром
Воздашь отцу за попеченье.
Тут можно человеком быть:
Сызмала началось ученье —
Псалтырь и всё... тут можно жить!
Я и читать вот не учился,
Да вышел в люди: сыт, обут...»
И под хмельком всегда бранился:
«Ты, дескать, баловень! ты плут!..»
И сына за вихор поймает,
Так, ни за что... Ну вот, мол, знай!
Дерет, дерет — до слез таскает
И молвит: «Ну, ступай, играй!»

А мать свое хозяйство знала,
В печи дрова со счетом жгла,
Горшки да чашки берегла.
И ей заботы было мало,
Когда зимой, по целым дням,
Забросив книжку и указку,
Сынок катался по горам.
Раздолье! .. Легкие салазки
Со скрипом по снегу летят,
На них бубенчики звенят.
«Как смел ты утром не являться?» —
Ему учитель говорил.
«У нас молебен в доме был,
Мне батюшка велел остаться».
— «Ты до обеда где ходил? —
Кричал отец. — Час целый ждали».
— «Учитель не пускал домой:
Зады сидели повторяли...»
Бывало, летнею порой
Тайком залезет в сад чужой,
Румяных яблок наворует,
Тащит их к матери. «Где взял?»
— «А это мне Сенютка дал,
Вот ешь!» — И мать его целует:
Поди, мол, родила сынка,
Не съест без матери куска!
Порой грачей в гнезде поймает:
«Эй, Сенька, у меня грачи!
Давай менять на калачи!»
— «Не надо!» — Сенька отвечает.
«Ну, и не надо... вот им! вот!» —
И головы грачам свернет,
Парнишку больно оттаскает
И прибежит домой, ревет.
«О чем ты?» — мать в испуге спросит.
«Да вот Сенютка — сын голосит, —
Моих грачей закинул в ров
И надавал мне тумаков».

Карпушка на ноги поднялся
И всё без дела оставался,
Покамест вздумалось отцу

В науку мудрую к купцу
Его отдать. Тут все расчеты —
Торговых плутней извороты —
Он изучил и кошелек
Казной хозяйскою, как мог,
Наполнил. Годы шли. Скончался
Его отец; угасла мать.
Невесту долго ли сыскать?
И сын женился. Распрощался
С купцом; заторговал мукой;
И как по маслу год-другой
Всё шло. Но вдруг за пень задело:
Тут неудача, там сплошал...
Спустил, как воду, капитал
И запил: горе одолело!
Искать местечка — стыд большой;
Искать решился — отказали.
А ремеслу не обучали;
Подумал — и махнул рукой:
«Тьфу, черт возьми, да что за горе!
Пойду на рынок поутру,
Так вот и деньги! Рынок — море!
Там рыба есть, умей ловить!
Достанет как-нибудь прожить!»
И с той поры, лет тридцать сряду,
Он всякой дрянью промышлял,
И Лукича весь город знал
По разным плутням, по наряду,
По вечной худобе сапог
И по загару смуглых щек.

5

Флаг поднят. Ярмарка открыта.
Народом площадь вся покрыта.
На море пестрое голов
Громада белая домов
Глядит стеклянными очами;
Недвижная, затоплена
Вся солнца золотом она.
Люд божий движется волнами...
И кички с острыми углами,

Подолы красные рубах,
На черных шляпах позументы
И ветром в девичьих косах
Едва колеблемые ленты —
Вся деревенская краса
Вот так и мечется в глаза!
Из лавок, хитрая приманка,
Высматривают кушаки,
И разноцветные платки,
И разноцветная серпянка.
Тут груды чашек и горшков,
Корчаг, бочонков, кувшинов;
Там — лыки, ведра и ушаты,
Лотки, подойники, лопаты,
Колеса... «Где? Какая дрянь?
Ты вот на сту́пицу-то глянь!» —
Торгаш плечистый повторяет
И бойко колесом вертит.
А парень крендель доедает,
«Сложи полтину, — говорит, —
Возьму и дегтю, вот мазницы...»
«Нет, врешь! отдай за рукавицы!
Ты гаманок-то свой не прячь!» —
Кричит налево бородач.
Здесь давка: спорят с мужиками
За клячу пегую купцы,
И *Лазаря* поют слепцы,
Сбирая медными грошами
Дань с сострадательных зевак.
Набит битком толпой гуляк
Приют разгула и кручины
Под кровлею из парусины.
«Ох, православные! я пьян!» —
В бумажном колпаке и в блестках,
Кривляясь с бубном на подмостках,
Народ дурачит шарлатан
И корчит рожу... «Как обман! —
Повертывая головою,
Цыган проносится с божбою. —
Коню не двадцать лет, а пять.
Жены, детей мне не видать!»
Веселый говор, крик торговли,

Писк дудок, песни мужичков
И ранний звон колоколов —
Всё в гул слилось. Меж тем оглобли
Приподнялись поверх возов,
Как лес без веток и листов.

Лукич на ярмарке с рассвета;
Успел уж выпить, закусить,
Купить два старых пистолета
И с барышом кому-то сбыть.
Теперь он с бабою хлопочет,
Руками уперся в бока,
Лицо горит, чуть не соскочит
Картуз с затылка, — речь бойка.
«Ты вот что, умная молодка,
По сторонам-то не смотри,
Твой холст, к примеру, не находка...
Почем аршин-то? — говори».
— «По гривне, я тебе сказала;
Вон и другие так берут».
— «Не ври! куда ты указала!
Там по три гроша отдают!»
— «И, що ты! аль я одурела!
Поди-ко цену объявил!
Купец четыре мне сулил,
Да я отдать не захотела...
Вон он стоит...»
— «Ха-ха! ну так!
Отдай! и ты не догадалась!
Эх, дура! с кулаком связалась!
Ведь он обмеряет! кулак!
А я на совесть покупаю...
Эй, голова! почем пенька?» —
Остановивши мужика,
Он закричал.
«Спасибо! знаю!..»
«Должно, наш брат учил тебя!» —
Лукич подумал про себя
И снова с бабою заспорил,
Голубушкою называл,
Раз десять к черту посылал
И напоследок урезонил.

Из-под полы аршин достал,
Раз!.. раз!.. и смерена холстина.
«Гляди вот: двадцать три аршина».
— «Охма! тут двадцать семь как раз!»
— «Что, у тебя иль нету глаз?
Аршин казенный, понимаешь!
Вот на... не видишь, два клейма!»
— «Да как же так!»
— «Не доверяешь?»
— «Я дома мерила сама».
— «Тьфу! провались ты! я сумею
Без краденой холстины жить!
Глаза, что ль, ею мне накрыть?
Так я, к примеру, крест имею!»
И кошелек он развязал,
На гривну бабу обсчитал
И торопливо отвернулся:
Прощай, мол! верно!.. недосуг!
Пошел было в толпу — и вдруг
С помещиком в очках столкнулся.
«Мое почтенье, Клим Кузьмич!
Не купите ли, сударь, бричку?
Отличный сорт!»
— «Ба, ба! Лукич!
Ты не забыл свою привычку —
Прислуживаешь, братец, всем?»
— «Что делать! сами посудите,
Я тоже хлеб, к примеру, ем...
А бричка дешева-с! купите!»
— «Нет, я на бричку не купец.
Не попадется ль жеребец?
Вот не найду никак, мученье!
А нужен к пристяжным под шерсть —
Караковый».
— «Есть, сударь, есть!
Рысак! А бег — мое почтенье!»
И он прищелкнул языком:
Да-с! одолжу, мол, рысаком!
«Ты плут естественный, я знаю;
Смотри, Лукич! не обмани!»
— «Ну вот-с, помилуйте! ни-ни!
Я вас с другими не сравняю.

Тут... Вам Скобеев незнаком?»
— «Нисколько».
— «Он, сударь, кругом
В долгах: весь в карты проигрался,
Теперь рысак один остался...
Ну конь! Глазами, ваша честь,
Вот так, к примеру, хочет съесть!
Черт знает, просто загляденье!»
— «Да правда ль?»
— «Недалёко дом,
Коли угодно, завернем,
Посмотрим».
— «Сделай одолженье!
А помнишь ли, купил ты мне
Собаку как-то по весне?»
— «Плохонька разве?»
— «Околела,
Не взял бы черт знает чего!»
— «Охотиться не захотела...
Поможем, сударь, ничего!..
Ах! тут вот есть у офицера
Собака... кличку-то забыл,
Вчера денщик и говорил...
Ну и животное, к примеру:
Брось в воду гривенник — найдет!
Вот вам купить бы».
— «Рад душою!
Но для чего ж он продает?»
— «Что делать станете с нуждою!
Наследство дядя обещал,
А при смерти не завещал,
Есть нечего... семья большая...»
— «А, вот что!» — барин отвечал
И, гибкой тросточкой играя,
Поглядывал по сторонам
И напевал: «тири-та-рам...»

6

«Вот-с, двухэтажный, с мезонином...» —
Лукич помещику сказал
И дом Скобеева, аршином

Махнув направо, показал.
«Эй, кучер! соня!»
                    Кучер плотный,
Бессмысленно разинув рот,
Дремал на камне у ворот.
«Иль ночь-то не спал, беззаботный?» —
Лукич у кучера спросил.
Тот вздрогнул и глаза открыл,
Достал тавлинку из кармана
И сильно в ноздри потянул.
«Где барин?»
                    — «Ась? А... чхи! Татьяна
Мне говорила... чхи!.. пьет чай».
— «Потише рот-то разевай!
Вишь, зачихал. Эх ты, приятель!
На рысака вот покупатель...»
— «Ну, что же, стало, показать?»
— «Ведь не заочно покупать».
— «А барин?»
                    — «Выводи, он знает».
И кучер скрылся. «Клим Кузьмич! —
Сказал вполголоса Лукич. —
Сноровка делу не мешает —
Ему на водку надо дать...»
— «Ну, дураку-то!»
                    — «Как узнать!
Бывает, и дурак годится.
Он, рыжий черт, не постыдится
И господину понаврет,
Что наш-де конь нам не подходит
И корм-де впрок ему нейдет.
Ей богу-с! Этот хамский род
Господ частенько за нос водит!»
Помещик смехом отвечал
И два четвертака достал.
Лукич в конюшню торопливо
Вошел и молвил: «Живо! живо!»
В карман свой деньги опустил
И кнут у кучера спросил.
«Вон на стене... не тут... правее.
Статья-то, слышь, не подойдет:

Ведь конь с запалом — заревет».
— «Ты не крути, держи умнее.
А ну-ка, дорогой рысак,
Подставь бока... Вот так! Вот так!
Прр! Прр! На двор его скорее!..»

И бедный конь через порог
Вдруг сделал бешеный скачок,
Глазами дико покосился
И начал землю рыть ногой.
Лукич, смеясь, посторонился, —
Вишь, дескать, бойкий стал какой!
Помещик подошел. Рукою
Коня по шее потрепал
И с лоском гривою густою
Полюбовался. Холку взял,
Поправил набок. Осторожно
Ощупал ноги, мышки, грудь
И молвил: «Надобно взглянуть
На зубы». — «Оченно возможно», —
Кудрявый кучер отвечал
И зубы рысаку разжал.
«Э! Конь-то молодой! три года...
Лишь стал окраины ронять...
А ну, нельзя ли пробежать?
Стой, стой! Да, недурна порода!»
— «А бег-то, бег-то, Клим Кузьмич!
А шея! — говорил Лукич —
Позвольте-с, вот и сам хозяин».

Хозяин был румяный барин,
С усами с трубкою в руке,
В фуражке, в черном сюртуке,
Со знаком службы беспорочной,
Обрит отлично, сложен прочно,
Взгляд строг, навыкате глаза
И под гребенку волоса

«Скобеев, сударь. Честь имею...
А вы-с? коли спросить я смею...» —
Он покупателю сказал.

«Долбин, помещик. Я узнал,
Что рысака вы продаете.. »
— «Так точно».

— «Дорого ль возьмете?»
— «Позвольте в дом вас попросить».
— «Зачем же? можно тут решить».
— «Четыреста. Коню три года».
— «Я видел. А чьего завода?»
— «Орловой».

— «Дорого-с. Не дам.
А вот за триста — по рукам».

— «Я не торгаш, предупреждаю.
Три с половиною дают,
Прийти хотели — и придут».
— «Всё врет! — Лукич подумал. — Знаю...»
И молвил: «Я и приводил».
— «Ну, ну!» — Скобеев перебил.
— «Я не обидел вас словами;
Что ж! наше дело сторона.
Не дорогая, мол, цена,
Я вот что...» — и старик руками
Развел.

Хозяин был упрям,
И плохо подвигалась сделка.
«Ударьте, сударь, по рукам! —
Лукич, как бес, шептал украдкой
Помещику. — Ведь дело гадко!
Скобеев спятится вот-вот...
Кончайте! сотня не расчет!»

Долбин стоял в недоуменьи,
Поглядывал на рысака:
Картина конь! на старика, —
Тот весь дрожал от нетерпенья:
Усами шевелил, мигал,
К карману руку прикладал...
Не прозевай, мол! что ты смотришь?
Покаешься, да не воротишь.

Мне что! я не желаю зла...
И сделка кончена была.

Кому не свят обычай русский!
И вот за водкой и закуской
Скобеев и Долбин сидят.
Червонцы на столе звенят;
Лицо хозяина сияет;
Он залпом рюмку выпивает,
Остатки в потолок — вот так!
Дескать, попрыгивай, рысак.
Долбин поморщился немного,
Но тоже выпил. У порога
Лукич почтительно стоял
И очереди ожидал;
Хватил и молвил: «Захромаю
С одной-с...»
                    Скобеев не слыхал,
Беседу с гостем продолжал:
«Так вот что, Клим Кузьмич! Я знаю
Именье ваше... проезжал...
Земли довольно...»
                    — «Рук немного!
Душ тридцать. Впрочем, не беда:
На месячине все».
                    — «Ах, да!
Мысль недурна».
                    — «Но надо строго
Следить. Внимательность нужна».
— «Ленятся?»
                    — «Ужас! Разоряют!
Заставишь сеять, семена
За голенища засыпают,
Порою в землю зарывают!»
— «Неужто?»
                    — «Просто нет души!
Хоть кол на голове теши,
Не убедишь!.. Я раз гуляю,
Гляжу — нырнул мальчишка в рожь...
Э! погоди, мол, не уйдешь!
И что же, сударь, открываю?»
— «Ну-с?»
                    — «Он колосья воровал!

Шапчонку верхом их набрал!
На что, мол? Хлопает глазами
Да хнычет».
— «Этакой разврат!
Ужасно! и отцы молчат?»
— «Нашли тут! научают сами...
Не наедятся, черт возьми!
Что хочешь, как их ни корми!»
— «Вот саранча!»
— «Да-с! наказанье!
Вы как? на службе?»
— «Да... служил...
В комиссии под лямкой был».
— «Так... Вышли?»
— «Родилось желанье
Окончить, знаете, свой век
Покойно: грешный человек, —
Устал трудиться».
— «Ох, создатель! —
Лукич подумал. — Вот и верь!
Не скажет ведь, за что теперь
Он под судом... хорош приятель!
Давно ль деревню-то купил?
А говорит — под лямкой был».

Помещик встал и распростился.
Он к воротам, Лукич вослед.
«За труд, сударь» — и побожился:
Коню-то ведь цены, мол, нет.
«Вот два целковых».
— «Что вы-с, мало!
Как можно! это курам смех!
Гм... время, значит, так пропало...»
— «Ну сколько же?»
— «Да пять не грех».
Долбин заспорил.
«Воля ваша,
Хоть не давайте ничего!
Мы, стало, служим из того...
А всё, к примеру, глупость наша:
Добра желаешь».
— «Эх, какой!

Один прибавлю. Да! постой!
Насчет собаки...»
— «Что ж, извольте!
Оно вы скупы, да пойдемте:
Я не сердит, служить готов».
— «Теперь я занят».
— «Мы с двух слов!»
— «Нет, нет! до завтра. Срок не долог».
— «Упустим: час в торговле дорог!»
— «Пустое! Кучер! эй! за мной!
Веди коня!»
— «Ну, бог с тобой! —
Лукич подумал. — Заскупился;
Вот покупатель-то явился!
Ведь с виду смотрит молодцом:
Очками, тростью щеголяет
И на спине колпак с махром
Черт знает для чего таскает;
А хорошенько разберешь —
Выходит так себе... как глина,
Что хочешь из нее сомнешь.
Эх, плачет по тебе дубина!
Добру сумела б научить,
Да некому дубиной бить!
Не то дурак... развесил уши,
Разинул рот и верит чуши,
Скобеев будто задолжал,
Всё, значит, в карты проиграл.
Как раз! Ему и проиграться!
Да он удавится за грош!»

— «Эй, старый хрыч! кого ты ждешь?
Пора всвояси убираться!» —
С крыльца Скобеев забасил.
Лукич за козырек хватился,
Картуз под мышку положил
И молвил: «Ну, сударь, трудился!
Весь лоб в поту!»
— «Платок возьми,
Утрись».
— «Утремся. Я детьми

За вашу клячу-то божился,
Не грех за хлопоты мне взять».
— «Вишь, старый шут, чем похвалился!
Я б без тебя сумел продать.
Взял с одного, ну, знай и меру...
А много заплатил Долбин?»
— «С него возьмешь! хоть бы алтын,
Такая выжига, к примеру!»
— «Всё лжешь!»
— «Бывает, что и лгу,
А перед вами не могу:
Не хватит духу».
— «Это видно!..
Я б дал, нет мелочи в дому».
— «Да не шутите, сударь, стыдно!»
— «Не забываться! рот зажму!»
— «Благодарим. Не вы ли сами
Просили вашу клячу сбыть?»
— «Взял с одного, ты с барышами —
И полно!»
— «Что и говорить!
Вот щедрость! Гм!.. мое почтенье!
Останься с рюмкою вина...
Ну, дорогое угощенье!»
— «Вишневка. Как? ведь недурна?»
— «Хоть рубль-то дайте!»
— «Чести много,
Пожалуй, на вот четвертак».
— «Себе возьмите, коли так!
Эх, барин! не боишься бога!»
— «Я говорил тебе — молчать!»
— «Потише! можно испугать!..
Он четвертак, к примеру, вынул,
Вишь, умник — дурака нашел...»
И свой картуз Лукич надвинул,
С досады плюнул — и ушел.

Горят огни зари вечерней,
В тумане прячутся деревни,
И всё темней, темней вдали.
За пашнями, из-под земли,
Выходит пламя полосами

И начинает тут и там
Краснеть по темным облакам,
По синеве над облаками,
И смотришь — неба сторона
Висит в огне потоплена.
Сквозь сумрак поле зеленеет;
Угрюмо на краю небес
Насупился кудрявый лес;
Едва приметный, он синеет.
Как будто туча приплыла
И в поле ночевать легла.
Соха на пашне опочила,
Дорожка торная мертва.
Вдруг начал перепел: вва! вва!
И смолк.

Но пыль, как дым, покрыла
Весь город; так и ест глаза!
Д<ворянско>й улицы краса,
Поникли тополи печально,
Наводит грусть их жалкий вид,
На стеклах кое-где горит
Зари румяной луч прощальный,
Напоминая цвет лица
Полуживого мертвеца.
Угрюмо смотрит с тротуара
Чугунных пушек ряд немой,
Угрюмо ходит часовой
На каланче и — весть пожара —
И днем, и ночью черный флаг
Готов он вздернуть. Что ни шаг —
Всё вывески. Вот подъезжает
Телега; вдруг, как из земли,
Рука и палка вырастает;
Телега скрылася вдали.
Уже прохладен воздух сонный,
И месяц отражен рекой,
Но камень, солнцем накаленный,
Доселе тепел под ногой.

Лукич в свой домик возвращался.
Прищурив мутные глаза,

Но пыль покрыла
Весь город, в ярмарки народ
Вдоль улиц весело снует.
Стучат пролетки. ~~Гудят~~ шарманки
~~[illegible]~~
~~[illegible]~~
Затем [illegible]
Шумит толпа у кабака
~~[illegible]~~
~~[illegible] балалайки~~
И ~~[illegible]~~ топот трепака.
~~[illegible]~~
~~[illegible]~~ у ворот
Кухарки, кучера со всеми
И сплетничают про господ.
~~[illegible]~~
~~[illegible]~~
~~[illegible]~~ переблие,
~~[illegible]~~ жеребенок ржет,
~~[illegible]~~ мужик [illegible] с арканом...
~~[illegible]~~ блестящих огоньки...
~~[illegible]~~
~~[illegible]~~
~~[illegible]~~
И [illegible] в свой домик возвращался.
~~[illegible]~~ мутные глаза,
Он шел один, без картуза
И сильно в стороны шатался
И вслух несвязно бормотал:
А вот-то что... Вы что такое!..
Вишь умники!.. Ну погуляем!
Иди на свое! Не надо чужое!..
Что Кит Кузьмич, каков рысак?
С запалом!.. Ну, вперед наука!
На оно, [illegible] в молот [illegible].

Он шел один, без картуза,
И сильно в стороны шатался,
И вслух несвязно бормотал:
«А вам-то что? Вы что такое?
Вишь умники! ну, погулял!
Ведь на свое, не на чужое!..
Слышь, Клим Кузьмич! каков рысак?
Плохонек? ну, вперед наука!
На то, к примеру, в море щука,
Чтоб не дремал карась... да, так!
Ты верил на слово, и ладно;
Выходит дело, ты и глуп!
А мне-то что? Мне не накладно,
Мне благо, что купец не скуп.
Э! А собаку-то, приятель!
Молчишь... сердит за рысака...
Да, ты теперь не покупатель,
И не нуждаюся пока.
Да где я?.. Что за чертовщина!
Постой-ка, осмотрюсь кругом...
Я помню, от угла мой дом
Четвертый... экая причина!
Дай сосчитаю: вот один,
Другой и третий... больше нету...
Тут пустошь и какой-то тын...
Да как же прежде пустошь эту
Я здесь ни разу не видал?..
Тьфу, пропасть! ничего не знаю!
А! догадался! понимаю!
Не в эту улицу попал».

7

Арине сердце предвещало,
Что пьян и грозен муж придет;
Чуть раздавался скрип ворот,
В озноб и жар ее кидало.
Свеча горела. За чулком
Грустила Саша под окном.
Заботам чужд, как уголь, черный,
Не унывал лишь кот проворный:

Клубком старушки на полу
Играл он весело в углу.
«Иду!..— раздался на крылечке
Знакомый крик.— Огня подать!»
И Саша бросилася к свечке,
Отца готовая встречать.

Дверь распахнулась — он явился:
Лоб сморщен, дыбом волоса,
Дырявый галстук набок сбился,
И кровью налиты глаза.
«Без картуза!» — всплеснув руками,
Старушка молвила.
«Молчать!
Я дам вам дружбу с столярами!
Тсс!.. смирно!.. рта не разевать!..»
— «Постойте! — Саша говорила.—
Я вас раздену».
— «Раздевай!..
Ну да! и галстук... всё снимай!..
А ты о чем вчера грустила?»
— «Так, скучно было».
— «Врешь! не так!
Ты думаешь, отец дурак...
Целуй мне руку!»
Дочь стояла
Недвижно; только по лицу
Сквозь бледность краска выступала.
«Не стóю?.. А! поцеловала!
Противно, значит... да! отцу!
Едва губами прислонилась!»
— «Ну, началось!» — сказала дочь
И отошла с досадой прочь.
«Разуй меня! куда ты скрылась?»
Но Саша медлила.
«Идешь?..
Ну, ладно. Тише! что ты рвешь!
Не надо!»
— «Полно издеваться!

Давайте!»

— «Цыц!»

— «Ведь брошу!»

— «Как?
Ну брось!.. ну брось!.. отец дурак,
Ну что ж? Не грех и посмеяться...
А я заплачу... не впервой...
Вот плачу... смейся! Бог с тобой!»
— «Да ляг! — промолвила старушка. —
Хоть тут — на лавке. Вот подушка».
— «Чего? учи-ко дочь свою!
А я вот песню запою:
Лучина. .»

— «Полно, старичина!
Грешно! какая там лучина!»
— «Молчать! я хлеба мало ел!
Вот это кто добыть умел?»
И серебро свое он вынул
И по полу его раскинул.
«На что ж бросать-то?»

— «Стой, не тронь!
Не подбирай! туши огонь!»
— «Да ляг! потушим!»

— «А! потушишь!
Украсть хотите? нет, постой!»
— «Из-за чего ты нас всё крушишь?
Ну, пьян, и спал бы, бог с тобой!»
— «Кто пьян? Ты мужу так сказала?
Куда? не спрячешься! найду!»
— «Оставьте! — Саша умоляла. —
Она ушла, ушла!.. в саду».
— «Прочь от двери! ты что пристала?
А кто тебе вот это сшил? —
И дочь он за рукав схватил. —
Ну, что ж, к примеру, замолчала?»
У Саши загорелся взор,
И всё лицо, что коленкор,
Вдруг побелело. «Не кричите!»
— «Кто сшил?»

— «Сама!»

— «Вот раз! вот два!»

И половина рукава
Упала на пол.
— «Рвите! рвите!
За то, что для себя и вас
За делом не смыкаю глаз!
За то, что руки вам целую
И добываю хлеб иглой,
Или, как нынче, в ночь глухую,
Вот так терплю!.. И вы родной!
И вы отец!»
Старик смутился,
Как ни был пьян, но спохватился
И плюнул дочери в глаза,
И, верно б, грянула гроза,
Но Саша за отцом следила:
Вмиг от удара отскочила
Назад — и бросилася вон.

Лукич в сон крепкий погружен.
Свеча погасла. Всё сидели
И мать и дочь в саду густом,
И звезды радостным огнем
Над головами их горели.
Но грозно, в синей вышине,
Стояла туча в стороне;
Сверкала молния порою —
И сад из мрака выступал
И вновь во мраке пропадал.
Старушка робкою рукою
Крестилась, вся освещена
На миг, и, пробудясь от сна,
На ветке вздрагивала птичка,
А по дворам шла перекличка
У петухов.

«Не спишь, дитя? —
Старушка молвила, кряхтя. —
Я что-то зябну... ох! поди-ты,
Как грудь-то больно!»
— «Вот платок;

Покройтесь».

— «Что ты, мой дружок!
И будут у самой открыты
До света плечи!»

— «Мне тепло».
— «Нет, нет! не надо! всё прошло!»

Но дочь старушку убедила
И грудь и шею ей покрыла
Платком. Сама, как часовой,
Бродила по траве сырой.
Прогулка грустная не грела
Ее продрогнувшего тела.
Тут горе... горе впереди,
Теперь и прежде... И в груди
Досада на отца кипела.
Потрясена, раздражена,
Вдыхала с жадностью она
Холодный воздух, хоть и знала,
Что без того больной лежала
Не так давно. Теперь опять
Хотела слечь — и вновь не встать.

В саду зеленом блеск и тени,
На солнце искрится роса;
Веселых птичек голоса
Перекликаются в сирени;
Прохлада свежая давно
Плывет в открытое окно.
Старушка стекла вытирает.
Под потолок пуская пар,
Кипит нагретый самовар,
И Саша чайник наливает,
Сидит с поникшей головой,
Подпертой белою рукой.

И вот Лукич от мух проснулся,
Зевнул, лениво потянулся,
Взглянул на стол — там серебро;
Проверил — цело; ну, добро!
Он вспоминал, хоть и неясно,
Что пошумел вчера напрасно;

Ну, мол, беда невелика,
Не тронь, уважут старика.

«Ох, голова болит, старуха!
А что, вчера я смирно лег?»
— «Чуть не прибил нас. Видит бог,
За что? Такая-то сокруха!
И понаслушались всего...»
— «Гм! жаль! не помню ничего».
— «В саду сидели до рассвета...
Грешно, Лукич! В мои ли лета
Так жить!»
— «Ну, ну! не поминай!
Ты пьяного не раздражай.
Давай-ко поскорее чаю,
Быть может, голова... того...
А я жду сваху».
— «От кого?»
— «Про это я, выходит, знаю.
Что думал, сбудется авось».
— «Смотри, тужить бы не пришлось...
И-их, старик!»
— «И-их, старуха!
Не забывается сосед!
Ведь я сказал, к примеру: нет!
Ну, плеть не перебьет обуха!»
— «Мне замуж, батюшка, нейти», —
Чуть слышно Саша отвечала,
И с чаем чашка задрожала
В ее руке.
«Ты без пути
Того... не завирайся много!»
— «Я правду говорю».
— «Ну, врешь!
Велю — за пастуха пойдешь».
И, поглядев на Сашу строго,
Отец прибавил: «Да, велю,
И баста! споров не люблю».
— «Конечно, так. Я кукла, стало,
Иль тряпка... и куда попало
Меня ни бросить, всё равно,
Под лавку или за окно».

— «Да что, к примеру, ты в уме ли?
Ты с кем изволишь рассуждать?»
— «Вот если б эту чашку взять
Разбить, вы, верно б, пожалели!»
— «Ну, что ж из этого?»
— «Да так,
Вы сами знаете — пустяк:
Вам чашка дочери дороже».
— «Смекаю. Ты-то за кого
Меня сочла? За куклу тоже?
Да ты от взгляда моего,
Не то что слов, должна дрожать!
А ты... ты хлебом попрекать
Отцу! Ты что вчера сказала?
Для вас, дескать, моя игла...»
— «Я виновата, попрекала.
Да если б камнем я была,
Тогда б промолвила! Ведь горько!
Иной собаке лучше жить,
Чем мне: ее не станут бить,
Гнать из конуры...»
— «Дальше!»
— «Только!
Что ж, мало этого?»
— «Молчать!
И слышишь ты, не поминать
Соседа! Моего порога
Не смей он знать! Вишь, речь нашла!
Благодари, к примеру, бога,
Что у тебя коса цела!»

Старушка вышла из терпенья.
В душе за дочь оскорблена,
Все слезы, годы униженья,
Всё горе старое она
Припомнила — и побледнела,
И мужу высказать хотела,
Какой, мол, есть ты человек?
Крушил жену свою весь век
И крушишь дочь. Побои, пьянство...
Ведь это мука, мол! тиранство!
Ты в этом богу дашь отчет!..

И не решилась. Нет, нейдет:
Вспылит. Немного помолчала
И грустно дочери сказала:
«Пей, Саша, чай-то: он простыл.
Что ж плакать!»
— «Гм! ей чай немил.
Сгубил сосед твою голубку,
Заплачь и ты, — оно под стать!» —
Промолвил муж и начал трубку
Об угол печки выбивать.

Меж тем в калитке обветшалой
Кольцо железное стучало.
Лукич прислушался. «Стучат,
Под чай, к примеру, норовят...»
В окно Арина поглядела:
«Старуха чья-то... Ох, Лукич,
Не сваха ли? кому опричь!»
— «Что ж! примем». Саша побледнела.
Отец на кухню указал
И Саше выйти приказал.
Она не трогалася с места.
«Опять упрямство! слышь, невеста,
За косу выведу, гляди!»
— «Иди, душа моя, иди! —
Сказала мать. — Ох, мука, мука!»
— «Ну, ну! не мука, а наука...
Вас плетью нужно б обучать».
И он сюртук стал надевать.

8

Дверь заскрипела, отворилась, —
И гостья, кашляя, вошла,
Святым иконам помолилась
И чуть не в пояс отдала
Поклон хозяину с хозяйкой.
На гостье был наряд простой:
Покрытый синею китайкой
Шушун, кокошник золотой
И сарафан. Взгляд ястребиный,

Лукавый. На лице морщины,
И тонкий нос загнут крючком.

«Челом вам, золотые, бьем!
Здоровы ли, мои родные?
Ну, жар! насилу доплелась!
Да пыль от ветра поднялась, —
Измучилася, золотые!»
— «Садись-ко, матушка, садись, —
Сказал Лукич, — вот чашка чаю...»
— «Давай, родной. Уста спеклись.
Шестой десяток доживаю.
Насилу бродишь. Ну и жар!»
— «Жена! долей-ко самовар.
Приветим гостью дорогую
Чем бог послал».

— «И-и, родной!
Приветь хоть лаской-то одной
Да потрудись на речь простую
Мне, старой бабе, отвечать».
— «Изволь. Послушаем в чем дело».
— «Кажись, вам времечко приспело
Живой товар свой с рук сбывать;
Есть у меня купец; не знаю,
Хорош ли будет он для вас».
— «А! понимаю, понимаю!
Товар, к примеру, есть у нас,
Да кто купец-то?»

— «Тараканов,
Тарас Петрович».

«Это он! —
Лукич подумал. — В руку сон!
Его и ждал».

— «Пять балаганов
Своих на рынке... голова!»
— «Прибавила. И всех-то два».
— «И, нет!.. Красавец! и бровями,
И темно-русыми кудрями,
Всем взял! хоть в рамку, золотой!»
— «Нам красотой не любоваться!
А был бы с умной головой,

Умел бы делом заниматься, —
Вот это лучше красоты!»
— «Ох, батюшка, ума — палата!
А дом-ат — поглядел бы ты,
Уж нечего!.. не наша хата!
Пять комнат, сударь мой, простор!
На окнах белые гардины,
В простенках разные картины,
А двор-то, что это за двор!
Кругом дубовые амбары,
И лес старинный, прочный лес!
В одном углу большой навес,
В амбарах всякие товары...
Что, золотой, и говорить:
Добра возами не свозить!»
— «Ну, тут прикрасы не у места;
Ты о приданом речь веди».
— «Речь о приданом впереди,
Для жениха нужна невеста.
Ее он видел как-то раз,
Да на вот! кругом закружился!
И хлеба, золотой, лишился,
И ночью не смыкает глаз —
Всё ею грезит! Да и мне-то
Совсем покою не дает:
Тут мочи нет, а он придет,
Всё умоляет: как бы это
Сходила ты к невесте в дом
Поговорить с ее отцом?»
— «Ну да, однако, что же надо?»
— «Так, что-нибудь, хоть для обряда:
Четыре головных платка,
Ну-с... три-четыре перстенька,
Три нитки жемчугу на шею
(Уж много я просить не смею),
Салоп на беличьем меху,
Сукна на чуйку жениху,
Три шали, восемь платьев новых,
Кровать, комод и самовар,
Ну-с... чайных чашек пять-шесть пар
И — денег, сударь, сто целковых».
— «Выходит дело, не взыщи!

С приданым эдаким, где знаешь,
Иную девушку ищи».
— «И, золотой, ты обижаешь!
Ты покажи товар купцу;
Нельзя: такое заведенье!
Не сразу торг, не вдруг решенье,
Сказать: здорово — и к венцу».
— «Ну да! вот эта речь умнее!
Смотрушки завтра. Попозднее
Прошу покорно вечерком
Пожаловать к нам с женихом».
— «Всенепременно. Ваши гости.
Поверишь ли, что я скажу?
Состарились мои все кости,
Лет тридцать свахою хожу,
И счет-то свадьбам потеряла,
А и доселе, мой родной,
Все, для кого я хлопотала,
Осталися довольны мной.
Кому какой талан от бога!
Зато куда ведь ни придешь —
И ласку и хлеб-соль найдешь...
Одним нехорошо немного:
Иные выжиги за труд
По уговору не дают.
Ну, им и достается горько:
Начнешь по городу звонить,
То тем, то сем их обносить —
И свадьба врозь! да мне-то только
От этих выжиг барыша!»
— «Ох, свашенька, моя душа, —
Хозяйка, сморщившись, сказала, —
Не грех от этаких затей?»
— «И, нет, родная! я слыхала
(Старшой мой сын-то грамотей,
Над Библией и засыпает):
За око — око!.. вот ведь что!
Коли тебя обидел кто,
Не кланяйся: не подобает!»

Лукич любил потолковать.
И у него вплоть до обеда

Со свахой длилася беседа.
Дочь надо замуж выдавать
Умно, дескáть. Смотри тут в оба!
Тут думай думу не шутя:
Не шашка — кровное дитя.
Дашь промах раз — беда до гроба!
Но сваха не была плоха.
Да-да! рассказывай, мол, сказки!
И не жалела яркой краски,
Рисуя бойко жениха.

9

Покамест гостья толковала,
Невольно Саша ей внимала,
И, едкой горечи полна,
Рукою трепетной она
Взялась за дверь; была готова
Ее нежданно отворить,
Явиться пред отцом и снова
Отказ от брака повторить.
Старик вспылит. В пылу досады
Не будет от него пощады...
Что ж! так и быть! Но, боже! мать
Грозой семейной испугать,
Заставить плакать... Разве мало
Она слез горьких пролила?
У Саши силы недостало,
И глупым бредом назвала
Порыв свой девушка.

Как сладко
В саду малиновка поет!
И как не петь! В глуши живет,
В кусте гнездо свила украдкой,
В гнезде малютки... любо ей!
Мир божий светел. Над землею
Раздолье утренней порою
Купаться в золоте лучей.

Весна, весна! души отрада!
Блестит на солнце зелень сада,

В избытке жизни каждый лист
Трепещет. В чаще писк и свист,
В траве жужжанье. Дятел цепкий,
По иве ползая, стучит;
Вокруг его сухие ветки
Торчат, как пальцы. Грач глядит
Лукаво с вековой березы;
Там крик галчат на дне дупла,
Тут в чашечку душистой розы
Вползает желтая пчела
За медом. Ветерка дыханье
Едва касается травы,
Над головою дня сиянье
И ширь бездонной синевы.

Но вот и Саша. Торопливо
К плетню соседскому идет,
Сама рукой нетерпеливой
То сломит ветвь, то отведет.
Порою яркими лучами
Ей солнце брызнет на плечо,
Пригреет щеку горячо,
Меж тем неслышными шагами
За нею тень ее спешит.
Плетень всё ближе. Он увит
Весь хмелем. Девушка подходит,
Кудрявый хмель рукой отводит
И на соседский двор глядит.
Он пуст. Зеленая крапива
На зное нежится лениво,
Да у крыльца кусок стекла
Сверкает. Даром ты пришла,
Бедняжка! не видать соседа!
И ждать нельзя: пора обеда.
Старушка дочь свою зовет:
«Иди, иди! отец, мол, ждет!»

Лукич был весел и за щами
Шутил над Сашей и женой:
Вот, дескать, скоро пир честной...
«Готовьтесь! погуляем с вами!»

Дочь шуток вынесть не могла
И за водой с двора ушла.

Полдневный воздух жаром пышет.
С открытой грудью спит, не дышит
В постели светлая река.
На желтой полосе песка
Белеет камень. Одиноко
За белым камнем грач сидит,
Крыло повисло, клюв раскрыт.
Покрытый влажною осокой,
К крутому берегу прирос
Недвижной лодки черный нос.
Вдали барахтаются смело
Мальчишки. Весело волне
Ласкать их молодое тело...
И видны головы одне
Да руки крикунов. Толпою
Идут коровы к водопою;
Усталый, щелкая кнутом,
Пастух тащится босиком,
В рубашке.

Саша отдохнула
У камня. Тихо и жара...
Воды прозрачной два ведра
С краями вровень зачерпнула —
И оглянулась. «Где ж он был?»
Столяр навстречу к ней спешил.
Сосед-столяр высок и строен,
Не очень смугл, не слишком бел,
Веселый взгляд его спокоен
И простодушно тверд и смел;
В обтяжку казакин из нанки,
Рубашка красная чиста;
Не в тяготу ему рубанки
И не в кручину беднота.

«Вот, Саша, встреча-то! здорово!
Эх, место дрянь! народ вон есть...
Поцеловал бы... право слово!

Ну, жаль! глаза б ему отвесть,
Да не умею».
— «Горя много,
Не до того...»
— «О чем грустить?
Что горе? В горе бог помога;
Век горевать, так что и жить!»
— «Куда ходил?»
— «Да тут скончался
Старик знакомый. Там сирот!..
Нет гроба... голосьба идет...
Я приготовить обещался,
Теперь снял мерку. Жаль до слез!
Спасибо, есть готовый тес...
Ну, что отец?»
— «Терпеть устала!
Невмочь!» — и Саша рассказала
О свахе.
«Эдакой старик!» —
И головой столяр поник,
Подумал — и встряхнул кудрями.
«Всё вздор! не надо унывать!
Поверь, всё кончится словами...»
— «Да, хорошо! легко сказать!
Защита где? Отец-то волен...
Смотрушки завтра. Он сказал,
Чтоб ты двора его не знал».
— «Вот человек! упрямством болен!
Ведь за тобою у него
Не требую я ничего...
Я беден! Этого боится?
Так мой топор не залежится;
Отнимется одна рука,
Вот есть другая... без куска
Сидеть не станем».
— «Это знает
Он сам».
— «Так что и горевать!»
— «Нет, Вася, сердце предвещает,
Что нам в разлуке свековать!»
— «В разлуке! Господи помилуй!
Да разве твой отец палач?»

— «Хоть заживо ложись в могилу,—
Он не дрогнет!» — «Ну, рвись и плачь,
Проси, покуда станет силы,
Речей и слез!»
— «Всё так, мой милый!
Всё это было, и не раз...
Ты знаешь, он каков у нас?
Жаль мать, не то — хоть утопиться:
Попрек, ругательство да спор...»
— «Ну, что ж, теперь и согласиться?
Подставить шею под топор?..
Послушай: старику известно,
Что я не плут и в слове тверд.
Ему, наверно, вот что лестно —
Жених богат... Лукич ведь горд!
Ну, и расчет: он, мол, надежа
В нужде, то есть... так помогу,
Мой друг, и я. Ей-ей, не лгу!
Хлеб надобен — возьми! Одежа —
Дам и одежу! пусть лежит
Хоть на печи, всё будет сыт!
Скажи ему».
— «Он посмеется,
А смех во зло меня введет...
Ты не поверишь, — сердце рвется,
Когда он под хмельком придет
Да зашумит! Сама ведь знаю,
Что грубость — грех; не утерплю,
Забудусь. После проклинаю
Себя же... Я его люблю,
Да что... недостает терпенья!»
— «Эх, руку б дал на отсеченье,
Да не поможешь!.. мой совет —
Поудержись: грубить не след.
Что делать! более терпела.
Дождемся счастья...»

Но грустна
Стояла Саша. Дум полна,
На воду тихую глядела
Глазами мутными она.
Лазурь небес там отражалась;

Река, свободна и светла,
Ее приветливо, казалось,
В свои объятия звала.

10

Мерцают звезды. Город сонный
Как будто вымер, — так он тих!
Сквозь сумрак камни мостовых
Белеют смутно. Месяц полный
Свободу дал своим лучам:
По крышам лазят, по стенам;
Один в окно слезу подметит,
Другой, как хитрый чародей,
В тюрьму проникнет без ключей
И цепь колодника осветит;
Неслышно церковь навестит,
Оклад икон посеребрит;
Не зная страха и запрета,
Войдет в алтарь, осмотрит пол,
Скорбящий лик владыки света, —
И дерзко ляжет на престол.
Иль в чащу сада проберется,
По темной зелени блеснет,
Росинку на листе найдет, —
Росинка искрою зажжется.
Порой по улице пустой
Бессонный сторож молча ходит
И в доску бьет, и эхо вторит;
Тень позади на мостовой
Махает, как и он, рукой.
И снова тихо... Звезд сиянье
Так чудно! Вдруг в лицо пахнет...
Что это? Ветерка дыханье
Иль духа горнего полет?

Спит божий люд. Столяр доселе
Не успокоился в постели.
Лежит он подле верстака,
Отделкой гроба утомленный;
Подушка — локоть обнаженный,
Под локтем — жесткая доска.

Печально смотрит мастерская:
Смолистый запах изливая,
Белеют стружки на полу,
Сосновый гроб стоит в углу,
Топор в березовый обрубок
Воткнулся носом. На стене
Чернеет старый полушубок.
Пила при трепетном огне
Блестит и меркнет. На скамейке,
В платке и желтой душегрейке,
Семьи сварливая глава,
Сидит дородная вдова
И молча карты раскладает:
Про сынин брак она гадает.
Но сбивчив глупый их ответ:
То выйдет — *да,* то выйдет — *нет.*
Вот, например: *печаль, дорога,*
Постель больная, интерес ..
Да тут и навык не помога,
Бог знает, — просто темный лес!
Меж тем с гремушкою в ручонке,
До вечера проспавший днем,
В штанишках, в синей рубашонке,
По стружкам скачет босиком
Ее сынишка краснощекий,
И, православных изб жилец,
Известный на Руси певец,
Сверчок стрекочет одиноко
Под печью.

«Вот, — сказала мать, —
Вот пиковый король.. постылый:
Он твой злодей, мой Вася милый,
Посмотришь, свадьбе не бывать,
Ни, ни! я прежде это знала:
Намедни, помнится, во сне
Всё бисер да жемчуг низала —
И доведется плакать мне».

Сын улыбнулся беззаботно.
Не слишком доверяя снам,
Одной надежде безотчетно

Он предавался: «Пусть упрям
Старик сосед, всё знает бога...
Ну, будет, ведомо, тревога:
Лукич браниться молодец,
Да всё же детищу отец,
Не камень... сжалится... Но диво,
Что ноет сердце так тоскливо...»
И тяжело столяр вздыхал,
В раздумьи кудри расправлял.

«Мне то досадно, — мать сказала, —
Что Лукичу я уважала!
Давно ль жена его у нас
Брала утюг... дескать, на час,
Два дня держала, — я ни слова,
Я поделиться, мол, готова
С соседом! Сальную свечу
Взаем на Красной горке взяли
И до сих пор не отдавали...
Ништо! покуда помолчу...
А если он нас одурачит,
Я за себя не поручусь,
Ни-ни! я так с ним расплачусь,
Что любо!»
— «Это ссора, значит... —
Ответил сын. — Беды-то нет,
Без шума дело обойдется».
— «Как свистнешь, так и отзовется.
Мне эдак дорог твой сосед,
Что вон немытая тряпица...
Ну, Саша, точно, не в него:
Скромна, работать мастерица...»
— «И недурна?»
— «Да, ничего».
— «А ну-ко, Ваня, плясовую!»
— «Какую, братец? А? какую?» —
Мальчишка весело спросил
И ножками засеменил.
Столяр запел:
«Как у нас во садочку,
Как у нас во зеленом...
Люшеньки-люли!..»

Вдова смеялась
На пляску. Песня продолжалась
Недолго. Сердце столяра
Опять заныло. «Спать пора,
Оставь-ко, Ваня!»
— «Право слово,
Я ничего! я не устал!»
Но брат не слушал и молчал.
И принялась за карты снова
Вдова. Кудрявый Ваня сел
На лавку и в окно глядел.
«Эх, как звезда-то покатилась!
Смотрите!» — вдруг он закричал.
Столяр с улыбкою сказал:
«Лови!» Вдова перекрестилась.
«Знать, умер кто... Кто ни умрет,
Так, говорят, звезда спадет...
Э, Вася! я и не спросила:
За гроб-то дорого ль ты взял?»
— «Да как сказать... Не в этом сила,
Ведь я покойника-то знал.
Чудак! Он жил в своем домишке,
Так — в старой мазанке! Ходил
Зимой и летом в халатишке,
Щеглов, чижей, синиц ловил.
Бывало, раннею зарею
В лес проберется с западнею
Да с сетью — холод нипочем.
Расставит сеть, а с птицей клетку
На сук повесит иль на ветку
И настороже за кустом
Дрожит в снегу... Одну заботу,
Покуда кончился, имел:
Не вовремя, мол, заболел,
Теперь — вот в лес бы, на охоту...
Стал умирать, как закричит:
— Жена! пусти на волю деток!
— Каких там деток? — говорит.
— Моих-то вон, моих! из клеток!»
— «Каких на свете нет людей!
И твой отец чудил немало
(Ты в люльке был тогда); бывало,

Чуть свет — гоняет голубей.
Бедняжки с крыши встрепенутся,
Куда! под облака взовьются!
Ему-то радость! Вверх глядит,
А сам свистит! а сам свистит!»

Столяр задумался печально.
Давно ли в этой мастерской
Лежал отец его больной?
Он вспомнил взгляд его прощальный,
Взгляд грустный, впалые глаза,
Полуседые волоса
И эту речь: «„Нужда — нуждою, —
Ты, Вася, честь свою храни,
Честь пуще золота цени,
Ее нельзя добыть казною!
А коли честно ты живешь —
Всё хорошо! и свет хорош,
И будет ласков люд с тобою;
Обидит — бог с ним! не суди!
Ты знай своим путем иди...“
Охота не укор. Нам стыдно
И грех покойника корить!
Таким и я желал бы быть...
Ну, Ваня, наплясался, видно,
Глаза слипаются... вставай
Да Богородицу читай
На сон грядущий».
                                    И ребенок
Молитву начал. Чист и звонок
Был детский голос. Брат стоял,
Его ошибки поправлял.
Локтями опершись в колени,
Вдова внимала в тишине;
Огонь мигал — и братьев тени
Передвигались на стене.

11

В рубашке, с трубкой закуре́нной
И разгоревшимся лицом,
Упрямством дочери взбешенный,

Лукич сидел перед окном,
И высоко приподнималась
От гнева грудь его. Жена
Вздохнуть и кашлянуть боялась,
Прижавшись в угол и бледна
Стояла Саша.
«Ну, мученье! —
Отец раздумывал. — Дивлюсь!
«Я жениху не покажусь!..»
Вот дочка! вот повиновенье!
За косы взяться? Визг пойдет...
И жаль! рука не налегнет...
Поговорю за благо с нею,
Всё лучше, может быть, успею».
«Эхма! талан ты мой худой! —
Промолвил он, махнув рукой. —
И сам отрады я не видел,
И дочери, знать, в горе жить...
Ну, Саша! после не тужить!
Не говорить: старик обидел!
Ты умница, ну — так и так!
Выходит дело — я дурак...
Не стану спорить, бог с тобою!
А вспомнишь все мои слова,
Когда пойдешь ходить с сумою,
Разумная ты голова!»
— «Мне бедность, батюшка, знакома;
К работе я привыкла дома,
А к горю... мужнина казна
Не даст мне счастья».
— «Не нужна!
Столяр дороже... ну, вестимо.
Ты без кручины и забот
С ним проживешь; заботы — мимо,
К вам счастье с неба упадет...
Эх, дура!»
— «Сжальтесь надо мною!
За что я молодость свою
С немилым сердцу загублю?
За что несчастной сиротою
Покину я порог родной?
Как мне просить вас? Боже мой!»

— «Я говорю — добра желаю,
Оставь упрямство! слышишь ты?
Мне что! Тебя же избавляю
От голода, от нищеты!
У столяра одна избенка,
Казны — ни гроша, мать — бабенка
Сварливая, всегда ворчит,
Ей и святой не угодит!
А Тараканов — сметлив, ловок,
Богат, торговый человек...
Он надарит тебе обновок
До свадьбы-то на целый век!»
— «Нет! дорогими лоскутами
Меня уж поздно утешать!
Я не дитя!.. Не вы ли сами
Любили это повторять?»
— «Лукич! — жена ему сказала. —
Столяр ей по сердцу».
— «Ну да!
А знаешь, какова нужда?
Ты на себе не испытала?
В утеху ли любовь-совет,
Когда к обеду хлеба нет?»
— «И-их, старик! он силен, молод,
Не глуп...»
— «А если заболит,
Да год в постели пролежит,
И дочь твоя узнает голод,
Ты, значит, как? поможешь ей?
Смотри, тогда не пожалей!»
— «Ох, бедность! я ль ее не знаю!
Как хочешь, Сашенька, гляди...
Я принуждать не принуждаю,
А про нужду по мне суди:
И мать твоя была здорова,
И весела, и молода.
Теперь... теперь упасть готова
От ветра... Ох, тяжка нужда!»
— «Что ж! рада ль я себе? моя ли
Вина? Не вы ли столяра
В свой дом, как сына, принимали?
Не тут ли, батюшка, подчас

С родными шла у вас беседа,
Что хорошо бы за соседа
Отдать вам дочь? А я от вас
Таилась разве? Вы ведь знали,
Что мы друг к другу привыкали!
Вы это видели!»
— «Молчать!
Ну!..»
— «Воля ваша принуждать,
А я не выйду за другого».
— «Не слушаться? Отца родного?
Нет, подожди, к примеру, врешь!
Как! я не властен над тобою?
Не властен? Стало, ты не мною
Воспитана и рождена?
Ты мне за это не должна
Повиноваться?»
— «И не жалко,
Не грех вам дочь свою губить?»
— «Ты... ты не смей меня учить!
Все ребра изломаю палкой!»
— «Что ж! бейте! Мне один конец!
Кто вас осудит? Вы — отец!
Вы властны! стало быть, я стою!..
О господи! да скоро ль я
Навек глаза свои закрою?»
И покатились в два ручья
У Саши слезы.
«Вон отсюда!
Ступай! венчайся с столяром!
Ты мне не дочь! и жив покуда,
Я не пущу тебя в свой дом!»
— «Лукич, — старушка зарыдала, —
Опомнись! кровь твоя!..»
— «Молчать!
Умела твари потакать,
Теперь казнись!.. Чего ж ты стала?
Вон, говорят тебе!»
— «Постой!
Куда ж идти мне? Боже мой!»
— «Хоть к черту!»
— «Батюшка!»
— «Ни слова!

Скажи одно в последний раз:
Готова слушаться?»
— «Сейчас,
Сейчас скажу ..»
— «Ну, что ж, готова?
Ты маслом не зальешь огня,
Не хныкай! вот что!»
— «Погодите...
В глазах мутится у меня...»
— «Я жду!»
— «О чем вы говорите?»
— «Забудешь ты соседа?»
— «Нет!
Нет, не могу!»
— «Один ответ...
Так будь ты проклята отныне!»
— «Как! Сашу, Сашу проклинать?.. —
И вздрогнула старушка мать,
Как лист на трепетной осине. —
Она моя! я буду ночь
Так — на коленях... Саша! дочь!
Дитя мое!.. скажи — согласна...
Не отнимай руки, не дам...
Я поцелую... я несчастна!..
И ты! и ты!.. о, горе нам!...»
— «Согласна», — Саша отвечала
И на пол замертво упала.
«Ох, ты мучитель наш!..»
— «Ну-ну! —
Лукич прикрикнул на жену. —
Воды скорее!.. не хотела
Учить красавицу путем,
Вот довела ее до дела —
До грубости перед отцом!»

12

Едва блеснувший луч рассвета
Застал Арину в хлопотáх,
Она была уже одета
И грела воду в чугунах.
Старушка ставней не открыла

И в горенке, как тень, бродила,
Тревожить шумом не хотя
Всю ночь не спавшее дитя.
Вот утро, Саша не гуляет;
К смотрушкам в доме прибирает;
Всё принимает новый вид,
Сияет, лоснится, блестит ..
Окно на солнышке сверкает,
Икона радостно глядит.
А за окном, на ветках ивы,
И крик, и спор нетерпеливый
У любопытных воробьев:
Смотрите, мол! .. мытье полов,
Возня, тревога... дело худо!
И кот вон тут! скорей отсюда!
И птицы дружно поднялись
И вдаль в испуге понеслись.
Невесела одна невеста,
Не спор и труд в ее руках:
Пойдет с ведром, и вдруг — ни с места.
Стоит, глядит — туман в глазах...

Лукич был тоже озабочен:
Встал рано, чуть не на заре,
Заметил, что забор непрочен,
Две щепки поднял на дворе
И отдал в кухню на топливо.
Хозяйством грех пренебрегать.
Он знал, что надо терпеливо
И неусыпно собирать
Добро домашнее. Бывало,
Когда домой идет не пьян,
Что под ноги ему попало —
Подкова, гвоздик — всё в карман.
Прошелся по саду от скуки,
Червей на яблоне сыскал
И, сняв их, про себя сказал:
«Ах вы, анафемские штуки!
Не давитесь чужим добром!»
И, наконец, покинул дом.
На перекрестке помолился
На церковь; нищей поклонился;

Откуда, чья она — спросил
И грош ей в чашку положил, —
Не по любви и состраданью
К подобному себе созданью:
Он просто верил, что господь
За подаяние святое
Ему сторицею пошлет...
Желанье, кажется, благое
И основательный расчет.
Купил на площади торговой
Осенней шерсти два мешка
У горемыки мужика,
О всходах проса, гречи новой
Потолковал с ним наперед
И крепко побранил господ:
«Народ, мол, да! работай втрое,
Из жил тянись — им всё не в честь!»
Мужик был тронут за живое,
Заговорил, забыл про шерсть:
«Вот то, дескать! .. и то, и в праздник».
— «Так! труд чужой кладут
в бумажник!» —
Лукич, нахмурясь, отвечал
И, веся шерсть, на рубль украл.

Дом Лукича горит огнями,
Кругом ночь черная лежит,
От красных окон полосами
Свет в сонной улице висит.
Гостями горенка набита,
Жених высок, румян, курчав,
Веселый взгляд его лукав;
Невеста бедная убита,
Разносит чай, а гости пьют
Да речи умные ведут.
С досадой женщины толкуют,
Что оплошал гостиный ряд,
Товары завалью глядят,
Купцы бессовестно плутуют,
На шалях мало пестроты,
На ситцах бледные цветы.
Старушки с грустью вспоминают

О сарафанах с галуном,
О серьгах с крупным жемчугом
И прихоть моды обвиняют.
Хозяин судит с женихом
О разных выгодах торговли,
О недостатке рыбной ловли
В их городе и сознает,
Что речь разумно он ведет.
Как мрамор бледная, невеста
Уже не раз вставала с места
Гостей сластями обносить
И свой наряд переменить.
Жених и мать его с роднею
Перемигнулись меж собою:
Пора, мол! и пошли на двор
Над Сашей кончить приговор.
«Каков жених? Не молодчина? —
Шептал Лукич. — Не плачь, Арина!
Ты, Саша, удались пока;
Начнется торг, так не рука
Тут быть невесте...» Сваха входит,
Поклон-другой, и речь заводит:
«Ну, батюшка, товар хорош,
Купца похвалишь ли, не знаем».
— «Ты честь товару отдаешь,
И мы купца не охуждаем;
Расчет в приданом».
                    — «И, родной!
Не просим лишнего».
                    — «Постой!
Твой разговор, к примеру, красен...
Ты слушай вот что: жемчугу
И денег дать я не могу,
А насчет платья — я согласен».
— «Нет, нет! копеечки одной
Мы не уступим, золотой!»
— «А я и нитки не прибавлю!»
И завязался жаркий спор.
«Пустейший, значит, разговор! —
Сказал жених. — Я всё поправлю.
Дочь ваша, смею доложить,
Не то что... да-с! Ей-ей, без лести!

Извольте нас благословить,
Коли я нравлюсь ихней чести,
Нам деньги — пыль-с!»
— «Выходит, рок!..
Жена! утирку и платок!»

Старушка, плача, суетилась.
Невеста снова появилась,
Поднос у матери взяла
И жениху, с боязнью тайной,
На нем подарок обручальный,
Глотая слезы, подала.
Жених утерся им легонько,
Невесте молча возвратил;
Утерлась и она.
«Ну, только!
Теперь господь вас съединил», —
С поклоном сваха им сказала
И поцелуем приказала
Обряд закончить, рядом сесть
И полюбовно речи весть.

И гости весело шумели.
Подруги Саши песни пели;
Простой напев их грустен был,
Тоску и думу наводил.
Вино лилось. С улыбкой сладкой
Жених невесту целовал,
Арина плакала украдкой,
Лукич без устали плясал.
Меж тем невзгода бушевала,
Выл ветер. Молнии струя,
Сквозь ливень крупного дождя,
По темным стеклам пробегала,
За нею вслед катился гром,
И вздрагивал непрочный дом.

Невеста бедная сидела
Всему чужда, едва жива;
Как в полыме, у ней горела
Потупленная голова.

Не в радость был ей пир веселый,
Звон рюмок и напев подруг.
Нет! Сашу мучил бред тяжелый!
Над садом звезды. Тишь вокруг.
Припав щекой к плечу соседа,
Она под ивой с ним стоит,
Чуть внятный шепот — их беседа,
Да громко сердцу говорит...
Как темны листья сонной ивы!
Как ясен месяц молчаливый!
Вот полдень. Жарко. Ветер спит.
Горяч песок. Река блестит.
Сосед на берегу; он бледен.
«Что ж, — говорит, — я, Саша, беден!..
Всё вздор! отец твой не палач!
Проси, мой друг! и рвись, и плачь!»

«Гуляй, бедняк! богатым будешь!» —
Хозяин пьяный закричал
И Саше на ухо сказал:
«Соседа, что ли, не забудешь?
Взгрустнулось!.. жениха займи!
Не то я... прах тебя возьми!
Гм! понимаешь?..» Дочь вздрогну́ла,
В испуге на отца взглянула,
В ответ полслова не нашла.
Но тут подруга подошла,
Вся в белом, бойкая, живая,
И, Саше руку пожимая,
Шепнула: «Не круши себя!
Я знаю!.. выручу тебя...»
Прищурила глаза лукаво
И села рядом с женихом.
«Как жарко!»
— «Да-с!»
— «Досадно, право!..
Вы танцы любите?»
— «С трудом,
Так-с, малость самую танцую».
— «Зачем же?»
— «Как бы вам сказать...

Ногами вензеля писать
Мне некогда-с! ведь я торгую».
— «Вы курите?»
— «Ни боже мой!
И не к чему-с; расход пустой!»
— «Зимой катаетесь?»
— «Бывает,
На Сырной. Это ничего-с!
Вот, жалко, вздорожал овес!
Конь, знаете, не понимает:
Что жернов, мелет божий дар».
— «Скажите!»
— «Да-с! Вот самовар
В семействе нужен. Не скрываю,
С ребячества привык я к чаю,
Сначала просто пью, потом
Употребляю с молоком;
Не покупать-с: своя корова».
— «Конечно. С молоком здорово...
У вас цепочка недурна».
— «Четыре серебром дана,
По случаю-с».
— «А! вы счастливы!»
— «Цыганки то же говорят,
Талан всё, знаете, сулят...
Всё чепуха-с! на груше сливы».
— «Как! вы гадали?»
— «Да-с, гадал.
Я сумасшедшего знавал;
Ах, тот угадывал отлично!
Бывало, дичь несет, несет,
Подчас и слушать неприлично,
Да вдруг такой намек ввернет,
Что просто... да-с! ей-ей, чудесно!
Дар, значит! всё ему известно!»
— «Нет, не люблю я ворожить!
Иное дело — говорить,
Вот это так. Сама не знаю,
Чуть на минуту умолкаю,
Мне скучно... даже зло берет...
Поговоришь — и всё пройдет.
Я надоем и вам ужасно:

Всё говорю и говорю,
Болтушка — скажете...»
— «Напрасно!
Чувствительно благодарю!»

Усердной пляской утомленный,
Забившись в угол отдаленный,
Лукич покрикивал сквозь сон:
«Молчать!.. покой мне дайте... вон!»
— «Прощайте, батенька, прощайте!» —
Жених с улыбкой отвечал
И руку Лукичу пожал.
«Ты что за птица?»
— «Угадайте!»
— «Пожалуй. Помоги мне встать.
Ты кто?»
— «Ваш нареченный зять».
— «Подай свечу... Вот так .. не знаю!..
Столяр, что ль? Нет, он не таков...»
— «Я, батенька, Тарас Петров».
— «А! вспомнил, вспомнил! понимаю!
Ну, поцелуй меня... вот так!
А я, ей-богу, не дурак!
И Саша вот... дитя родное...
Мне, значит, жаль... подумал ночь...
И столяры... и всё такое...
А ты ведь можешь мне помочь?
На совесть, честно поторгую!
И ты, выходит, чуть сплутую...»

Жених давно за дверью был,
Но всё свое Лукич твердил.

13

Восток краснеет. Кровли зданий,
Дождем омытые, блестят.
По небу синему летят
Огнем охваченные ткани
Прозрачно-бледных облаков,

И тихий звон колоколов
Их провожает. Пар волнами
Плывет над сонными домами.
Он влажен. Свежий воздух чист.
Дышать легко. Румяный лист
Трепещет, каплями покрытый.
По улице ручей сердитый
Журчит, доселе не затих.
Меж белых камней мостовых
Вода во впадинах алеет.
Порою ветерок повеет, —
И грудь невольно распахнешь,
Цветов и трав дыханье пьешь.
Проснися, божий люд! не рано!
Вот кормит ласточка детей,
Несутся стаи голубей
В поля. Луч солнца из тумана
Уже сквозит, — и божий люд
Проснулся весело на труд.

Столяр сидит с немой тоскою,
Поник кудрявой головою,
И не поет его пила:
Кручина руки отняла.
Халатом стареньким покрытый,
Его братишка как убитый,
Раскинув руки, сладко спит,
И неразлучная игрушка,
Его любимая гремушка,
Без дела под боком лежит.
Дверь настежь, — и вдова вбежала,
С усильем дух перевела,
Руками бойко развела
И вскрикнула: «Не угадала?
Нет, карты, батюшка, не лгут!
Вот твой Лукич-то! вот он, плут!
О-ох, родимые! устала! ..
Дай сяду... ох! .. терпенья нет! ..
Отделали! хорош сосед!»
— «Нельзя ли матушка, без шуму?
Невесело и без того!»
— «Ну, славно славно! ничего!

Сиди вот сиднем! думай думу!
А Сашка-то исподтишка
Вот подцепила женишка ..
Сейчас с ним у ворот прощалась,
Уж целовалась, целовалась!
Ну-ну! бесстыжие глаза!
Да что ведь, на меня взглянула —
И головою не кивнула...
А! .. каково? Не чудеса?»
— «Да ладно! мне-то что за дело!»
— «Благодарю! благодарю!
Ну, извини, что надоела
И не у места говорю...
Нет дела! думаешь, не штука?
С тобою матери-то мука:
Девчонкой, дурой проведен!
Понравилась! околдовала!
Вишь роза! где и расцветала!»
И мать с досады вышла вон.

Ей нужды было очень мало,
Что сын невесту потерял,
Да самолюбие страдало:
Сосед, бедняк — и отказал.
Обидно, главная причина!
И оскорбленная вдова
Сердилась на себя, на сына,
На целый свет... Она едва
Кота поленом не убила
За то, что в кухне захватила
Его над чашкою с водой:
Ты, мол, не пей, такой-сякой!

Услышав вечером случайно
У Лукича напев печальный,
Столяр промучился всю ночь.
Кого винить: отца иль дочь,
Решить хотел он и терялся.
Ходил впотьмах по мастерской,
В постелю жесткую кидался
И слушал бури свист и вой,

И блеском молнии порой
Его лоб бледный освещался.
Постелю снова покидал,
Свечу без нужды зажигал.
Теперь сомненья не осталось:
Он Сашу видел из окна;
Толпой гостей окружена,
Средь смеха пьяного, казалось,
Она под нож подведена.
«Ах, Саша, Саша!» — и тоскливо
Глядел он на широкий двор,
Поросший жгучею крапивой,
На кровли, на чужой забор...
И смутно перед ним мелькали
Его прожитые лета —
Перенесенные печали,
Безропотная нищета,
О доме, о семье забота,
Работа днем и по ночам,
Труд из-за хлеба, труд до пота,
Едва не с кровью пополам;
Вся горечь жизни обыденной,
Всё, что язвит и мучит нас,
Что отравляет жизнь подчас,
Весь воздух, пищу, сон покойный —
Всё, что давно уж пронеслось,
Закопошилось, поднялось,
Дыханье в горле захватило
И свет туманом позакрыло...
«Эх! пропадай ты, голова!»
— «Куда ты?» — крикнула вдова,
Глазами сына провожая
С крыльца, но сын не отвечал,
Калиткой хлопнул — и пропал.

Пора обеда наступила,
И всё нейдет столяр домой,
Кручина молодца сломила,
Ввела в кабак, вином поила,
Поила от роду впервой.
И пел он песни — и смеялась
Толпа гуляк средь кабака, —

Пел громко, а змея-тоска
Кольцом холодным обвивалась
Вкруг сердца.

«Ох, не утерплю!» —
Сказал детина худощавый
И, скинув с плеч халат дырявый,
Пошел плясать. «Вот так! люблю!» —
Зеваки пьяные шумели.
Детина соловьем свистал,
Привскакивал и приседал.
На полках шкалики звенели.
«Нет, пой кто хочет! я устал!» —
Столяр с отчаяньем сказал,
Ладонью в лоб себя ударил
И грустный на скамейку сел
И думал думу... Вдруг расправил
Густые кудри и запел.
Пел про туман на синем море
Да про худой талан и горе...
И песнь лилась; певец бледнел,
Казалось, всё: тоску разлуки,
И плач любви, и грусти стон
Из сердца с кровью вырвал он
И воплотил в живые звуки...
И каждый звук был полон слез;
То с поражающею силой
Он несся ввысь, всё рос и рос,
Как будто с светом, с жизнью милой
Прощался, в небе утопал;
То падал, за сердце хватал
И гас, как светоч, постепенно...
Певец умолк и застонал:
«Ох, душно, братцы!..» — и мгновенно
Рубашки ворот разорвал.
«Вина!»

Сиделец засмеялся:
Клади, мол, денежки-то нам.
«А в долг?»

— «Проваливай!»

— «Отдам!»

— «Спасибо! эк он разгулялся!»
— «Проклятый! нá вот казакин!»

Но вдруг картина изменилась:
В слезах и бледная, явилась
Мать столяра. «И ты мне сын?
Святитель! Николай-угодник!
Да где я? .. Ох! под сердцем жжет!
Шла мимо... с рынка... сын поет! ..
Всё Сашка! .. Так! .. сосед-разбойник!
И запил! Ах, дурак, дурак!»
Сын стиснул поднятый кулак...
«Ха-ха! доходит до расправы! —
Сказал детина худощавый. —
К чертям старуху! проучи!»
Столяр схватил его: «Молчи!» —
И грянул об пол. «Стой, ребята!
Связать его! позвать солдата! —
Сиделец крикнул. — Вот он, друг!»
И в молодца впились шесть рук.
Но молодец сверкнул глазами,
Тряхнул могучими плечами, —
И все рассыпались. Вдова
Перепугалась. «Голова!
Перекрестись! Ну, что ты? Стыдно!
Опомнись! с улицы вон видно!
Эх, сокол, сокол! как теперь
Из этой пропасти за дверь
Ты выйдешь? А? Побойся бога!
Ты пропадешь! ..»
— «Туда дорога!»
— «Я знаю, знаю, отчего
Ты выпил! Ну и ничего...
Я мать... Мне, думаешь, отрада?
Ну, брось! забудь! так, стало, надо!
Знать не судьба твоя! ..»
— «Забудь,
Да нож-то, нож-то прямо в грудь
Засел! .. Оставь меня, родная!»
— «Пойдем, голубчик мой, пойдем!
Братишка плачет, отперт дом...

Всё пусто... да! и мастерская...
Топор там... всё... ну, пошалил...
Ты вспомни, как отец-то жил!
Что завещал-то!.. Власть не наша!
Перенеси!»
— «Ах, Саша, Саша!
Навек пропали мы шутя!» —
Столяр заплакал, как дитя.

14

Со дня помолвки изменился
Невесты скромный уголок:
В нем с утра до ночи теснился
Веселых девушек кружок.
Их занимало на досуге
Шитье приданого подруге,
Мелькнувший мимо пешеход,
Под вечер песни у ворот,
Порою снов истолкованье,
В саду горелки и гулянье;
Но вечеринок блеск и шум
Сильнее занимал их ум.
Две скрипки, в доме освещенье,
От стука крепких каблуков
Дрожанье стульев и столов,
Смех *молодцов,* их объясненье:
Насчет того-с... мое почтенье...
Горячих поцелуев звук,
Украдкою пожатье рук —
Вот вечеринка; остальное
Не новость: сборище ночное, —
Под окнами толпа зевак,
В окрестном мраке лай собак.

Отцу суровому послушна,
Всегда задумчива, тиха,
Свою печаль от жениха
Таила Саша. Равнодушна
В толпе подруг она была;
Порой казалась весела,

Шутить, смеяться начинала,
Но вдруг, средь смеха, умолкала
И уходила в сад, — и там,
В зеленой чаще, одиноко
Садилась на скамье широкой
И накопившимся слезам
Давала волю...

«Слава богу! —
Отец невесты рассуждал. —
Теперь на ровную дорогу
Я выйду: зятя отыскал...
Не столяру чета! Он, верно,
Поможет тестю... Вот что скверно —
Никак приданым не собьюсь!
Беда, к примеру! смерть боюсь!
Что, если свадьба разойдется?
Черт знает, просто сбился с ног!
Навязываю дом в залог —
И тут заем не удается!
Не скажут прямо: деньги есть
Не про твою, к примеру, честь;
Помучат болтовней, расспросом,
На что, мол, — и отправят с носом:
Свои-де нужды, извини...
Вот богачи-то! вот они!
Вот правда!.. Или попытаться
Пойти к Скобееву? Ведь жид!
Просить не стоит.. и сердит...
Да бог с ним! Мне равно шататься!
Уж занимать не миновать,
Глядишь, уважит, — как узнать?»

И через час, проситель скромный,
Он у Скобеева в приемной
Ждал милости. Лакея нет,
Налево двери кабинет,
Там разговор.

«Так всё готово?» —
Звучал густой хозяйский бас
(Лукич узнал его зараз).

«Да, мне дано честнóе слово, —
Разбитый голос отвечал. —
Вчера и ныне хлопотал
В комиссии».
— «А! вы оттуда...
Прекрасно! стало, наш подряд...»
— «Всё подвигается покуда;
Подмазать надо, говорят.
Вы как? не прочь?»
— «Весьма приятно!
На вещи цену-то того...
Вы понимаете?»
— «Понятно.
Да не опасно ль?»
— «Ничего!
А по бумагам безусловно
В подряде вы: я под судом».

— «Как, ваше дело в уголовной?»
— «Пустяк! конечно, под сукном...
Жаль, нет войны! подряды мелки,
От мира мало нам добра!»
— «Ну, грех сказать!»
— «Всё вздор! безделки!
Нет, батюшка, не та пора!
Там видишь груды серебра!
Бывало, сердце разгорится...
Эх, мол, равно! Господь простит!
И хватишь смело, — ну и сыт:
Сундук трещит, как говорится!»

Лукич затылок почесал
И долго головой качал:
Ну, хороши, мол!

«Вы к обеду
Ко мне?» — Скобеев забасил
И гостю двери отворил.
«Не знаю... может быть, приеду», —
В раздумье бородач сказал.
Скобеев громко засвистал.

Едва свист барина раздался,
Худой и бледный казачок
Вбежал, в испуге заметался
И гостю лысому помог
Надеть шинель.
«Зачем явился? —
Скобеев Лукича спросил,
В карманы руки заложил
И в мягком кресле развалился. —
Эй! Васька! трубку! Ну, зачем?»
— «Что, сударь, обнищал совсем!
Просватал дочь, нужна помога,
Целковых эдак сто взаем,
Я заложил бы вам свой дом,
Не откажите, ради бога!»
— «Просватал дочь... А что она,
Молоденькая? не дурна?»
Румяный барин улыбнулся,
Прищурился и потянулся.
«Вы всё изволите шутить...
Тут горе! смею доложить».
— «Да врешь! Когда ваш брат горюет?
Привык к безделью, пьет вино
Да ест и спит или плутует,
И только. Знаю вас давно!»
— «Все люди грешные, конечно...
Я заплачу вам через год;
Проценты вычтите вперед,
Ей-ей, вас не забуду вечно!»
— «Пожалуй, почему не так.
Ты мне заслужишь, я надеюсь...»
— «Последних сил не пожалею-с!
Вот благодетель!»
— «Вот дурак!
Ха-ха! Я с кулаками
Не связываюсь никогда!»
Лукич остолбенел...

«Да, да!
Мы, значит, черви перед вами,
И нас, как плюнуть, раздавить...

Эхма!»
— «Поменьше говорить!»
Старик взбесился:
«Ваша воля!
Прикажете, мы замолчим.
Мы что за люди? Наша доля
Терпеть. На этом и стоим».
— «Не притворяйся сиротою:
Меня не скоро проведешь!»
— «Куда мне с глупой головою
Вас проводить? Тут не найдешь,
К примеру, слова... Вы богаты,
Вы барин, честная душа, —
Я плут, на сюртуке заплаты
И в кошельке-то ни гроша,
Куда мне!.. Стало, не дадите?»
— «Не разживешься, признаюсь».
— «Я и за это поклонюсь.
Благодарю вас! извините,
Что беспокоил».
— «Краснобай!
Ну, ну! не кланяйся, ступай!
А ты мошенник, старичина!
Тварь хитрая!»
— «Благодарю,
За рысака-то вам дарю,
Раздайте нищим».
— «Вон, скотина!»
— «Испортишь кровь. Ну, что кричать!
Ведь лекаря придется звать...»
Скобеев бранью разразился:
«Эй, люди! в кнутья наглеца!..»
Старик с широкого крыльца
Сходил себе, не торопился;
Не скоро дворня собралась
И перебитой разошлась.

Дул сильный ветер. Дождик лился.
Согнувшись, в обуви худой,
Старик печально шел домой.
На перекрестке он столкнулся
С торговкой, что-то проворчал,

Посторонился, поскользнулся
И чуть средь лужи не упал.
Старуха, шамкая, сказала:
«Хренку, родимый, не возьмешь?»
— «Ну, ну! проваливай! пристала!
Без хрену горько невтерпеж...»
Меж тем по улице широкой,
Под ливнем, гнали в путь далекой
В халатах серого сукна
Толпу преступников. Она
Шла медленно, звеня цепями;
Конвой с примкнутыми штыками
Ее угрюмо окружал,
И барабан не умолкал.
«Пошел народец на работку! —
Лукич подумал. — Да, ступай...
Поройся там, руды в охотку
И не в охотку покопай...
Есть грош, достать на подаянье...,
Поди, Скобеевы живут,
Их в кандалы не закуют,
Не отдадут на покаянье...
Ну, вот тебе и взял взаем!
Постой! постой!.. ведь этот дом
Купца Пучкова... Э, почтенный!
Я про тебя и позабыл!
Пучков... да! я ему служил:
Святоша, человек смиренный...
Гм... мастер, нечего сказать,
Горячий уголь загребать
Чужой рукой!»

15

Угрюм и прочен
Пучкова дом. На кровле тес
Зеленой плесенью порос.
Железом накрест заколочен
Закрытый ставень кладовой.
Косматый сторож, пес цепной,
Лежит в конуре у забора,

Амбары в стороне стоят,
Их двери крепкие от вора
Замки тяжелые хранят.
Безлюдно в комнатах просторных
(Хозяин не имел детей
И редко принимал гостей),
Висят картинки в рамках черных,
Пыль на полах и по столам,
И паутина по углам.
Но спальня с желтыми стенами
Светла, опрятно убрана,
Весь угол занят образами,
Лампадка вечно зажжена,
Кровать накрыта простынею,
И полон шкап церковных книг;
Иных терпеть не мог старик
И называл их чепухою,
Потехой праздных болтунов,
Соблазном молодых голов.

В суровой школе горькой нужды
Пучков с ребячества окреп.
Его отец был стар и слеп,
И сын, изнеженности чуждый,
Переносил мороз и зной,
Шатаясь по миру с сумой.
Порой калекой притворялся,
За крендель колесом катался
И на кресте всегда берег
С казной холстинный кошелек.
Один купец, старик бездетный,
Полубольной и безответный,
Его за бойкость полюбил,
Одел и в лавку посадил.
Приемыш рос, добру учился,
Поклонен, расторопен, тих,
За делом в лавке не ленился,
А ночью *Жития святых*
Читал хозяину от скуки.
Святых мужей слова и муки —
Всё помнил, но из чудных строк,
Увы, урока не извлек!

Читал, читал — и за услугу
Купца ограбил наконец.
Не вынес бедный мой купец:
И пил, и плакал, спился с кругу,
И ночью, пьяный и больной,
Застыл средь улицы зимой.
Чужого золота наследник,
Пучков себя не уронил.
Глядел смиренником и был
О чести строгой проповедник.
Не кушал рыбы по постам,
Молился долго по ночам,
На церковь подавал грошами,
Перед нетленными мощами
Большие свечи зажигал,
Но плутовства не покидал.
И странно! плут не лицемерил:
Он искренно в святыню верил.
Да! совесть надо очищать!
Что делать! страшно умирать!
Пучков об аде начитался...
И как же он чертей боялся!
На полчаса вздремнуть не мог,
Три раза «Да воскреснет бог»
Не повторив. Теперь, угрюмый,
В очках, псалтырь читал он вслух,
Но враг добра, лукавый дух,
Мутил его святые думы
И вдруг — с духовной высоты
На рынок, полный суеты,
Их низводил.

Лукич явился.
Перед Пучковым извинился:
Я, мол, читать вам помешал
И пол вот грязью замарал...
Хозяин поглядел пытливо
На гостя, поднялся лениво,
Бумажкой книгу заложил,
Зевнул, молитву сотворил
И отвечал: «Да, дождь сегодня,
Всё хорошо: всё власть господня...

Ты здешний?»
— «Здешний мещанин.
Не угадали?.. Карп Лукин».
И речь повел он стороною:
Я, мол, известен вам давно,
И позабыть меня грешно:
Служил, как надобно... Нуждою
Теперь убит. Имею дочь...
И рассказал Лукич, в чем дело.
«Гм... жаль, что не могу помочь!
Мое богатство улетело,
Как дым в трубу. Всё разошлось
По добрым людям. Да авось
Промаюсь... Стар... гляжу в могилу...
И время! господи помилуй!»
— «Нельзя ли, сударь, пожалеть?
Вы сомневаетесь, известно...
Вот образ — заплачу вам честно!
Без покаянья умереть,
Коли солгу!»
— «Зачем божиться?»
— «Да тошно! Кажется, готов
Сквозь землю лучше провалиться,
Чем эдак вот из пустяков
Просить и мучиться напрасно!»
— «Ох, милый, верить-то опасно!»
И тонко намекнул купец:
Обман, мол, всюду; всяк — хитрец:
Наскажет много, правды мало...
Да! время тяжкое настало!
Не мудрено взаем-то дать,
Но каково-то получать!

Напрасно телом и душою
Лукич божился, умолял,
В заклад домишко предлагал...
Кремень-купец махнул рукою:
«Эх, ну тебя! заклад не тот!
Твой дом не каменный! нейдет!»
— «Несытая твоя утроба!
Ну, стало, голову мне снять
И под заклад тебе отдать?

Ведь ты вот-вот под крышку гроба!..
Кому казну-то ты копишь?»
— «Опомнись, с кем ты говоришь?»
— «С тобою, старый пес! с тобою!
Ты вместе воровал со мною!
Клади мне денежки на стол!
Делись! я вот зачем пришел!»
— «И ты мне мог? и ты мне смеешь!..»
— «Кто? я-то?.. Ты не подходи!
И в грех, к примеру, не вводи,
Убью! вот тут и околеешь!»

Пучков оцепенел. Немой,
Стоял он с поднятой рукой;
Огнем глаза его сверкали,
И губы синие дрожали.
Лукич захохотал. «Ну что ж,
Ударь, попробуй! Что ж не бьешь?»
— «Вон, изверг!»
                    — «Не бранись со мною!
Я выйду честью! Не шуми!
Не то я... прах тебя возьми!..
Не стоишь, правда... Бог с тобою».

Пучков стонал. Он гадок был:
Бессильный гнев его душил.
«Прощай! садись опять за книги,
Копи казну, надень вериги,
Всё, значит, о душе печаль...
А жаль тебя! ей-богу, жаль!»

«Нет, не дождаться мне помоги! —
Грустил дорогою бедняк. —
Не верят мне. Я — голь! кулак!
Вот и ходи, считай пороги,
И гнись, и гибни ни за что.
На то, мол, голь! кулак на то!
Гм... да! упрек-то ведь забавный!
Эх ты, народец православный!
Не честь тебе лежачих бить,
Без шапки сильных обходить!

Кулак... да мало ль их на свете?
Кулак катается в карете,
Из грязи да в князья ползет
И кровь из бедняка сосет...
Кулак во фраке, в полушубке,
И с золотым шитьем, и в юбке,
Где и не думаешь, — он тут!
Не мелочь, не грошовый плут,
Не нам чета, — поднимет плечи,
Прикрикнет — не найдешь и речи,
Рубашку снимет, — всё молчи!
Господь суди вас, палачи!
А ты, к примеру, в горькой доле
На грош обманешь поневоле —
Тебя согнут в бараний рог:
Бранят, и бьют-то, и смеются...
Набей карманы, — видит бог,
В приятели все назовутся!
Будь вором — скажут: не порок!
Вот гадость! тьфу!»

И шаг широкий
Старик с досады ускорил.
Но вдруг его остановил
Стук рамы. Смотрит — дом высокий,
С кудрявым вензелем балкон
Густой сиренью окружен.
Заклятый враг ученых споров,
Его жилец, профессор Зоров,
С сигарой под окном стоял
И старика рукою звал.

16

Ученой бурсы отпечаток
Невольно Зоров сохранил:
Знал букву, глубже не ходил.
Был в разговорах прост и краток
И словом «вот» их украшал;
Без нужды кашлял. Бог создал
Его не злым, но... впрочем — мимо:

Подчас молчать необходимо...
Деньжонки славно наживал.

Лукич был встречен благосклонно,
Обласкан — и не мудрено:
У старика, тому давно,
Мальчишка, труженик бессонный,
Путь тяжкий Зоров начинал —
Латынью ум свой притуплял.
Плоды науки не пропали,
Бедняк Лукич дивился им.
Мальчишка вырос. Перед ним
Теперь просители стояли:
Священник, старичок больной
И дьякон тучный и рябой.

Священник кланялся. С досадой
Ученый муж рукой махал:
«Ваш сын дурак! Вот и пропал...
И выгнали.. хм... так и надо:
Зазнался».

Священник

В чем же? ради бога,
Скажите! Он из лучших был.

Профессор

А вот: воротнички носил,
Да возражений делал много
Наставникам: я, мол, умен,
В журналы, в чтенье погружен,
Исчерпал мудрость всю!..

Священник хочет возразить.

Молчите!
Заметили, — он ничего,
Всё то ж! Понизили его!..

Священник снова хочет возразить.

Хм... погодите! погодите!..
Понизили по спискам, — он, того,
Ученьем занялся небрежно...
Ну вот, за это исключен!

Священник

Он молод. Он был оскорблен...
Сперва учился он прилежно.

Профессор

По нас хоть звезды он хватай!
Будь скромен! Нос не подымай!
Он кто? Воспитанник духовный —
Вот помни! Бойкость не нужна!
А светскость вздор, — она вредна!
Сказал наставник — безусловно
И верь! Вы думаете как?
На это власть!

Священник

Известно, так.
Прошу вас, сжальтесь! Два-три слова
Сказать вам стоит — примут снова...
Позвольте мне наедине
Вам объяснить.

Профессор

Не время мне!
А впрочем, если вы хотите,
Пожалуй... вот сюда подите.

И за ученым мужем вслед
Вошел проситель в кабинет.
О чем они там толковали,
Одни немые стены знали.
Дверь отворилась наконец;
Священник просто был мертвец, —
Так бледен! «Вы побойтесь бога...
Я б больше... бедность... негде взять...»
— «Хм... Полно, полно толковать!» —
Ученый муж заметил строго.
Несчастный поп махнул рукой
И дверь захлопнул за собой
С проклятьем. Зоров улыбнулся:
«Хорош! А поп!.. Что нужно вам?»
И к дьякону он обернулся.
«Да вот-с, по разным клеветам,

Мой сын... заметило начальство,
Что якобы он любит пьянство...»
— «Дубков?»
— «Да-с».
— «Знаю я его!
Исключат. Больше ничего».
— «За что же? Может быть, ошибкой,
Не то что выпил, пошалил...»
И речь проситель изменил
Так странно, что Лукич с улыбкой
Подумал: «Круто своротил!
Хитер!»

— «Я слышал стороною,
Что вы нуждаетесь в коне...
Так всё равно-с. Позвольте мне...
Продам охотно». И с божбою
Плечистый дьякон уверял:
«Конь добрый! я на нем пахал!»
— «Взглянуть, пожалуй, не мешает.
Вы приведите-ка его...
Не норовист он?»

— «Ничего.
Узду, случается, скидает:
Известно, наши батраки
Лентяи или дураки,
Какой присмотр!»
— «Хм... знаю, знаю!
Пусть поисправится ваш сын.
Вы вот что, я предупреждаю,
Ведь я зависим... не один...
Тут нужно...»
— «Как же-с! Понимаю!»
И тучный дьякон вышел вон,
Отдав почтительный поклон.

Профессор

Ну что, Лукич, не надоело
Стоять да слушать? Извини...

Лукич

Помилуйте!

Профессор

Вот мы одни...
Садись.

Лукич

(садится)

Вы звали. Верно, дело...

Профессор

Хм... я коня хотел купить,
Раздумал. Надо погодить.

Лукич

(лукаво улыбаясь)

Так-с.

Профессор

Хорошо ли поживаешь?

Лукич

По старому-с! и так и сяк.

Профессор

Ну, а, бывает, выпиваешь?

Лукич

Ни капли! что я за дурак!
Да как живете вы отлично!
Полы под лаком, хоть глядись,
Диваны, кресла...

Профессор

(смеется)

Хм!.. Прилично...
Нельзя, деньжонки завелись!

Лукич

(вздыхая)

Да-с! Вы попали на дорогу.
И правда, что ученье свет:
Поит и кормит... Я вот сед,
И всё дурак!.. Беда, ей-богу,
Тут бедность...

Профессор

Ты бы мне сказал.
Ты знаешь, я не скуп; я б дал.

Лукич

Сказал бы, сударь... как-то стыдно!

Профессор

Хм!.. вот пустяк! забыл ты, видно,
Как у тебя я в доме жил,
Уроки-то в саду учил!

Лукич
(смотрит на диплом профессора)

Я всё гляжу, спросить не смею,
На этот лист... вот-с на стене...

Профессор
(самодовольно смеется)

Прочти.

Лукич

Нет, сударь, не сумею.
Написано-то не при мне.

Профессор

Вот слушай:

(встает и читает)

Ecclesiasticae Academiae conventus pro potestate sibi concessa Dominum Zorov Magistrum sanctiorum humaniorumque litterarum solenni hoc diplomate declarat honoremque ei ac privilegia concessa, decrevisse ac contulisse publice testatur.[1]

Понял?

---

[1] Общее собрание Духовной академии на основании предоставленного ей права господина Зорова объявляет при посредстве настоящего торжественного диплома магистром духовных и светских наук и свидетельствует, что публично назначило и предоставило ему это почетное звание и присущие ему привилегии (лат.). — *Рсд.*

Лукич
(с улыбкою почесывая затылок)

Хоть бы слово!
Кого господь-то умудрит!
Гм! .. диво! Вижу, в рамке новой
С большой печатью лист висит —
И только. Правда что наука!

Профессор
(смеется)

Вот то-то! В ней-то вся и штука!

Лукич
(переминаясь)

А что бы вас я попросил... —

И тут старик заговорил
О свадьбе Саши, о заеме,
О закладной на дом, о доме, —
И на лице своем потом
Горячий пот отер платком,
Вздохнул и низко поклонился.
Ученый муж не отвечал,
В раздумьи медленно шагал
И кашлял, — вдруг остановился.
«Ты вот что, ты отдашь мне в срок?»
— «Не выйди я за ваш порог! ..»
— «Изволь! сегодня я расстроен:
Дел пропасть...»
— «Значит, до утра?
Так я в надежде».
— «Будь покоен!
Я дам».
«А! сын пономаря! ..
Из грязи вышел, — не забылся!» —
Лукич подумал — и простился.

17

Всё решено. Осталась ночь.
Заря над лесом догорала,
По желтым жнивьям тень бежала.

Увы! измученная дочь
День свадьбы грустно ожидала,
В последний раз теперь рыдала
В объятьях матери, — и мать
Ее не смела утешать.
Они друг друга понимали,
Что впереди, о том молчали,
А горе прожитых годов
Так было живо, что без слов
Душа рвалась и в муках ныла.
Но эти муки дочь таила,
Нема с отцом своим была,
Меж ними пропасть вдруг легла
И Сашу на́век отделила
От старика... И тем больней
Была тоска последних дней,
Тяжеле ряд ночей бессонных,
Невестой в пытке проведенных!..

И вот пир свадебный умолк.
Утих о нем соседей толк,
Угомонились пересуды,
Средь улиц гости не поют,
Не пляшут и в домах посуды
Под песни пьяные не бьют.
Арина вдруг осиротела.
Грустит за делом и без дела,
Чуть скрипнет дверь — она вздрогнёт,
И слушает, и Сашу ждет.
Без Саши горенка скучнее,
И время кажется длиннее,
И кот невесел: спит в углу,
Не поиграет на полу
Клубком старушки. Чуть смеркает,
Она калитку запирает
И с робостью обходит двор —
Не притаился ли где вор,
И мужа ждет, и спицам снова
В ее руках покоя нет...
Едва покажется рассвет,
Работа прежняя готова;
Старушке не с кем говорить,

Тоски и грусти разделить:
Речь мужа, как всегда, сурова...
Но Саша бледная придет,
Арина так и обовьет
Ее руками. «Ах, родная!
Здорова ли? Присядь, присядь!
Здорова ль? — повторяет мать,
С улыбкой слезы утирая. —
Легко ль! неделю не была!
Уж я тебя ждала, ждала!
Ну, как живешь?» И осторожно
О всякой мелочи ничтожной
Ее расспросит. «Ты смотри,
Ты не таись, мол, говори...
Всё хорошо? Ну, слава богу!»
И в лавочку через дорогу
С копейкой трудовой спешит
И Сашу чаем угостит.
Свой сад старушка позабыла:
Мать столяра ей досадила
Упреком, бранью каждый день
Через изломанный плетень:
«Здорово, друг! В саду гуляешь?
Хозяйка! Яблоки считаешь?
Ты не пускай к нам кур на двор,
Поймаю — прямо под топор!»
Арина головой качала
И ничего не отвечала.
Она не зла, мол... это так;
Всему причина — Сашин брак.

Лукич на рынке ежедневно
Встречался с зятем. Всякий вздор
Входил в их длинный разговор,
Оканчиваясь непременно
Разумным толком о делах:
О доброте хлебов в полях,
О том, что мужички умнеют,
Не так легко в обман идут,
Что краснорядцы богатеют:
За рубль по гривне отдают...
Лукич смеялся: «Просто — чудо!

Глупа ты, матушка Москва!
Всем веришь!» — «Этим и жива.
Не ошибется... А не худо
Того-с...» — зять добрый замечал
И тестя к чаю приглашал.

«Он, видно, мне не доверяет, —
Тесть думал. — Право, не поймешь...
И чаем вдоволь угощает,
И льстит, — а толку ни на грош.
Я говорю, к примеру, буду
Тебе в торговле помогать,
Чужих равно, мол, нанимать...
«Извольте-с! Я вас не забуду,
У нас торговый оборот
Зимою-с... вот зима придет».
Посмотрим, как зима настанет...
Ну, если он меня обманет
И я останусь в дураках,
Без дома, с сумкой на плечах?
За что же так? Дитя родное
Принудил. Сам теперь в долгу...
Нет, это чересчур! пустое!
Нельзя! и думать не могу!»

18

Настала осень. Скучен город.
Дожди, туманы, резкий холод,
Ночь черная и серый день —
И по нужде покинуть лень
Свой теплый угол. Вечерами
Вороны, галки над садами
Кричат, сбираясь на ночлег.
Порой нежданный, мокрый снег
Кружится, кровли покрывает,
К лицу и платью пристает,
И снова мелкий дождь пойдет,
И ветер свистом досаждает.
Куда ни глянешь — ручейки
Да грязь и лужи. Окна плачут,

И, морщась, пешеходы прячут
Свои носы в воротники.

Лукич с досадой молчаливой
Поглядывал нетерпеливо
На небо, снега поджидал
И непогоду проклинал.
На рынке нечем поживиться:
Дороги плохи, нет крестьян;
Ходи, глотай сырой туман,
Пришлось хоть воздухом кормиться!
На зло кулак-молокосос
Над ним трунит: «Повесил нос!
Неволя по грязи шататься!
Не молод, время отдохнуть
И честным промыслом заняться!
Сидел бы с чашкой где-нибудь...»
Сюртук в дырах, сквозь крышу льется,
В окошки дует, печь худа,
На что ни взглянешь — сердце рвется,
Хоть умереть, так не беда!

Дождь каплет. Темными клоками,
Редея, облака летят.
Вороны на плетне сидят
Так мокры, жалки! Под ногами
Листы поблеклые шумят.
Сад тих. Деревья почернели;
Стыдясь невольной наготы,
В тумане прячутся кусты;
Грачей пустые колыбели
Качает ветер, и мертва
К земле припавшая трава.

Лукич стоит под старой ивой.
В руке топор, в глазах печаль.
Пришлось бедняге на топли́во
Рубить деревья, — крепко жаль,
Да надо: всё дровам замена, —
Их в целом доме ни полена...
И засучил он рукава.
Что ж выбрать? Эти дерева

Своей рукой отец покойный
Ему на память посадил;
Под этой ивой он любил
Вздремнуть на травке в полдень знойный...
«Эхма! нужда!» Топор стучит,
С плетня вороны улетают,
А щепки воздух рассекают,
И ива, падая, скрипит.

Старушка печку затопила,
Лукич на конике прилег.
«О чем грустишь?» — жена спросила.
— «Так, что-то мочи нет, продрог».
— «Что зять-то? Как?»
— «Смотри за щами,
В мужское дело не входи!»
— «О-ох, не ошибись гляди!
Дом заложил... что будет с нами,
Когда не выкупим?»
— «Опять!
Нельзя, к примеру, помолчать?»

Дверь отворилась, и горбатый,
В халате, с палкой суковатой,
Длиннобородый мужичок
Сказал с поклоном: «Встань, дружок!
Хозяин умный, тороватый!
Явился гость, — и ты не рад,
И я, сокóл, не виноват».
— «Мы погодя побалагурим.
Ты кто? Зачем?»
— «Да встань-ка, встань!
Не погоняй! кнута не любим...
Теперь — подушное достань».
— «Ты, знать, от старосты? Рассыльный?»
— «Узнал, сударик мой, узнал!»
— «Присядь: ты, кажется, устал...
Ну, что сегодня?.. Ветер сильный?..
Я, знаешь, всё в избе сижу,
На двор, к примеру, не хожу,
Нога болит».
— «Хе-хе! проказник!

Испил воды на светлый праздник,
Болит с похмелья голова...
Хитер на красные слова!»
— «Чего! ей-ей, болит! без шуток!
Вот видишь!.. Ох!.. не наступлю!»
— «Хе-хе! сударик мой, люблю!
Нужда горька без прибауток...
Достань-ка деньги-то, родной.
Ин — к старосте пойдем со мной».
— «Да я бы рад! недуг проклятый!
Как быть?»
— «Подушное платить!
Я вот, сударик, сам девятый,
Живу — плачу!.. не стать тужить.
Шесть душ детей, жена седьмая,
Да я с горбом... Пойдем, пойдем!
Какая там нога больная!»
— «Скажи, что дома не застал,
Из города, мол, отлучился...»
И в кошельке Лукич порылся,
Последний гривенник достал.
«Хе-хе, сударик! маловато!»
— «Ей-богу, больше гроша нет!»
— «Ну, за тобою, дело свято...
Прощай покудова, мой свет!»

«Теперь на хлеб добудь где знаешь! —
Лукич подумал — и вздохнул,
И кошелек на стол швырнул. —
Не рад хромать, да захромаешь!
Попробуй-ка пожить вот так...
А ведь кричат: кулак! кулак!..»

19

Вот и зима. Трещат морозы.
На солнце искрится снежок.
Пошли с товарами обозы
По Руси вдоль и поперек.
Ползет, скрипит дубовый полоз,
Река ли, степь ли — нет нужды:
Везде проложатся следы!

На мужичке белеет волос,
Но весел он; идет — кряхтит,
Казну на холоде копит.

Кому путек, кому дорога —
Арине дома дела много!
Вставая с раннею зарей,
Она ходила за водой;
Порой белье чужое мыла:
Дескать, работа не порок,
Всё будет хлебушка кусок;
Порою и дрова рубила,
Когда Лукич на печке спал,
Похмелье храпом выгонял;
От стужи кашляла, терпела
И напоследок заболела.
Лежит неделю — легче нет;
Уста спеклись, всё тело ноет;
Едва глаза она закроет,
Живьем из мрака прежних лет
Встают забытые виденья...
Вот вспомнилась с грозою ночь:
В густом саду шумят деревья,
Из теплой колыбели дочь
Головку в страхе поднимает
И громко плачет и дрожит,
А муж неистово кричит
И стул, шатаясь, разбивает...
Вдруг тихо. Вот ее сынок,
Малютка, убранный цветами,
Покоится под образами;
Блестит в лампаде огонек,
В углу кадильница дымится,
Стол белой скатертью накрыт,
Под кисеей младенец спит,
Она от ветра шевелится,
А солнце в горенку глядит,
На трупе весело играя...
И мечется в жару больная;
В ушах звенит, в глазах темно,
Из глаз ручьями слезы льются,
Меж тем как с улицы в окно

К ней звуки музыки несутся, —
Там, свадьбу празднуя, идет
С разгульным криком пьяный сброд...
В борьбе с мучительным недугом,
Смотря бессмысленно кругом,
Старушка встанет, и потом,
Вся потрясенная испугом,
Со стоном снова упадет
И дочь в беспамятстве зовет.

Лукич измучился с больною:
Сам кой-как печку затоплял
И непривычною рукою
Себе обед приготовлял.
Спешил на рынок, с рынка снова
Жену проведать приходил,
Малиной теплою поил:
Вспотеешь, будешь, мол, здорова, —
И снова дом свой покидал,
Куска насущного искал.

Вот входит Саша. Мать больная,
Кряхтя, ей делает упрек:
«Ты редко ходишь, мой дружок!
Я умираю, дорогая...
Ох, тошно! так и давит грудь!
Хоть бы на солнышко взглянуть,
Всё снег да снег!..»

— «Я к вам хотела
Вчера прийти, да то дела,
То гости...» Саша солгала:
Свекровь ей просто не велела,
Не приказал и муж: авось
Еще, мол, свидишься небось!
Старушка ложь подозревала,
По голосу ее узнала,
А голос Саши грустен был!
«Дитя мое, я... бог судил...
Дай руку!.. дай, моя родная!
Так... крепче жми!.. Ну, вот теперь
Легко...» И плакала больная;

Рыдала дочь. Без шума в дверь
Входила смерть.

Был темный вечер.
Порывистый, холодный ветер
В трубе печально завывал.
Лукич встревоженный стоял
У ног Арины. Дочь глядела
На умирающую мать
И всё сильней, сильней бледнела.
Старушка стала умолкать
И постепенно холодела,
И содроганья ног и рук,
Последний знак тяжелых мук,
Ослабевали. Вдруг, рыдая,
Упала на колени дочь:
«Благослови меня, родная!»
— «Отец твой... нищий... ты помочь
Ему... наш дом...» — и речь осталась
Неконченной, — и тихий стон
Сменил слова. Но вот и он
Умолк. Развязка приближалась.
В тоске подъятая рука,
Как плеть, упала. Грудь слегка
Приподнялась и опустилась,
Дыханье реже становилось,
Взор неподвижный угасал,
По телу трепет пробежал,
И стихло всё... Не умолкал
Лишь бури вой.
«Один остался!
Один как перст!» — Лукич сказал,
Закрыл лицо — и зарыдал.

Уснуло доброе созданье!
Жизнь кончена. И как она
Была печальна и бедна!
Стряпня и вечное вязанье,
Забота в доме приглядеть
Да с голоду не умереть,
На пьянство мужа тайный ропот,
Порой побои от него,

Про быт чужой несмелый шепот
Да слезы... больше ничего!
И эта мелочь мозг сушила
И человека в гроб свела!
Страшна ты, роковая сила
Нужды и мелочного зла!
Как гром, ты не убьешь мгновенно,
Войдешь ты — пол не заскрипит,
А душишь, душишь постепенно,
Покуда жертва захрипит!

С рассветом буря замолчала,
Арина на столе лежала.
В лампаде огонек сиял;
Он как-то странно освещал
Лицо покойницы-старушки,
И неподвижной, и немой,
И белые углы подушки,
Прижатой мертвой головой.
Убитый горем и тоскою,
Перед иконою святою
Лукич всю ночь псалтырь читал.
Уныл и тих его был голос;
От страха жесткий черный волос
На голове не раз вставал.
Казалось, строго и сурово
Глядела бледная жена;
Раба доселе, с жизнью новой
Вдруг изменилася она, —
Свою печаль припоминала
И мужу казнью угрожала...
Старик внимательней читал
И ничего не понимал.
Все буквы, мнилось, оживали,
Плясали, разбегались вдруг...
При обороте издавали
Листы какой-то чудный звук...

Меж тем соседки понемногу
Набились в горенку. Одне
Вздыхали и молились богу,
Другие в грустной тишине

С тяжелой думою стояли
Иль об усопшей толковали,
Что вот-де каковы дела —
Жила, жила — да умерла!
Мать столяра в углу стояла,
С кумой любимою шептала:
«Ведь на покойнице платок,
Что тряпка... ай да муженек!
Убрал жену, кулак проклятый!
О платье и не говорю —
Я вчуже от стыда горю:
С заплатой, кажется, с заплатой!..
А дочь слезинки не прольет...
Вот срам-то! инда зло берет!
Ах, я тебе и не сказала!
Она за сына моего
Хотела выйти... каково?
Да я-то шиш ей показала!
И мать-то, помянуть не тем,
Глупа была, глупа совсем!»

Соседки вышли. Стал совета
Отец у дочери просить:
«Ну, Саша! мать вот не отпета,
Где деньги? чем мне хоронить?»
— «Мой муж поможет. Попросите
Здесь посидеть кого-нибудь
И вслед за мною приходите».
— «Да! надо, надо шею гнуть!
И поделом мне! ох, как стóю!»
И крепко жилистой рукою,
Остановя на трупе взор,
Свой бледный лоб старик потер.

20

Румян, плечист, причесан гладко,
Тарас Петрович за тетрадкой
В рубашке розовой сидел,
На цифры барышей глядел
И улыбался. Под рукою
Сияли проволоки счет;

Зеленый плющ над головою
Висел с окна. Полна забот,
За чаем Саша хлопотала;
Пел песни светлый самовар;
В лежанке загребенный жар
Краснел; струей перебегало
По углям полымя. И вдруг
Часы издали странный звук,
Шипели долго и лениво.
И, с пятнышками вместо глаз,
Кукушка серая тоскливо
Прокуковала восемь раз.

Лукич вошел, — и сердце сжалось
У Саши. Жалок был отец!
Оборван, бледен... грусть, казалось,
Его убила наконец.
Едва старик перекрестился,
Румяный зять его вскочил
И сожаленье изъявил,
Что доброй тещи он лишился:
Мне, мол, жена передала...
Святая женщина была!
«Вот надо справить погребенье...
Нет гроба... сделай одолженье —
Дай по́мочь!»
— «От добра не прочь,
Зачем родному не помочь?..
Гм!.. жаль! я думаю — простуда?»
— «Бог знает что, да умерла».
— «Я полагаю-с, смерть пришла...
Вот выпейте чайку покуда».
— «Благодарю! не до того».
— «Напрасно-с! это не мешает:
Он эдак грудь разогревает...»
— «Да я не зябну. Ничего...
Не позабудь, к примеру, в горе!»
— «Вот ключ позвольте отыскать...
Я много не могу вам дать.
Не то что... да-с! Нет денег в сборе».
— «Не добивай! Я так убит!»
— «О том никто не говорит.

На счет того-с... оно, конечно,
Родню позабывать грешно,
Да ведь грешно и жить беспечно,
Да-с! поскользнетесь неравно!
На вас вот тулупишко рваный,
Из сапогов носки глядят,
А вы намедни были пьяны...
Выходит, кто же виноват?»
— «Ох, знаю, друг мой! Всё я знаю!
Ведь пьет неволя иногда!
Ты думаешь, мне нет стыда,
Что плутовством я промышляю,
Хитрю, ем хлеб чужой, как вор?»
— «Расчет в торговле не укор...
Всё это пустяки — и только,
На печке хочется лежать!
На рынке горько промышлять,
Ну-с, а просить теперь — не горько?»
— «Вестимо... если бы ты знал!
Осмеян всеми, обнищал,
Тут совесть не дает покою...
Зять! не пусти меня с сумою!
Дай мне под старость отдохнуть!
Поставь меня на честный путь!
Дай дело мне! Господь порука, —
Не буду пить и плутовать!»
— «Привыкли-с. Трудно перестать!
Вот, значит, вам вперед наука...
На похороны помогу,
Насчет другого-с — не могу».
— «И с бородою поседелой
Опять мне грабить мужичков?
Пойми ты, доброе ли дело!
Неужто вор я из воров!
Зять! богом, значит, умоляю,
Подумай! Выручи!»
                    — «Опять!
Охота вам слова терять!
Нельзя-с! По чести заверяю...
Рубль серебра, извольте, дам».
— «Так я, выходит, по домам
На тело мертвое сбираю...,

Ну, есть ли стыд в тебе и честь?
Ведь я не нищий! Я твой тесть!
Ведь я прошу не подаянья, —
Взаем. Ты слышишь или нет?»
— «А я даю из состраданья,
Не то что... да-с! И мой совет:
Не надо брезгать».
Саша встала.
Негодования полна,
Казалось, выросла она
И мужу с твердостью сказала:
«Я свой салоп отдам в заклад —
И мать похороню!»
— «Чудесно-с!
Гм!.. дочка нежная... известно-с...
Хе-хе! Бывает — не велят!»
— «Ну, если так, найду другое...
Вот обручальное кольцо...»
И Саши бледное лицо
Покрылось краскою.
— «Пустое!
Не смеешь, значит!»
— «Саша, Саша!
Оставь! схороним как-нибудь!» —
Сказал отец.
«Нет, воля ваша!
Уж у меня изныла грудь
От этой жизни!.. Я молчала...
Он мягко стелет, жестко спать...
Пусть бьет! Я не хочу скрывать!
Больною мать моя лежала,
Я мать проведать не могла!
Боится — столяра увижу...»
— «Столяр мне что? Молва была...
Он плут! плутов я ненавижу.
Муж хоть и лыком сшит, — люби,
Да знай стряпню, да не груби,
На то жена!»
— «О, будь уверен,
Я буду стряпать и молчать!
Но под замком себя держать

Я не позволю!..»

— «Не намерен...

Нельзя-с! законная жена...
А мужа ты любить должна —
Вот только!»

Саша улыбнулась.

Муж от улыбки побледнел,
Но вмиг собою овладел.
«Всё вздор! из пустяков надулась!
Об этом мы поговорим
Наедине-с... А вот родным
Поможем. Нужно — и дадим.
Держите, батенька, бог с вами!»

Тесть молча подаянье взял
И точно память потерял:
Пошевелил слегка губами,
На зятя кинул мутный взор
И крупный пот на лбу отер.
«А вам пора за ум приняться! —
Прибавил зять. — Вы наш родной,
Не с поля вихорь, не чужой,
А с пьяным нечего мне знаться!»

Старик с поклоном вышел вон.
О чем-то, бедный, думал он?
Но, верно, думою печальной
Был возмущен: на рынок шел —
И, бог весть почему, забрел
В какой-то переулок дальний.
Опомнившись, взглянул кругом —
И зятя на́звал подлецом.

Добычи рыночной остаток,
Давно Лукич рублей десяток
В жилете плисовом берег.
Теперь вот зять ему помог,
На всё достало, слава богу!
Купил он ладану, свечей,
Изюму, меду, калачей,
Вина, — конечно, понемногу;

Поденщиков приговорил
Могилу рыть, и гроб купил.
Принес его в свою избушку,
Перекрестился, крышку снял,
На дне холстину разостлал,
С молитвой положил старушку,
С молитвою свечу зажег —
И сел в раздумьи в уголок.
Курился ладан. Всё молчало.
Играло солнце на стене,
Белелись свечи на окне,
Стекло алмазами сверкало,
Старушка, мнилося, спала, —
Так в гробе хороша была!
«Вот, — думал он, — вот жизнь-то наша!
Недаром сказано, что цвет
Ногою смял — его и нет.
Умру и я, умрет и Саша,
И ни одна душа потом
Меня не вспомнит... Боже, боже!
А ведь и я трудился тоже,
Весь век и худом и добром
Сбивал копейку. Зной и холод,
Насмешки, брань, укоры, голод,
Побои — всё переносил!
Из-за чего? Ну, что скопил?
Тулуп остался да рубаха,
А крал без совести и страха!
Ох, горе, горе! Ведь метла
Годится в дело! Что же я-то?
Что я-то сделал, кроме зла?
Вот свечи... гроб... где это взято?
Крестьянин, мужичок-бедняк
На пашне потом обливался
И продал рожь... а я, кулак,
Я, пьяница, не побоялся,
Не постыдился никого,
Как вор бессовестный, обмерил,
Ограбил, осмеял его —
И смертной клятвою уверил,
Что я не плут!.. Всё терпит бог!..
Вот зять, как нищему, помог...

В глазах мутилось, сердце ныло, —
Я в пояс кланялся, просил!..
А ведь и я добро любил,
Оно ведь дорого мне было!
И смел и молод, помню, раз
В грозу и непогодь весною
Я утопающего спас.
Когда он с мокрой головою,
Нагой, на берегу лежал,
Открыл глаза, пошевелился
И крепко руку мне пожал, —
Я, как ребенок, зарыдал
И радостно перекрестился!
И всё пропало! Всё забыл!..»

И голову он опустил,
И, задушить его готова,
Вся мерзость прожитая снова
С укором грозным перед ним
Стояла призраком немым.

Бедняк, бедняк! Печальной доли
Тебя урок не вразумил!
Своих цепей ты не разбил,
Послушный раб бессильной воли!
Ты понимал, что честный труд
И путь иной тебе возможен,
Что ты, добра живой сосуд,
Не совершенно уничтожен;
Ты плакал и на помощь звал...
Подхваченный нужды волнами,
В последний раз взмахнул руками —
И в грязном омуте пропал.

21

Бегут часы, идут недели,
Череде обычной нет конца!
Кричит младенец в колыбели,
Несут в могилу мертвеца.
Живи, трудись, людское племя,

Вопросы мудрые решай,
Сырую землю удобряй
Своею плотью! .. Время, время!
Когда твоя устанет мочь?
Как страшный жернов, день и ночь,
Вращаясь силою незримой,
Работаешь неудержимо
Ты в божьем мире. Дела нет
Тебе до наших слез и бед!
Их доля — вечное забвенье!
Ты дашь широкий оборот —
И ляжет прахом поколенье,
Другое очереди ждет!

Прошло два года. Дым столбами
Идет из труб. Снег порошит.
Чуть солнце сквозь туман глядит,
Не грея бледными лучами.
Старушка добрая, зима,
Покрыла шапками дома.
Заутро Рождество святое.
Санями рынок запружен,
Торговлей шумной оживлен.
Желудка раб, как всё живое,
Народ кишит вокруг цыплят,
Гусей, свиней и поросят.

«Пошел налево!» — торопливо
Скобеев кучеру кричит
И палкой нищему грозит:
«Ты что пристал?» Но вдруг учтиво
Кивнул кому-то головой:
«Деревня Долбина за мной!
С торгов! .. поздравьте! ..» — «Ой, пропала!
Ах, чтоб вам не было добра!
Вот мужичье! .. — Мать столяра
Едва под лошадь не попала,
К горшкам с кумою отошла,
Беседу снова повела:
«И говорю я это сыну:
Оставь, мол, ты свою кручину!
Нет! долго Сашу вспоминал!

И вот что было— запивал!
Теперь ни-ни! Взялся за дело.
Поди ты, не женю никак,
Прошу, прошу, — такой дурак!
Вишь, рано... время не приспело...
Да врет он! Это ничего!
Уж уломаю я его!»

Вот и столяр. Его походка
Размашиста. Тулуп космат.
Пробилась русая бородка,
И весел соколиный взгляд;
Лицо от холода краснеет,
На кудрях иней. Впереди
Толпа зевак. Она густеет.
Бедняк Лукич посереди.
Мужик с курчавой бородою,
Взбешенный, жилистой рукою
Его за шиворот держал
И больно бил, и повторял:
«Вот эдак с вами! эдак с вами!»
Старик постукивал зубами,
Халат с разорванной полой
От ветра в воздухе мотался,
И кровь на бороде седой
Застыла каплями...
«Попался! —
Кричал народ. — Тряхни его!
Тряхни получше! Ничего!»
— «Не бей по шапке! одуреет!»
— «Не смеет бить! На это суд,
Расправа, значит... бить не смеет!»
— «Валяй! Там после разберут!»
Но вдруг столяр рукою смелой
Толпу раздвинул: «Стой! за что?»
— «А не обвешивай! за то... —
Мужик ответил. — Наше дело!
Я продал шерсть, а он того...
Обвесил — вон що!»
— «Брось его!
Ты кто? Разбойник? Смеешь драться?
Не знаешь — отдерут кнутом!

Чего ты, Карп Лукич? Пойдем!»
— «Проваливай! Не станем гнаться!
Вот не замай, он покряхтит:
В боках-то у него лежит?»

— «Эх, с этим не дошло до драки! —
Жалели, расходясь, зеваки. —
А молодец куда горяч!
И статен! То-то, чай, силач!»

— «Сосед! Ну, как тебе не стыдно! —
Столяр дорогой говорил. —
Весь помертвел... лица не видно...
Что завтра? Вспомни!»
— «Согрешил.
Обвесил... не во что одеться...
Озяб... и нечем разговеться».
— «А зять?»
— «Мошенник! Ох, продрог!»
— «Ну, Саша?»
— «Саша помогает...
В постели... кровью всё перхает...
Ох, больно!.. Заложило бок...»
— «Эх, Карп Лукич!»
— «Молчи, я знаю!
Сгубил я дочь свою, сгубил!»
— «Нет, я не то... не попрекаю,
Мне жаль тебя: соседом был...
Бедняга! Выгнали из дома...
Да ты идешь едва-едва...
Квартира где?»
— «У Покрова.
Нетоплена. Постель — солома.
Привык, к примеру... Ох, продрог!»
— «Слышь, Карп Лукич! Ты не сердися...
Вот деньги есть... Не откажися,
Возьми на праздник. Видит бог,
Даю из дружества. Ведь хуже
Обманывать, дрожать на стуже...
Возьми, пожалуйста, сосед!
Ну, хоть взаем... как знаешь!»
— «Нет!

Я виноват перед тобою:
Ты с Сашей рос...»
— «Оставь! пустяк!
Угодно было богу так...
Возьми! Ты, слышь, не спорь со мною:
В карман насильно положу,
Вот на!.. и рукн подержу».
— «Покинь! Мне стыдно!»
— «Знаю, знаю!
А ты не вынимай назад:
Я что родному помогаю,
Не то что, значит... чем богат!
Утри-ко лучше кровь полою,
Неловко... Стой! господь с тобою!
Ты плачешь?»
— «Ничего, пройдет.
Я так. Озяб... вода течет...
Сегодня в воровстве поймали,
Прибили... милостыню дали...
А дочь... Проклятый зять! Прощай!»
— «Да брось его! не поминай!
Вот завтра праздник, дел-то мало,
Ты завернешь в мой уголок,
Мы потолкуем, как бывало,
Ну да! Присядем за пирог...
Ты просто приходи к обеду:
Равно!» И старому соседу
Он руку дружески пожал
И на прощанье шапку снял.

Лукич с разорванной полою
Побрел один. Взглянул кругом, —
Знакомых нет; махнул рукою —
И завернул в питейный дом.

Прощай, Лукич! Не раз с тобою,
Когда мой дом объят был сном,
Сидел я, грустный, за столом,
Под гнетом дум, ночной порою!
И мне по твоему пути
Пришлось бы, может быть, идти,
Но я избрал иную долю...

Как узник, я рвался на волю,
Упрямо цепи разбивал!
Я света, воздуха желал!
В моей тюрьме мне было тесно!
Ни сил, ни жизни молодой
Я не жалел в борьбе с судьбой!
Во благо ль? Небесам известно...
Но блага я просил у них!
Не ради шутки, не от скуки
Я, как умел, слагал мой стих, —
Я воплощал боль сердца в звуки!
Моей душе была близка
Вся грязь и бедность кулака!
Мой брат! никто не содрогнется,
Теперь взглянувши на тебя!
Пройдет, быть может, посмеется,
Потеху пошлую любя...
Ты сгиб. Но велика ль утрата?
Вас много! Тысячи кругом,
Как ты, погибли под ярмом
Нужды, невежества, разврата!
Придет ли наконец пора,
Когда блеснут лучи рассвета;
Когда зародыши добра
На почве, солнцем разогретой,
Взойдут, созреют в свой черед
И принесут сторичный плод;
Когда минет проказа века
И воцарится честный труд;
Когда увидим человека —
Добра божественный сосуд?..

1854—1857

ТАРАС

1

Нужда, нужда! Всё старые избенки,
В избенках сырость, темнота;
Из-за куска и грязной одежонки
Все бьются... прямо нищета!

Невесела ты, глушь моя родная!
Поникли ивы над рекой,
Молчит дорожка, травкой зарастая,
И бродит люд как испитой.

Вот уж вечер идет,
Росой травку кропит;
В синих тучах заря
Разыгралась-горит.

Золотые дворцы
По-над лесом плывут.
Золотые сады
За дворцами растут.

Через синюю глубь
Мост янтарный висит...
Из-за темных дубов
Ночь-царица глядит.

Вздохи-чары и лень
Разлеглись на цветах,
Огоньки по траве
Зажигают впотьмах.

Вот за горкой крутой
Колокольчик запел,
На горе призатих,
Под горой прозвенел.

Прозвенел по селу,
В чистом поле поет,
На широкий простор
Душу-сердце зовет...

Житье, житье! закован точно в цепи,
Молчи да чахни от тоски...
Эх, если бы махнуть мне на Дон в степи
Или на Волгу в бурлаки!..

Так изнывал Тарас от дум-заботы,
И, грезя про чужую даль,
Он шел межами с полевой работы
Домой, на горе и печаль.

2

Тарасу с детства приходилось жутко:
Отец его был строг и крут,
Жене побои называл он шуткой
И называл наукой кнут.

Бывало, кот под ноги подвернется —
Кота поленом... «Будь умен!»
Храни господь, когда вина напьется,
Беги, семья, из дома вон!

Пристанет к гостю, крепко обнимает,
Целует: «Друг мой дорогой!
Я вот тебе...» — и в ноги упадает.
Гость скажет: «Вот чудак какой!»

— «Кто, я чудак? А ты, мужик богатый!
Не любишь знаться с бедняком...
Так на вот! Помни, лапотник проклятый!»
И друга хватит кулаком.

Испуганный сынишка встрепенется
И матери тайком шепнет:
«Ох, мамушка! Опять отец дерется...
Уйдем! он и тебя прибьет...»

— «Ступай-ко за грибами, вот лукошко, —
Ответит мать, — тут хлеб лежит».
И в темный лес знакомою дорожкой
Мальчишка бéгом побежит.

И там он ляжет на траве росистой.
Прохлада, сумрак... Вот запел
Зеленый чиж под липою душистой;
Вот дятел на березу сел

И застучал. Вот заяц по тропинке
Пронесся, — и уж следу нет.
Тут стрекоза вертится на былинке,
По листьям жук ползет на свет;

Тревожно шепчет робкая осина,
Сквозь зелень видны вдалеке
Уснувших вод зеркальная равнина,
Рыбак с сетями в челноке.

Стада овец, луга, пески, заливы,
В воде и под водой леса,
За берегами золотые нивы,
Вокруг — в сияньи небеса.

И, очарован звуками лесными,
Цветов дыханьем упоен,
Ребенок грезит снами золотыми,
Весь в слух и зренье превращен.

Когда корой прозрачною и тонкой
Синела в осень гладь озер,
Иной приют манил к себе ребенка, —
Соседа постоялый двор.

Там бурлаки порой ночлег держали
Или гуляки-косари,
Про степь и Волгу песни распевали
Всю ночь до утренней зари.

И зá сердце хватал напев унылый.
Вдруг свист... и вскакивал бурлак:
«Пой веселей!» И песня с новой силой
Неслась, как вихрь... «Дружней!
вот так!..»

И свистом покрывался звук жалейки,
И пол от топота гудел,
И прыгал стол, и прыгали скамейки...
Ребенок слушал и смотрел.

И брань отца была ему больнее,
Когда домой он приходил,
И уголок родной глядел скучнее,
И он бог весть о чем грустил.

8

Прошли года. И на дворе и в поле
Тарас работник хоть куда,
И головы не клонит в темной доле
Ни перед кем и никогда.

Чуть мироед на бедняка наляжет, —
Тарас уж тут. Глаза блестят,
Лицо бледнеет... «Ты не трогай! — скажет. —
Не бей лежачих! Не велят!»

— «Ты кто такой?..» И меряет глазами
Нахала с головы до ног.
Отец махнет с досадою руками:
«Несдобровать тебе, сынок!

Подрежут крылья!.. Так оно бывает...»
Надвинет шапку и пойдет,
И в кабаке до ночи пропадает:
Домой насилу добредет.

«Ну, кто тут? Эй! жена, зажги лучину!
Я шапку пропил... да! смотри!
Весь век работал... ну, пора и сыну
Работать... черт вас побери!

Весь век пахал... всё нищий... Что ж работа?
Вестимо так. И хлеб и квас —
Мы всё добудем! Важная забота!
Ну, пьян... Никто мне не указ!..»

И в уголок свои деньжонки спрячет,
Забудет, — и давай искать;
Кричит: «Разбой!» — и охает и плачет:
«Ты вор, Тарас! не смей молчать!

Ты вор! будь проклят! сохни, как лучина!..»
Стоит, ни слова сын в ответ;
В его глазах угрюмая кручина,
В его лице кровинки нет.

Сидит на лавке бедная старушка,
Лицо слезами облито.
И так печальна тесная избушка,
Что не глядел бы ни на что...

Уж рассветает. Тучки краской алой
Покрыты. Закраснелся пруд,
И весело над кровлей обветшалой
Певуньи-ласточки снуют.

Вдали туман редеет над лугами.
Вот слышны резкий скрип ворот
И голос бабы: «Поезжай межами,
Там перелеском путь пойдет...»

«Эхма! уж день!» Тарас тряхнет кудрями;
Ну, видно, после, мол, поспишь...
И вот с сохою едет он полями;
Дорога — скатерть, в поле — тишь;

Над лесом солнце золотом сверкает,
И птичка в вышине поет,
Звенит, поет и устали не знает...
И парень песню заведет.

И грустно, грустно эта песня льется.
Он едет лугом — будит луг,
Поедет лесом — темный лес проснется
И с ним поет, как старый друг.

Заря погасла. Кончена работа.
Уснуть бы, кажется, пора,
Да спать-то парню не дает забота, —
Коней ведет он со двора

Поить... И шляпу набекрень наденет,
Ворота настежь распахнет,
По улице, посвистывая, едет,
А за углом — подруга ждет.

Кругом безлюдно. Тепел летний вечер.
Река при месяце блестит.
И знает только перелетный ветер,
Что парень с милой говорит.

Печальна жизнь. Печальна с милой встреча:
Она поникла головой,
В ответ на ласки не находит речи;
Стоит и парень сам не свой.

«Я сам не рад, голубка дорогая!
Как мне жениться на тебе?
Свяжу тебя, свяжу себя, родная...
Гнезда не вить уж мне себе.

Мне тесно тут. Не связывай мне воли.
Авось придут иные дни.
А сгину где, без счастья и без доли, —
Меня хоть ты-то не кляни! . .»

— «На муку, верно, — отвечает голос, —
Да на печаль я рождена,
И пропаду, что одинокий колос,
И всё молчать, молчать должна!

Отец и мать мне попрекнут тобою,
Там замуж. . . чахни от тоски!
И всем-то будет воля надо мною
До гробовой моей доски! . .»

— «Не быть тому! Добьюсь до красной доли!
Не стать мне силы занимать. . .
И будешь ты и в радости, и в холе,
И в неге век свой вековать».

4

Блестят, мерцают звезды над полями.
Соседа грязная изба
Чуть не битком набита косарями;
В избе веселая гульба.

Дым тютюна, жара. . . Весь в саже черной
Ночник мигает над столом,
Трещит. И ходит по рукам проворно
Стакан, наполненный вином.

Поют и пляшут косари степные,
Кафтаны сброшены с их плеч,
Растрепаны их кудри молодые,
Смела размашистая речь.

Тарас сидит угрюмый и печальный.
Он друга по́ сердцу сыскал
И про свою любовь к сторонке дальной
И про тоску порассказал.

«Эх, курица! — товарищ крикнул громко. —
Тебе ль лететь в далекий путь!
Связался тут с какою-то девчонкой,
Боишься крыльями махнуть!

Гулял бы ты, как я, сокол, гуляю:
Три года на Дону прожил,
Теперь на Волгу лыжи направляю,
Про дом и думать позабыл».

И долго говорил косарь кудрявый,
И всё хвалил степей простор,
Красу казачек, косарей забавы, —
И песней кончил разговор.

Тарас вскочил. Лицо его горело.
«Так здравствуй ты, чужая даль!
Ну, — в степь так в степь! Всё сердце изболело.
Вина! Запьем свою печаль!»

И взял он паспорт, помолился богу
И отдал старикам поклон:
Благословите, мол, родные, на дорогу,
Так, значит, надобно: закон.

Старик кричал, — ничто не помогало,
И плюнул наконец со зла.
Старушка к сыну на плечо припала
И оторваться не могла.

«Касатик мой! мой голубь сизокрылый!
Господь тебя да сбережет...
Заел тебя, заел отец постылый,
Да и меня-то в гроб кладет».

— «Возьми-ка с горя об стену разбейся, —
Сказал ей муж. — Вишь обнялись!
Ступай, сынок! ступай, как вихорь, вейся,
Как вихорь, по свету кружись!..»

5

И, распростясь с родимыми полями,
Взяв только косу со двора,
Пошел Тарас с котомкой за плечами
Искать и счастья и добра.

Одна заря сменялася другою,
За темной ночью день вставал,
Всё шел косарь, всё дальше за собою
Поля родные оставлял.

Порой, усталый, на траву приляжет,
Горячий пот с лица отрет,
Ремни котомки кожаной развяжет
И скудный завтрак свой начнет.

На нем от пыли платье почернело,
В клочках подошвы сапогов,
Лицо его от солнца загорело,
Но как он весел и здоров!

Идет мой парень, а над ним порою
Иль журавлей кружится цепь,
Иль пролетают облака толпою,
И вот он углубился в степь.

«О, господи! Что ж это за раздолье!
А глушь-то. . . степь да небеса!
Трава, цветы — уж правда, тут приволье,
Краса, что рай земной, краса!»

Меж тем трава клонилась, поднималась,
Ей ветер кудри завивал,
По этим кудрям тень переливалась
И яркий луч перебегал.

Средь изумрудной зелени, как глазки,
Цветы глядели тут и там,
По ним играли радужные краски,
И кланялись цветы цветам.

И голоса без умолку звучали:
Жужжанье, песни, трескотня
Со всех сторон неслись и утопали
В сияньи солнечного дня.

Смеркается, — и говор затихает,
Край неба в полыми горит,
Ночь темная украдкой подступает,
Степной травы не пробудит.

Зажглась звезда. Зажглось их много, много,
И месяц в сумраке блестит,
И сноп лучей воздушною дорогой
Идет — и в глубь реки глядит.

Всё стихло, спит. Но степь как будто дышит,
В дремоте звуки издает:
Вот где-то свист далекий ухо слышит,
И, кажется, чумак поет.

Редеют тени, звезды пропадают,
В огне несутся облака
И, медленно редея, померкают.
Трава задвигалась слегка.

Светло. Вспорхнула птичка. Солнце встало.
Степь тонет в золотом огне.
И снова всё запело, зазвучало
И на земле и в вышине. . .

Вот в стороне станица показалась,
Стеклом воды отражена,
Сидит на берегу; вся увенчалась
Садами темными она.

По зелени некошеной равнины
Рассыпался табун коней.
Безлюдье, тишь. Холмов одни вершины
Оглядывают ширь степей.

Вошел Тарас в станицу и дивится:
Казачка, в пестром колпаке,
На скакуне ему навстречу мчится
С баклагой круглою в руке.

Желтеют гумна. Домики нарядно
Глядят из зелени садов.
Вот спит казак под тенью виноградной,
И как румян он и здоров!

Ни грязных баб в понявах подоткнутых,
Ни лиц не видно испитых,
И нет тут нищих бледных, необутых,
Калек и с чашками слепых...

Как раз мой парень подоспел к покосу,
Нанялся скоро в косари.
«Ну, в добрый час!» И наточил он косу
При свете утренней зари.

Кипи, работа! В шляпе да в рубахе
Идет, махает он косой;
Коса сверкает, и при каждом взмахе
Трава ложится полосой.

Там в вышине орел иль кречет вьется,
Иль туча крылья развернет,
И темный вихорь мимо пронесется, —
Тарас и косит, и поет...

Стога растут. Покос к концу подходит,
Степь засыпает в тишине
И на сердце, нагая, грусть наводит...
Косарь не рад своей казне.

Так много нужд! Он пролил столько пота,
Казны так мало накопил...
Куда ж идти? Опять нужна работа,
Опять нужна растрата сил!

И будешь сыт... Так до сырой могилы
Трудись, трудись... но жить когда?
К чему казна, когда растратишь силы
И надорвешься от труда?

А радости? иль нет их в темной доле,
В суровой доле мужика?
Иль кем он проклят, проливая в поле
Кровавый пот из-за куска?..

В степи стемнело. Около дороги
Горят на травке огоньки;
В густом дыму чернеются треноги,
Висят на крючьях котелки.

В воде пшено с бараниной варится.
Уселись косари в кружок,
И слышен говор: никому не спится,
И слышен изредка рожок.

Вокруг молчанье. Месяц обливает
Стогов верхушки серебром,
И при огне из мрака выступает
Шалаш, покрытый камышом.

«Ну, не к добру, — сказал косарь плечистый, —
Умолк наш соловей степной!..
А ну, Тарас, привстань с травы росистой,
Уважь, «Лучинушку» пропой!»

— «Ну, нет, дружище, что-то не поется.
Гроза бы, что ли уж, нашла...
Такая тишь, трава не пошатнется!
Нет, летом лучше жизнь была!»

— «Домой, приятель, видно, захотелось.
Ты говорил: тут рай в степях!..»
— «И был тут рай; да всё уж пригляделось;
Работы нет, трава в стогах...»

И думал он: «Вот я и дом покинул...
Была бы только жизнь по мне,
Ведь, кажется, я б гору с места сдвинул, —
Да что... Заботы всё одне!..

Живется ж людям в нужде без печали!
Так наши деды жизнь вели,
Росли в грязи, пахали да пахали,
С нуждою бились, в гроб легли

И сгнили... Точно смерть утеха!
Ищи добра, броди впотьмах,
Покуда, свету божьему помеха,
Лежит повязка на глазах...

Эх, ну вас к черту, горькие заботы!
О чем тут плакать горячо?
Пойду туда, где более работы,
Где нужно крепкое плечо».

6

Горит заря. Румяный вечер жарок.
Румянец по реке разлит.
Пестреют флаги плоскодонных барок,
И люд на пристани кишит.

В высоких шапках чумаки с кнутами,
Татарин с бритой головой,
В бешмете с откидными рукавами
Курчавый грек, цыган седой,

Купец дородный с важною походкой,
И с самоваром сбитенщик,
И плут еврей с козлиною бородкой,
Вестей торговых проводник.

Кого тут нет! Докучный писк шарманок,
Смех бурлаков, и скрип колес,
И брань, и песни буйные цыганок —
Всё в шум над берегом слилось.

Куда ни глянь — под хлебом берег гнется:
Хлеб в балаганах, хлеб в бунтах. . .
Недаром Русь кормилицей зовется
И почивает на полях.

Вкруг вольницы веселый свист и топот;
Народу — пушкой не пробьешь!
И всюду шум, как будто моря ропот;
Шум этот слушать устаешь.

«Вот где разгул! Вот милая сторонка! —
Тарас кричит на берегу. —
Гуляй, ребята! Вот моя мошонка!
Да грянем песню. . . помогу!

Ну, „Вниз по матушке по Волге. . .“ дружно! . .»
И песня громко понеслась;
Откликнулся на песню луг окружный,
И даль реки отозвалась. . .

А небо всё темнело, померкало,
Шла туча синяя с дождем,
И молния гладь Дона освещала,
И перекатывался гром.

Вдруг хлынул дождь, гроза забушевала;
Народ под кровли побежал.
«Шабаш, ребята! Песни, значит, мало!» —
Тарас товарищам сказал.

Пустился к Дону. Жилистой рукою
Челнок от барки отвязал,
Схватил весло, — и тешился грозою,
По гребням волн перелетал.

И бурлаки качали головами:
«Неугомонный человек!
Вишь, понесло помериться с волнами,
Ни за копейку сгубит век! . .»

7

Одеты серые луга туманом;
То дождь польет, то снег летит.
И глушь, и дичь. На берегу песчаном
Угрюмо темный лес стоит.

Дождю навстречу, мерными шагами
Под лямкой бурлаки идут
И тянут барку крепкими плечами, —
Слабеть канату не дают.

Их ноги грязью до колен покрыты,
Шапчонки лезут на глаза,
Потерлось платье, лапти поизбиты,
От поту взмокли волоса.

«Бери причал! живее, что ль! заснули!» —
Продрогший кормчий закричал.
И бурлаки веревки натянули, —
И барка стала на привал.

Огонь зажжен. Дым в клочьях улетает;
Несутся быстро облака;
И ветром барку на волнах качает,
И плещет на́ берег река.

Тарас потер мозолистые руки
И сел, задумавшись, на пень.
«Ну, ну! перенесли мы нынче муки! —
Промолвил кто-то. — Скверный день!..

Убег бы, да притянут к становому
И отдерут...» — «Доволокем! —
Сказал другой. — Гуляй, пока до дому,
Там будь что будет! Уж попьем!..

Вот мы вчера к Тарасу приставали,
Куда, — не пьет! Такой чудак!»
— «А что, Тарас, ты, правс, крепче стали, —
Сказал оборванный бурлак. —

Тут тянешь, тянешь, — смерть, а не работа,
    А ты и ухом не ведешь! . .»
Тарас кудрями, мокрыми от пота,
    Тряхнул и молвил: «Не умрешь!

Умрешь — зароем». — «У тебя всё шутки.
    О деле, видишь, речь идет.
Ведь у тебя — то песни, прибаутки,
    То скука — шут тебя поймет!»

— «Рассказывай! Перебивать не буду. . .»
    Он думал вовсе о другом,
Хоть и глядел, как желтых листьев груду
    Огонь охватывал кругом.

Припомнил он сторонушку родную
    И свой печальный, бедный дом;
Отец клянет его напропалую,
    А мать рыдает за столом.

Припомнил он, как расставался с милой,
    Зачем? Что ждало впереди?
Где ж доля-счастье? . . Как она любила! . .
    И сердце дрогнуло в груди.

«Сюда, ребята! Плотник утопает!» —
    На барке голос раздался.
И по доскам толпа перебегает
    На барку. «Эк он, сорвался!»

— «Да где?» — «Вот тут. Ну, долго ль оступиться!»
    — «Вот горе: ветер-то велик!»
— «Плыви скорей!» — «Ништо, плыви топиться!»
    — «Спасите!» — разносился крик.

И голова мелькала над волнами.
    Тарас уж бросился в реку
И во всю мочь размахивал руками.
    «Держись! — кричал он бедняку. —

Ко мне держись!» Но громкого призыва
Товарищ слышать уж не мог —
И погрузился в волны молчаливо...
Тарас нырнул. Уж он продрог

И был далеко. Глухо раздавался
И шум воды и ветра вой;
Пловец из синей глуби показался
И вновь исчез... Немой толпой

Стоял народ с надеждою несмелой.
И вынырнул Тарас из волн.
Глядят — за ним еще всплывает тело...
И разом грянуло: «Спасен!»

И шапками в восторге замахала
Толпа, забывшая свой страх.
А буря выла. Чайки пропадали,
Как точки, в темных облаках.

Устал пловец. Измученный волнами,
Едва плывет. Они бегут
Все в белой пене, дружными рядами,
И всё растут, и всё растут.

Хотел он крикнуть — замерло дыханье.
И в воздухе рукой потряс,
Как будто жизни посылал прощанье,
И крикнул — и пропал из глаз...

Октябрь — ноябрь 1855, 1860

ПОЕЗДКА НА ХУТОР

(Отрывок из поэмы «Городской голова»)

Уж кони у крыльца стояли.
От нетерпенья коренной
Сухую землю рыл ногой;
Порой бубенчики звучали.
Семен сидел на облучке,
В рубашке красной, кнут в руке;
На упряжь гордо любовался,
Глядел, глядел — и засмеялся,
Вслух коренного похвалил
И шляпу набок заломил.
Ворота настежь отворили,
Семен присвистнул, — туча пыли
Вслед за конями понеслась,
Не догнала — и улеглась.

По всей степи — ковыль, по краям — всё туман.
Далеко, далеко от кургана курган;
Облака в синеве белым стадом плывут,
Журавли в облаках перекличку ведут.
Не видать ни души. Тонет в золоте день,
Пробежать по траве ветру сонному лень.
А цветы-то, цветы! как живые стоят,
Улыбаются, глазки на солнце глядят,
Словно речи ведут, как их жизнь коротка,
Коротка, да без слез, от забот далека.
Вот и речка... Не верь! то под жгучим лучом
Отливается тонкий ковыль серебром.

Высоко-высоко в небе точка дрожит,
Колокольчик веселый над степью звенит,
В ковыле гудовень — и поют, и жужжат,
Раздаются свистки, молоточки стучат;
Средь дорожки глухой пыль столбом поднялась,
Закружилась, в широкую степь понеслась...
На все стороны путь: ни лесочка, ни гор!
Необъятная гладь! неоглядный простор!

Мчится тройка, из упряжи рвется,
Не смолкает бубенчиков звон,
Облачко за телегою вьется,
Ходит кругом земля с двух сторон,
Путь-дорожка назад убегает,
А курганы заходят вперед;
Луч горячий на бляхах играет,
То подкова, то шина блеснет;
Кучер к месту как будто прикован,
Руки вытянул, вожжи в руках;
Синей степью седок очарован —
Любо сердцу, душа вся в очах!

«Не погоняй, Семен! устали!» —
Хозяин весело сказал,
Но кони с версту пробежали,
Пока их кучер удержал.
Лениво катится телега,
Хрустит под шинами песок;
Вздохнет и стихнет ветерок;
Над головою блеск и нега.
Воздушный продолжая бег,
Сверкают облака, как снег.
Жара. Вот овод закружился,
Гудит, на коренную сел;
Спросонок кучер изловчился,
Хвать кнутовищем — улетел!
Ну, погоди! — Перед глазами
Мелькают пестрые цветы.
Ум занят прежними годами
Иль праздно погружен в мечты.
Евграф вздохнул. Воображенье
На память детство привело:

В просторной комнате светло;
Складов томительное чтенье
Тоску наводит на него.
За дверью шум: отец его
Торгует что-то... Слышны споры,
О дегте, лыках разговоры
И серебра и рюмок звон...
А сад сияньем затоплен;
Там зелень, листьев трепетанье,
Там лепет, пенье и жужжанье —
И голоса ему звучат:
Иди же в сад! иди же в сад! —
Вот он в гимназию отправлен,
Подрос — и умный ученик;
Но как-то нелюдим и дик,
Кружком товарищей оставлен.
День серый. В классе тишина.
Вопрос учитель предлагает;
Евграф удачно отвечает,
Восторга грудь его полна.
Наставник строго замечает:
«Мещанский выговор у вас!»
И весело хохочет класс;
Евграф бледнеет. — Вот он дома;
Ему торговля уж знакома.
Но, боже! эти торгаши!..
Но это смрадное болото,
Где их умом, душой, работой
До гроба двигают гроши!
Где всё бессмысленно и грязно,
Где всё коснеет и гниет...
Там ужас сердце обдает!
Там веет смертью безобразной!..

Но вот знакомый изволок.
Уж виден хутор одинокой,
Затерянный в степи широкой,
Как в синем море островок.
Гумно заставлено скирдами,
Перед избою на шесте
Бадья заснула в высоте;
Полусклоненными столбами

Подперта рига. Там — вдали —
Волы у стога прилегли.
Вокруг безлюдье. Жизни полны,
Без отдыха и без следа,
Бегут, бегут, бог весть куда,
Цветов, и трав, и света волны...

Семен к крылечку подкатил
И тройку ловко осадил.
Собака с лаем подбежала,
Но дорогих гостей узнала,
Хвостом махая, отошла
И на завалинке легла.
Евграф приказчика Федота
Застал врасплох. За творогом
Сидел он с заспанным лицом.
Его печаль, его забота,
Жена смазливая в углу
Цыплят кормила на полу,
Лентяем мужа называла,
Но вдруг Евграфа увидала,
Смутясь, вскочила второпях
С густым румянцем на щеках.

Приказчик бормотал невнятно:
«Здоровы ль? Оченно приятно!» —
Кафтан поспешно надевал
И в рукава не попадал.
«Эй, Марья! Ты бы хоть покуда...
Слепа! творог-то прибери!
Да пыль-то с лавки, пыль сотри...
Эх, баба! .. Кши, пошли отсюда! ..
А я, того-с... велел пахать...
Вот гречу будем засевать».
Евграф сказал: «Давно бы время!» —
В амбар приказчика повел
И гречу указал на семя;
Все закрома с ним обошел;
В овес, и в просо, и в пшеницу
Глубоко руку погружал, —
Всё было сухо. Приказал
Сменить худую половицу

И, выходя, на хлев взглянул,
Федота строго упрекнул:
«Эх, брат! навозу по колени. . .
За чем ты смотришь?»
— «Всё дела!
Запущен, знамо, не от лени. . .
Кобыла, жаль, занемогла!»
— «Какая шерстью?»
— «Вороная».
Евграф конюшню отворил,
Приказчик лошадь выводил.
С боками впалыми, больная,
Тащилась, чуть переступая.
«Хорош присмотр! Опоена!»
«Ему, знать, черти рассказали», —
Приказчик думал. «Нет-с, едва ли!
Мы смотрим. Оттого больна —
Не любит домовой. Бывает,
На ней всю ночь он разъезжает
По стойлу; поутру придешь —
Так у бедняжки пот и дрожь».
Евграф вспылил: «Ведь вот мученье!
Найдет хоть сказку в извиненье!»

Но, проходя межами в поле,
Казалось, он вздохнул на воле,
Свою досаду позабыл
И всходы зелени хвалил.
Приказчик разводил руками:
«Распашка много-с помогла. . .
Вот точно пух земля была, —
Так размягчили боронами!»
— «Где овцы? Я их не видал».
— «Вон там. . . где куст-то на кургане».
Но взор Евграфа замечал
Лишь пятна серые в тумане;
Что ж! ночью можно отдохнуть —
И он к гурту направил путь.

Заснула степь, прохладой дышит,
В огне зари полнеба пышет,
Полнеба в сумраке висит;

По тучам молния блестит;
Проворно крыльями махая,
С тревожным криком в вышине
Степных гостей несется стая.
Маячит всадник в стороне,
Помчался конь, — хвостом и гривой
Играет ветер шаловливый,
При зорьке пыль из-под копыт
Румяным облачком летит.
Неслышным шагом ночь подходит,
Не мнет травы, — и вот она,
Легка, недвижна и темна,
Молчаньем чутким страх наводит. . .
Вот снова блеск — и грянул гром,
И степь откликнулась кругом.

Евграф к избушке торопился,
Приказчик следом поспешал;
Барбос их издали узнал,
Навстречу весело пустился,
Но вдруг на ветер поднял нос,
Вдали послышав скрип колес, —
И в степь шарахнулся.

За щами,
Румян и по́том окроплен,
Меж тем посиживал Семен.
Его веселыми речами
Была приказчика жена
Чуть не до слез рассмешена.
«Эх, Марья Львовна! Ты на волю
Сама недавно отошла;
Ты, значит, в милости была
У барина: и чаю вволю
Пила, и всё. . . А я, как пес,
Я, как щенок, средь дворни рос;
Ел что попало. С тумаками
Всей барской челяди знаком.
Отец мой, знаешь, был псарем,
Да умер. Барин жил на славу:
Давал пиры, держал собак;

Чужой ли, свой ли, — чуть не так,
Своей рукой чинил расправу.
Жил я, не думал, не гадал,
Да в музыканты и попал.
Ну, воля барская, известно...
Уж и пришло тогда мне тесно!
Одели, выдали фагот, —
Играй! Бывало, пот пробьет,
Что силы дую, — всё нескладно!
Растянут, выдерут изрядно, —
Опять играй! Да целый год
Таким порядком дул в фагот!
И вдруг в отставку: не годился!
Я рад, молебен отслужил,
Да, видно, много согрешил:
У нас ахтер вина опился —
Меня в ахтеры... Стало, рок!
Пошла мне грамота не впрок!
Бывало, что: рога приставят,
Твердить на память речь заставят,
Ошибся — в зубы! В гроб бы лег, —
Евграф Антипыч мне помог.
Я, значит, знал его довольно,
Ну, вижу — добр; давай просить:
«Нельзя ль на волю откупить?»
Ведь откупил! А было больно!»
И пятерней Семен хватил
Об стол. «Эхма! собакой жил!»

Евграф за ужин не садился;
И не хотел, и утомился,
И свечу сальную зажег,
На лавку в горенке прилег.
Раз десять Марья появлялась,
Скользил платок с открытых плеч,
Лукавы были взгляд и речь,
Тревожно грудь приподнималась...
Евграф лежал к стене лицом
И думал вовсе о другом.
Носилась мысль его без цели;
Едва глаза он закрывал,
В степи ковыль припоминал,

Над степью облака летели;
То снова вздор о домовом
В ушах, казалось, раздавался,
Приказчик глупо улыбался. . .
«Гм. . . Знахарь нужен-с. . . Мы найдем. . .»
Взялся читать, — в глазах пестрело,
Вниманье скоро холодело,
Но, постепенно увлечен,
Забыл он всё, забыл и сон.

Уж петухи давно пропели.
Над свечкой вьется мотылек;
Круг света пал на потолок,
И тишь, и сумрак вкруг постели;
По стеклам красной полосой
Мелькает молния порой,
И ветер ставнем ударяет. . .
Евграф страницу пробегает,
Его душа потрясена,
И что за песнь ему слышна!

«Вы пойте мне иву, зеленую иву. . .»
Стоит Дездемона, снимает убор,
Чело наклонила, потупила взор;
«Вы пойте мне иву, зеленую иву. . .»
Бледна и прекрасна, в тоске замирает,
Печальная песня из уст вылетает:
«Вы пойте мне иву, зеленую иву!
Зеленая ива мне будет венком. . .»
И падают слезы с последним стихом.

Уходит ночь, рассвет блеснул,
И наконец Евграф уснул.

Май 1859

РАННИЕ РЕДАКЦИИ И ВАРИАНТЫ

ПОЛЕ

(стр. 49)

Тетр. Нордштейна

Раскинулось поле волнистою тканью
И с небом слилося зеленою гранью,
И, полное блеска, шатром голубым
Прозрачное небо сияет над ним;
Как по морю, ветер по нивам гуляет
И легким туманом холмы одевает,
На старых курганах с травой говорит,
Сухую ковыль по дороге катит.

ЛЕС

(стр. 50)

Тетр. Нордштейна Строфа 1

Шуми, шуми, зеленый лес!
Знаком мне твой напев печальный.
И тайны вековых чудес,
И ветра голос музыкальный,
И тишина твоих полян,
И листьев шепот монотонный,
И вечеров седой туман
Над головой твоей сгущенный.

Между строфами 1 и 2

Я с детства раннего привык
В твоей прохладе забываться,
Твой чудный понимать язык
И тишиною любоваться;
И сколько сладостных часов
Провел я, занятый мечтами,
В тени густых твоих дерев
Под наклоненными ветвями!

Строфа 3 5—8

И разноцветный, ты сиял,
Волшебным блеском озаренный,
Меж тем в глуши твоей лежал
Какой-то мрак уединенный.

Строфа 4 И вот я снова прихожу
К тебе, как прежде, одинокий,
И с тайной радостью гляжу
На сон твой крепкий и глубокий,
И, может быть, в тени твоей,
Под легким веяньем прохлады,
Душе тоскующей моей
Найду мгновение отрады.

«ЕЩЕ ОДИН ПОТУХШИЙ ДЕНЬ...»

(стр. 54)

Изд. 1856 г. После 4 О, как печальны эти дни
С их пустотой однообразной!
Как долго тянутся они
Среди действительности грязной!
Как тяжело предузнавать
Их безотрадную ничтожность
И лучшей доли невозможность
Заране тайно сознавать!..
Но я привык уже к страданью
И к этим долгим, жалким дням,
Как узник к тягостным цепям
И вечному тюрьмы молчанью.

И вот когда, ночную тень
Сменив, на землю утро взглянет,
Опять печальный, скучный день,
Однообразный день настанет;
Опять он много принесет
С собою горьких ощущений,
Расчетов мелких и забот,
И бесполезных размышлений.

ТИШИНА НОЧИ

(стр. 54)

Изд. 1856 г. Строфы 8—11 И скрестивши руки,
Ужаса полна,
В безотрадной муке
Дочь его одна.

Вся, как лист, трепещет
Подле мертвеца,
То молитву шепчет,
То зовет отца.

И никто не знает,
Что в тоске немой

Сирота рыдает
В тишине ночной;

Что, дитя забвенья,
Может быть, она
Горечь униженья
Испытать должна.

Строфа 12, не пропущенная в изд. 1856 г. и восстановленная в примеч. к изд. 1869 г.

И в цепях разврата,
Не узнав любви,
Рано без возврата
Сгубит дни свои.

После строфы 13

И меж тем, как слезы
Молча горе льет,
Сладостные грезы
Ночь другим дает.

Так же длится чудно
В мире жизни пир,
Той же силы юной
Полон божий мир.

ПОХОРОНЫ

(стр. 57)

Изд. 1856 г. После 6

Актер умолк; настала смена;
Завеса смертью спущена.
Остался вековою тайной
Загробный жребий мертвеца,
И непонятен смысл печальный
Его холодного лица.
Что в нем? Надежды выраженье,
Или сомнение и страх,
Иль к жизни прожитой презренье,
Или вопрос о небесах?
И как узнать, зачем он жил,
Страдал, терпел и сокрушался?
Напрасно, может быть, любил
И бесполезно сомневался?
Где зрелый плод его трудов,
Ума прекрасное созданье,
Оставленное для сынов
Как благородное стяжанье?
Увы! быть может, он и сам
Нам не ответил бы на это,
Какую роль на сцене света
Играл он, рабствуя страстям!..

ТАЙНОЕ ГОРЕ

(стр. 74)

Изд. 1856 г. После 4

Как будто червь в груди больной
Цвет жизни точит понемногу,
И отравляет сон ночной,
И спорит с совестию строгой;
Улыбку холодом мертвит,
Сомненьем радость отравляет,
От шума и толпы бежит
И молча слезы проливает,
Но, гордость смелую храня,
Себе не просит состраданья,
И тайну своего огня
Не отдает на поруганье,
И в сердце горьких слез родник,
Как преступление, скрывает,
И подавляет страсти крик,
И стоны смехом заглушает.

«ПОЭТУ»

(«Нет, ты фигляр, а не певец...»)

(стр. 77)

«Оставь печальный твой рассказ...»

Архив Никитина Вместо строф 1—6

Оставь печальный твой рассказ,
Насмешки желчию облитый,
И сердца гнев полуоткрытый,
И блеск заимствованных фраз.

Ужель нам новы эти слезы
И повесть грустная утрат,
Ума обманутые грезы
И заблуждений длинный ряд?

Ужель мы сами не читали
Любви и ревности страниц
Или на мраморе гробниц
О милых сердцу не рыдали?..

Скажи, зачем ты раскрывал
Свои нам раны и страданья
И от толпы рукоплесканья,
Как нищий милостыни, ждал?

Свой плач и свой венец терновый
Зачем для всенародных глаз
Ты выставляешь напоказ,
Как женщина свои обновы?..

К чему весь этот жалкий бред,
Болезненный и непонятный,
О заблужденьях прежних лет,
О молодости невозвратной?

Кого из нас теперь займет
Твое затверженное слово?
Скажи: какою мыслью новой
Оно нам сердце потрясет? ..

Нет! Есть другой предмет для слез,
Не личные твои страданья,
Не плод твоих ничтожных грез
И тягостного испытанья;

Но нашей жизни нищета
С однообразной пестротою
И, скрытая под мишурою,
Пороков наших нагота.

Да, плачь о том, что увядает
Наш ум в бездействии пустом,
Что правда светлая страдает,
Разврат увенчан торжеством;

Что мы постыдно позабыли
Прекрасный мир живых идей
И что позором заклеймили
Себя как граждан и людей, —

Строфа 8

Об этом плачь! И, может статься,
Заставишь ты кого-нибудь
В своем бессилии сознаться
И строго на себя взглянуть.

«НА ЗАПАДЕ СОЛНЦЕ ПЫЛАЕТ...»

(стр. 79)

Тетр. Нордштейна
После строфы 1

Беспечно веселую песню
Матрос загорелый поет,
А грозная туча навстречу
По воздуху быстро плывет.

Умолкни, певец равнодушный,
И бури с молитвою жди!
Смотри: под тобою могила,
А смерть у тебя впереди.

ДИТЯТИ

(стр. 80)

Изд. 1856 г. После строфы 1

Но верь, покой твой мимолетный
Разрушит опыта гроза,
И сменит смех твой беззаботный
Печали тайная слеза.

Тогда, быть может, в бурях света
Тебе не раз напомнит ум
Твои безоблачные лета
И юных игр веселый шум.

РУСЬ

(стр. 82)

Архив Никитина Строфа 5

Мурава лугов
Ковром стелется,
Косари поют
До полуночи.

Строфа 7

На седых волнах
Моря синего.
Льдины плавают
Караванами.[1]

Между строфами 10 и 11

Уж и есть за что
Полюбить тебя,
За тебя, в нужде,
Сложить голову!

Между строфами 24 и 25

В деревнях, селах,
Шумя весело,
Мужички ковшом
Попивают мед;

После строфы 26

Вдоль широких рек,
До зимы с весны,
Словно лебеди,
Суда плавают;

Спорят с бурями
Леса темные,
В глубине их мрак
День и ночь лежит;

---

[1] Ледовитое море.

На полях шумит
Рожь высокая,
Степи убраны
Парчой, бархатом;

Реки тихие
Вьются лентами,
В зеркалах морей
Небо смотрится,

И во всех землях
Света белого
Про тебя идет
Слава добрая.

Уж и как же мне,
Русь могучая,
Не назвать тебя
Своей матерью!

«БЫВАЮТ СВЕТЛЫЕ МГНОВЕНЬЯ...»

(стр. 86)

Изд. 1856 г. Бывают светлые мгновенья,
Когда за грань тревог земных,
Плотского чуждый тяготенья,
Ум переносится на миг.

Когда, пророческих видений
Святою силой вдохновен,
Судьбу грядущих поколений
Предузнает он в мгле времен;

Когда он с истины подъемлет
Покрова темного края
И слову бога жадно внемлет
В великой книге бытия...

Но только пламень вдохновенья
Начнет в груди ослабевать,
Опять земные впечатленья
Ум утомленный тяготят;

Опять тревога жизни <грязной>,
Ничтожной мелочью забот
И нищетою безобразной
Невольно сердце потрясет...

И снова с грустию тяжелой
На мир внимательно глядишь
И под улыбкою веселой
Тоску глубокую таишь.

ПЕВЦУ

(стр. 90)

«Москвитянин»
Строфы
2—3

Всмотрися пристально в печальные плоды
Людских забот и заблуждений,
Разнообразные тревоги и труды
Ума и сердца убеждений,
В противоречие рассудка и страстей,
Святого долга и желаний,
В картины светлые давно минувших дней
И в годы горьких испытаний.

Везде откроешь ты неясные следы
Ничтожества и ослепленья,
Причины темные бессмысленной борьбы,
Нетвердой веры и сомненья,
Заметишь жалкого невежества печать,
Или бессилие свободы,
Постыдным торжеством увенчанный разврат
И оскорбление природы

Строфа 4
3—8

Где робко, в темноте, скрывается позор
И зло цветет уединенно;
Где безнаказанно над алтарем святым
Неверье дерзкое глумится
И где, под бархатом и рубищем простым,
Корысть глубокая таится.

«НЕ ПОВТОРЯЙ ХОЛОДНОЙ УКОРИЗНЫ...»

(стр. 94)

Изд.
1856 г.
Между
4—16

Я всё готов тебе, мой друг, отдать
И счастие твое купить моим страданьем, —
Но выше сил соединять
Твою судьбу с моим существованьем!
Чем заплачу, что дам тебе взамен
За мир души и девственные грезы?
Бесплодный ряд, быть может, грустных сцен
И никому невидимые слезы...
Ты знаешь ли всю жизнь мою вполне,
Всё зло ее действительности грязной,
И горечь нужд, знакомых с детства мне,
И скорбь моей тоски однообразной?

Такою ли дорогой проходить
Тебе, мой друг, не знавшей огорчений,
И целый век мне в жертву приносить
Беспечный мир забав и наслаждений!
И что в тот день, измученный тоской,
В свое тебе скажу я оправданье,
Когда ты мне упреком и слезой
Ответишь вдруг на ласки и лобзанье?
Нет, этих жертв я не хочу принять!

«ПРИВЕТ МОЙ ВАМ, УГРЮМЫЙ МРАК НОЧЕЙ...»
(стр. 95)

Тетр. Нордштейна Строфа 1

Снимает степь свой бархатный убор,
Нагих полей безжизненный простор
Не радует задумчивого взгляда;
Холодных туч воздушные громады
Суровые закрыли небеса,
И мглой густой оделися леса.

Между строфами 1 и 2

Короткий день ночь длинная сменяет,
По вечерам край неба освещает
Пожар зари пурпуровым огнем.
И инеем, как будто серебром,
Покрыты дерева, а ночи темны,
Как ворона крыло иль уголь черный.

Строфы 2—3

Привет мой вам, предвестники зимы, —
Туманами покрытые холмы,
И утренний мороз, и непогода!
Теперь вдали от шума и народа,
В тиши ночной за сладостным трудом,
Я отдохну и сердцем и умом.

Тщеславия и праздности отрада,
Наскучила мне роскошь маскарада,
Изысканность блистательных пиров,
И музыка веселых вечеров,
И юношей заносчивые споры,
И стариков докучливых укоры.

Строфа 5 2—6

Когда один, в спокойствии суровом,
Забыв молву и все заботы дня,
До полночи сижу здесь близ огня,
И летопись былых веков читаю,
И о судьбе народов размышляю.

Строфа 6 5—6

И жизни шум, и праздничный наряд
Займет меня, как вечный маскарад.

МОЛИТВА ДИТЯТИ

(стр. 100)

Изд. 1856 г. Строфа 1

Молись, дитя: в устах младенца
Молитва, чуждая страстей,
Как голос радостного сердца,
И чище верой и святей.

Строфы 4—7

О, если б после многих лет,
В часы молитвы, со слезами,
Взглянуло ты на божий свет
Такими ж светлыми очами!

Но если детства чистота
Когда-нибудь тебя оставит
И горькой жизни нагота
Тебя на жизнь роптать заставит, —

В те дни к подножию креста
Приникни с детскою любовью,
И твердой веры чистота
Здесь примирит тебя с собою.

Здесь ангел детства твоего
К тебе опять слетит незримо
И о тебе творцу всего
Молиться станет невидимо.

«Я ПОМНЮ СЧАСТЛИВЫЕ ГОДЫ...»

(стр. 103)

Тетр. Нордштейна Вместо строф 2—6

Когда, невинное созданье,
Как воплощенный херувим,
Тревогой гордого желанья
Я не был мучим и томим;

Когда со мной красноречиво
Мир оживленный говорил;
Когда мечты самолюбивой
В своем уме я не таил;

Когда холодное сомненье
В высокой цели бытия
Не наводило размышленья
И тяжкой грусти на меня.

Между строфами 7 и 8

Те дни прошли как сновиденье;
Уже давно, давно их нет;
Явлений новых впечатленья
Изгладили их бледный след,

Строфа 8

И после их другие строки
В страницах жизни я прочел
И непонятные уроки
Для сердца бедного нашел;

Между строфами 8 и 9

Узнал преступные желанья
И соблазнительное зло,
И новой жизни содержанье
Мне много горя принесло.

Строфа 9

О, если б в пору перехода
Из детства в зрелые года
Игрой страстей моя свобода
Не увлекалась никогда!

Вместо строф 10—11

Но с обольстительным пороком
Я слишком рано начал спор,
И мне спасительным уроком
Не был падения позор.

Печальных заблуждений повесть
Я с упоением читал
И укоряющую совесть
Софизмом смелым усыплял.

И если ум нетерпеливый
О лучших днях мне говорил, —
Его призыв красноречивый
Одни мне слезы приносил —

Те слезы ран не исцеляли,
И лишь о прожитой весне
Они невольно пробуждали
Воспоминание во мне...

Строфы 12—13

И грустно мне: мою ничтожность
Я понимаю глубоко,
Но юных лет неосторожность
Вполне загладить нелегко.

И вот тропой уединенной,
Как утомленный пилигрим,
Иду я к цели отдаленной,
Пустым раскаяньем томим;

Между строфами 13 и 14

И жаль мне, что мой век суровый
Пройдет печально, без плода,
И не оставит мысли новой
И вдохновенного труда.

После строфы 14

Что одинокий, без значенья,
Как гость, забытый на пиру,
Под вечным холодом забвенья
Я в неизвестности умру,

Что внуки скоро позабудут
Мою могилу, мой приют,
И песни грустные разлюбят,
И слезы... слезы осмеют.

«С СУРОВОЙ ДОЛЕЮ Я РАНО ПОДРУЖИЛСЯ...»

(стр. 105)

ОЗ 1-я ред.

Задумчивый певец в пустыне неизвестной,
Неопытной рукой я струны пробуждал —
И песни грустные, как лучший дар небесный,
Как драгоценный клад, таил и сберегал.

Я пел святой Руси величие и славу,
Родного Севера высокую судьбу,
И радостей своих минутную забаву,
И пламенных страстей печальную борьбу.

Быть может, песнь моя не много выражала:
Искусства строгого она была чужда;
Но мне знакомое она напоминала
Под холодом забот, тревоги и труда.

Отрадно было мне в моем уединеньи,
Когда струнам своим с восторгом я внимал,
И знал я сердца мир и слезы вдохновенья,
И долю бедную завидной почитал...

Но вот, нечаянно, напев мой одинокий
Холодная толпа подслушала в тиши —
И чувства лучшие, всю жизнь моей души
Разоблачила вдруг с насмешкою жестокой.

И больно слышать мне, когда мой скромный стих,
Проникнутый огнем и мыслию свободной,
Перетолкованный, звучит в устах чужих,
Как звук бесчувственный, безжизненный, холодный.

И странны мне язык двусмысленных похвал
И толки смелые судей самолюбивых...
И жаль мне прежних дней, глубоко-молчаливых,
Когда один, в глуши, я песнь свою слагал!

Изд. 1856 г. 2-я ред.

Быть может, силой чувств и мыслию глубокой
Я струн одушевить не мог и не успел:
Никем не знаемый, с лет ранних одинокий,
Как птица вольная, я без искусства пел.

Вместо строф 2—3

И песнь слагалася легко и беззаботно,
Как ни был тесен мир, где возмужал мой ум,
Со мною говорил и ветер перелетный,
Я понимал лесов, и волн, и выоги шум.

И всё, что грязного есть в жизни самой бедной,
И горе, и разгул, кровавый пот трудов,
Порок и плач нужды оборванной и бледной,
Я видел вкруг себя с младенческих годов.

«ПОЭТУ»

(стр. 106)

Совет

Архив Никитина 1-я ред.

Не говори, что жизнь ничтожна,
И на бесславную борьбу
Не вызывай неосторожно
Свою неверную судьбу.

Оставь печальное сомненье —
Ума обманутого плод;
Оно в минуты вдохновенья
Твои восторги осмеет.

Поверь: на праздник жизни шумной,
Наследник будущий небес,
Недаром ты, как гость разумный,
Дары высокие принес;

Недаром в звуки песнопений
Ты чувства сердца перелил
И фантастических видений
Край заколдованный открыл;

И сохранил права свободы
И свой заслуженный венец,
Как вдохновенный царь природы
И как восторженный певец.

Взгляни кругом: не для тебя ли,
Земли увенчанный кумир,
Дитя надежды и печали,
Расцвел так дивно божий мир;

Не для тебя ли он, богатый,
Свои сокровища раскрыл

И за ничтожные утраты
Тебя так щедро наградил:

Не для тебя ли небо блещет
И звезды радужно горят,
И музыкально море плещет,
И дебри темные шумят,

И разноцветными коврами
Лежат широкие поля,
И с голубыми небесами
Степей сливаются края,

В тумане белом тонут горы
И очаровывают взор
Долин роскошные узоры,
Лугов приволье и простор?

Пойми, что шепчет зрелый колос
И ветерок о чем шумит,
И не тебе ль их чудный голос
О тайнах жизни говорит?

Оставь же горькое сомненье
И мир прекрасным назови,
И гимном, полным вдохновенья,
За жизнь творца благослови.

Совет поэту

Тетр. Нордштейна 2-я ред. После строфы 5

Нет, не суди о жизни строго!
Поверь, прекрасное любя,
Ты в ней всегда отыщешь много
Отрады новой для себя.

Умей из груды безобразной
Картину стройную создать
И положить на слепок грязный
Живого творчества печать, —

И ты поймешь свое призванье
В минуты светлые труда,
И выше своего страданья
Себя поставишь навсегда,

И бесполезные сомненья
В тебе в ту пору замолчат,
И щедро слезы вдохновенья
Тебя за труд вознаградят...

Иди вперед своей тропою,
Как богом призванный пророк,

И, смело став перед толпою,
Казни увенчанный порок,

И да услышат лес и долы,
Вершины гор и даль морей
Твои высокие глаголы
О возрождении людей.

Не трать напрасно вдохновенья,
Не жди награды для себя
И не страшись, когда каменья
Толпа поднимет на тебя.

И сохрани, как царь природы
И как восторженный певец,
И независимость свободы,
И свой заслуженный венец.

СТАРИК ДРУГОЖЕНЕЦ

(стр. 109)

БдЧ Судит добрых людей, малых пасынков бьет
Вместо Да с соседями ссоры заводит;
5—16 Кто что ест, кто что пьет и как дома живет —
Всё наружу с насмешкой выводит;
Ходит из дому в дом, переносит слова,
Выдает небылицы за были;
У себя же в дому не расти хоть трава, —
И с икон не сметет густой пыли;
По неделям в избе сор на лавках лежит,
В стекла тусклые свет не проходит,
По углам на стенах паутина висит,
Плесень с мокрого полу не сходит;
На холодной печи ребятишки кричат,
Инда сердце в тоске замирает, —
Дела мачехе нет, хоть ложись умирать, —
Ни заботы, ни горя не знает;
От двора моего отучила родных,
Отказала знакомым с порога,
Знать не хочет молвы, пересудов худых,
Ни людей не боится, ни бога...
Тяжким, долгим трудом я добро собирал,
Много нужд перенес и заботы,
Худо ел, мало пил, редко спал-отдыхал,
Не покладывал рук за работой:
То на пашне, с зарей, с бороной и сохой,
То с цепом на гумне заваленном,
То в лесу с топором, то с широкой косой
На степи иль в лугу отведенном.
Везде был, успевал, силу-матушку клал,
Свою бедность хотел я поправить —

И спорилось в руках: не чужим собирал,
Думал счастье детишкам оставить,
Чтоб они в сиротстве на отцовскую лень
После смерти моей не пеняли
И меня, старика, при нужде, в черный день
Добрым словом всегда поминали...
Да на старости лет ум за разум зашел
У меня в голове поседелой:
В тихий дом свой жену молодую я ввел,
И жена принялася за дело.
И пошло все вверх дном: потекло серебро,
Как вода между рук, на обновки;
Началася гульба — и погибло добро
В один год от бесстыдной мотовки.

ЗИМНЯЯ НОЧЬ В ДЕРЕВНЕ

(стр. 110)

БдЧ
Строфа 1

Жгуч мороз трескучий;
Ночь, как день, ясна;
Смотрит из-за тучи
Яркая луна.

Строфы 5—6

Не кипит работа
На дворах больших,
Не скрипят ворота;
В избах шум затих.

Лишь одна избушка
Огоньком блестит:
Бедная старушка
Там еще не спит...

Строфы 8—13

Будет им надёжей,
Наделит куском,
Обувью-одёжей,
Теплым уголком?

И в тоске стаённой,
Как мертвец бледна,
Стала пред иконой
С трепетом она.

«Пресвятая дева!
Сохрани сирот
От людского гнева,
От кручин-забот.

Награди их силой,
Разумом-умом,

За грехи помилуй
На суде святом...»

А в лампадке медной
Теплится огонь,
Озаряя бледно
Лик святых икон,

И чело старушки,
Полное забот,
И в углу избушки
Спящих двух сирот.

НОЧЛЕГ ИЗВОЗЧИКОВ

(стр. 124)

Архив Никитина

Широко лежат
Поля белые;
Высоко горят
Звезды яркие;

Месяц в дальний путь,
Вслед за тучками,
Над селом плывет
Белым лебедем.

Со смолой обоз
С горы на гору
Не спеша к селу
Подвигается.

Резко снег скрипит
Под полозьями,
На уздах звенят
Кольца медные.

Идут лошади
С ноги на ногу;
Мужички кряхтят,
Пожимаются.

От мороза их
Брови, бороды
Поросли густым
Белым инеем.

Вот в село они
Дружно въехали,
Подошли к двору
Постоялому.

И навстречу к ним
Дворник ласковый

Подошел и снял
Шапку старую.

Поклонился всем,
Поздоровался;
Стал их звать к себе,
Приговаривать:

«Что, на двор что ль вам?
Просим милости:
У меня овес —
То же золото;

Я не то что вон,
Сосед-выжига, —
Люди добрые
Со мной знаются;

Я ведь сам в извоз,
Братцы, хаживал,
Нужды, холода
Много видывал;

Угощу небось
По-приятельски,
Провожу с двора
Хлебом, солию;

Поезжайте-ка,
Просим милости,
У меня изба —
Баня банею».

Мужички его
Слов послушались, —
На широкий двор
К нему въехали;

Отпрягли коней
Под сараями,
В рептуги овса
Понасыпали;

Со двора пошли
В избу теплую.
Образам святым
Помолилися,

Распоясались,
Шубы скинули,
На полатях их
Поразвешали,

Водой чистою
Руки вымыли

И за длинный стол
Посажалися.

Подала им хлеб
Жена дворника,
В миске крашеной
Щи поставила.

Мужички едят,
Согреваются,
Сами речь ведут
О Саратове.

Прислонясь к стене,
Подле притолки,
Их рассказ, сквозь сон,
Дворник слушает.

Про себя ж, один,
Молча думает:
«Вишь, сидят они,
Прохлаждаются,

А овса так вот
Почти не брали;
Угощу ж я вас
По-приятельски!»

ССОРА

(стр. 131)

Изд. 1856 г. Вместо 18—21

Только, видно, его я ничем не залью,
Лишь одну свою жизнь скоротаю.
Ты не знаешь небось, как я прежде живал,
Всё умея про нужду готовить,
Пока замуж тебя, белоручку, не взял,
Не посмевши отцу прекословить.

Вместо 28—34

Сам работаешь до ночи, устали нет,
Против ветру вся грудь нараспашку,
Лишь коса зазвенит, как рука размахнет,
И от поту хоть выжми рубашку.
Придет праздник, — одевшись, глядишь молодцом,
Сходишь в церковь, помолишься богу
И идешь по селу, вьются кудри кольцом,
Старики уступают дорогу!
А теперь — знать, за грех меня бог наказал —
Надо мною смеяться все стали... —
И вздохнув глубоко, он опять продолжал,
И глаза его вдруг засверкали. —
Одного я маленько вот в толк не возьму:

Вместо 53—57

Уж и гостя принять мне нет воли!
Вот настали какие у нас времена:
Не води с людьми хлеба и соли!
Аль досада берет, что стал гол как сокол,
Что уж нечем пришло охмеляться?
Та беда — не беда, он другую нашел,
Захотел над женой издеваться.

Вместо 86—93

Пантелей между тем засучал рукава
И кругом второпях озирался. —
Да ведь я, брат, видал и почище тебя,
И умел в их боках ломать кости;
Ты ступай, куда шел, вон дорога твоя,
А я знаю, к кому иду в гости».
— «Эх, была не была! Ну, держися, дружок!» —
Закричал Пантелей размахнувшись, —
И он так хватил метко соседа в висок,
Инда с час тот лежал растянувшись...

ЖЕНА ЯМЩИКА

(стр. 136)

Тетр. Нордштейна Вместо строф 1—35

Петухи пропели
Вся деревня спит,
Лишь в одной избушке
С сыном мать сидит.

На скамье близ печки
Женщина прядет,
И сама сквозь слезы
Грустно песнь поет.

Полны дум и горя
Влажные глаза,
По щекам катится
За слезой слеза...

Разливая слабо
Красноватый блеск,
Чуть горит лучина,
Издавая треск.

Холодно в избушке,
Всё вокруг молчит,
Только вьюга смело
На дворе шумит.

«Что ты, мама, плачешь?» —
Тихо сын сказал
И своей ручонкой
Крепко мать обнял.

И к щеке родимой
Молча он прильнул,
И, взглянув ей в очи,
Тяжело вздохнул.

«Что-то, мама, долго
Не видать отца, —
Знать, куда далеко
Он повез купца».

— «Помолися богу
Об отце твоем,
Что-то так мне грустно!
Помолись об нем».

И малютка робко
Пред иконой стал
И, крестясь, сквозь слезы
Тихо он сказал:

«Господи, помилуй
Батюшку в пути,
И от бед и горя
Маму защити...»

Вдруг мужик плечистый
Двери распахнул;
В избу вшел, снял шапку,
Снег с себя стряхнул.

«Как живешь, соседка? —
Хрипло он сказал. —
Экая погодка,
Вон господь послал!

Ну, соседка, плохо:
Черный день пришел,
Я лошадок ваших
Из Москвы привел».

— «А мой муж?» — спросила
Ямщика жена,
И, дрожа всем телом,
Поднялась она.

Между строфами 36 и 37

На дворе с ним вместе
Нам пришлось стоять,
И меня просил он
Сам лошадок взять».

Словно труп упала
Бедная вдова,
Выслушав соседа
Первые слова.

«Что нам делать, мама? —
Мальчик закричал,
И родную робко
За руку он взял. —

Что же ты, мой светик,
Страшно так глядишь?..
Встань, моя родная,
Что же ты молчишь?..» —

Архив Никитина Другая ред. Вместо строф 1—4

Скоро будет полночь...
Тишина в избе;
Только ветер воет
Жалобно в трубе.

И горит лучина,
Издавая треск
И вокруг дрожащий
Разливая блеск.

В старом зипунишке,
Прислонясь к стене,
Дремлет подле печки
Мальчик на скамье.

Вместо строф 6—7

С дремлющим малюткой
Рядом мать сидит
И, лаская сына,
Кротко говорит:

«Ты бы лег, касатик,
Ведь уж ночь давно:
На-ка вот шубенку,
Вишь, как холодно». —

Строфа 10

Дело мое бабье,
Как тогда мне быть?
Кто нас, горьких, станет
Одевать, кормить?..» —

Вместо строфы 15

«Полно плакать, мама!» —
Грустно сын сказал
И, подняв головку,
Тихо с места встал.

И к щеке родимой
Он прильнул щекой
И, заплакав горько,
Мать обнял рукой.

Строфа 19

И дитя забылось...
Снова мать прядет,

Ей от дум, заботы
Сон на ум нейдет.

Строфы 22—23

И с тоской тяжелой
Вспомнила она,
Как ее девичья
Жизнь проведена;

Как ей, умирая,
Говорила мать:
«Тошно сиротою
Мне тебя кидать!

Между строфами 26 и 27

Хоть жара, хоть ветер —
Всё равно для них:
Оттого и замуж
Скоро взяли их.

Между строфами 27 и 28

Всё ты сшить умеешь
И в избе прибрать,
Ребятишек-братьев
Любишь обмывать.

Да в быту крестьянском,
Знаешь ты сама,
Сила-то дороже
Разума-ума. . .»

Вспомнила, как замуж
Взял ее ямщик,
Как его покойный
Тесть любил, старик.

Строфа 31

И мужик рукою
Сильно дверь рванул,
В избу вшел, снял шапку,
С платья снег стряхнул

Между строфами 36 и 37

На дворе с ним вместе
Мне пришлось стоять,
И меня лошадок
Упросил он взять».

Строфы 37—38

Горько зарыдала
Бедная вдова,
Выслушав соседа
Первые слова.

Опустив ручонки,
Сын ее стоял,
Бледный и всем телом
В ужасе дрожал.

УТРО НА БЕРЕГУ ОЗЕРА

(стр. 141)

ОЗ *1-я ред.* *Между* *строфами 1 и 2*	Будто искры золотые, Свежих трав наряд, Ночи капли дождевые По лугу горят.
Строфа 3	Вот плывет вдали, направо, Подле камышей, Грудь подъемля величаво, Стадо лебедей.
Строфы 5—6	Привязав к ракитам лодки, Трое рыбаков Дружно тянут сеть веревкой Подле берегов. Босиком, в рубашках белых, На лугу резвясь, Два мальчишка загорелых Бегают, смеясь.
После *строфы 12*	И трепещущую рыбку С земи на подхват Дети в легкую корзинку Стали собирать. Ловлю снова продолжали Трое рыбаков, Снова мальчики играли Подле берегов. А меж тем над полосами Дремлющих полей Солнце сыпало снопами Радужных лучей; Волны воздуха сверкали, Зыблясь над землей, И луга благоухали Сочною травой. Бесконечно расстилались В блеске небеса И повсюду раздавались Жизни голоса. И невольно привлекали Изумленный взор Виды сёл в туманной дали И лугов простор.

«УПРЯМЫЙ ОТЕЦ»

(стр. 144)

Отец и дочь

Тетр. Нордштейна Вместо 4—21

Знаю все твои бабьи присказки.
«Пожалей меня, родной батюшка,
Не сведи меня во гроб заживо;
Мой жених-де мот, горький пьяница,
Его братья все — те ж разбойники,
У него-де вот жена первая
С горя в гроб пошла безо времени,
У него детей малых четверо;
Пожалей мою волю девичью,
Натерплюсь-де с ним нужды, холоду,
Погублю красу, очи выплачу...» —
Вишь, беспутная, что придумала.
Замолчи! Не смей слова вымолвить!
Я сказал тебе: быть по-моему!»

Вместо 24—56

Зарыдав навзрыд, с мольбой горькою
Вдруг к отцу она в ноги бросилась:
«Аль чужая я тебе, батюшка,
У тебя в дому не работница?
Али места мне много надобно?
Аль я в чем когда провинилася?
Помяни, родной, слова матушки,
Помяни ее слова при смерти:
«Береги мою дочь покорную,
Выбирай ты ей мужа по сердцу...»
Не губи же ты мою молодость!
Не хочу я быть женой пьяницы!
Лучше в девках я буду стариться,
Вместе жить с тобой до седых волос,
День и ночь сидеть за работою!
Откажи только свахе засланной!»
— «Прочь ты с глаз моих, дочь ослушница!
Прокляну тебя! с двора выгоню!
Не увидишь ты себе счастия,
Будешь жить людям на посмешище,
От тоски, как лист, вся ты высохнешь,
До поры умрешь, не покаявшись!»

Вместо 67—102

Душегрейка вся крыта бархатом,
Золотой узор на кокошнике,
На глазах дрожат слезы жгучие,
На лице лежит бледность смертная.
Убралась хлеб-соль. Стол окончился.
Гости хмельные плясать начали;
Зять и дочь с отцом распрощалися,
Проводил старик свое детище;

Вдоль по улице тройка тронулась,
Поднялася пыль, закружилася.

После 117 «Отойди, злодей, горький пьяница!
Положил ты в гроб мое детище,
Схоронил ты с ним мои радости».

ВЕЧЕР ПОСЛЕ ДОЖДЯ

(стр. 165)

Изд. 1856 г. Вместо 1—5

Буря утихла. Грядой облака потянулись к востоку;
Грома глухие раскаты вдали замирать начинают;
Вот они смолкли, и огненный лик заходящего солнца
Снова блеснул из-за тучи — и вмиг загорелся весь запад,
Нежным румянцем покрылась опушка кудрявого леса,
Капли дождя засияли на нем, будто чудные камни.
Слышу, о чем-то таинственно шепчется ветер с листами;
Речи его непонятны для нашего грубого слуха,
Но понимают их верно листы, отвечая им дружно.
Около леса желтеется ржи неоглядное море,
Искрами блещет небесная влага на иглах колосьев;
Жадно они напилися ее после долгой засухи;
Сладко дремать им теперь, наклонясь над сырою землею,
Воздух прохладный вдыхая под кротко сияющим небом.

НЕУДАЧНАЯ ПРИСУХА

(стр. 169)

БдЧ Вместо строф 1—4

Удар за ударом,
Полуночный гром...
То вспыхнет пожаром
Всё небо кругом,

Осветит картину
Села над рекой,
И леса вершину,
И берег крутой;

То снова всё темно...
Лишь ветер шумит
Да ливень холодный
В оконце стучит.

Горит одиноко
В избушке ночник;

На лавке широкой
Кудесник-старик,

С седой бородою,
С угрюмым лицом,
Над чашей с водою
Сидит за столом.

Вместо строфы 10

И тихо он начал
Шептать наговор:

«На море, на окияне
Белый камень Алатырь:
На нем баня огнем пышет
С раскаленною доской.
Тридцать три тоски оттуда
Всюду мечутся: на юг,
На пути и перепутья,
Запад, север и восток.
Киньтесь вы, тоски, девице
В разум, в сердце, в очи, в лик,
В жилы, кости и суставы,
В тело белое и кровь!
Чтоб о нем она крушилась,
Тосковала день и ночь,
Чтоб для ней он был утехой,
Милей солнышка и сна,
Света белого дороже,
Лучше матери, отца!
Будет слово мое крепко,
И не снимется тоска
Тем, кто в море выпьет воду,
Траву выщиплет в полях!»

«Иди! до свиданья!
И помни мой труд:
Мои заклинанья
Недаром пойдут».

Между строфами 13 и 14

Во сне ему снилось,
Что он уж женат,
Что, бог дал, родилось
Уж двое ребят.

Между строфами 15 и 16

Лучина горела
В светце на полу,
Старушка сидела
За прялкой в углу

Строфа 19

«Охота, родимый,
Про дрянь вспоминать!
Бывают, вестимо...» —
Ответила мать.

Между строфами 21 и 22

Тоска не являлась...
А жаль: ведь плуту
Наверно б досталось
Взять с парня крупу.

Строфы 29—30

И свистнет, и станет
Плясать молодцом,
От ног инда встанет
Пыль темным столбом!

Но как-то, случайно,
Узнал наконец
Про девкину тайну
На грех молодец.

Строфа 35

И день загорелся, —
С постели он встал,
Обулся, оделся,
Котомку сыскал,

Вместо строф 40—41

«Эх, тошно, родная!
И днем и во сне
Сторонка чужая
Всё грезится мне.

Нужде не учиться,
Косить не боюсь,
Пойду потрудиться:
С казной ворочусь».

Как мел, побелела
От слов его мать,
На лавку присела
И что-то сказать

Хотела, как видно,
Раскрыла уж рот, —
Но очи недвижно
Смотрели вперед

Без мысли и цели,
И, словно свинец,
Уста посинели...
Ну, просто мертвец!

«Эхма! я старуху
Никак испугал!
Не слышно и духу... —
Сынок рассуждал. —

Вот горе, ей-богу!
Жаль пол-то мочить:

Водой бы немного
Ее окатить».

Меж тем встрепенулась
Старушка; от сна
Как будто проснулась
В тревоге она;

Вздохнула, привстала,
Припомнила всё,
И вдруг зарыдала:
«Дитя ты мое!

После строфы 48

Чрез час взял он хлеба
Ломоть, закусил
И так до обеда
Овес молотил,

Что парень соседский
Взглянул и сказал:
«Ох, взмах молодецкий!
Вот силу бог дал!»

Старушке, уж долго
Спустя, сын сказал,
Зачем в путь-дорогу
Он вдруг загадал.

Но сам посчитался
С плутом-стариком:
Морочить заклялся
Старик колдовством.

БУРЛАК

(стр. 179)

Бобыль

Тетр. Нордштейна Вместо 1—31

Нет, уж, видно, к кому горе в гости придет —
    Зарастет к красным дням путь-дорога.
Хоть работай — сиди по ночам напролет, —
    Без таланта и труд — не помога.
Наяву и во сне мучит дума одна,
    Куда хочешь иди — не отстанет:
Спит в могиле сырой молодая жена,

Вместо 47—48

К людям радость пришла — в поле хлеб убирать, —
    Я один, с ранней зорьки до ночи,
И косить, и сгребать, снопы в копны складать.
    Выбиваюся, бедный, из мочи;

Пот от жару с лица крупным градом течет,
На устах инде кровь выступает,
И, как другу, ты рад, коли ветер пахнет
Иль от облачка тень упадает.
Не убрался с овсом — поглядишь, твоя рожь
Перезрела и зерна роняет,
И постыл тебе труд, и рукою махнешь,
И душа от тоски изнывает.
Ночь придет, — по селу друг за другом гужом
С поля едут с снопами обозы,
А ты сядешь в избе за дубовым столом
И утрешь кулаком свои слезы...

Вместо 67—79
У огня ли сидишь на крутом берегу, —
Поешь песни до полночи темной!
На реке ль буруны — осенился крестом,
В холод-ветер не надобна шуба,
Засучил рукава, замахнулся веслом, —

«ПОЛНО, СТЕПЬ МОЯ, СПАТЬ БЕСПРОБУДНО...»

(стр. 183)

Изд. 1856 г.
Полно спать тебе, степь, под туманом:
Зимы-матушки кончился срок;
С юга гости летят караваном,
Настает весны теплый денек.

Уберись, как невеста, цветами
И умой лицо первым дождем,
Грудь накрой травы новой шелками,
Изукрасься росы жемчугом.

Посмотри: небеса над тобою
Развернулись шатром голубым,
Вьются белые тучки толпою,
Блещет солнце огнем золотым.

Ветерок тебя нежит, ласкает,
Веет юною жизнию день,
И от тучек слегка пробегает
По груди твоей длинная тень.

Скоро гости к тебе соберутся,
Гнезда детям своим будут вить,
С утра до ночи песни польются,
Станут гости до осени жить.

И растительной силы избытком,
Как младенца любимого мать,

Свежих соков здоровым напитком
Ты начнешь траву щедро питать.

И трава на привольном просторе
Шелк зеленых кудрей разовьет,
По зарям сквозь дремоту, что море,
С ветром шепот и шум заведет.

Косари, помолясь пред иконой,
Из далеких придут хуторов,
Огласят тебя песнью знакомой
И намечут душистых стогов.

И тогда отдыхай беззаботно,
Погружайся в глубокий свой сон;
Про тебя песнь сложу я охотно
И отдам тебе низкий поклон.

УТРО

(стр. 194)

Архив Никитина 1-я ред.

Пышет в небе заря, — словно села горят,
Спят поля и луга под туманами.
Как толпа силачей, сосны в думе стоят
На крутом берегу великанами.
Что дитя в пеленах, чутко дремлет река,
Лишь камыш шелестит и колышется,
Пробежит по воде полоса ветерка,
Или крик петухов в селах слышится.
Отдохнул божий мир, освежилась земля
И росою небесной умылася;
Сквозь дремотную лень ждут луга и поля,
Чтобы солнышко вновь появилося.
Веет влажной прохладой в лицо ветерок,
И туман в облака собирается,
Засинелася даль, загорелся восток,
И всё выше огонь подымается.
Вот кричит коростель, там и сям поднялись
Чибиса над болотами топкими,
И проснувшихся птиц в одну песню слились
Голоса переливами звонкими.
Вот и солнце взошло. Пробудилась земля,
Дерева и кусты тень откинули,
И, как волны, потоки лучей на поля,
На луга и леса разом хлынули.
Засияла река, заблестела роса,
Смотрит весело травка душистая,
Разноцветным огнем осветились леса,
Тонет в золоте рожь колосистая.
Всюду радость и жизнь, всюду песни звучат...
Там дымок над селом подымается;

Тут шумят рыбаки, в поле косы звенят;
Вот на тройке ямщик заливается...
Только я как чужой среди белого дня,
И не в радость мне утро веселое:
Без рассвета лежит на душе у меня
Ночью темною горе тяжелое.

03
2-я ред.

Звезды гаснут. Поля и дороги молчат.
Полоса ранней зорьки алеется;
Над заливами ивы в дремоте стоят;
За рекою лес темный чернеется.
Что дитя в пеленах, спит спокойно река,
Лишь камыш шелестит и колышется,
Иль порою зашепчут листы лозняка,
Или крик дикой цапли послышится.
Воздух влажен. От сочных, зеленых лугов,
Окропленных росой серебристою
И задернутых белою тканью паров,
Тихо веет прохладой душистою.
Тронешь ветку куста — словно крупный жемчуг,
Капли с сонных листов осыпаются...
И куда ни посмотришь — безлюдье вокруг;
Но луга и поля просыпаются:
Где-то свистнул кулик; пронеслись над рекой
Утки с шумом и бог весть где скрылися...
В поле перепел крикнул, за ним и другой...
Вот стада чибисов закружилися...
Уж заря побледнела. Окреп ветерок,
И, редея, туман подымается.
Показалася даль; загорелся восток, —
Ярким пурпуром лес покрывается...
Дождалася румяного утра земля,
Птицы теплые гнезда покинули
И запели, и солнца лучи на поля
Золотыми потоками хлынули.
Что за виды! как стекла, озера блестят,
Весь, как шелковый, луг зеленеется,
И приветливо как-то деревья глядят,
И, что холст, в поле греча белеется;
Чуть приметно волнуется желтый ячмень,
Рожь высокая медленно движется.
Всюду свет... лишь от тучек подвижная тень
Там и сям полосами раскинется.
Песня птиц всё звучит... вон мелькает челнок
И рыбак ловить рыбу сбирается;
Там над дальним селом заклубился дымок,
Тут на тройке ямщик заливается,
Под дугой колокольчик звенит и гудит...
Прочь, забота и горе тяжелое!
В этот миг и во мне сила жизни кипит;
Здравствуй, солнце и утро веселое!

ВНЕЗАПНОЕ ГОРЕ

(стр. 200)

Крестьянское горе

Тетр. Нордштейна

Уж зачем же ты, поле, травой поросло,
Уж за что же меня ты обидело, —
Вместо ржи, лебеду да полынь принесло?..
Моего ли труда ты не видело?

Уж и я ль для тебя свою силу жалел, —
Был ленив за любимой работою,
Иль удобрить тебя и вспахать не умел,
Или начал посев не с охотою?

Уж и я ль не был рад дню весны золотой,
И не встретил его, запоздалого, —
И за твой урожай пред иконой святой
Не поставил свечи воску ярого?

Думал в ту пору я: «Вот, мол, радость придет, —
И теперь рожь, как шелк, зеленеется,
Бог даст, летом она полный колос нальет,
Зашумит, как янтарь, зажелтеется;

Уберу, мол, ее, да поставлю в скирды,
С первозимья цепом поработаю, —
Золотую казну соберу за труды
И прощусь и с нуждой, и с заботою».

Да пропал, видно, даром кровавый мой пот..,
Эх ты, горе мое непокрытое!..
Каково-то мне будет, как вьюга придет
Песни петь на гумно позабытое?

Уж и чем-то я буду детей утешать,
Коли бедные станут от холода
В нетопленой избе под дерюгой дрожать
И кричать поминутно от голода?

Для того ль тебя, поле, вспахал я один,
Чтобы ты надо мной насмеялося,
Чтобы, глядя теперь на густую полынь,
С горя сердце во мне разрывалося?..

В САДУ

(стр. 252)

ОЗ
Строфа 1

Ясный пруд задремал. Сад окутала тень.
   В синем небе заря догорает.
Не смолкал соловей в темной чаще весь день,
   И теперь он поет, не смолкает.

Строфа 4 Уж и так моя жизнь не весельем была...
Всё я вынес! Я скрыл мои муки...
Ты без умысла мне сладкий яд поднесла,
Ты сковала мне ноги и руки...

Между строфами 4 и 5 Воли нет у меня, помутился мой ум,
Источилось по капле здоровье,
Каково мне легко от забот и от дум —
Знает бог да мое изголовье!

Строфа 5 Нет, нейти нам с тобой по дороге одной,
И не жить нам под крышей одною...
Научи ж ты меня, как расстаться с тобой,
Навек телу расстаться с душою!

СПЛЕТНЯ

(стр. 253)

Пыль

ОЗ Без умолку ветер
Поет и свистит,
Постылая гостья —
Пыль в окно летит.

Садится на стены,
На платье и пол,
Святые иконы,
Постелю и стол,

Всё пачкает сряду...
Совсем бы беда,
Да благо есть тряпка
И в чашке вода.

Но ты, наше горе,
Ты, едкая пыль,
Домашняя сплетня,
Неверная быль,

С тобой не покончишь
Горячей водой,
Ни чистою тряпкой,
Ни щеткой густой!

Ты стену проточишь,
Сквозь камень пройдешь,
Ты огненной искрой
На грудь упадешь,

Ты ядом весь воздух
Кругом напоишь,
Всю кровь перепортишь,
Всю жизнь отравишь;

Влетишь незаметно
Ты пылью сухой
И жертву зарежешь
Тупою пилой.

ГНЕЗДО ЛАСТОЧКИ

(стр. 254)

ОЗ Сам мельник-то и сед и крут,
12—13 Ворчит он сплошь на бедный люд...

19—26 А ласточке и нужды нет:
Приют она нашла,
Свила гнездо под крышею
И деток нажила.

Поди там, вейся по свету
Да место выбирай,
С привычкою и мельница
Покажется за рай...

«СВЕТИТ МЕСЯЦ В ОКНА...»

(стр. 265)

Автограф ПД
Строфа 1
В доме позатихло.
Петухи пропели;
Погасил я свечку
И лежу в постели.

Строфы 4—5 Памятны вы, годы
Нестерпимой боли!
Позабыть бы легче —
Позабыть нет воли...

И теперь как прежде:
Всё, чем ни живется, —
Похоронным звоном
В сердце отдается...

После строфы 6 Долго ли томиться,
Слез в очах не реки, —
Грянь ты, горе, громом,
Упокой навеки.

«ПОКОЙ МНЕ НУЖЕН. ГРУДЬ БОЛИТ...»

(стр. 266)

Изд. 1869 г. Строфы 2—3

Не излечить мне ран чужих...
Мой брат! как ты, и я молился, —
Увы! источник слез моих
Бесплодной злостью иссушился.

Теперь — и горько и смешно, —
Хоть желчь кипит, а надо верить,
Что нам вовек не суждено
Могучих сил с судьбою мерить.

После строфы 4

Молчи, мой брат! так бог велел...
С судьбой нам биться невозможно.
К чему таиться? Наш удел —
Удел печальный и ничтожный.

РАЗГОВОРЫ

(стр. 271)

Архив Никитина
Вместо строф 2—3

Раздаются, растут
Золотые слова,
Засыхай-пропадай
Ты, худая трава.

Дождался ты, порок,
Приговора-суда,
Не уйдешь ты теперь
От клейма, от стыда...

Полно, так ли, друзья?
Не притих ли он где?
Не взялся ли ловить
Рыбу в мутной воде?

После строфы 5

Надо твердой ногой
Новый путь проложить,
Да все силы на нем,
Да весь ум положить...

Как поверить словам —
Чудеса настают,
Прозирают слепцы
И больные встают.

Как приходит пора
Труд тяжелый подъять, —
Начинает наш жар
Остывать, потухать;

Тут и робость найдет,
Тут и лень, и дрема, —
У разумных голов
Нет ни сил, ни ума.

«В ТЕМНОЙ ЧАЩЕ ЗАМОЛК СОЛОВЕЙ...»

(стр. 296)

Ночь

«Русская беседа» Строфа 1

Звезды сыплются. Ткань облаков
Серебрится при лунных лучах;
Ночь глядит из-за старых дубов,
Свет играет на сонных листах.

Строфа 2 1—2

Синий воздух волнами плывет,
Он прозрачен, и свеж, и душист;

Между строфами 2 и 3

Под кустом в траве искра горит,
Чей-то свист замирает вдали,
Кто-то в чаще весь в белом стоит...
Сказки детства на ум мне пришли.

«АХ, У РАДОСТИ БЫСТРЫЕ КРЫЛЬЯ...»

(стр. 299)

Радость и кручина

Архив Никитина После строфы 1

Мудрено с нею, резвою, ладить:
Косо взглянешь — она испугалась;
Полетит — и стрелой не догонишь,
Призывай, умоляй — не воротишь.

Тяжела, черней тучи кручина,
Подойдет — белый свет помутится;
Прогонять — непослушная злеет,
С нею жить — богатырь захиреет.

Нападет она — сердце измучит.
Изожжет огоньком-невидимкой;
Не залить его крупной слезою:
Он замрет под доской гробовою...

КУЛАК

(стр. 337)

1

Автограф ГПБ
1-я ред.
Вместо 1—50

Садится солнце. Туч громада
Покрыта краской золотой.
Река зарделась. Жар дневной
Сменяет вечера прохлада.
По гати тянется обоз,
Пестреют сено и солома,
Рубахи, шапки... У парома
И шум и крик за перевоз.
Кругом безлюдье. Светлой сталью
Блестит, заснувшая в тиши,
Вода озер; сквозь камыши
Идут луга зеленой гладью;
За ними поле разлеглось,
Краями в небо уперлось.
Вот глушь-то наша, глушь родная!
В полях простор, что дым туман,
В тумане лес, село, курган,
Березка, тучка дождевая,
Дорога, нива да трава,
Небес пожар и синева...

И ты, река, давно знакома.
Бывало, вырвешься из дома —
Скорей сюда! Прилег в траву,
И снятся дивы наяву:
Вон коршун плыл под облаками
Да вдруг и замер в вышине;
А тут, в прозрачной глубине,
Ракиты шевелят листами,
Макушками все вниз растут;
Мартышки, ласточки снуют
И с золочеными крестами
Повисли церкви!.. Рай земной!
Вдруг слышишь — шум: над головой
Мгновенно утка промелькнула
И камнем в озеро нырнула,
А в озере — и рыбы плеск,
И от воды и солнца блеск...
О, детство, детство!.. Прочь с дороги,
Украдкой прожитая быль!
Равнину пройденной дороги
Покрыли сумерки и пыль!..
Теперь!.. Теперь стоит вон зданье;
Оно глядело в свой черед
На небывалое созданье —
В степной глуши рожденный флот.

В те дни здесь много было шуму,
Здесь клал печать великий век,
Здесь думал царственную думу
Неутомимый человек.
Тот шум утих... Где жизнь кипела
И был царя приют простой,

52 Один почтил святое дело:

Между 54 и 55 Всему пора. Идут постройки,
Как встарь, и в наши времена:
По берегам белеют мойки,
Скирдами шерсть навалена.

55 Подрос и город. В изголовье

Вместо 58—59 Ногой на берег наступил,
И, ближних сел дешевой данью,
До пояса от головы,
Покрылся каменною тканью
На место сора и травы.
Но грустно, что в семье громадной

Вместо 69—76 Таков и домик, где горюет
И мычет горе наш кулак.
Туда пешком идти далеко.
Развернем самолет-ковер
И прямо от реки широкой
Перелетим к нему на двор.
Ну, с богом в путь! В глазах мелькая,
Назад несется пестрота.
Заборы, кровли, ворота,
Овраг, тропинка, мостовая,
Калачник, окна кабака,
Телега с гробом, две девчонки,
Зеленый сад, стена избенки...
Стой! Вот и домик кулака.

Он стар и набок покосился,
Карниз подгнил и опустился,
Потрескалась, куда ни глянь,
На крыше скорченная дрань;
Растрепанными волосами
Повисла пакля вдоль стены;
Из-под дырявой пелены,
Натасканная воробьями,
Солома с перьями торчит.
Одно окошко вниз глядит,
Другое — нет от крыши воли —
Взвилось бы прямо к облакам;
В нем половинки красных рам,
Что веки красные от боли,

Мигают в ветер... глаз — да вот,
Одних ресниц недостает...

80 Она опрятна. Икона, печка,

Между 81 и 82 Кровать под пологом да стол,

82 Скамейка, лавка, стул без спинки,

84—85 Всё старина, но ни на чем
Нет пятнышка или пылинки.

2

4—9 И всё молчишь. Промолвишь слово
От скуки с дочерью родной,
Да и поникнешь головой.
Нужда, домашние невзгоды,
Кручина горькая да годы
Повысушили до поры

16 Сидишь, как мать, перед окном;

18 Вы вечно заняты вдвоем.

20—22 Румянец яркий на щеках,
Но спицы движутся сонливо,
И дремлет варежка в руках.

24 Глаза — огонь, коса — смола,

Вместо 26—119 Простора нет? неволя — мука?..
«Постой, — старушка говорит, —
Где поминанье-то лежит,
Не знаешь, Сашенька?»
— «Не знаю».
— «Вот надо на погост сходить
И панихиду отслужить, —
То некогда, то забываю...»
— «Задаром служат-то!..»
— «Всё бог!
Я варежки продам...»
— «Богаты!..
А у меня везде заплаты,
Да башмаки скочили с ног;
Пошла бы в церковь, ради скуки, —
Сиди!»
— «От этого не стать
Родителей не поминать;
Покуда есть глаза да руки,
Нужда — не смертная беда...»

И мать умолкла. Туч гряда
В огне зари понакалилась,

Свернулась в кучу, поплыла
И, померкая, за поля
Горою темною скатилась.
Неслышно тени подошли,
В окошки медленно вползли,
В углы и за кроватью стали.
И мать и дочь давно молчали.
Блеснул и месяц, вестник сна,
Но звуки спиц не умолкали:
Им незнакома тишина.

«Поди ты, — думала старушка, —
Скучает дочь, невесела...
Ведь вот ребенком-то была
Такая бойкая резвушка, —
И не уймешь ее никак!
Бывало, утро чуть настанет,
Плутовка куколки достанет,

Вместо Ты, барыня, сиди вот тут,
120—123 А ты, прислуга, старый плут,
Давай им чаю...» И ручонкой

127 И скажет: «Ну, извольте пить

Между Вот чай...» А вечером, бывало,
127—128 К себе подружек соберет,
Болтает с ними что попало,
Хохочет, бегает, поет;
Вот, словно колокольчик звонкий,
Веселый смех и голос тонкий
В обеих горенках звенит.
Отец, бывало, закричит:

129—132 Не то я больно посеку!»
Она присядет в уголку
И лобик сморщит, как старушка,
И всё молчит... Отец с двора —

Вместо Со стороны глядеть — отрада...
134—141 Да правда, как и не скучать:
Ей не с кем слова-то сказать...
Куда мы ходим? Тут, досада,
Сосед к нам сваху засылал,
Старик зачем-то отказал;
А девка-то была как рада!
Жених сызмала ей знаком...

О-ох, беда мне с стариком!
Однако темно. Надо свечку».
И, встав, она открыла печку,
Лучину тонкую взяла
И дуть на уголь начала.

В оконч. ред. гл. 3 Вместо 1—9

Через минуту заскрипело
За дверью шаткое крыльцо.
Вошел кулак. Его лицо
От зноя солнца загорело.
Угрюм и зорок смелый взгляд,
Щетиной жесткою торчат
Густые брови. Лоб широкий

11

И черен волос, но седа

Вместо 13—112

Рост не велик и не умален,
Упруги жилы крепких рук,
Картуз расплющен и засален,
До пяток нанковый сюртук.
«Небось устал? — жена сказала. —
Поди-ка руки-то умой,
Вот полотенце. Да водой
Не брызгай на пол».
Саша встала,
В ведерке квасу принесла
И в чашке луку натолкла.
Кулак за стол не торопился;
Сюртук на лавку положил
Да сверху картузом накрыл,
Снял галстук, сапоги, умылся
И сел с семьею.
«Экой квас! ..» —
Старушка, сморщившись, сказала.
«Разборчива ты с дочкой стала,
Не угодит сам черт на вас!» —
Ответил муж.
«Перекрестися!
За хлебом так не говорят».
— «Вестимо. Ну, сама трудися,
Я стар, все кости уж болят,
Покуда я кормить вас стану!»
— «Ну вот, и хлеба жаль теперь,
А сваху проводил за дверь...
Нам меньше было бы изъяну
Вдвоем-то жить».
— «Хорош совет!
Богат, к примеру, твой сосед?»
— «Нам богача-то дожидаться —
Век Саше девкою остаться».
— «Дождемся, может быть, не плачь:
На наше поле сядет грач».
— «Всё так, старик. Да не грешно ли...»
— «Ну, дальше...»
— «Дочь-то принуждать!»
— «Пересолила! Слышишь, мать?
Ну да! В квасу-то много соли...»
— «Опять! .. Вы дайте хоть поесть! —

Сказала дочь. — Попрек да ссора,
Минуты не пройдет без спора...
Вы думаете, вам и честь».
— «Молчать! не вовремя запела,
Смотри язык не прикуси...
Поди вот кашу принеси...
Вишь, умница! понаторела!»

Окончен ужин: каши нет,
Зато был с кашею обед.
Лукич привстал, перекрестился,
На Сашу крупно побранился —
Зачем, дескать, досель окно
На улицу отворено,
И лег. Но, занятый заботой,
Он думал думу с полчаса,
Смыкая нехотя глаза,
Полуобъятые дремотой:

113 Хлопот, что дров в лесу, немало,

115—117 Другим, к примеру, вот дается
Казна и счастье, словно клад,
А ты копейке был бы рад,

121—123 Тут дочь невеста... Я не спорю,
Помог бы тут беде и горю:
Сосед и честен, и хорош,

127 Одной душе да сердцу мука:

128—129 Перед зажиточным плутом
И честный спину гнет кольцом;

130 Нужда — мудреная наука...

Вместо И тяжело кулак вздохнул,
145—160 Перевернулся и заснул.

3

161—174 Быть может, на другой ступени,
В ином быту, с иным отцом,
Кулак не знал бы праздной лени
И просто — не был кулаком.
Но много ль тех, кто, полный силы,
Как воин, правде послужил,
Напряг все мускулы и жилы
И зло, как змия, раздавил,
Кто среди грязи, под грозою,
Остался чист, как серебро,

И крепкой каменной горою
Стоял за правду и добро?
Велик добра подвижник строгий,
Кто вел всю жизнь борьбу со злом
И не свернул с прямой дороги,
Пройдя бесстрашно под огнем!
Но если бы и этот пламень
Ты вынес, воин правоты,

Между 176 и 177	Сдержи свое негодованье, Не будь презренным палачом: Твой брат перед твоим судом С правами на твое вниманье.
Вместо 184—186	И зло проклятьем поражает, Как человек, в душе страдает И думает, как человек.
В оконч. ред. гл. 4 Вместо 1—12	Еще ребенком, окруженный [1] жизни обыденной Кулак безделье полюбил, Отец им мало занят был. На воспитание мальчишки Торгаш имел особый взгляд: «Расти, дескать, расти, сынишка, Пойдешь по мне — я буду рад;
14—15	Да сыт живу, одет, обут...» Но под хмельком всегда сердился:
24	И слов напрасно не теряла,
Вместо 26—48	Забросив азбуку с указкой, Карпушка лазил по горам, Таская за собой салазки. Иль в бабки, летнею порой, Был занят вечною игрой. В мальчишке рано проявилась Наклонность к сделкам, плутовству И мелочному воровству, И постепенно обратилась В привычку. По чужим садам Он лазил смело. По полям Шатался. В рожь зайдет, бывало: От жару пот с него течет, И солнце в голову печет, — Лежит себе — и нужды мало, И смотрит весело кругом. Чуть бабочка на колос сядет, Он к ней подкрадется ползком,

[1] Пропуск в рукописи.

Ручонку смуглую протянет
И разом схватит. Разглядит
Всю спинку, усики и глазки,
На крылышках узор и краски,
И, улыбаясь, говорит:
«Ага! Вот я тебя, плутовку...»
И оторвет у ней головку,
Или грачей в гнезде найдет,
Наполовину острижет,
К ногам веревочки привяжет,
И мальчику-соседу скажет:
«Слышь, Ваня! У меня грачи

Вместо 50—56

И если тот поймет уловку
И калачи побережет,
Карпушка птиц в овраг швырнет
И даст соседу потасовку,
А после прибежит домой
И плачет. Мать его ласкает:
«О чем же ты, голубчик мой?»
— «Ванюшка, — сын ей отвечает, —

Вместо 59—76

И долго рос он без заботы,
Покуда вздумалось отцу
Отдать наследника к купцу...
Тут мелких плутней обороты
Карпушка тонко изучил;
Купец помощника хвалил:
«Торговец ловок, не зевает,
Продаст — руки не замарает».
И малый точно не зевал:
Карман свой плотно набивал.
Меж тем отец его скончался;
Пошла и мать за стариком
В сырую землю. Сын остался
Один. Поссорился с купцом
И наконец его оставил;
Снял лавку, дегтю накупил;
Лопат и лык понавалил,
Женился, двор кругом оправил
И домик заново покрыл.
Но счастье не далося в руки:
Легко нажитый капитал
В три года он проторговал
И запил с горя и от скуки...

Между 81 и 82

Авось без хлеба не умру!

85

Небось достанет, чем прожить...

88

И кулака весь город знал

Вместо 90—91

И загорелому лицу.

После 90

Он покупал ягнят, щетину,
Пеньку, и нитки, и холстину,
Коня знакомому купцу,
Овес, и всё, что попадалось
И что надеялся он сбыть
Другому с выгодой. Случалось
И по-пустому проходить
На рынке до ночи с рассвета
И, не поужинав, заснуть,
Зато кулак умел блеснуть
Подчас серебряной монетой.
Когда, бывало, мужичок
Цены с товара не сбавляет,
Он выхватит свой кошелек,
На воздухе им помотает
И крикнет: «Ты вот — посмотри!
Ведь у тебя купец торгует,
Иной алтынник, да надует,
А тут, брат, денежки бери!»

В оконч. ред. гл. 5

4

Между 1 и 2

Безоблачен и жарок день.
Из ближних сел и деревень

Вместо 3—34

Толпа без устали кишит.
Тут пестрота! В глазах рябит!
Понявы, кички, бисер, ленты,
Сережки с пухом, позументы,
Раструбистые кафтаны,
Рубахи, шапки, зипуны,
Доска на шляпе с калачами,
Седой старик со связкой лык,
Со шпагой красный воротник, —
Всё копошится за делами!..
В руках-то! Боже мой, товар!
Щетина, гребни, веретены,
Индейки, перья, холст крученый,
Без носа желтый самовар,
На палке сапоги с гвоздями...
Тут смеси! В лавках напоказ,
Приманка хитрая для глаз,
Развешен ситец полосами,
Мотаются тесьма, платки,
Развернутые кушаки
И шали с яркими цветами,
И каждый цвет глядит живьем
Под жгучим солнечным лучом.
Вперед!.. Вперед!.. Лотки, лопаты,
Рассохи, улица горшков,
Колеса, лыки и ушаты,
И груды ведер и ковшов.

Вот парень к чашкам понагнулся,
Одну берет и обернулся,
Глядит — и чашка перед ним
Сверкает краем золотым.
Стой! Давка!.. Спорят с мужиками

Вместо 39—49 Ну, мимо! Чернью окруженный,
Подъемлет флаг свой испещренный
Холстом обтянутый кабак.
За ним какой-то шарлатан,
Весь красный, в мишуре и блестках,
Кривляясь в куртке на подмостках,
Зовет в свой грязный балаган
Толпу веселого народа
Смотреть на рожи обезьян
И пляску кукольного сброда;
А влево, на коне верхом,
Трусит цыган в рубахе красной
И божится: «А лгешь напрасно,
Ему не двадцать лет, а пять,

51—53 Веселый говор, шум торговли,
Визг поросят и дудок писк,
И смех, и песни, брань и крик —

55 Торчат вокруг поверх голов,

57 Кулак на площади с рассвета;

Вместо 60—65 И с выгодой кому-то сбыть.
Теперь близ бабы загорелой,
Одетой в белом зипуне,
Он мечется, как угорелый,
Упрямо споря о цене
За толстый холст:
«А ты, молодка,
По сторонам-то не смотри.

71 «Ну вот! куда ты указала!

Вместо 74—87 Да мне четыре за аршин
Сулил какой-то мещанин,
И то отдать я не хотела».
— «Он как собой-то?»
— «Рыжеват».
— «Ну так! С карманником связалась!
Эх, дура! Ты не догадалась!
Его уж потащил солдат,
Поймал..»
И с бабою он спорил.

99—100 — «Я мерила, родной, сама».
— «Тьфу, грех какой! Ведь я сумею

Вместо 104—107 И холст, свернув, он положил
Под мышку. С бабою расчелся,
Пяти грошей не доплатил,
И в сторону, к возам поплелся.
«Эй, голова! почем мука?» —
Спросил он громко мужика.
«Чего кричать-то по-пустому! —
Мужик с досадой отвечал. —
Ты, брат, намедни покупал,
Сказал — себе, привел к другому,
А тот с двора меня согнал».
Кулак смолчал и отвернулся,
Прищурясь, поглядел вокруг,

109 С знакомым барином столкнулся.

120 Вот не найду нигде, — мученье!

Вместо 123—128 Как уголь, черный, — загляденье!» —
— «Смотри, не врешь ли ты, Лукич?
Давно твои проделки знаю».
— «Нет-с, извините, Клим Кузьмич,

Вместо 130—138 Тут случай, сударь. Дворянин,
К примеру, в карты проигрался,
Весь, как в пуху, в долгах. Остался
У бедняка рысак один.
Ну, конь! Ей-богу, загляденье!
Вот недалеко, сударь, дом,

151 Вот вам купить-то...» — «Рад душою!

158 И, тростью черною играя,

В оконч. ред. гл. 6

5

Вместо 1—14 «Я говорил вам, недалеко», —
Кулак помещику сказал
И с мезонином дом высокий
Аршином молча показал.
«Вон кучер... Рыжая бородка!
Конюшни, что ли, не видал?
Поди сюда!.. Заковылял...
Эх ты, утиная походка!
Что барин делает?»
— «Пьет чай».

Вместо 15—23 — «Пьет чай! Не кучер ты, — дубина!
Вишь, лень и шляпу приподнять,
Гвоздем прибита!..»
— «Можем снять...»

— «Ну, то-то можем... Эх, детина!
Поди и покажи пока
Продажного-то рысака.
Вишь ковыляет... вот потеха!..
А знаете ли, Клим Кузьмич
(Лукаво продолжал Лукич),
Сноровка делу не помеха,

Вместо 26—28 Ведь и дурак подчас годится.
Я знаю, он не постыдится
При сделке барину сказать,

Вместо 32—41 Господ нередко за нос водит».
«Плут ты!» — помещик отвечал
И кулаку полтинник дал.
Старик смолчал и торопливо
Пошел в конюшню, плеть схватил,
В карман полтинник опустил
И молвил кучеру: «Ну, живо!»
— «Да что, статья не подойдет:
С запалом конь-то, заревет».

Вместо 43—46 А ну-ка, вороной рысак,
Отведай плети! Так! Вот так!
На двор его! на двор скорее!»

И конь на двор через порог

50—51 Кулак назад посторонился
И молвил: «Эдакой лихой!»

60 Плечистый кучер отвечал

Вместо 66—87 «Вы не забудьте, что рысак, —
Сказал вполголоса кулак. —
Да вот идет и сам хозяин.
Мое почтенье-с...»
— «Погоди!
Твое почтенье впереди...» —
Заметил коренастый барин,
В халате, с трубкою в зубах,
В сафьянных желтых сапогах.
И, шаркнув левою ногою,
Два пальца Клима Кузьмича
Пожал он жилистой рукою
И забасил. «Рублю сплеча,
Без церемоний докладаю:
Скобеев, здешний старожил,
В комиссии под лямкой был,
Теперь в отставке прозябаю...
А вы, почтеннейший?»
— «Лукин,

Помещик».
— «Стало — дворянин;
Имеете и родовое?»
— «Да, было... есть, да небольшое».
— «Служили где-нибудь?»
— «В полку».
— «Не захотели?»
— «Надоело».
— «Ну, в штатскую! с пером за дело!
В тепло! А в теплом уголку
И благодать вас не забудет...»
— «Да лень берет и нет нужды».
— «Ха-ха, люблю! А если будет?»
— «Ну, поневоле за труды».
— «Как водится. Пока свобода...
Не правда ли?»
— «Покуда так.
А дорог ли у вас рысак?»
— «Четыреста. Одна порода
Дороже стоит».
— «Может быть.
Нельзя ли сотню уступить?»

89 Четыреста давно дают,

91—93 «Фому Петровича я знаю», —
Кулак учтиво подтвердил...
«Молчать!» — Скобеев перебил.

95—105 Цена не дорогая, да-с!
Я не за них и не за вас!
Я вот что...»
И кулак руками
Развел с досады: вишь, хитрит!..
Меня-то чем он наградит?..
Я разом кончу... И украдкой
Сзади помещику сказал:
«Скобеев пятится: сплошал!»
Лукин стоял в недоуменьи,

107—108 Картина конь! — на Кулака, —
Кулак был в страшном нетерпеньи:

Вместо 115—183 «Покупку спрыснем? Надо, надо! —
Скобеев весело басил. —
Да, да! Ах, черт возьми! Досада!..
Жена на ярмарке... забыл!
Ключи-то увезла с собою...» —
— «Вон под окном она сидит, —
Кулак подумал, — экой жид!»

— «Извольте деньги. Пусть за мною
Ведут коня...»
— «Да как же быть,
И не хотите покурить?»
— «Благодарю вас. Нет желанья».
— «Ну, извините. До свиданья».
Лукин к воротам повернул
И кулаку рукой махнул.
«Целковый за труды... довольно?»
— «Довольно-с».
— «А Скобеев скот!
Он, кажется, свиньей живет!»
— «Свиньею-с... То-то вот и больно:
На карты прочит».
— «Гмм... Когда ж
Ты о собаке знать мне дашь?»
— «Порою час в торговле дорог...
Пойдемте, сударь... Я готов».

185—189 «Нельзя. До завтра. Срок не долог...
Прощай покуда до утра».
«Ну, слава богу! с плеч гора! —
Кулак подумал. — Развязался!..

202—204 И слушает, да верит чуши:
Вот тут, мол, барин оплошал,
Продулся в карты, задолжал...

207 «Эй, старый хрен! Кого ты ждешь?

210 Кулак за козырек хватился,

213—214 Весь лоб в поту». —
«Утрись возьми».
— «Утремся, барин. Я детьми

Вместо 216 Не грех за хлопоты мне дать».

Вместо 220—221 А много дал тот господин,
Кузьмич, что ль он?»
— «Хоть бы алтын!

Вместо 223—224 — «А врешь!»
— «Не врем, без барыша:
И в нас, сударь, не пар — душа».
— «Ха, ха, душа! Оно и видно...

Вместо 228—243 «Молчать! не то я рот зажму!»
— «Хоть рубль-то дайте...»
— «Чести много!..»

— «Хоть гривенник. . .»
— «Опять все нет!»
— «Хоть грош, сударь, побойтесь бога!»
— «Ступай, ступай! Простыл обед;
Упустишь время за грошами!» —

245—249 Кулак вздохнул, пожал плечами,
Махнул аршином — и ушел.

Люблю я час поры вечерней!
Как будто села и деревни
Огнем охвачены вдали.

251 Выходит пламя языками

254—261 И расширяться полосами;
И смотришь — неба сторона
Висит в огне потоплена.
По желтым жнивьям дым сереет,
А там вон, на краю небес,
Насупился сердитый лес;
Едва видимый, он синеет...
Вот — словно туча приплыла

Вокруг не тронется трава...

Вместо И замолчал.
266—290 Но пыль покрыла
Весь город. С ярмарки народ
Вдоль улиц весело снует.
Стучат пролетки. Под шарманку
«Лучину» в стороне поют.
Слепцы с вожаками бредут,
Затеяв спор и перебранку.
Шумит толпа у кабака;
Со скрипом тряской таратайки
Слилися звуки балалайки
И бойкий топот трепака.
Бог весть откуда, донеслися
Отрывки брани. У ворот
Кухарки, кучера сошлися
И сплетничают про господ.
Медведя, цепью потрясая,
Цыган оборванный ведет.
С двора на двор перебегая,
Отсталый жеребенок ржет;
Вон мужичок бежит с арканом...
И там и сям огонь блеснул;
Дома окутались туманом, —
В тумане город не заснул.

Кулак в свой домик возвращался...
Вращая мутные глаза,

297—298 «Что, Клим Кузьмич, каков рысак?
С запалом?.. Ну, вперед — наука!

318—320 А! Понимаю... догадался!
Я в улицу не ту попал,
Выходит дело, заплутался...»

В оконч. ред. гл. 7 Вместо 1—138

Добравшись до дому с трудом,
Кулак на лавку опустился
И крупной бранью разразился,
Об стол ударя кулаком:
«Стой! Смирно! Эй, Арина!
Постель готовь мне на полу...
Ты, дочка, что стоишь в углу!
Картина, стало, а? Картина?..
Ты, значит, дочь? Должна разуть!
Вот так... не рви! ослабь маленько,
А сапоги-то не забудь
Помазать салом хорошенько».

Продолжение гл. 7 Вместо 139—162

6

Веселый день сиял давно,
Когда кулак от мух проснулся;
Зевнул, лениво потянулся
И настежь отворил окно.
Старушка, стоя перед печкой,
Рубила свеклу острой сечкой
В глубокой мисе. Самовар,
Под потолок пуская пар,
При свете солнца красовался
Перед окном среди стола
И, грея чайник, потешался:
То, как рабочая пчела,
Жужжал, минуты не смолкая,
То, будто жук, гудел баском
Сердито. Чашки вытирая,
Сидела Саша за столом.

С похмелья чувствуя усталость,
Кулак свалил вину на старость;
Водою освежил лицо
И плюнул: «Экое винцо!
Тошнит!.. Вчера я поздно
Пришел?»
— «Да!» — молвила жена.
«А смирно лег?»
— «Такой-то грозной!
Шумел, шумел... подай вина!
Тут Саша на глаза попалась...
Беда! наслушалась всего...

Спасибо, в сад она прокралась,
Не то...»
— «Не помню ничего...
Молитесь с Сашею-то богу:
К нам сваха, может быть, придет».
— «Опять на старую дорогу!
Ты видишь, девка слезы льет,

Вместо 167—223

Ну, плеть не перебьет обуха, —
И кончено!»
— «Они давно
Друг другу нравятся...»
— «Вестимо!
Ты с дочкой-то своей родимой
На все проказы заодно».
— «Неправда! — Саша отвечала. —
И нет, и не было проказ:
В тюрьме росла-то да от вас
То в сад с постели убегала,
То забивалась на чердак,
Вот вся и радость!»
— «Так-то так...
Выходит, узел не развязан —
Кто уступить кому обязан.
Ты умница, отец дурак,
За то, что кормит...»
Дочь молчала
И плакала.
«Твой чай простыл, —
Старушка дочери сказала. —
Пей, Сашенька!»
— «Ей чай немил.
Сгубил сосед твою голубку

Вместо 224—244

Поплачь и ты: оно под стать».
И не спеша набил он трубку,
Потом огонь стал высекать.
«Посмейтесь, весело покуда! —
Сквозь слезы говорила дочь. —
Когда я вырвуся отсюда?
Не жизнь тут, — каторга точь-в-точь!
Взяла бы вот глаза закрыла,
Да смерть-то горькую забыла».
— «Гм... где это табак лежал? —
Отец спокойно отвечал, —
Сырой какой-то...»
— «Я не знаю...»
— «Слышь, — дочке-то не до того,
Подай хоть ты, старуха, чаю.
Жиденек, ну да ничего».
— «И-их, старик! Побойся бога!
Сосед не пьяница, не мот,

Работник, и семьи немного,
А в церковь-то когда придет...»
И вдруг старушка потерялась,
Как будто грома испугалась.
«Что там?» — промолвил муж.
«Ну, так!
Я ныне в церковь-то сходила,
А просфору и позабыла
Съесть перед чаем, натощак...»
— «Тьфу ты, к примеру! Ну, Арина,
Я думал... просто вон из рук...»
— «Зачем плюешь-то, старичина?»
— «Не видишь? — Дух нейдет в чубук...
Стой! кто-то в ворота стучится...
Уж не жидовка ли опять
Сюда с белилами тащится, —
Вот я ей!..»
— «Перестань кричать!
Пусти — я выгляну в окошко,
Не сваха ли твоя, Лукич...
Ой, сваха! Некому опричь!
Прибрать бы горенку немножко...
Вот грех-то... Батюшки, из рук
Валится всё... Ты что ж ни с места,
Старик? Надень скорей сюртук...
Да спрячься ты-то... Ох, невеста!»
— «Ну, струсила! — сказал кулак. —
Небось не попадем впросак».

В оконч. ред. гл. 8

7

Вместо 9—11

Подарок бабушки богатой,
Внезапно за столом в гостях
Умершей с пирогом в руках,
Да сарафан, с кого-то взятый
За сватанье. Широкий нос
По цвету брат незрелой сливы;
Глаза косые, взгляд пытливый;
На красных веках капли слез
(Старушка головой страдала
И вечно клетчатым платком
Глаза больные протирала).

18 Сказал кулак: «Вот чашку чаю...» —

22 «Долей, Арина, самовар,

25 Приветь хоть ласкою одной

27 Мне, глупой бабе, отвечать».

Вместо 38—42
«Так! от него-то я и ждал!» —
Кулак подумал — и смолчал.
«Пенькой торгует в балаганах,
Мукою, батюшка, овсом,
Имеет, знаешь ты, свой дом...
А уж красавец! .. И бровями,
И светло-русыми кудрями,

44—45
«Дородством нам не любоваться,
А был бы с честною душой,

51—52
Хоть князь живи! Светло, простор!
На окнах, сударь мой, гардины,

65
Ее он видел где-то раз,

71
Почти ведь до свету придет,

79—80
На шею жемчугу три нитки
(Да, золотой мой, без поднизки!),

Вместо 91—95
Дай нам невесту поглядеть,
А там решенье жениховo,
Ты будешь с ним и торг иметь...
А то вошла, сказал: «Здорово»,
Присела — и отказ готов».
— «Ну так, к примеру, повернее...
Не постоим из пустяков.

117
От них, проклятых, барыша». —

Между 126 и 127
«Вишь, мать моя! Ну, мой старик
На рынке, знаешь, всё хлопочет,
Вон святцы есть, — читать не хочет:
Я к делу, говорит, привык,
От книг нам прибыли не много.
Такое горе! Оттого
И я не знаю ничего
И согрешаю против бога:
Порою случай припадет,
Чтó сделать доброе, — боюся:
А ну-ка, мол, я ошибуся —
И это к худу поведет...
Вот тут ума и не приставишь,
Подумаешь, да всё оставишь».

130—132
Дочь замуж надо выдавать
Умно, дескать; тут смотришь в оба,
Тут думать думу не шутя:

В оконч. ред.
гл. 9
Вместо 1—40

8

Речь свахи даром не пропала:
Ей дочь хозяйская внимала,
В сенях за дверью притаясь,
Едва дыша, не шевелясь.
Подслушивать — дурное дело;
Всё это пошло, устарело,
Наружу вызвано давно,
Раз тысячу повторено;
Но пошлость, видно, плодовита,
Не вырвешь с корнем, всё растет,
Приносит тайно и открыто
Налитый ядом, горький плод,
Бича насмешки не боится,
Ползет в дома через порог
И гадиною шевелится...
Зачем? Откуда? — судит бог!
Тут Саша не подозревала
Дурного ровно ничего —
К двери ли ухо прикладала
Иль сплетничала про кого.
Кому какое было дело
Ей с малолетства докучать:
Вот это черно, это бело...
И для чего? ну что за стать!
Сидеть за варежкой, шить платье
Да понимать в стряпне расчет —
Вот были важные занятья,
Предмет родительских забот.
Расти, дитя, на волю божью! —
Созреет дикий куст травы,
Посмотришь — и холодной дрожью
Охватит с ног до головы...

Ну что ты, бедное созданье,
В сенях украдкою стоишь?
Твой дом — тюрьма, житье — страданье,
Сама без умолку твердишь.
Жених хорош, живет исправно,
Ты будешь вдоволь есть и спать,
Сидеть в тепле, ходить нарядно...
За что же сваху проклинать?
Соседа любишь, горе мучит,
Отец упрям, отец разлучит,
Тоска в груди гнездо совьет,
С ума бессонница сведет...

Не оскорбляй святыни сердца!
Как херувим, любовь свята!
В лице — весна, душа младенца,
Во взгляде рай и чистота.
Она идет — и небом веет,

Среди зимы тепло стоит,
Пустыня садом зеленеет,
Тюрьма отраднее глядит.
В груди, в минуты сладкой муки,
Живой воды ключи кипят,
И свет и тень, цветы и звуки
Понятно сердцу говорят.
Не этот смысл в твоей печали,
Иным ты вечно занята,
И в мир любви тебе едва ли
Отворит время ворота.

«Вот жениха-то отыскала, —
За дверью Саша горевала. —
Ну, сваха! Он, дескать, богач! ..
Вот и молчи тут, и не плачь...
Урод какой-нибудь да скряга,
Ест лук да тюрю по постам...
А! Тараканов! .. Тьфу ты, срам!
И, видно, дрянь! Сосед-бедняга
Хоть из себя-то молодец...
У батюшки своя, вишь, думка,
А дочь, мол, что! .. дороже рюмка...
Всё называется отец».

И, пол скрипучий проклиная,
На цыпочках переступая,
Она прокралась по сеням
К крыльцу, с крыльца на двор, а там
В зеленый сад.
В саду прохлада
И шум. Кусты поразрослись,
Поспутались, переплелись;
Непроницаемой оградой,
Не тронутая топором,
Сирень нависла надо рвом;
Макушки жесткого бурьяна
Покрыты тучей воробьев;
Сквозь сетку трепетных листов
То яблоко щекой румяной
На полдень весело глядит,
То дуля золотом горит.
Вон ствол березы серебрится,
Она пряма и высока,
От ветра шапка шевелится,
И вдаль протянута рука,
В траве кузнечикам забота —
Звенят, без устали куют,
Бог весть, железо где берут;
Тут по цветам у пчел работа,
Там, смотришь, дятел прилетит,
Об иву носом застучит.

45—49 Упрямы ветви! не пускают,
За платье, за плечи хватают
И бьют, чуть вслух не говорят:
«Куда! куда! — ступай назад!
Из-за чего заторопилась?»

Вместо 51—61 Весь хмелем. Саша наклонилась
И хмель раздвинула, — глядит:
Двор пуст, и только посредине
Блестит стекло на желтой глине...
Одна наседка под крыльцом
Усердно делом занималась,
В сору с цыплятами копалась,
Да хрюкал боров под плетнем...
«Знать, подождать соседа надо», —
Она подумала с досадой
И опустилась на траву;
Глядела долго на листву,
Вокруг ромашки обрывала
И напоследок задремала.

Продолж. гл. 8

9

Вместо 62—67 Кулак на рынке. Тих весь дом.
От мух покрытая платком,
Старушка крепко почивает,
И кот с ней рядом на полу;
Одна пчела не умолкает,
Скользя по гладкому стеклу.
Тоскует Саша, — ей не спится:
Соседа нет, пока не ждать,
Работать, — праздник, не годится;
В окно прохожих наблюдать —
Оно приятно и нетрудно,
Да не теперь: кругом безлюдно.
Один исход помочь тоске —
Пройтиться за водой к реке.

Прогулка скучная, конечно,
Когда в воде и нужды нет,
Но надоест и дома вечно
Глядеть в окно на белый свет.
У бедной девушки-мещанки
Не весел праздничный денек:
Порою зимней, у лежанки,
Смотря на яркий огонек,
Она на картах погадает,
Семян подсолнечных возьмет,
Пошелушит — и день смеркает,
Обычный ужин настает.
Но время летом страшно длится!

Подруги в гости к ней нейдут,
Заснуть приляжет — ей не спится,
То жар, то мухи не дают.
Идет бедняжка за водою,
Подругу встретит на пути,
Ну, как тут речи не найти!
Знакомый лавочник порою
Отвесит поясной поклон, —
И день отрадно проведен.

Между 68 и 69 На небе нет ни облачка;

71—72 На берегу белеет камень,
Он бел как снег, горяч как пламень;

Вместо 75—81 Приладив пузыри под мышки,
Шумят, купаются мальчишки,
И брызги в стороны летят,
От солнца искрами горят;
А верно, мать их, в юбке красной,
Оттерла самовар песком
И смотрит: вон, дескать, как ясно,
Блестит, как золотце, кругом!..

82 Под пылью, пестрою толпою,

87—91 Вот камень. Саша отдохнула.
Всё нет подруг! И тут тоска,
Песок, мальчишки да река...
Воды лениво почерпнула
И оглянулася: ну вот!
Откуда он? Сосед идет.

96 Опрятен казакин из нанки,

Вместо 100—110 «А! за водою приходила?
Ну, что отец?.. Беда прошла?
Обрадуй! Верно, упросила...»
— «Я три часа тебя ждала...»
— «В саду?.. Да тут старик скончался,
За мной прислали чуть лишь свет...
Жена голосит: гроба нет!

112 И посидел там. Жаль до слез!

Вместо 114—123 Так, стало, туча миновала?..»
— «Ну да!» — и Саша рассказала
О свахе
«Весть не хороша!
Неужто всё, моя душа,
Пропало?»
— «Батюшка-то волен,
Не переспоришь. Он сказал,

Вместо 130—178

Пока не высохнет рука,
Я не останусь без куска...
Проси его! Авось уступит...»
— «Да как просить-то? Чем помочь?»
— «Как бога, умоляй! Ты дочь...
Другой на рынке он не купит...
Ты знаешь, я не говорун,
Божиться — не божусь: не лгун,
А будешь ты моей женою,
Не то что за тебя в нужду
Или на труд ночной порою, —
Я прямо в полымя пойду!»

У Саши щеки запылали, —
Бог знает, глубоко ль запали
Ей в душу речи бедняка,
Или, как говор ветерка,
По сонным листьям пробежали,
И снова листья сон объял,
Как скоро ветер замолчал.
Она стыдливо отвернулась,
Слезу отерла, улыбнулась
И отвечала, что умрет,
А за другого не пойдет.

В оконч. ред. гл. 11

10

Перед 1

Упрямством Саши рассерженный,
Кулак сидел перед окном,

Вместо 4—144

И думал думу. Дочь металась
В постели, вся в жару, в тоске;
Старушка с рюмкою в руке
К больной тревожно наклонялась
И говорила: «Перестань!
Ну, полно охать-то! привстань!
Вот уксус. Дай-ка я немного
Тебе затылок помочу».
— «Не приставайте, ради бога! —
Дочь отвечала. — Не хочу!»
— «Вот закоснелое упрямство! —
Сказал отец. — Невмочь терпеть!
Иль встать? и я найду лекарство —
Ременную, витую плеть».
— «Бог с вами! Я вам надоела...
Вам Тараканов дорог...»
— «Да!
Вон метит девка-то куда,
Не так, к примеру, заболела!
Ты постыдилась бы людей!
Или отец-ат твой злодей?

Иль я со зла тебя морочу?
Ну, для кого я хлопочу?
Кому свое добро-то прочу?
Да что тут! . Лучше замолчу...
Нет, с бабами не сладишь скоро, —
С досадою он рассуждал: —
Как на пожаре я кричал,
Поди ведь, не окончил спора;
За косы взяться? — визг пойдет,
И жаль! Постой, я знаю средство,
Оно вреда не принесет.
Эхма! достался мне в наследство
От батюшки талан худой! —
Промолвил он, махнув рукой. —
И сам-то радости не видел,
И дочери, знать, в горе жить...
Ну, Саша! после не тужить! ..
Не говорить: «Старик обидел».
Ты — умница, ну, так и так,
Выходит дело — я дурак.
Не буду спорить, бог с тобою!
А вспомнишь все мои слова,
Когда пойдешь ходить с сумою,
Разумная ты голова».
— «У вас всегда одни догадки...
Мне к бедности не привыкать;
Я стану шить, вязать перчатки...»

— «А муж начнет пилить, стругать,
Там явятся, глядишь, детишки,
И девочки, и ребятишки,
И повалится в дом казна!
Живи, как в масле сыр катайся!
Капустой, мисой толокна
В семье, как хочешь, поделяйся,
Одёжа и в расчет нейдет;
Она к вам с неба упадет».

— «Вам только! .. смейтесь надо мною...
Вот участь-то! В углу родном
Живу постылой сиротою!
Не скажут слова мне добром!
Молитву-то читать учили,
Не так читала — розгой били! ..
Я от чужого не таюсь,
С отцом поговорить боюсь,
Я приласкаться к вам не смею...»

— «Как быть-то! я не виноват,
Что нравом крут... я сам не рад.
Ведь я люблю тебя, жалею...
Мне разве хочется кричать!

Тут, кажется, ослу понятно,
Ну что ж, к примеру, мне приятно
За нищего тебя отдать?
У столяра одна избенка,
Казны ни гроша; мать — бабенка
Сварливая, всегда ворчит,
Ей и святой не угодит.
А Тараканов — сметлив, ловок,
Богат, торговый человек;
Он надарит тебе обновок
До свадьбы-то на целый век!
Теперь коня, вишь, покупает,
Для молодой, дескать, жены,
Не тронь, — катается, гуляет...
Не знаешь людям-то цены,
Да плачешь... Вот она причина!..»

«Ах, Саша! — молвила Арина. —
Не спорь, дружочек, с стариком:
Я принуждать не принуждаю,
Да по себе сужу и знаю,
Как тошно жить за бедняком...
И ослушаться грех и стыдно;
Я дочерью сама была
И по приказу замуж шла,
Так, стало, надо...»
— «Ныне, видно,
Родителям-то старикам
Почет, как старым сапогам...»
Старушка снова продолжала:
«Послушайся, моя душа!
У нас ты рук не покладала, —
Жених богат, ты хороша,
Ты будешь куколкой рядиться,
В санях и дрожках разъезжать,
В домах богатых веселиться,
Гостей почетных принимать...
Ты нас порадуешь под старость,
Ты наша дочка, наша кровь!
Утеха ты моя и радость,
Послушайся, не прекословь!..»
И Сашу крепко обнимала
Старушка бедная. Она
Была теперь убеждена,
Что девушка не понимала,
Как мало ждет ее добра
Под бедной кровлей столяра.
«Идите сами на смотрушки,
Не покажусь я никому, —
Дочь отвечала, — я с подушки
Вот головы не подыму».
И Саша охала, крепилась,

Больной до полночи была,
Потом старушку обняла,
Заплакала — и согласилась.
«Давно бы так! — сказал отец, —
Вот и не спорю, и конец!»

В оконч. ред. гл. 10 — 11

5 Плывет. Простор его лучам:

15 И скорбный лик владыки света,

Вместо 21—24 А город спит себе да спит...
Порой по улице широкой
Пройдется сторож, постучит;
Стучит он громко, одиноко,
А тень сзади, на мостовой

Вместо 26—31 Иль царской службой занесенный
В урочный час под небеса,
С нашивкой, инвалид смиренный
Протрет на каланче глаза
И с расстановкой от безделья
Посвищет в дудку... Вон окно
Вдали огнем освещено.
Кто там не спит? — разгул веселья,
Любовь, отчаянье иль труд...
Покойной ночи, бедный люд!

И ты, столяр, в своей постели
Не успокоился доселе!

36 Свеча горит, как глаз мигая;

43—45 Пила блистает при огне;
Под образами, на скамейке,
В потертой желтой душегрейке

Вместо 47—51 Семьи сердитая глава.
Владея тонко знаньем дела,
Вдова метала так и сяк
Колоду карт: про сынин брак
По ним узнать она хотела
И не могла: и «да», и «нет» —
Попеременно был ответ.

57 Прищелкивая языком,

63 Впотьмах чиркал одиноко

70 Жемчуг да бисер я низала, —

Вместо 73—83

Провел рукой по волосам
И промолчал. Не веря снам,
Он верил Саше безотчетно.
Конечно, вера — всё для нас:
В ней зол святое примиренье,
Да разуверишься подчас!
Порой разумное творенье
Бывает так измельчено,
Запачкано, искажено,
Что, право, надобно полвека
Его с любовью изучать
Затем, чтоб душу человека
Под этой грязью отыскать.
Столяр избег подобной встречи:
Он рос в нужде, пилил, стругал,
Не человека наблюдал;
Но помнил он отцовы речи
И вырос с верою в добро:
«Вот видишь это серебро, —
Ему отец, бывало, скажет
И в голове своей седой
На кудри жесткие покажет, —
От нужд и горя, мой родной,
Всё это нажито до срока;
Да, коли честно ты живешь
И нет на совести упрека —
Всё хорошо! И свет хорош,
И будет ласков люд с тобою;
Коли обидят — промолчи,
Не гневайся! Не будь судьею!
Ты пуще вот себя учи...»

Не так себе, для наставленья,
Твердил о совести старик,
То не были и строки книг,
Плоды избитого ученья:
Живою книгой сам он был,
Из жизни слово выносил.
Зародыш книга уронила,
Смерть навсегда ее закрыла,
И в ящике она лежит,
Над нею крест святой стоит.
Но сын окреп. С нуждою злою,
Как умный муж с дурной женою,
Без шума ладить он умел,
Без щей оставит, — всё терпел.
Не тут ты вырос, дуб тенистый!
Могучей силе, как твоя,
Простор бы нужен, воздух чистый,
Не эта крыша и семья;
И не с твоей душой и мочью
О Саше думать темной ночью,

Да глушь кру́гом, да в сердце жар...
Эх, бедный, бедный мой столяр!

85 Что кулаку я уважала!

94 А если нас он одурачит,

98 Ответил сын, — а всё пустяк.

101—102 Мне эдак дорог твой кулак,
Как вон немытая тряпица...

Вместо Умом-то... правда, ничего.
105—133 Ах, Вася! я и не спросила,
За гроб-ат много ли ты взял?»
— «Да так себе... Не в этом сила,
Покойника-то я ведь знал.

142 Повесит, знаешь ты, на ветку,

146 «Охма! не в пору заболел!

148 Кончаться стал, как закричит:

152 «Моих-то вот, моих... из клеток!»

155—157 Как утро, вечер, всё, бывало,
Шестом гоняет голубей.
Те, знаешь, с крыши встрепенутся,

Вместо Тревожить кости старика...
176—188 Слышь, Ваня! хочешь молока?»
— «Нет, братец...»
— «Покормили, видно.
Ну, хорошо. Сюда поди;
Игрушку брось. Пора молиться.
Смотри же, брат, не торопиться,
Ты крест как надобно клади».
И вот дитя перекрестилось;
Огонь головку осветил;
Мать позади остановилась,
Столяр молитву говорил:

«Прости, господи,
Меня, грешного,
И весь мир прости!
Вразуми меня
Своей мудростью,
Научи меня
Всему доброму!
Помяни мою
Мать-кормилицу!

Помоги в нужде
Брату бедному,
И родителю,
Рабу Пимену,
Место светлое
И покойное
Уготовь. Аминь».
«Ну, вот спасибо! — брат сказал
И на руки ребенка взял. —
Со мною ляжешь спать?»
— «С тобою».
— «А с матушкою?»
— «Не хочу!»
И крепко розовой щекою
Припал он к братнину плечу.

12

Перед 1
Смотрушки искони — забота,
Великий день. Тут мало спят:
Без устали кипит работа,
Столы и стулья говорят.

2—3
Застал Арину на ногах;
Она была совсем одета

8
Свое любимое дитя.

Вместо 10—15
Немой тоской подавлена,
И молчалива и бледна,
Она посуду вытирает.
Рука тряпицей занята,
Вода в двух мисах налита.
Графины, рюмки и бутыли,
Сбор разных чашек, пузырьков
Пришли из царства тьмы и пыли,
Ждут омовенья от грехов.
Звенят они, друг дружке вторят:
Ну что, мол, если невзначай
Из рук да на пол нас уронят?..
И шкап, и жизнь навек прощай!
Но Саша опытной рукою
За омовение взялась
И скоро с новой красотою
Вся сволочь в шкап перебралась.
Теперь полам пора мученья:
Водой облитые кругом,
Они скрипят от нетерпенья
Под кирпичом и голиком.
И солнце в горенке трудится:
На печку глянуло в окно

Да видит — даром пыль кружится,
Ну ткать из пыли полотно.
А под окном, на ветках ивы

27 Кулак был тоже озабочен:

31 И в кухню отдал на топливо:

40—42 На яблоне червей сыскал
И молча к черту их послал:
Дескать, анафемские штуки,

Между Кулак охотно и нередко
48 и 49 Свой небогатый капитал
С слепцом, с каким-нибудь калекой
На перекрестках разделял;

55 И не убыточный расчет.

59 Об урожае гречи новой

68 Кулак, нахмурясь, отвечал

Вместо Домой пришел с двумя узлами;
70—80 Там были булки с кренделями,
Изюм, орехи, чернослив,
Чай с сахаром и сотня слив.
«Бери-ка, Саша. Всё исправно...
Да, голый ох, а с голым бог.
Поторговал сегодня славно,
Вот вишь, добра-то приволок...
А ты, к примеру, поскромнее
При женихе себя веди,
Что спросят, отвечай умнее,
Болваном, значит, не сиди».

Все стулья заняты гостями:
Смотрушки в горенке давно.
Румяный, с русыми кудрями,
Жених сидит под образами,
И говором оживлено
Собранье. Женщины толкуют,

86 Две-три старушки вспоминают

91 О разных отраслях торговли,

94—96 Что Тараканов речь ведет
Разумно. Скромная невеста
Два раза поднималась с места

Вместо Переглянулись меж собою,
100—107 Привстали чинно, не спеша
И молча потянулись в сени

Для приговора и суждений —
Была ль невеста хороша.
Кулак в углу шептал с женою,
С дородным кумом и кумою,
Дочь выслав в кухню наперед:
Теперь, мол, торг у нас пойдет.
Но вот с гостями сваха входит,

112 И мы купца не обижаем.

116 Ты слушай вот что: я согласен

Между 116 и 117 Салоп и всё... а жемчугу

Вместо 118 Без жемчуга дойдет до дома...»
Он думал: «Трудно без заема».—

122 И закипел упрямый спор,

136 Глаза потупив, подала.

Вместо 145—198 Подруги Саши не ленились,
Пришли на зов и в тишине
Гостям, краснея, поклонились;
Краснея, сели в стороне
И пели песни, не смолкали,
Пока слезами не согнали
Румянца яркого со щек...
И скажут — слезы не порок!

Беседа весело кипела.
Жених невесту целовал.
Вино лилось. Кулак плясал.
Его жена помолодела:
Покачивая головой,
Она в ладони ударяла
И мерно топала ногой.
Невеста молча рассуждала,
Что Тараканов очень мил:
Одет пестро, лицом приятен
И в обхожденьи деликатен...
Меж тем жених ей говорил:
«Вы танцы любите?»
— «Танцую.
А вы?»
— «Да как бы вам сказать

201 «Курите вы?» — «Вы танцы любите?»

Вместо 213—238 Есть, знаете, своя корова...
Вы вяжете чулки?»
— «Вяжу,
И шью, и бисером нижу».

— «Позвольте; это нездорово,
О бисере я говорю.
Низать нехорошо для зренья».
— «Я кошелек вам подарю...»
— «Своей работы?»
— «Без сомненья».

240—242 Кулак забился в угол темный
И, щурясь, бормотал сквозь сон:
«Не надо! убирайтесь вон...» —

245 И руку кулаку пожал.

247—248 «Изволь, брат, пособи мне встать...
Кто ты?»
— «Ваш нареченный зять». —

251 «Я Тараканов, Глеб Петров». —

256 Мне, значит, жаль... Продумал ночь...

261—262 Жених за дверью был давно,
Не умолкал кулак равно.

13

Вместо 1—24 Белеет утро. Над домами
Дым коромыслами встает.
Со всклоченными волосами
Выходит дворник из ворот,
Зевая, чешет грудь, затылок
И лезет ставни открывать.
Бежит бегом с ключом на рынок
Мальчишка-лавочник, а мать
В окно кричит ему спросонок:
«Не ешь ты дыни, постреленок,
Побереги ты свой живот».
Плетется нищий стороною,
На костылях, с пустой сумою;
А вот семинарист идет:
Рот калачом набит, под мышкой
Тетрадь с изорванною книжкой.
«Постой, кутейник, погоди! —
Голосит баба позади,
Таща баранину сырую. —
Вот я-те поворую,
Я дам тебе, как лазить в сад!»
Торговка, трубочист, солдат,
Купец, обману недоступный,
Маляр, чиновник неподкупный
Снуют, встречаются, спешат.
Пойдет обычная работа!
Иной и не успел уснуть:

Всю ночь промучила забота —
Получше ближнего надуть.

29 Шубенкой матери покрытый,

31 Лицом к стене на лавке спит.

34 У ног забытая лежит.

40 Вот твой кулак-то! вот он, плут!

69 Кулак и голь — и отказал.

Вместо 77 Кот замяукал, как шальной,
Шарахнулся на двор, оттуда
Через плетень в сад кулака.
Вражда соседская покуда
Была чужда для бедняка.

79—80 У кулака напев печальный,
Столяр провел без сна всю ночь.

Вместо 82—83 В догадках темных он терялся...
Сидел, ходил по мастерской,
Бродил и по двору порой,

85—95 И вскакивал или на миг
Без нужды зажигал ночник.
Неужто Саша не любила?..
Жених богат... ее просила,
Быть может, на коленях мать —
И дочь не смела отказать;
Отцу, быть может, покорилась:
Старик проклятьем угрожал,
Не раз прибил, с двора сгонял...
Но истина теперь открылась:
Он мельком видел из окна —
Его соседка не грустна.
«Подсекли дуб одним ударом...
Уж знал бы я, по ком грустил;
Рвалось бы сердце, да недаром...
Живую куклу полюбил!
Эх, Саша, Саша!..» — и тоскливо

102—110 Семьи родимой нищета,
Отца тяжелая работа
За верстаком по смертный час,
И голубиная охота,
И при смерти его наказ —
Трудиться честно, помнить бога...
Последний Саши разговор,
Вся мелочь, горечь, разный сор,
Вся обыденная тревога,

113 Клещами за сердце схватило

Вместо 115—207

Столяр промолвил: «Фу ты, вздор!»
И кулаком глаза утер,
И со двора пошел без цели.
Погода ясная была.
Дул ветерок. Колокола
Неумолкаемо гудели:
То церковь-мать детей звала.
Столяр на церковь помолился,
Подумал, твердою ногой
Переступил порог святой
И у столба остановился.
Народу нет. Оклад икон
Лучами солнца освещен,
Немые лики смотрят строго,
Свечей затеплено немного,
Под сводом сумерки лежат,
Две люстры на цепях блестят;
Седой священник у престола,
Молясь, чело склонил до пола;
Поют о боге голоса...
Но видят столяра глаза
Одно: с простертыми руками,
Прибитый острыми гвоздями,
Нагой, с поникшею главой,
Колючим терном увитой,
Недвижный, кровью истекая,
Весь правда и любовь святая,
Посланник божий, в высоте,
К Отцу отходит на кресте.
Бедняк весь вздрогнул, страха полный.
Как затихающие волны,
Смолкала в нем души печаль,
Мир уходил как будто вдаль,
Огонь охватывал всё тело,
И вдруг на крест взглянул он смело,
Забыл соседку, мать и дом —
И слезы хлынули ручьем.

14

Между 9 и 10

Чужая жизнь — беда и грех,

Вместо 11—16

Но больше смех, невинный смех!
Так он однажды разразился,
Когда, измоченный дождем,
В лохмотьях грязных под окном
Калека-нищий появился
И милостыни попросил
Разбитым голосом. Случалось,
И вечеринка собиралась.
Вот тут-то тратилось белил,

Румян, и мыла, и помады!
Тут было в доме хлопотни,
Веселых шуток, беготни,
Невольной зависти, досады!..
Но труд недаром пропадал:
С иными гость потанцевал
И, продавая рукавицы,
Толкуя утром с мужиком,
Воображал другие лица
И думал вовсе о другом.
«Зевай, зевай!.. Смотри порядком!
А нынче где ты ночевал?» —
Кричал хозяин за прилавком.
«Чего-с? На сеновале спал».
Две скрипки, в доме освещенье,
Конфекты, стук от каблуков,
Учтивый говор молодцов:

Вместо 18—48 Вы — роза, да-с! Ей-ей, бог свят!..»
Вот вечеринка. — Виноват:
Порой веселые зеваки
Сквозь стекла с улицы глядят,
Хохочут и гостей бранят;
Меж тем соседские собаки
Бегут в тревоге к воротам
И поднимают страшный гам.

Быть может, Саша и грустила
О столяре в иные дни,
Но, к счастью, минули они,
И скоро. Девушка решила,
Что глупо о пустом жалеть,
Не мудрено и заболеть.
И крепко на себя сердилась
За то, что встретиться стыдилась
С соседом. Что, дескать, мне он?
И глупый стыд был подавлен.
Она обновки примеряла
Или по городу гуляла
С подругами и женихом.
Однажды сумасшедших дом —
Большое каменное зданье —
К себе привлек ее вниманье.
«Огромный дом-с! — сказал жених. —
Войдемте, взглянем на больных;
Оно приятно, ради скуки».
И Саша с робостью вошла,
Но долго быть там не могла.
Смешно, мол, очень. «Что за шутки! —
Твердила девушка потом. —
Кто связан, эдак вот, ремнем,
Кто на цепи, иные ходят,
Да чушь-то, чушь-то как городят!»

— «Нет-с, — Тараканов отвечал, —
Я сумасшедшего знавал, —
Тот всё угадывал отлично...
Бывало, дичь несет, несет,
Подчас и слушать неприлично,
Да вдруг такой намек ввернет,
Что просто... да-с! Ей-ей, чудесно!
Дар, значит — всё ему известно».

«Беда! — раздумывал кулак. —
Вот остается четвертак
Да грош... Заем не удается.
Ну, если свадьба разойдется?..
Родится ж этакой народ —
И под залог никто не верит!
Из-за чего он только лжет,
Идет на подлость, лицемерит?
Сказал бы прямо: деньги есть

Между 49 и 50 Так нет! И щедрым притворится,
И на слово не поскупится,
Помочь я рад, дескать, душой...
Поводит за нос день-другой,

50—51 Помучит болтовней, расспросом:
На что, мол?.. и отправит с носом:

54 Черт знает.. или попытаться

57—59 Мне, правда, что! — равно шататься.
Уважит — ладно, поклонюсь;
Толкнет — по-свойски разочтусь».

После 61 С лакеем-мальчиком шептал:
«Что, дома барин?»
— «Тсс... еще не встал».
— «А скоро, думаешь, проснется?»
— «Вот-вот... не кашляй!»
— «Отчего?»
— «У нас за это достается».
— «Так! Этот завтрак для него?»
— «Да, колбасу ест перед чаем».
— «Всегда?»
«Случается, балык
И ветчину. Вишь, так привык;
Здорово, стало».
— «Понимаем.
Ну, а жена его смирна?»
— «Ништо. Да как-то всё больна,
Тоскует, книжки всё читает,
Поет, да грустно таково,
А барин этим попрекает».
— «Детишки есть?»
— «Ни одного».
— «А вон в гостиной чья девица?»

— «Да сам-ат говорит — сестрица,
А дворня говорит... ой, ой!..
Проснулся, брат! потише стой!»
Пока Скобеев встал, умылся,
За колбасою посидел,
Сигару выкурил, обрился
И кончил чай, — кулак глядел
На кресла, зеркала, картины,
На светлый, выкрашенный пол,
На складки белой парусины,
Одевшей люстру, и на стол
С часами в бронзовой отделке,
И думал: вишь, понакупил!
Выходит, был в своей тарелке,
Когда в комиссии служил.
«А, грубиян! Зачем явился? —
Входя, Скобеев забасил
И на диване развалился. —

115 И плотный барин улыбнулся,

Вместо 127—166 «Процентов на сто двадцать пять!..»
— «Да это, сударь, разоренье!»
— «Ха-ха! я думал, одолженье.
Шучу, дурак! Я рук марать
Не стану».
— «То есть просят мало?»
— «Ну да! и просит-то кулак».
— «Смекаем, сударь... низко, стало...
Одет, к примеру, я не так;
Не то — вы крикнули б, я знаю:
«Эй, Васька, принеси им чаю!» —
А хочется! — Три раза пил,
В четвертый вас я б угостил,
Да не пойдете: горды больно».
— «Дурак!.. Пошел!..»
— «Пойдем».
— «Довольно.
Ступай же!..»
— «Выйду, говорю...
За рысака-то вам дарю,
Раздайте нищим...» —
«Это видишь?»
— «Чубук хорош...»
— «Ну, скоро выйдешь?..»
— «С двумя концами...» — «Так держись!»
«Семен Иванович пришли-с!» —
Сказал лакей. «Проси, чертенок!
Нашел докладывать о ком,
Негодный!.. Одурел спросонок!»
И барин стукнул каблуком,
Вскочил с дивана, трубку кинул,
Дверь кабинета отворил,

К столу два кресла пододвинул,
Уселся с гостем и спросил: [1]

(70—72) «Вы из комиссии?»
— «Оттуда».
— «Ну что, идет ли наш подряд?»
— «Да, подвигается покуда,

(74) «А, знаю... очень, мол, приятно...

(81) «Всё, слава богу, под сукном.

(84) «Нельзя сказать...» — «Всё вздор, безделки!»

(После 85) Кулак не очень торопился:
Тут разговор. Он соблазнился;
Его забыли. Кабинет
Едва приперт, лакея нет...
Чего же лучше? Слушать можно,
И он подслушал осторожно.
«Держися, матушка-казна!
Подряд, вишь, плох, нужна война...
А гость-то!.. Царь ты мой небесный!
Недавно в кабаках сидел,
Носил отрепье, плут известный —
Теперь подрядчик, фрак надел...
Вот кулаки-то!..»

Вместо
167—169 Ветер злился,
Лил крупный дождь. Кулак промок
До нитки, посинел, продрог,
На грязь и непогодь сердился
И пробирался стороной,

170 И вдруг нечаянно столкнулся

173 И чуть-чуть в лужу не упал.

179 Куда-то гнали в путь далекий

187 Кулак подумал. — Да, ступай!

Между
189 и 190 Добру ль сызмала не учили,
Подрос ли, люди соблазнили,
Дал воле-матушке разгул,
В разгуле голову свернул...

193 Не отведут на покаянье

---

[1] Следующие 16 стихов, нумерация которых дана в скобках, перенесены выше, см. стихи 70—85 основного текста.

Вместо Мукой, к примеру, торговал,
200—202 Парчой, свечами восковыми...
Ну, так! руками-то моими
Частенько жар он загребал...
Зайти к нему».

15

4—5 Досками крепко заколочен
Сосновый ставень кладовой;

7 В конуре дремлет у забора

9 Их двери от ночного вора

Вместо 11 Едва глядят лучи дневные
Сквозь окна в комнаты пустые:

Вместо В простенке, труд давнишних лет,
25—26 Висит на гвоздике портрет
Монаха с черной бородою,
С рукой, подъятой к небесам,
И надписью над головою:
«Воспомяни, что узришь там».

Вместо Проникнут думою святою,
27—37 В очках за библией большою
Пучков, нахмурившись, сидит.
Сюртук мерлушками подбит,
Подстрижены усы седые,
Бородка жидкая длинна,
Скулы торчат, глаза косые,
Как месяц, лысина ясна.
Сын бедняка, он жил трудами:
Водил в ребячестве слепцов,
Ходил на рынке вверх ногами
За крендели зевак-купцов;
Немым, калекой притворялся;
Для нищей братьи по ночам
За «Еруслана» принимался
(Читать он выучился сам).
Один добряк, старик бездетный,

Вместо Мальчишка взрос и за услугу
41—54 Кругом ограбил старика;
Купец спился от горя с кругу
И умер подле кабака,
Полночной вьюгою отпетый, —
То был простой, но горький плач;
А труп, в больнице отогретый,
Рассек ножом ученый врач.

58 О чести умный проповедник;

63 В слезах колени преклонял,

64 И грабил бедных наповал.

67 Ведь совесть надо очищать —

Вместо 73—82

Не прочитав. Теперь, под старость,
Оплакивал он грешный мир
И говорил: вот наша радость!
Указывая на псалтырь
И библию, хотя нимало
То и другое не мешало
Ему язвить исподтишка
И умного и дурака.

Кулак вошел. Сказал учтиво:
«Погода, мол, дурна-с, промок!»
Прибавил: «Грязно-с!» — и умолк.

Вместо 89—96

Ты здешний?» — «Да-с. Я мещанин,
Слуга ваш бывший, Карп Лукин».
— «Как будто бы припоминаю,
А впрочем, нет... едва ли знаю».
— «Я вот на днях просватал дочь...»
И рассказал кулак, в чем дело.

104 Ведь вы не верите, известно...

109 Сквозь землю лучше б провалиться,

111 Просить да мучиться напрасно...»

113—123

Иного ссудишь, да не рад:
Уплаты нет, — я виноват,
Терпи да жди... Придет, голосит,
А не послушаешь — поносит;
Да вытянешь процент едва,
Вот ныне правда какова!»
Кулак и телом, и душою
Божился честно заплатить, —
Не мог Пучкова убедить.
Он морщился, махал рукою:
«Нет, не могу! Заклад не тот:

133 Клади мне золото на стол,

Вместо 135

Пучков вскочил.
«И ты мне смеешь?..»

Вместо 139—148

Купец позеленел. Немой,
Грозя приподнятой рукой,
Он в мраморное изваянье
Вдруг превратился. Есть одно

Востока чудное сказанье,
Руси знакомое давно:
В глуши таинственная сила
Три дива сказочных хранила —
Высоко над горой крутой
Вставал ключ влаги золотой,
Разумно птица говорила,
И пело дерево. Меж скал
Заветный путь туда лежал,
В глушь не один пройти пытался,
Но по пятам текла гроза,
Гремели громом голоса,
Весь воздух кличем наполнялся.
Смельчак запрет позабывал:
Лицо в испуге обращал
Назад — и камнем оставался.
На миг едва ли не таков
В бессильном гневе был Пучков.
Кулак захохотал. «Ну что же?
Ударь попробуй!..»
— «Вон, злодей!»
— «Пойду, святоша... Правый боже!
И терпишь ты таких людей!..

Вместо 155—170 «Привел господь считать пороги! —
Кулак дорогой горевал,
Меж тем как дождь ему хлестал
В лицо. — Дождешься тут помоги!..
Гм... Кулаку, дескать, дадим!
И говорить-то стыдно с ним!
Ну, а вот эти, стало, святы, —
Набьют сундук чужим добром
И вдруг — банкроты, ни при чем?
И этот чист, крючок проклятый, —
Ограбит матушку-казну,
Деревню купит на жену?
И тот, к примеру, помнит бога
И суд по совести творит;
С пером присядет, поскрипит, —
Богатый выйдет из острога,
Бедняк — в неведомой вине,
И плеть засвищет по спине?
И тот вон не торгует честью:
Меж знатных трется с подлой лестью,
Мешает с грязью мужичков?
Да мало ли нас, кулаков!
Кулак в еноте, в полушубке,
При сабле, в золоте и юбке,

181 А разживись я, — видит бог,

183—184 Сплутую — скажут: не порок...
Тьфу! гадость!»

В оконч. ред. гл. 17

16

Вместо 1—34

Туча миновала;
Прошла тревога кулака:
Он отыскал ростовщика...
Всё благо! Саша променяла
Родимый дом на кров чужой;
Она прощальною слезой
Его, как водится, почтила,
Как водится, и позабыла.
Веселой свадьбы пир умолк,
Утих о ней соседей толк,
Угомонились пересуды,
Всвояси гости разбрелись;
Переколоченной посуды
В домах осколки убрались.
Кулак покоен: дни позора
Он прожил. Полно плутовать!
Ему поможет добрый зять:
Родня — надежная опора.
Одна Арина у окна
Сидит за варежкой грустна:
Тенистый сад глядит скучнее,
Минуты тянутся длиннее,
И кот тоскует: спит в углу,

Вместо 40—49

И мужа ждет. И спицы снова
Звенят, без умолку звенят,
Меж тем всё к ужину готово,
Уж ложки на столе лежат.
В грозу закроет боязливо
Трубу, все окна, и платком
Завяжет уши торопливо —
Всё, дескать, меньше слышен гром;
Затеплит свечу восковую
И бога на помочь зовет,
Покуда тучу громовую
Далеко ветер унесет.
Порою у ворот от скуки
С глухой кумой поговорит
О том, что грудь ее болит
И ломят отчего-то руки;
Что не горит щепа в печи,
Сырая, верно, хоть кричи;
Сегодня каша не упрела;
Что посадить она хотела
Вчера наседку, но едва ль
Не поздно, да и яйца жаль;
Что у соседа Шестакова
Намедни гусь зажарен был,
Да муж жене платок купил,
И отелилася корова, —

Вот счастье-то! А дочь придет,
Старушке бедной тьма забот!
«Ах, наша гостья дорогая!

Вместо 53—63 Насилу бог тебя принес. . .»
И начинается допрос:
Живет ли с нею муж согласно,
Приветлив он или сердит,
Не ссорится ль когда напрасно,
Не часто ли свекровь ворчит?
О всякой мелочи ничтожной
Поразузнает осторожно,
И трудовой пятак возьмет,
Спешит к богатому соседу,
И в крынке молока к обеду
Любимой гостье принесет.
Свой сад Арина позабыла:

66—67 Сквозь наклонившийся плетень:
«Здорова, мать! В саду гуляешь!

Вместо 71—74 Да, зять богат! Перед тобою!
Звоню я, матушка, про вас. . .
Умна ты с дочкой-то своею,
Хотели одурачить нас. . .
Тьфу, вот вам! Вот народ продажный!
Возьмите! . .» И махор бумажный
Летал на колпаке вдовы
От потрясенья головы.

***В* оконч. ред.**
гл. 18
3 На сумерки похожий день. . .

Вместо 5—7 Свой теплый угол. Мостовые
Покрыты грязью. Пешеход
С досадой нехотя бредет.
Слезами капли дождевые
Текут по кровлям, по стенам,
По окнам и по воротам.
Друг другу грустные поклоны
В садах деревья отдают,
Их шапки на земле гниют.
По вечерам кричат вороны,
В леса сбираясь на ночлег.

Вместо 9—16 Как туча белых мух, кружится;
Минута — ливнем он сменится. . .
Вот время! Двери на крючок,
Зажги веселый огонек,
Беседуй с другом целый вечер;
Пусть льется дождь, голосит ветер, —
Тепло в затворенном угле,
За самоваром на столе.

Но каково сидеть с тоскою
И одному, и взаперти?
Пошел бы — не к кому пойти,
Читал бы — нечего порою;
Заснуть — счастлив, кто может спать,
Не то хоть петлю надевать!

17 Кулак с досадой молчаливой

Вместо 25—29 А между тем кругом нужда:
Лежанка в горенке худа,
Под матицей кряхтит подставка,
В окошках стекол недочет;
Там крыша кое-где течет;
Тут сапогам нужна отставка,
Сюртук заплатами покрыт,
А галстук в клочья истаскался,
И как старик ни ухитрялся
Его сложить, ну всё на вид
Некстати бахрома висит.
На рынке просто нет прохода.
Придет на бедняка невзгода!
Какой-нибудь молокосос
Людей и бога не боится,
Как над шутом, над ним глумится:
«Ну что, Лукич, повесил нос?
Охота здесь тебе таскаться
И хлеб обманом добывать,
Под старость скверно воровать,
Ей-ей! Безгрешней побираться;

Вместо 31 Труд, значит, легкий, стариковский,
Да, благо, и сюртук таковский,
Вишь — любо-дорого взглянуть! . .»

В оконч. ред. помещены в гл. 17
91—92 «Мне, видно, зять не доверяет, —
Кулак подумал, — не поймешь. . .

101 «Гм. . . путь, того и жди, настанет. . .

106—108 Покоя ждал, — и вдруг. . . Пустое!
Нельзя! поверить не могу!»

В оконч. ред. продолжение гл. 18
Вместо 35—54 Дождь каплет. Синими клоками
Плывут на север облака.
Невесел домик кулака
С его измокшими стенами;
В болото обратился двор,
Посередине кучи, сор.

Но сад грустней: вокруг молчанье,
Замолкло птичек щебетанье...
Огнем он точно обожжен,
Весь почернел и обнажен.
Покинутые колыбели,
На ивах гнезда опустели —
Жильцы рассеялись. Мертва
К земле припадшая трава,
И с непокрытою макушкой,
Забытой, горькою старушкой,
В измокшей белой простыне
Стоит береза в стороне.

Кулак в саду. Он на топливо
Деревья взглядом выбирал,
Топор под мышкою держал.
Но что рубить? Под этой ивой
Вздремнуть, бывало, он любил
На свежей травке, в полдень знойный;
Иные сам отец покойный

Вместо 56—61 И жаль, и дров нет ни полена...
Вон, правда, есть пока замена...
И засучил он рукава:
Пошла береза на дрова...

63 Кулак на конике прилег.

Вместо 67—70 Мужское дело — не твое...»
— «Я всё про Сашино житье...
Бог знает, и за богачами
Живут да мучатся...»

74 Курчавый, рыжий мужичок,

86 Ну, что погода? Ветер сильный?

89—90 Нога болит». — «Да, да! Проказник!
Испил воды на светлый праздник

99—100 «Да как же быть?.. недуг проклятый!..
Что делать?»
— «Деньги заплатить!

106—111 Ушел, мол, лен скупать в деревни...»
И гостю гривенник последний
Из кошелька кулак достал.
«Оно ништо... да маловато...»
— «Ей-богу, гроша больше нет!» —

В оконч. ред. гл. 19

17

1 Зима стоит. Трещат морозы.

Вместо 4 По Руси-матушке гулять,
Путек в сугробах прокладать!

6—7 Река, болото, — всюду мост
За тысячу и за две верст...

Вместо 9—10 Не весел он! идет, кряхтит,
Казну на подати копит.
Посвистывай теперь на воле,
Холодный ветер, в чистом поле.
Кружись, сердитая метель,
Стелись, пуховая постель!

19 Когда кулак на печке спал,

24—25 Озноб и жар ее объемлет;
Едва забудется, задремлет —

27 Встают нежданные виденья...

30 А в теплой колыбели дочь

43 И солнце в горенку глядит,

47 И слезы градом льются, льются...

Вместо 89 Снег падал хлопьями. Был вечер.
Порывистый, сердитый ветер

94 И слезы удержать хотела.

Вместо 97—102 И судороги ног и рук,
Последний признак тяжких мук,
Слабели.
«Матушка, родная!
Благослови!..» — сказала дочь,
В слезах, колени преклоняя.
«Отец... он нищий... ты помочь

104—105 Неконченной. Невнятный крик,
Раздавшись, замер, и язык

107 В тоске поднятая рука,

Вместо 118—122 Жизнь кончена, итог сведен,
Посмотрим, что-то скажет он?
Не много! Скромное желанье
Без хлеба завтра не пробыть,
Забота печку починить,
Возня с горшками да с наседкой,
Вязанье варег день и ночь,

От скуки разговор с соседкой,
Тревога, что скучает дочь,

125 Про быт чужой невинный шепот,

128 Из жил по капле кровь пила!..

131 Ты не убьешь, как гром, мгновенно,

133 И душишь, душишь постепенно,

142 Измятой мертвой головой.

150 Глядела мертвая жена;

152 Переменилася она,

158—160 То замыкались в круг порой,
То расходились, вырастали,
Плясали черною толпой...

Вместо 169—175 Мать столяра в недоуменье
Покачивала головой,
В углу беседуя с кумой:
«Вот срам-то! Просто удивленье!

176—178 С заплатой, милая, с заплатой!
А дочке горя нет... сидит,
Одной слезы не уронит.

Вместо 185—189 Соседки вышли. Саша плачет,
Отец печально говорит:
«Не позабудь! я нищий, значит...
Ты дочь, вон мать твоя лежит,
Похорони!..»
— «Да не грустите!
Пойдемте к нам. Вы попросите

Вместо 191—196 Вам не мешало б и заснуть:
Вишь, вы стоите через силу...»
— «Идти просить, на гроб просить,
На свечи, Саша, на могилу!»
— «Что делать — надо ж хоронить!..»

В оконч. ред. гл. 20 1—32

18

Зять кулака сидел в рубашке,
Расход в тетрадку заносил,
О чем-то с Сашей говорил
И морщился. В граненой чашке
Чай на подносе остывал,
И сахару кусок лежал.
Покоен взгляд его и ясен,
И густ румянец полных щек,

Подстриженный затылок красен,
Мясистых плеч размер широк.
Кровать и шкап, горшок с цветами.
Часы с кукушкой на стене,
Пять стульев с медными гвоздями,
Пеньки образчик на окне,
Две кучки ржи, одна — пшеницы,
В чулке оставленные спицы,
Над дверью в рамке генерал, —
Вот комната, где он писал.

Кулак вошел, перекрестился,
Сказал, что умерла жена,
Что погребенья ждет она,
И зятю в пояс поклонился.
«Извольте-с, от добра не прочь.

33 А жаль! Я думаю, простуда? ..» —

53 Да пальцы из сапог глядят,

55—56 «Да знаю, друг мой, всё я знаю!
Неволя пьет-то иногда!

Вместо 59—64 Ем хлеб чужой, как подлый вор?»
— «Да, да! Для вас, то есть, позор...
Всё это пустяки — и только!
Торговля — круговой обман.
Вам горько лезть в чужой карман,
Ну, а просить теперь — не горько?

71 Дай дело мне! Вот бог порука,

79 Пойми, мое ли это дело!

81 Мне стыдно! Богом умоляю,

88 К чему ты говоришь про честь?

Вместо 95—135 В другую комнату пошла,
Украдкой мужа позвала
И на ухо ему сказала:
«На похороны надо дать:
Нас, душка, будут осуждать,
Что вот, дескать, зятек богатый...»
— «Не дам я. Пьяница проклятый!
Вот навязалася родня!»
— «Да ну! Уважь хоть для меня!
Старик там разному народу
Пойдет — расскажет...»
— «С камнем в воду!
Пускай! Нам всех похоронять —
Суму придется надевать».
— «Ну, вот что: помнишь, в воскресенье

Ты дал мне деньги на платок?»
— «Нет, в пятницу. . .»
— «Возьми, дружок,
Назад. . .»
— «Назад! Вот это удивленье!»
— «Отдай их, душка, старику:
Ну, как же быть-то бедняку!
И мне-то, знаешь, с ним остуда. . .»
Муж головою покачал,
Затылок жирный почесал
И согласился.
«Вот-с покуда, —
С досадой тестю он сказал, —
Извольте! Это бог послал,
Вот Саша сжалилась над вами. . .»
Тесть поклонился, покраснел,
Благодарить он не сумел,

Вместо 139—146 «Вам, батенька, теперь не радость, —
Сказала дочь, — пора того. . .
Оно для вас-то ничего,
А для родных-то просто гадость. . .
Пойдете там по кабакам,
На улице вас встретить срам. . .»
«Пора-с, пора за ум приняться! —
Прибавил зять. — Вы не чужой,
Не то что, да-с! Вы нам родной,
А с пьяным не хочу я знаться!»

Кулак смолчал и вышел вон.
О чем, бедняга, думал он?
А верно, думою печальной
Был оглушен: на рынок шел,

149—150 Да вдруг опомнился потом,
И нáзвал зятя подлецом

Продолжение гл. 20

19

152 Давно кулак рублей десяток

156—158 Купил он меду, калачей,
Вина, говядины, свечей,
Муки, конечно, понемногу,

163 Солому в нем и холст постлал,

Вместо 166—172 И сел на лавку в уголок,
Скрестивши руки. . . Белый иней
Сверкал от солнца на стекле;
Дымился ладан на столе
В курильнице, — то, струйкой синей
Колеблясь, кверху поднимался,
То в кольца тихо завивался.

174 И правда, говорят, что цвет:

182—184 Укоры, брань, побои, голод,
Насмешки — всё переносил!
Из-за чего? Ну, что нажил?

197—198 Недодал денег и обмерил,
Да смертной клятвою уверил,

205—206 Со мной, к примеру, было раз,
Давным-давно, когда весною

213 И молча богу помолился...

216—219 Что думал, бог про это ведал.
Настал обед, он не обедал
И в два часа, пока сидел,
Двумя годами постарел.

229 Нужды подхваченный волнами,

После 231 В семье чужой нашла ли Саша
Любовь и счастье? Как сказать!..
И что нам счастьем здесь назвать?
Вопрос мудреный, воля ваша!
Есть люди (благодатный род):
Цель и граница их желанья —
Спокойный ход существованья
Без слез, сомнений и забот.
Как свет и воздух, им лишь нужен
Здоровье, сон, обед и ужин,
И веруют они всему,
И счастливы по-своему.
Есть род иной: его отрада —
Большая дворня, блеск палат,
Причуды модного наряда, —
И это счастье, говорят.
И есть созданья: нет покою
Для их души: им нужен шум,
Их сила крепнет под грозою,
И постоянною борьбою
Неутомимый занят ум.
Движенье мысли, жажда знанья,
Науки торжество и плод,
Стремленье вечное вперед, —
Вот всё их счастье и призванье!
На жизнь у всякого свой взгляд...
Кто прав, бог весть, когда решат.
У Саши был свой мир любимый,
Мечты заветные, печаль:
Сережки, зонтик или шаль,
Или салоп необходимый
С пушистым мехом из лисиц,
Да из купеческого круга,

Для болтовни, в часы досуга,
Пять или шесть знакомых лиц.
Надежды скромные с годами
Осуществятся, может быть;
Не то легко их заменить
Разнообразными трудами:
Она в домашней тишине
Привыкнет к кухонной стряпне,
От скуки самовар согреет,
От скуки сладостно заснет,
И постепенно растолстеет,
И век без горя проведет.
Муж, человек неприхотливый,
Ее и нежил, и любил:
Икрой и сельдями кормил
Тайком от матери строптивой
(Ее бояться сын не мог,
А просто денежки берег).
С жены не взыскивал он много,
Одно наказывая строго:
По дому хлопотать с утра,
Беречь посуду, ложки, чашки,
Доить корову, шить рубашки,
Без спросу не ходить с двора.

В оконч. ред. гл. 21

20

2 И жизнь и смерть борьбу ведут:

4 В могилу мертвеца несут.

7—8 Костями землю удобряй,
Пируй и плачь. О, время, время!

14—15 До наших слез, страстей и бед
Твоей могучей, вечной силе...

Вместо 17—60 И поколение в могиле,
На прахе новое цветет,
Чтоб умереть...
Прошло два года.
Народ дождался торжества:
Заутро праздник рождества,
Желудкам полная свобода.
Отмстит за пост голодный люд!
На рынке без метлы метут
Добро съестное. Поросята,
Индейки, мерзлые цыплята
И трупы жирные свиней...
Прохода нет между саней!
Вот боров с опаленной мордой
Вверх брюхом на возу лежит;
Вот гусь живой, он смотрит гордо,

На покупателя шипит.
Вот крякнул селезень. Чиновник
Его сует в мешок пустой:
Поди-ка, мол, сюда, разбойник! ..
Эх, любят на Руси святой
Поесть и выпить! Нам не вредны
Излишки. Всё на стол мечи!
Быть может, в чем другом мы бедны,
Желудком — просто силачи!

В тулупе, нанкою покрытом,
Косматом и просторно сшитом,
Между возов столяр идет.
Он весел. Поросят несет.
С ним женщина. Она смеется,
У ней шубейка на плечах
Нет-нет от ветра распахнется...
И что за доброта в глазах!
А в стороне был громкий хохот
И бестолковый спор и ропот;
Толпу внимательных зевак
Там тешил нехотя кулак.

Между 61 и 62
С широким лбом, аршин в плечах,
В тулупе, шапке и лаптях,

62
Взбешенный, левою рукою

64—65
А правой бил и повторял:
«Вот эдак — вот! Вот эдак с вами! ..»

68
Сзади на воздухе мотался,

83—84
Не то, ей-ей, в тюрьму запрячем!
Сейчас солдата позовем! ..

86
«Проваливай, мы не заплачем...

91
А в нанковом куда — горяч!

Вместо 101—103
Попреки... водкой попрекает...
Ой, больно! заломило бок!»
— «Бедняга! Выгнали из дома...

Вместо 110—113
Привык, к примеру... Грязь, солома...
Полтинник в месяц... Ох, продрог!
Зимой без шубы, без перчаток!»
— «Слышь, Карп Лукич! вот есть остаток.

120—121
Ты дочь мою...»
— «Пустяк, пустяк!
Угодно было богу так...

Вместо 130—145
Неловко... Вот сюда пойдем.
Да, кстати! Ты ведь незнаком
С моею Танею, с женою?

Люби и жалуй — вот она».
— «А, ты женат уже?»
— «Недавно.
Живем ништо. . покуда ладно.
Взял сироту. Одним дурна:
Я ей обновку покупаю,
Она свое: купи лоток,
Чугун, жаровню да горшок.. .»
— «Права: затем не уступаю! —
Со смехом молвила жена. —
Обновка вовсе не нужна».
— «Ну, вот изволь тут... Не досада!
И с матушкою такова:
Найдет разумные слова,
Без шума сделает, что надо...
Сосед, да полно горевать!»
— «Я так, к примеру. Грустно стало...
Ты к нам, что сын родной, бывало,
Придешь, сидишь. Теперь мой зять...
Прощай! ..»
— «Я даром не прощаю!
Ты посетишь наш уголок,
Мы посидим, напьемся чаю,
Разрежем эдакой пирог! ..»
И весело в толпу густую
Столяр отправился с женой;
Вот снял он шапку меховую
И... Нет, не видно за толпой!
Кулак с разорванной полою

149 Прощай, кулак! Не раз с тобою,

Вместо 151—171
Я при свече, ночной порою,
Сидел в раздумье за столом.
Несчастный брат! Мне было больно,
Когда я жизнь твою раскрыл,
И не одной слезой невольно
Я эти строки омочил.
Я понимал твои страданья
И язвы смело осязал,
В моих глазах ты угасал
Один, в грязи, без врачеванья.
А горько! Верно и теперь,
Едва перешагну за дверь,
Иного кулака я встречу
И, может быть, на нем опять
Порока страшную печать
И язвы новые замечу...
Бедняк! Взглянувши на тебя,
Едва ли сердцем содрогнутся;
Пройдут, быть может, посмеются,

173 Кому нужна твоя утрата!

ТАРАС

(стр. 440)

Сорока

Тетр. Нордштейна 1-я ред.

Безоблачен денек святой недели,
Река под огороды подошла,
Веселою толпою под качели
Валит народ за гумна из села.

Пестреют кички баб и вьются ленты
У красных девок в шелковых косах,
Горят на шляпах парней позументы,
И зипуны белеют на плечах.

И стар и млад избушки покидают,
Все рады гостье — золотой весне,
А жаворонки звонко распевают
Над озимью в прозрачной вышине.

С зеленой травкою на косогоре
О чем-то шепчет теплый ветерок;
Всё ожило, всё дышит на просторе,
В одном лесу белеется снежок.

Одна изба в селе глядит угрюмо:
В ней мужичок не дожил до весны,
И нет нужды покойнику до шума,
И дела нет до мирной тишины;

Окончен спор с заботою печальной...
Вот, говорят, разгул-то кто любил.
Всё о степях да о сторонке дальной
Без умолку певал он и твердил:

«Эх! если бы махнуть мне в степи на Дон,
Иль погулять на Волге бурлаком!
Тут что за жизнь! Так... дышишь вот на ладан...
Горюешь да не ладишь с стариком».

Отец его мужик был и не глупый,
Да вот беда: вино любил бедняк!
Как подгульнет — халаты и тулупы,
Что попадется, всё несет в кабак;

И всё ворчит, кропочется на сына,
До полночи шатаясь по избе:
«Опомнися, детина ты, детина!
Ведь дом-ат мой! Бревна не дам тебе!»

Подчас за печь свои деньжонки спрячет,
Забудется — никак их не найдет,
Кричит: «разбой!» и сядет, горько плачет:
«Хорош-де сын, последнее берет!»

А сын стоит, краснеет и бледнеет:
«Эх, батюшка! ну что ты пристаешь?
Собака ведь и та покой имеет,
А ты всю ночь уснуть мне не даешь!»

Но через час сам на себя пеняет:
«Ну, что бы мне смолчать перед отцом!
Не вытерпишь... ведь сердце замирает,
Когда старик бранится под хмельком.

Эх, ты, житье! Не рад, да загорюешь!
Что вздумаешь сказать — всё невпопад,
Коли грустишь — кричит: о чем тоскуешь?
А запоешь — упрек: чему ты рад!»

И нехотя завидует он людям:
«Что вот, дескать, живут же без забот!»
И проведет рукой по русым кудрям
Да свой талан исподтишка ругнет.

Два раза в путь с досады он сбирался;
Отец его и честью-то просил,
И палкой бил, — всё сын не унимался
И старину о паспорте молил:

«Пусти, родной! изныл я от печали...
Не то уйду куда глядят глаза!»
Но сокола без клетки удержали
Речь девичья и девичья краса...

Бывало, чуть заря на небе вспыхнет —
Сгоняет он лошадок со двора.
«Куда это?» — отец в оконце крикнет.
«Да вот скотину напоить пора!»

И парень шляпу набекрень наденет,
Скрипучие ворота распахнет,
По улице, посвистывая, едет,
А за углом его красотка ждет...

Кругом безлюдно. Тепел летний вечер.
При месяце сияя, пруд молчит...
И знает только перелетный ветер,
О чем мой парень с милой говорит.

И страшны ль тут завистливые люди,
Когда стоит он с девицей-душой,

Когда она, краснея, к полной груди
Его прижала белою рукой.

И весело идет его работа:
Снопы ли с поля в сумерки везет, —
Всё на уме любимая забота,
Что милый друг навстречу попадет.

На пашне ли он с бороной зубчатой,
В лугу ль с косой, с цепом ли на гумне,
Красавицу в поняве полосатой
Он далеко завидит в стороне.

Зимой в своей избе перед лучиной
Присядет он, бывало, вечерком,
И тешит сердце песнью соловьиной,
И думает про милую тайком.

И всё плетет корзины да лаптишки,
Иль, нарубив в лесу березняку,
Весь до прута уложит на дровнишки
Да в городок оттащит по снежку;

Глядишь, — и есть подарок ненаглядной:
То башмаки, то лента, то платок...
Ходи, мол, друг, красавицей нарядной,
Мне незачем сбирать себе домок...

Но вдруг в селе пошли о нем рассказы...
Отец кричал: «Уймись, молокосос!
Оставь свои безумные проказы
И не срами моих седых волос!»

— «Плевал бы я на россказни народа!
Жени на ней...» — сын смело говорил.
Старик молчал, упрямился с полгода
И нехотя его благословил.

Два лета сын работал не скучая;
Но весь как лист, бывало, он дрожит,
Когда его хозяйка молодая
Без умысла на парней поглядит.

Начнутся тут упреки и угрозы...
И загрустила бедная жена;
Ночной порой тайком глотала слезы,
Днем посмотреть боялась из окна.

«Ну, полно, Дуня! Перестань крушиться... —
Говаривал ей муж, — я сам не рад;
Такой мой нрав... А мне ль с тобой браниться?»
И на жену бросал печальный взгляд.

Но часто вслед за грустной мировою
Являлся новой ревности укор,
И, наконец, мужик махнул рукою
И молвил: «Нет, пора мне на простор!»

— «Ну, бог с тобой! Иди, куда ты знаешь... —
Сказал отец, прощаясь с бедняком. —
Жену, меня под старость покидаешь, —
Попомни, друг, не кончишь ты добром!»

— «Ох, батюшка! знать, так угодно богу, —
Сын отвечал. — Не наводи тоску,
Благослови, родимый, на дорогу!»
И поклонился в ноги старику.

Надел зипун, взял шляпу, рукавицы,
В последний раз поцеловал жену
И поплелся в привольные станицы
Косить траву да наживать казну.

«О, господи! Что ж это за раздолье!» —
Любуяся на степь, он говорил.
А перед ним — сверкающее взморье,
Всё двигался серебряный ковыль.

Во всех концах без умолку звучало:
Жужжанье, говор, песни, трескотня, —
Всё в чудный гул сливалось, утопало
В сиянии безоблачного дня.

Смеркается... и говор затихает.
Пылают небеса, и степь горит,
Встает туман и даль в нем пропадает,
Ночь крадется, травы не пробудит.

Всё спит... но степь как будто дышит,
Сквозь сон и грезы звуки издает:
То чей-то крик порою путник слышит,
То где-то свист раздастся и замрет.

Зажглась звезда, затеплилась другая,
И вот они блестят со всех сторон,
Вот месяц встал, курганы освещая,
И в темноте сверкнул широкий Дон.

Сменялася одна заря другою,
За темной ночью белый день вставал, —
Всё шел косарь, всё дальше за собою
Родимые поля он оставлял.

Порой, усталый, на траву приляжет,
Со лба и щек горячий пот отрет,

Ремни котомки кожаной развяжет
И завтракать с молитвою начнет.

Его лицо от зноя загорело,
Покрыт он пылью с головы до ног,
Плечо от палки с платьем онемело,
Зато в груди — и нет следа тревог.

Вот в стороне станица показалась,
Сидит она на берегу крутом,
Зелеными садами увенчалась,
Рекою опоясалась кругом.

Идет косарь, с садов не сводит взгляда,
Всё для него тут диво вдалеке:
И крыши бань под сенью винограда,
И смуглая казачка в колпаке.

От радости вся кровь в нем закипела,
Когда в степи он размахнул косой;
Что взмах — коса при солнышке блестела,
Под ней трава ложилась полосой.

Там, в вышине, орел иль кречет вьется,
То, смотришь, туго крылья развернет,
И буйный вихорь мимо пронесется, —
Косарь глядит — и нехотя поет.

Но скоро всё бедняге пригляделось;
О чем-то он задумываться стал,
Опять идти куда-то захотелось,
Куда, зачем? он сам не понимал.

Плывет над степью месяц. Близ дороги
Разведены на травке огоньки,
В густом дыму чернеются треноги,
На каждом крюк, на крючьях котелки.

В воде пшено с бараниной вари́тся,
И косари сидят себе, поют;
Опять косарь лежит, не веселится,
А спать ему заботы не дают.

«Ну, кто меня идти сюда заставил? —
Он думает, глядя тоскливо вдаль. —
Покинул дом, с женою не поладил,
А без жены замучила печаль. . .

Сызмала ли я дал себе поблажку,
Наслушался ль рассказов удальцов, —
Вот хочется пожить мне нараспашку,
Всё тянет вот куда-то от дворов. . .

Как вихорь, мечешься, куда — не знаешь;
Не попадешь на путь, на верный след...
Ох, сердце, сердце! что ты изнываешь?
Чего ты ищешь, коли счастья нет?

Болит душа, — никто про боль не знает...
А что теперь жена там говорит?
Чай, бедная, всё мужа проклинает
Да белое лицо свое сушит...»

Шумят леса, шумит и дождь осенний, —
Идет косарь в родимое село;
Оставил он с утра ночлег последний,
И у него на сердце отлегло.

Меж черных пашен торная дорожка,
Широкий луг, песчаный косогор,
На бугорке кудрявая березка —
Всё радует его веселый взор.

«Принес меня господь в свою сторонку...
Приветит ли жена-то бедняка!»
И видит он знакомую избенку
И у ворот родного старика.

«Ну, батюшка, вот я и воротился.
Здоров ли ты?» — сын, кланяясь, сказал.
«Аль по жене, сердечный, загрустился?» —
Отец ему сердито отвечал.

«Да что таить! сгрустнулося немного».
— «Смотри-ка ты... вишь неженка какой!
Добро, добро! ступай к ней, вот дорога», —
И на погост он указал рукой.

Сын побледнел, ни слова не ответил.
Когда ж он дверь избушки отворил
И сел в углу, — старик ему заметил:
«Ты б, дуралей, хоть лоб перекрестил!..»

Не вдруг печаль беднягу подкосила;
Грусть о жене он твердо перенес,
Иная боль, как червь, его точила,
И эта боль была не в перенос.

Раз у отца на Волгу он просился.
«Будь проклят ты, коли пойдешь с двора!» —
Сказал старик; и сын угомонился,
И на сердце его легла гора.

День ото дня в кручину он вдавался,
Всё думал, думал... мало ел и спал,
Подчас совсем некстати улыбался
И всё про степь да Волгу толковал.

Бывало, вдруг с соседом речь завяжет
И заспешит, — бог знает, что плетет...
«Сорока ты! — сосед с досадой скажет. —
Народ тебя недаром так зовет».

ПРИМЕЧАНИЯ

Первый сборник стихотворений Никитина был издан в 1856 г., в Воронеже. В это издание вошло 61 стихотворение. Через два года отдельно была напечатана поэма «Кулак» (М., 1858). Третьей и последней книгой Никитина, вышедшей при его жизни, был сборник стихотворений, напечатанный в Петербурге. Отрицательное отношение демократической критики к первому собранию стихотворений заставило Никитина во многом пересмотреть свои творческие позиции. Это нашло отражение в издании 1859 г., в которое вошло 60 стихотворений. Из первого сборника в него включены были только 20 стихотворений, да и то в переработанном виде. В основном же сборник состоял из новых произведений.

После смерти Никитина, в 1869 г. в Воронеже на средства участника второвского кружка А. Р. Михайлова было выпущено собрание сочинений поэта в двух томах, под редакцией Н. П. Курбатова. Издание открывалось биографией Никитина, принадлежащей М. Ф. Де-Пуле, тексты сопровождались примечаниями, составленными Курбатовым. Если при жизни поэта в двух сборниках опубликовано было 101 стихотворение, а остальные были рассеяны в журналах или оставались в рукописи, то в издание 1869 г. вошло 146 стихотворений, две редакции поэмы «Кулак», поэмы «Тарас», «Поездка на хутор» и «Дневник семинариста» (прозаическая повесть автобиографического характера). С того времени произведения Никитина выдержали около тридцати изданий. Из них отметим:

1. И. С. Никитин. Полное собрание сочинений в одном томе, под редакцией М. О. Гершензона (М., 1-е изд. — 1911; 2-е изд. — 1912; 3-е изд. — 1913). Издание примечательно тем, что в него включено было свыше 30 неизвестных стихотворений Никитина.

2. Полное собрание сочинений и писем И. С. Никитина. Проверенный по рукописям и первопечатным источникам текст и варианты. Под редакцией, с биографическим очерком, статьями и примечаниями А. Г. Фомина, тт. 1—3, СПб., 1913—1915 (том 4, в который должна была войти переписка, не был издан; верстка тома находится в архиве Института русской литературы АН СССР). Это издание по тщательности текстологической работы, по обширности комментариев принадлежит к лучшим дореволюционным научным изданиям сочинений Никитина.

3. И. С. Никитин. Сочинения. Редакция, вступительная статья и примечания Л. А. Плоткина. М., 1955. В издание вошло 203 стихотворения, все поэмы, а также «Дневник семинариста». В издании впервые были напечатаны стихотворение «Тоска», некоторые неизвестные варианты, а также впервые опубликованы тексты 137 писем Никитина.

4. Иван Саввич Никитин. Сочинения в четырех томах. М., 1960—1961. Составители О В. Бубнова и Л. А. Машнев. Вступительная статья Г. Костина. В издание вошло 203 стихотворения, все поэмы и «Дневник семинариста». В издании приведены некоторые не печатавшиеся прежде редакции стихотворений поэта.

Настоящий сборник является наиболее полным изданием стихотворных произведений Никитина. В него включено 220 стихотворений и все поэмы. При подготовке издания тексты Никитина были сверены со всеми имеющимися рукописями и авторитетными списками. Произведения публикуются по последним авторским редакциям. Отступление допускается лишь в том случае, если установлен факт постороннего (как правило, цензурного) вмешательства в текст. Если в примечании отсутствует специальное указание, по какому тексту печатается произведение, следует иметь в виду, что оно приводится по первой публикации.

Другие редакции и наиболее значительные варианты (не менее 3—4 строк) выделены в специальный раздел. Варианты первой редакции поэмы «Кулак» — произведения, занимающего главное место в творческом наследии поэта, — приводятся целиком (вплоть до единичных разночтений).

Стихотворения: «Бегут часы, недели и года...», «С кем теперь мне сидеть...», «Вечность», «Небо», «Нужда», «Воспоминание о детстве», «Когда Невы, окованной гранитом...», «Могила», «Уединение», «Что счастье? — бред воображенья...», «Когда, мой друг, в часы одушевленья...», «Уж и как же ты...», «Отъезд», «Жизнь», «Не плачь, мой друг!..», «Полночь, темно в горенке...» в изд. Фомина печатались под общей датой 1849—1856 (т. 2, стр. 70—91). Однако изучение состава этого раздела позволяет, хотя и предположительно, несколько уточнить и дифференцировать датировки.

Как правило, под текстами стихотворений указываются авторские даты, обычно зафиксированные в автографах и списках. В примечаниях оговорены лишь те случаи, когда рукопись не имеет даты или если имеющиеся авторские даты не совпадают друг с другом. Отмечены также авторские даты в прижизненных публикациях никитинских стихотворений, если они отличаются от рукописных. Всюду, где представлялась возможность определить время создания ранней и окончательной редакций, резко отличающихся друг от друга, под текстом произведения указываются две даты, которые разделены запятой. Даты с вопросительным знаком являются предположительными. Даты, заключенные в угловые скобки, определяют год, не позднее которого написано данное произведение (в большинстве случаев это даты первых публикаций). Если в угловые скобки взяты месяц и число, это означает, что стихотворение написано в течение указанного года, но не позднее даты в скобках.

Ввиду того, что содержание сборника 1856 г. было определено не

самим Никитиным, в примечаниях оговорены лишь те стихотворения, которые не вошли в сборник 1859 г., что дает возможность получить представление о составе последней книги.

Орфография и пунктуация текстов приближены к современным, за исключением тех случаев, которые имеют произносительное или ритмическое значение.

Условные сокращения, принятые в примечаниях и в разделе «Другие редакции и варианты»

Архив Второва — Собрание рукописей Никитина из архива Н. И. Второва, хранящихся в Центральном государственном архиве литературы и искусства (Москва).

Архив Никитина — Собрание рукописей Никитина, хранящихся в Центральном государственном архиве литературы и искусства (Москва) и ранее входившие в архив Н. И. Второва.

БдЧ — «Библиотека для чтения».

ВГВ — «Воронежские губернские ведомости».

ГПБ — Рукописный отдел Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).

Д — Н. А. Добролюбов. Стихотворения Ивана Никитина (Собр. соч., т. 6. М.—Л., 1963).

Изд. 1856 г. — Стихотворения Ивана Никитина. Издал гр. Д. Н. Толстой. Воронеж, 1856 (цензурное разрешение от 29 марта 1855 г.).

Изд. 1859 г. — Стихотворения Ивана Никитина. СПб., 1859.

Изд. 1869 г. — Сочинения И. С. Никитина, с его портретом, видом надгробного памятника, facsimile и биографией, составленной М. Ф. Де-Пуле, тт. 1—2. Воронеж, 1869.

Изд. 1912 г. — И. С. Никитин. Полное собрание сочинений в одном томе, под редакцией М. О. Гершензона. М., 1912.

Изд. Фомина — И. С. Никитин. Полное собрание сочинений и писем, под редакцией А. Г. Фомина, тт. 1—3. СПб., 1913—1915.

Изд. 1955 г. — И. С. Никитин. Сочинения, под редакцией Л. А. Плоткина. М., 1955.

ОЗ — «Отечественные записки».

ПД — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского дома) Академии наук СССР (Ленинград).

Тетр. Александрова-Дольника — Тетрадь, хранящаяся в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (Москва). Тетрадь состоит из 62 стихотворений Никитина 1849—1854 гг. и представляет собой списки, сделанные рукой К. О. Александрова-Дольника (установлено М. И. Маловой).

Тетр. Нордштейна — Тетрадь со списками и автографами стихотворений Никитина, принадлежавшая А. П. Нордштейну. Хранится в Отделе письменных источников Государственного исторического музея (Москва), собр. П. И. Щукина.

ЦГИАЛ — Центральный государственный исторический архив (в Ленинграде).

СТИХОТВОРЕНИЯ

«Тихо ночь ложится...». Впервые — изд. 1856 г., стр. 3. Списки — в тетр. Нордштейна и Александрова-Дольника. Чернышевский отмечал, что стихотворение представляет собой вариацию мотива поэзии Тютчева (см.: Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. 3, М., 1947, стр. 498). Однако прямого соответствия с мотивами поэзии Тютчева стихотворение не имеет. Можно установить лишь весьма отдаленные параллели с тютчевским стихотворением «Снежные горы». В изд. 1859 г. не вошло. Положено на музыку Д. Корниловым и В. Соколовым.

Весна в степи. Впервые — ОЗ, 1854, № 6, стр. 65 (вместе со статьей А. П. Нордштейна о Никитине). Печ. по ОЗ. Списки — в тетр. Нордштейна и Александрова-Дольника, без заглавия. Впоследствии Никитин так радикально переделал стихотворение, что новый вариант его — «Полно, степь моя, спать беспробудно...» — следует с полным основанием рассматривать как самостоятельное произведение (см. стр. 183 и примеч. на стр. 581).

Поле. Впервые — изд. 1856 г., стр. 7. Вместе со стихотворениями «Русь» и «С тех пор как мир наш необъятный...» было послано Никитиным в 1853 г. в ВГВ. Из них напечатана была только «Русь». Автограф — в архиве Никитина. Два списка (один из них дает другую редакцию) — в тетр. Нордштейна и третий — в тетр. Александрова-Дольника. В изд. 1859 г. не вошло.

Монастырь. Впервые — изд. 1856 г., стр. 8. Списки — в тетр. Нордштейна и Александрова-Дольника.

Лес. Впервые — изд. 1856 г., стр. 10. В изд. 1859 г. не вошло. Это стихотворение вместе с «Думою» было послано Никитиным в 1849 г. в ВГВ, где они не были напечатаны. Списки первоначальной редакции — в тетр. Нордштейна и Александрова-Дольника.

Н. Д. Впервые — изд. 1856 г., стр. 12. В изд. 1859 г. не вошло. Списки — в тетр. Нордштейна и Александрова-Дольника. Предполагалось, что стихотворение посвящено И. И. Дуракову, одному из близких друзей Никитина. В тетрадях Нордштейна и Александрова-Дольника совершенно отчетливо читаются буквы Н. Д., что опровергает повторяемое в ряде изданий предположение, будто поэт имел в виду Дуракова.

«Присутствие непостижимой силы...». Впервые — изд. 1856 г., стр. 13. В изд. 1859 г. не вошло. Списки — в тетр. Нордштейна и Александрова-Дольника. Стихотворение, видимо, навеяно натурфилософскими мотивами статьи Белинского «Литературные мечтания». Перекликается оно и с «думой» Кольцова «Лес».

Грусть старика. Впервые — БдЧ, 1854, № 8, стр. 204. Печ. по изд. 1856 г., стр. 14. В изд. 1859 г. не вошло. Списки — в тетр.

Нордштейна под заглавием «Старость» («Жалоба старика») и Александрова-Дольника под заглавием «Жалоба старика». Тематически стихотворение близко к «Песне старика» Кольцова.

Мрамор. Впервые — изд. 1856 г., стр. 16. В изд. 1859 г. не вошло. Списки — в тетр. Нордштейна и Александрова-Дольника. Чернышевский приводил это стихотворение как пример несамостоятельности и подражательности поэзии Никитина (Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. 3. М., 1947, стр. 498).

«Еще один потухший день...». Впервые — в другой редакции — изд. 1856 г., стр. 17. Печ. по изд. 1859 г., стр. 41. Списки — в тетр. Нордштейна и Александрова-Дольника. Добролюбов писал, что в этом произведении «слышны звуки Огарева и Аксакова, даже Полонского и пр., но не слышно внутренней жизни самого поэта. Мы видим, что ум и чувство его — в разладе с той обстановкой, в которую поставлен он судьбой; но этот разлад есть общее место» (Д, стр. 163).

Тишина ночи. Впервые — в другой редакции — изд. 1856 г., стр. 19. Печ. по изд. 1859 г., стр. 44. Списки — в тетр. Нордштейна (под заглавием «Ночь») и в тетр. Александрова-Дольника. В первоначальной редакции списков было четверостишие (строфа 12, последняя), замененное в изд. 1856 г. многоточиями. Возможно, оно было заменено другим под давлением цензуры. Положено на музыку Н. Амани.

Клеветникам. Впервые — изд. 1856 г., стр. 23. В изд. 1859 г. не вошло. Списки — в тетр. Нордштейна и без заглавия — в тетр. Александрова-Дольника.

Похороны. Впервые — в другой редакции — изд. 1856 г., стр. 25. Печ. по изд. 1859 г., стр. 47. Списки — в тетр. Нордштейна и Александрова-Дольника.

Перемена. Впервые — изд. 1856 г., стр. 27. В изд. 1859 г. не вошло. Списки — в тетр. Нордштейна и Александрова-Дольника.

Дума. Впервые — изд. 1912 г., стр. 30. А. Г. Фомин полагал, что это то самое стихотворение, которое было послано вместе со стихотворением «Лес» в 1849 г. в ВГВ (изд. Фомина, т. 1, стр. 355). Списки — в тетр. Нордштейна и Александрова-Дольника. В стихотворении много общего с «Думой» Кольцова и его же стихотворением «Неразгаданная истина».

«Бегут часы, недели и года...». Впервые — изд. 1912 г., стр. 110. Список в тетр. Нордштейна, без даты. В стихотворении заметно влияние лермонтовской «Думы».

Уединение. Впервые — изд. 1912 г., стр. 111. Список — в тетр. Нордштейна, без даты.

«Когда, мой друг, в часы одушевленья...». Впервые — изд. 1912 г., стр. 111. Список — в тетр. Нордштейна, без даты.

«Уж и как же ты...». Впервые — изд. 1912 г., стр. 111. Список — в тетр. Нордштейна, без даты.

Жизнь. Впервые — изд. 1912 г., стр. 113. Список — в тетр. Нордштейна, без даты. Написано под влиянием «Думы» Лермонтова.

Воспоминание о детстве. Впервые — изд. 1912 г., стр. 108. Список — в тетр. Нордштейна, без даты.

«Когда Невы, окованной гранитом...». Впервые — изд. 1912 г., стр. 109. Список — в тетр. Нордштейна, без даты. Стихотворение во многом перекликается со вступлением к «Медному всаднику» Пушкина.

«Помоги ты мне...». Впервые — изд. 1912 г., стр. 109. Список — в тетр. Нордштейна, без даты.

Могила. Впервые — изд. 1912 г., стр. 110. Список — в тетр. Нордштейна, без даты.

Отъезд. Впервые — изд. 1912 г., стр. 112. Список — в тетр. Нордштейна, без даты.

«Не плачь, мой друг! Есть много муки...». Впервые — изд. 1912 г., стр. 114. Список — в тетр. Нордштейна, без даты.

Вечность. Впервые — изд. 1912 г., стр. 106. Список — в тетр. Нордштейна, без даты.

Небо. Впервые — изд. 1912 г., стр. 107. Список — в тетр. Нордштейна, без даты.

«Что счастье? — бред воображенья...». Впервые — изд. 1912 г., стр. 111. Список — в тетр. Нордштейна, без даты.

Ночь на берегу моря. Впервые — изд. 1856 г., стр. 29. В изд. 1859 г. не вошло. Списки — в тетр. Нордштейна и Александрова-Дольника. Положено на музыку А. Давыдовым.

Дуб. Впервые — ОЗ, 1854, № 6, стр. 64 (вместе со статьей А. П. Нордштейна о Никитине). Список — в тетр. Нордштейна. В стихотворении заметно влияние лермонтовской «Сосны». Положено на музыку Г. Фридом.

Тайное горе. Впервые — в другой редакции — изд. 1856 г., стр. 32. Печ. по изд. 1859 г., стр. 40. Списки — в тетр. Нордштейна и Александрова-Дольника.

Вечер. Впервые — ОЗ, 1854, № 6, стр. 63 (вместе со статьей А. П. Нордштейна о Никитине). Печ. по изд. 1856 г., стр. 33. В изд. 1859 г. не вошло. Списки — в тетр. Нордштейна и Александрова-Дольника. В журнале «Пантеон» (1854, № 6, стр. 26) отмечалось, что «Вечер» «при всей простоте антологического стиха дышит неподдельным чувством». «Вечер» — подражание стихотворению А. Н. Майкова «Сон».

Ключ. Впервые — ОЗ, 1854, № 6, стр. 64 (вместе со статьей А. П. Нордштейна о Никитине). Печ. по изд. 1856 г., стр. 35. В изд. 1859 г. не вошло. Список — в тетр. Нордштейна. Стихотворение является подражанием «Трем пальмам» Лермонтова.

Ночь. Впервые — ОЗ, 1854, № 6, стр. 63 (вместе со статьей А. П. Нордштейна о Никитине). Печ. по изд. 1859 г., стр. 9. Списки — в тетр. Нордштейна и Александрова-Дольника.

«Как мне легко, как счастлив я в тот миг...». Впервые — изд. 1912 г., стр. 12. Список — в тетр. Нордштейна.

Поэту («Нет, ты фигляр, а не певец...»). Впервые — в другой редакции и без заглавия (начало: «Оставь печальный твой рассказ...») — изд. 1869 г., т. 1, стр. 225. Печ. по списку тетр. Нордштейна, имеющему самую позднюю дату. Там же другой список, озаглавленный «Мечтателю» и с датой: 1850. Автограф, напеч. в изд. 1869 г., — в архиве Никитина (тетр. 1), с датой: 1850 и с примеч. Второва: «Стихотворение это предназначалось к напечатанию в первом издании стихотворений, но не было дозволено цензурой». При подготовке изд. 1859 г. Второв также предлагал включить стихотворение. А. Г. Фомин полагал, что сам Никитин отклонил это предложение (изд. Фомина, т. 1, стр. 359). Возможно, однако, что и на этот раз цензура не разрешила опубликовать стихотворение.

«Когда закат прощальными лучами...». Впервые — изд. 1856 г., стр. 39. В изд 1859 г. не вошло. Списки — в тетр. Нордштейна и Александрова-Дольника. По содержанию, ритму и интонации близко к стихотворению Лермонтова «Когда волнуется желтеющая нива...».

«Когда один, в минуты размышленья...». Впервые — «Москвитянин», 1854, № 8, апрель, кн. 2, стр. 144 (вместе с письмом Н. И. Второва к Д. Н. Толстому «Новый воронежский поэт»). Печ. по изд. 1856 г., стр. 1. В изд. 1859 г. не вошло. Списки — в тетр. Александрова-Дольника и в тетр. Нордштейна, где сопровождено примеч.: «Стихотворение, написанное в виде предисловия к одной тетради со стихотворениями автора».

«На западе солнце пылает...». Впервые — изд. 1856 г., стр. 40. Списки первоначальной редакции — в тетр. Нордштейна и Александрова-Дольника. Положено на музыку Г. Гольденбергом.

Дитяти. Впервые — в другой редакции — изд. 1856 г., стр. 49. Печ. по изд. 1859 г., стр. 23. Списки — в тетр. Нордштейна и Александрова-Дольника; дата совпадает с изд. 1856 г. Добролюбов усматривал в стихотворении следы влияния «Младенца» Огарева и «Спящему младенцу» Кольцова (Д, стр. 161). Положено на музыку рядом композиторов, в том числе польским композитором С. Монюшко.

Юг и север. Впервые — БдЧ, 1854, № 8, стр. 205. Печ. по изд. 1856 г., стр. 43. В изд. 1859 г. не вошло. Списки — в тетр. Нордштейна и Александрова-Дольника. В стихотворении заметно влияние лермонтовской «Родины».

Русь. Впервые — в другой редакции, вместе со стихотворениями «Поле» и «С тех пор как мир наш необъятный...» — ВГВ, 1853, 21 ноября. Печ. по изд. 1856 г., стр. 45. В изд. 1859 г. не вошло. Автограф — в архиве Никитина, список — в тетр. Нордштейна. «Русь» — первое стихотворение Никитина, появившееся в печати. Написано оно было в 1851 г. — до Крымской войны, но напечатано в ту пору, когда война уже началась. В ВГВ «Руси» была предпослана заметка: «Хотя помещение стихотворений... не входит в объем нашего издания, но принимая во внимание, с одной стороны, неуверенность в своих силах молодого таланта, не решающегося обратиться со своей просьбою в редакцию какого-либо из наших журналов, а с другой стороны, отдавая должную справедливость замечательному дарованию автора и сочувствуя его направлению, мы решаемся поместить одно из присланных им стихотворений, приветствуя нового воронежского поэта искренним желанием дальнейшего успеха на избранном им поприще». «С.-Петербургские ведомости» (1853, 11 декабря), перепечатав «Русь», писали: «Не правда ли, что-то знакомое слышится в этом стихотворении, в чувстве, которым оно проникнуто, в приемах, в фактуре стиха? Неужели в г. Никитине суждено воскреснуть Кольцову?» Стихотворение положено на музыку рядом композиторов, в том числе Э. Направником.

Молитва. Впервые — изд. 1912 г., стр. 16. Список — в тетр. Нордштейна.

«Вечер ясен и тих...». Впервые — изд. 1912 г., стр. 16. Список — в тетр. Нордштейна. Положено на музыку Г. Окуневым.

«Бывают светлые мгновенья...». Впервые — в другой редакции — изд. 1856 г., стр. 52. Печ. по изд. 1859 г., стр. 51. Списки — в тетр. Нордштейна и Александрова-Дольника, дата: 1852 г. В изд. 1856 г. дата: 1851. Перерабатывая стихотворение для изд. 1859 г., Никитин усилил в нем социальные мотивы.

«Суровый холод жизни строгой...». Впервые — изд. 1856 г., стр. 54. В изд. 1859 г. не вошло. Списки — в тетр. Нордштейна и Александрова-Дольника.

Развалины. Впервые — изд. 1856 г., стр. 58. В изд. 1859 г. не вошло. Список — в тетр. Нордштейна; в тетр. Александрова-Дольника — без даты.

Кладбище. Впервые — изд. 1856 г., стр. 61. В изд. 1859 г. не вошло. Списки — в тетр. Нордштейна и Александрова-Дольника.

Певцу. Впервые — в другой редакции — «Москвитянин», 1854, № 8, апрель, кн. 2, стр. 142 (вместе с письмом Н. И. Второва к Д. Н. Толстому). Печ. по изд. 1856 г., стр. 55; дата: 1852 г. Списки — в тетр. Нордштейна и Александрова-Дольника, дата: 1853 г. В редакции «Москвитянина» стихотворение имело консервативную окраску. Там, например, говорилось о «дерзком неверии», которое безнаказанно глумится над «святым алтарем» и т. д. В тексте изд. 1856 г. этих слов нет.

Степная дорога. Впервые — изд. 1856 г., стр. 64. Списки — в тетр. Нордштейна и Александрова-Дольника.

Художнику. Впервые — «Москвитянин», 1854, № 8, апрель, кн. 2, стр. 144. Печ. по изд. 1856 г., стр. 69. В изд. 1859 г. не вошло. Списки — в тетр. Нордштейна и Александрова-Дольника.

«Не повторяй холодной укоризны...». Впервые — в другой редакции — изд. 1856 г., стр. 70. Печ. по изд. 1859 г., стр. 60. Списки ранней редакции, под заглавием «Борьба», — в тетр. Нордштейна и Александрова-Дольника. Положено на музыку А. Шефером.

Засохшая береза. Впервые — БдЧ, 1855, № 6, стр. 183. Списки — в тетр. Нордштейна и Александрова-Дольника. Начало стихотворения почти дословно повторяет строку пушкинского «Анчара» («В глуши, на почве раскаленной» и т. д.).

«Привет мой вам, угрюмый мрак ночей...». Впервые — изд. 1856 г., стр. 74. В изд. 1859 г. не вошло. Списки первоначальной редакции — в тетр. Нордштейна и Александрова-Дольника.

Жизнь и смерть. Впервые — изд. 1856 г., стр. 76. В изд. 1859 г. не вошло. Списки — в тетр. Нордштейна и Александрова-Дольника. В стихотворении заметно влияние «Думы» и «Молитвы» Кольцова.

Успокоение. Впервые — изд. 1856 г., стр. 78. В изд. 1859 г. не вошло. Списки — в тетр. Нордштейна и Александрова-Дольника. Критика отмечала в стихотворении влияние «Думы» и «Молитвы» Кольцова.

«С тех пор как мир наш необъятный...». Впервые — изд. 1856 г., стр. 81. Автограф — в архиве Никитина. Списки —

в тетр. Нордштейна (под заглавием «Из Экклезиаста») и в тетр. Александрова-Дольника (без заглавия). Эпиграф — из Экклезиаста, одной из книг Ветхого завета.

Новый завет. Впервые — «Москвитянин», 1854, № 8, апрель, кн. 2, стр. 143 (вместе с письмом Н. И. Второва к Д. Н. Толстому). Печ. по изд. 1856 г., стр. 83. Списки — в тетр. Нордштейна и Александрова-Дольника.

Молитва дитяти. Впервые — в другой редакции — изд. 1856 г., стр. 85. Печ. по изд. 1859 г., стр. 25. Списки — в тетр. Нордштейна и Александрова-Дольника. Положено на музыку Л. Алафузовым, А. Бернардом, Г. Гольденбергом.

«О, сколько раз я проклинал...». Впервые — изд. 1912 г., стр. 32. Список — в тетр. Нордштейна.

Мщение. Впервые — изд. 1912 г., стр. 32. Список — в тетр. Нордштейна. До 1912 г. не печаталось из-за цензурных условий.

«Я помню счáстливые годы...». Впервые — изд. 1856 г., стр. 87. В изд. 1859 г. не вошло. Списки ранней редакции — в тетр. Нордштейна и Александрова-Дольника.

«С суровой долею я рано подружился...». Впервые — в другой редакции (начало: «Задумчивый певец в пустыне неизвестной...») — ОЗ, 1854, № 6, стр. 58 (вместе со статьей А. П. Нордштейна о Никитине). С исправлениями — изд. 1856 г., стр. 91. Печ. по изд. 1859 г., стр. 1. Автограф — в архиве Никитина, списки с существенными разночтениями — в тетр. Нордштейна и Александрова-Дольника. Написано в связи с резкой критикой никитинского стихотворения «Русь» В. Д. Спасовским, впоследствии редактором ВГВ. С отзывом Спасовского, не появившимся в печати, Никитин познакомился в рукописи. Перерабатывая стихотворение, Никитин усиливал в нем демократические тенденции. Добролюбов увидел в стихотворении свидетельство того, что «страдания нищеты, унижения и всяких обид и несправедливостей сильно были прочувствованы самим поэтом и стали близки его душе» (Д, стр. 168). Никитин, видимо, придавал стихотворению программный характер: им открывалось изд. 1859 г.

Поэту («Не говори, что жизнь ничтожна...»). Впервые — в другой редакции — ОЗ, 1854, № 6, стр. 67 (вместе со статьей А. П. Нордштейна о Никитине). С исправлениями — изд. 1856 г., стр. 94. Печ. по изд. 1859 г., стр. 54. Автограф под заглавием «Совет» — в архиве Никитина; списки — в тетр. Александрова-Дольника и в тетр. Нордштейна, под заглавием «Совет поэту». Добролюбов усматривал в стихотворении влияние стихотворения Я. П. Полонского «О, подними свое чело...» (Д, стр. 160).

Песня («Зашумела, разгулялась...»). Впервые — изд. 1856 г., стр. 97. В изд. 1859 г. не вошло. Список — в тетр. Нордштейна. Положено на музыку В. Кажинским и В. Соколовым.

Война за веру. Впервые — «Москвитянин», 1854, № 8, апрель, кн. 2, стр. 145 (вместе с письмом Н. И. Второва к Д. Н. Толстому). В изд. 1859 г. не вошло. Беловой автограф — в архиве Никитина, списки — в тетр. Нордштейна и Александрова-Дольника. Стихотворение связано с Восточной войной, в которой Никитин видел борьбу против «нечестивцев», осквернителей «святых мест», т. е. Палестины. Добролюбов к стихотворению «Война за веру» и другим подобным вещам Никитина относился резко отрицательно (Д, стр. 158). *Рымник* — река в Валахии, у берегов которой русские войска 11 сентября 1789 г. под командованием А. В. Суворова разгромили главные силы турецкой армии. *Чесменский* бой — морское сражение между русской эскадрой и турецким флотом 25—26 июня 1770 г. в бухте Чесма в Эгейском море; сражение закончилось полным разгромом турецкого флота. *Кагул* — река, впадающая в Дунай; во время русско-турецкой войны русские войска 21 июля 1770 г. нанесли у Кагула поражение турецкой армии.

Старик другоженец. Впервые — в другой редакции — БдЧ, 1854, № 7, стр. 101. Печ. по изд. 1859 г., стр. 113. Автографы — в архиве Никитина. Списки — в тетр. Нордштейна и Александрова-Дольника.

Зимняя ночь в деревне. Впервые — в другой редакции — БдЧ, 1854, № 8, стр. 206. Со значительными изменениями — изд. 1856 г., стр. 105. Печ. по изд. 1859 г., стр. 79. Списки — в тетр. Нордштейна и Александрова-Дольника. Одно из популярнейших никитинских стихотворений. Переведено на многие иностранные языки.

Наследство. Впервые — в другой редакции — БдЧ, 1854, № 8, стр. 208. Печ. по изд. 1856 г., стр. 109. В изд. 1859 г. не вошло. Списки — в тетр. Нордштейна и Александрова-Дольника. В стихотворении заметно влияние «Раздумья селянина» Кольцова.

«Не вини одинокую долю...». Впервые — изд. 1912 г., стр. 30. Список — в тетр. Нордштейна.

«Наскучив роскошью блистательных забав...». Впервые — изд. 1912 г., стр. 31. Список — в тетр. Нордштейна.

Нужда. Впервые — изд. 1912 г., стр. 107. Список — в тетр. Нордштейна, без даты. Датируется предположительно: начиная с 1853 г. в поэзии Никитина тема человеческой несправедливости начинает наполняться социальным содержанием (ср. «Нужду» со стихотворением «Мщение»).

Моление о чаше. Впервые — изд. 1869 г., т. 1, стр. 267. Автограф — в архиве Никитина; там же автографы двух первона-

чальных редакций, без даты. Списки — в тетр. Нордштейна и Александрова-Дольника, без даты. Духовной цензурой стихотворение не было разрешено к печати. В основе «Моления о чаше» — евангельские легенды. *Елеон* — гора около Иерусалима, с которой в Евангелии связываются многие деяния Христа. *Иордан* — священная, по Библии, река в Иудее. *Гефсиманский сад* — место возле горы Елеон, где, согласно евангельской легенде, любил уединяться Христос. *Голгофский крест.* Голгофа — холм в Иерусалиме, где был якобы распят Христос. *Мессия* — здесь: Христос.

Сладость молитвы. Впервые — изд. 1856 г., стр. 111. Автограф — в архиве Никитина, без даты. Списки — в тетр. Нордштейна и Александрова-Дольника. *Голгофа* — см. предыдущее примеч.

Ночлег извозчиков. Впервые — БдЧ, 1854, № 7, стр. 95, в статье Н. В. Кукольника «Листки из записной книжки русского». Печ. по изд. 1856 г., стр. 114. В изд. 1859 г. не вошло. Автографы ранней редакции — в архиве Никитина, один без даты. Списки — в тетр. Нордштейна и Александрова-Дольника. Стихотворение вначале было написано в кольцовской манере. Впоследствии Никитин его переработал. *Кичка* — старинный головной убор крестьянок. *Рептуг* — мешок, из которого ямщики кормили лошадей овсом.

Новая борьба. Впервые — изд. 1869 г., т. 1, стр. 283. Автограф — в архиве Никитина; там же рукопись первоначальной редакции. Никитин не был удовлетворен стихотворением, и, судя по надписи на автографе: «Стихотворение это еще не отделано мною окончательно, и потому прошу пока никому его не передавать», он не остановился на последнем варианте. В письме к Н. И. Второву от 23 февраля 1854 г. Никитин указывал, что стихотворение ему не нравится (изд. 1955 г., стр. 210). Видимо, по этим причинам он не напечатал его. *Благословенный* — император Александр I. *Знамя Луны* — символ Турции.

Ссора. Впервые — в другой редакции — изд. 1856 г., стр. 125. Печ. по изд. 1859 г., стр. 98. Список ранней редакции, а также два автографа второй редакции — в тетр. Нордштейна.

Измена. Впервые — изд. 1856 г., стр. 131. В изд. 1859 г. не вошло. Списки — в тетр. Александрова-Дольника и в тетр. Нордштейна (под заглавием «Песня»).

Жена ямщика. Впервые — в другой редакции — «Современник», 1854, № 12, стр. 209. В новой редакции — изд. 1856 г., стр. 153. Печ. по изд. 1859 г., стр. 83. Автограф ранней редакции — архив Никитина, без даты; списки двух разных редакций — в тетр. Нордштейна, с датами: 15 марта 1854 г. и апрель 1854 г.; и один список — в тетр. Александрова-Дольника, с датой: апрель 1854 г. Положенное на музыку, стихотворение вошло в целый ряд песенников. *Светец* — подставка для лучины, светильник.

Утро на берегу озера. Впервые — в другой редакции — ОЗ, 1854, № 6, стр. 61 (вместе со статьей А. П. Нордштейна о Никитине). В новой редакции — БдЧ, 1855, № 6, стр. 184; с исправлениями — изд. 1856 г., стр. 135. Печ. по изд. 1859 г., стр. 18. Два списка — в тетр. Нордштейна и один список — в тетр. Александрова-Дольника. О своей работе над стихотворением Никитин писал Н. И. Второву 16 сентября 1854 г.: «„Утро на берегу озера" я исправил; может быть, цензура не пропустит окончания этого стихотворения, но я не хочу переменять: оно вылилось из души, в минуту раздражительного взгляда на жизнь» (изд. 1955 г., стр. 213). В сентябре 1854 г. Никитин переработал стихотворение, внеся в него новый мотив — эпизод с девочкой-подкидышем. Переделка явилась результатом отрицательного отзыва о стихотворении в журнале «Пантеон» (1854, № 6): «Стих в нем очень гладок, — говорилось там, — но содержание, заключающееся в том, что в одно ясное утро рыбаки поймали в озере много рыбы, слишком пусто, что, вероятно, чувствовал и сам автор». Добролюбов отмечал отсутствие цельности в стихотворении и упрекал Никитина в пристрастии к красивости описаний: из преклонения перед эстетической рутиной поэт вместо того, чтобы развить «существенно важную сторону стихотворения», главное место уделял изображению обстановки и пейзажа (Д, стр. 173). Под «существенно важной стороной» Добролюбов разумел трагическое положение крестьянской девочки-приемыша.

Упрямый отец. Впервые — изд. 1856 г., стр. 140. В изд. 1859 г. не вошло. Два списка — в тетр. Нордштейна, один — ранней редакции под заглавием «Отец и дочь», дата: 18 марта 1854 г.; второй — с датой: апрель 1854 г.; третий список — в тетр. Александрова-Дольника, дата: март 1854. *Кичка* — см. стр. 578.

Три встречи. Впервые — изд. 1912 г., стр. 50. Список — в тетр. Нордштейна. Положено на музыку П. Булаховым.

«Село замолчало; безлюдны дороги...». Впервые — изд. 1912 г., стр. 50. Список — в тетр. Нордштейна.

«Ах! признаюся, воля Ваша...». Впервые — с искажением стиха 13 — «Русские ведомости», 1911, 16 октября, в статье С. Карелиной «Новые данные к характеристике И. С. Никитина». Печ. по изд. Фомина, т. 1, стр. 272. Автограф — в письме к Н. И. Второву от 2 апреля 1854 г. — в архиве Второва. В стихотворении Никитин имеет в виду свое «Моление о чаше». Оно примечательно тем, что в нем явственно звучит скептическое отношение к религиозной патетике «Моления о чаше» и вместе с тем выражено неприкрыто враждебное отношение к духовенству.

«Не широк мой двор...». Впервые — изд. 1912 г., стр. 53. Список — в тетр. Нордштейна.

С. В. Чистяковой. Впервые — изд. 1856 г., стр. 146. Списки — в тетр. Нордштейна и Александрова-Дольника. Эпиграф — из Евангелия.

Купец на пчельнике. Впервые — БдЧ, 1855, № 12, стр. 143, дата: 1854 г. Печ. по изд. 1856 г., стр. 163. В изд. 1859 г. не вошло. Автограф — в архиве Никитина. Списки в тетр. Нордштейна и Александрова-Дольника. В письме к Н. И. Второву от 11 сентября 1859 г. Никитин писал: «О стихотворениях «Ночлег извозчиков», «Купец на пчельнике» и проч. в этом роде — право, не стоит говорить: вода, мой милый Николай Иванович, просто вода... Они мне страшно надоели» (изд. 1955 г., стр. 268). Н. В. Кукольник в «Листках из записной книжки русского» (БдЧ, 1854, № 7, стр. 103) писал: «Я еще не успел уехать из Воронежа, как сокровищница второго периода поэтической деятельности И. С. Никитина умножилась прелестным народным стихотворением «Молитва» и небольшою поэмою, в которой изображен быт особенного класса наших поселян-пчеловодов. Тьма самых остроумных и живописных подробностей, списанных теньеровской кистью с натуры». А. Г. Фомин предполагал, что Кукольник имеет в виду под «Молитвой» стихотворение «Вечер после дождя» (изд. Фомина, т. 1, стр. 386). *Плис* — хлопчатобумажная ткань из грубой пряжи с ворсом. *Миткаль* — дешевая хлопчатобумажная ткань. *Коты́* — женская обувь типа полусапожек.

Вечер после дождя. Впервые — БдЧ, 1855, № 11, стр. 51. С исправлениями — изд. 1856 г., стр. 149. Печ. по изд. 1859 г., стр. 125. Автограф — в архиве Никитина. Списки — в тетр. Нордштейна и Александрова-Дольника.

Донцам. Впервые — изд. 1912 г., стр. 115. Список — в тетр. Нордштейна. *Бесстрашный богатырь* — Ермак. *Разрушенный Азов.* Речь идет о походах донских казаков на Азов, которые в XVII в. несколько раз отвоевывали город у турок. *Платов* Матвей Иванович (1751—1818) — атаман донского казачьего войска, герой Отечественной войны 1812 г., соратник Суворова и Кутузова. *Оттоман* — турок. *Скрижали* — здесь: история. *Теперь опять гроза шумит.* Речь идет о Крымской войне 1853—1856 гг.

Неудачная присуха. Впервые — в другой редакции — БдЧ, 1855, № 10, стр. 161. Печ. по изд. 1859 г., стр. 103. Два списка — в тетр. Нордштейна, один из них под названием «Неудачное колдовство». В письме к Н. И. Второву от 23 сентября 1854 г. Никитин писал: «Не угодно ли вам будет прочесть с некоторым исправлением «Неудачную присуху» и «Бурлака». В первом стихотворении я коечто прибавил; не знаю, как вам покажется моя переделка» (изд. 1955 г., стр. 213). В письме к К. О. Александрову-Дольнику от 26 сентября 1854 г. Второв писал: «Никитин продолжает пописывать. Посылаю при этом переписанную им самим пьеску «Неудачная присуха», которая, верно, тебе понравится... Очень недурна и «Присуха». Каков тут заговор! Полюбуйся тут парнем. Может быть, в частностях найдутся кое-какие слабые места, но вообще пьеска прекрасная...» (ПД, архив М. Ф. Де-Пуле). *Плисовый* — см. выше. *Талан* — удача, судьба.

Старый мельник. Впервые — изд. 1912 г., стр. 67. Список — в тетр. Нордштейна.

«Подле реки одиноко стою я под тенью ракиты...». Впервые — изд. 1869 г., т. 1, стр. 334. Автограф — в архиве Никитина; список — в тетр. Нордштейна.

Бурлак. Впервые — в другой редакции — ОЗ, 1855, № 7, стр. 71, с исправлениями — изд. 1856 г., стр. 197. Печ. по изд. 1859 г., стр. 115. Список первоначальной редакции — в тетр. Нордштейна под заглавием «Бобыль», дата: 17 августа 1854 г., два автографа последующей редакции — в тетр. Нордштейна, дата: 1854 г., и в архиве Никитина, дата: 17 августа 1854 г. См. вступ. статью, стр. 23—24.

Лесник и его внук. Впервые — изд. 1869 г., т. 1, стр. 336. Автограф — в архиве Никитина. Список — в тетр. Нордштейна.

«Полно, степь моя, спать беспробудно...». Впервые — в другой редакции — изд. 1856 г., стр. 5 (начало: «Полно спать тебе, степь, под туманом...»). Печ. по изд. 1859 г., стр. 31. Представляет собой радикальную переработку раннего стихотворения «Весна в степи» (см. стр. 48 и примеч. на стр. 570), в котором сильно сказалось влияние Кольцова.

Буря. Впервые — БдЧ, 1855, № 1, стр. 4, с изменениями, возможно продиктованными цензурными условиями. Печ. по изд. 1912 г., стр. 72, где дано по автографу тетради Нордштейна. В изд. 1859 г. не вошло.

«Подула непогодушка с родной моей сторонушки...». Впервые — изд. 1912 г., стр. 73. Автограф — в тетр. Нордштейна.

Порча. Впервые — БдЧ, 1855, № 1, стр. 5, под заглавием «Болесть». Печ. по изд. Фомина, т. 1, стр. 320, где приведено по автографу тетр. Нордштейна.

Бобыль. Впервые — изд. 1869 г., т. 1, стр. 347. Автограф первоначальной редакции — в архиве Никитина. Список — в тетр. Нордштейна. Стихотворение было радикально переделано Никитиным в 1858 г. Новая редакция — «Песня бобыля» (см. стр. 300) — представляет собой самостоятельное произведение. *Кукольник* Нестор Васильевич (1809—1869) — популярный в свое время драматург и беллетрист консервативного направления, глава «ложно-величавой школы». В пору пребывания Кукольника в Воронеже в 1854 г. Никитин познакомился с ним. *Коты* — см. стр. 580.

Рассказ ямщика. Впервые — БдЧ, 1855, № 5, стр. 1, с редакционными изменениями в авторском тексте, датировано: 1854 г.

В переработанном виде — «Народное чтение», 1859, № 3, стр. 161. Печ. по этому тексту. Автограф ранней редакции — в архиве Никитина, список той же редакции — в тетр. Нордштейна. В критике отмечалось, что в «Рассказе ямщика» отразилось влияние Некрасова (ОЗ, 1869, № 8, отд. 2, стр. 297).

Утро. Впервые — в другой редакции — ОЗ, 1855, № 7, стр. 3. Печ. по изд. 1859 г., стр. 13. Автограф первоначальной редакции — в архиве Никитина, два списка — в тетр. Нордштейна. «Утро» Никитин считал одним из наиболее удачных своих стихотворений (см. изд. 1869, т. 1, стр. 549). Положено на музыку В. Калинниковым и В. Корсунским.

Встреча зимы. Впервые — ВГВ, 1854, 11 декабря и БдЧ, 1855, № 1, стр. 9. В изд. 1859 г. не вошло. Автограф — в архиве Никитина. Список — в тетр. Нордштейна. Друзья поэта намеревались напечатать стихотворение также в «С.-Петербургских ведомостях», но потом, видимо, отказались от этой мысли. По этому поводу Никитин писал Н. И. Второву 14 декабря 1854 г.: «„Встречу зимы“ Александр Петрович <Нордштейн> не отсылал в «Санкт-Петербургские ведомости», не желая меня снова выставлять в смешном наряде, т. е. в наряде чужом, перед публикою и журналами. «Встреча зимы», сколько я мог заметить из слов Александра Петровича, кажется ему подражанием Кольцову» (изд. 1955, стр. 214). Положено на музыку рядом композиторов, в том числе Н. Римским-Корсаковым и Р. Глиэром.

«Уж как был молодец...». Впервые — изд. 1869 г., т. 1, стр. 355. Автограф — в архиве Никитина. Напечатано при жизни поэта не было, так как Никитин, видимо, не хотел давать повода для новых упреков в подражании манере Кольцова. *Сказание о Мамаевом побоище* — памятник древнерусской литературы, повествующий о сокрушительном поражении, нанесенном русскими войсками полчищам монгольского военачальника Мамая в Куликовской битве 8 сентября 1380 г.

Внезапное горе. Впервые — БдЧ, 1856, № 1, стр. 106. Список первоначальной редакции — в тетр. Нордштейна, под заглавием «Крестьянское горе». Положено на музыку О. Гржимали.

Рассказ крестьянки. Впервые — изд. 1912 г., стр. 80. Список — в тетр. Нордштейна.

Черемуха. Впервые — «Русская мысль», 1911, № 5, стр. 156. Автограф с датой: 1854 и список с датой: январь 1855 г. — в тетр. Нордштейна.

«Уж не я ли тебя, милая, упрашивал...». Впервые — «Русская мысль», 1911, № 5, стр. 157. Автограф с датой: 1854 г. и список под заглавием «Песня» и датой: январь 1855 г. — в тетр. Нордштейна.

«Сибирь!.. Напишешь это слово...». Впервые — с пропуском двух последних строк — изд. 1869 г., т. 1, стр. 43, в биографии Никитина, принадлежащей М. Ф. Де-Пуле. Печ. по изд. 1912 г., стр. 117. Автограф — в письме Никитина к Н. И. Второву от 2 января 1855 г. (архив Второва).

«За какую ж вину и беду...». Впервые — изд. 1912 г., стр. 84. Список — в тетр. Нордштейна.

«Пошутила я — и другу слово молвила...». Впервые — изд. 1912 г., стр. 85. Список — в тетр. Нордштейна.

«Взгляни: небесный свод безоблачен над нами...». Впервые — изд. 1912 г., стр. 86. Список — в тетр. Нордштейна.

Уличная встреча. Впервые — изд. 1869 г., т. 1, стр. 360. Список ранней редакции под заглавием «Две мещанки», дата: январь 1855 г., и автограф с датой: 1855 г. — в тетр. Нордштейна. В «Уличной встрече» сказалось влияние стихотворения Некрасова «В деревне».

«Погуляла вода...». Впервые — изд. 1912 г., стр. 86. Список — в тетр. Нордштейна.

«Над светлым озером пурпуровой зари...». Впервые — изд. 1912 г., стр. 87. Список — в тетр. Нордштейна.

Елка. Впервые — «Исторический вестник», 1897, № 5, стр. 654. Список — в тетр. Нордштейна. *Долгорукая* Елизавета Петровна — жена воронежского губернатора кн. Ю. А. Долгорукова. По свидетельству Второва, она была «одною из ревностнейших почитательниц» таланта Никитина и стремилась укрепить в поэте религиозные настроения.

Друг. Впервые — изд. 1912 г., стр. 88. Список — в тетр. Нордштейна.

Слепой гусляр. Впервые — изд. 1912 г., стр. 89. Список — в тетр. Нордштейна.

<П. И. Савостьянову>. Впервые — И. С. Никитин. Соч., т. 1. М., 1878, стр. 46, в биографии Никитина, принадлежащей М. Ф. Де-Пуле. Список — в архиве Никитина. Павел Иванович *Савостьянов* — воронежский помещик, в имении которого Никитин жил летом 1855 г.

В лесу. Впервые — ОЗ, 1856, № 2, стр. 529. Печ. по изд. 1859 г., стр. 3. Список — в тетр. Нордштейна. Написано после выздоровления Никитина от тяжелой болезни.

«Отвяжися, тоска...». Впервые — изд. 1869 г., т. I, стр. 373. Автограф — в архиве Никитина, список — в тетр. Нордштейна. Положено на музыку С. Донауровым, В. Золотаревым, А. Чернявским.

19 октября. Впервые — изд. 1869 г., т. 1, стр. 374. Автограф — в архиве Никитина, два списка — в тетр. Нордштейна, с датами: 19 октября 1855 г. и октябрь 1855 г.

Дележ. Впервые — БдЧ, 1856, № 3, стр. 97. В изд. 1859 г. не вошло. Список — в тетр. Нордштейна. *Коты* — см. стр. 580.

«Над полями вечерняя зорька горит...». Впервые — изд. 1912 г., стр. 98. Список — в тетр. Нордштейна.

«Не смейся, родимый кормилец!..» Впервые — изд. 1912 г., стр. 98. Список — в тетр. Нордштейна.

Выезд троечника. Впервые — БдЧ, 1856, № 4, стр. 135, под заглавием «Выезд ямщика». Автограф — в архиве Никитина, без даты, список — в тетр. Нордштейна. Печ. по автографу, так как, по всей вероятности, в редакции БдЧ авторское заглавие было изменено; в текст также внесены были исправления, продиктованные цензурными соображениями.

Последнее свиданье. Впервые — изд. 1912 г., стр. 99. Список — в тетр. Нордштейна. *Коник* — печной прилавок. *Супонь* — ремень для стягивания хомута.

Музыка леса. Впервые — изд. 1912 г., стр. 103. Список — в тетр. Нордштейна.

«Затеплились звезды одна за другою...». Впервые — изд. 1912 г., стр. 102. Список — в тетр. Нордштейна. *Защитники Луны* — турки.

На взятие Карса. Впервые — изд. 1869 г., т. 1, стр. 375. Печ. по изд. 1912 г., стр. 104, где дано по списку тетр. Нордштейна. 29 ноября 1855 г. через Воронеж проехал курьер с сообщением о взятии Карса. Весть эта не могла не взволновать поэта, особенно если учесть, что эта крупная победа русского оружия последовала после трагического финала Севастопольской обороны, который воспринимался русским обществом очень болезненно. Но общая тональность стихотворения не отвечала ни настроениям прогрессивных кругов, ни объективному ходу войны, которая близилась к развязке, весьма неудачной для России. По совету Н. И. Второва, Никитин это стихотворение не напечатал. *Чумаки* — так на Украине назывались торговцы, которые на волах развозили товары.

Песня («Ковыль, моя травушка, ковыль бесприютная...»). Впервые — «Русская мысль», 1911, № 5, стр. 158. Автограф — в тетр. Нордштейна.

Новая утрата. Впервые — изд. 1869 г., т. 1, стр. 380. Печ. по изд. Фомина, т. 2, стр. 53, где дан текст автографа тетр. Нордштейна, с датой: 26 февраля 1856 г. Другой автограф с небольшими разночтениями — в ГПБ, с датой: 22 февраля 1856 г. Написано в связи со смертью друга Никитина — И. И. Дуракова. Датируется по письмам поэта (см. изд. Фомина т. 3, стр. 163).

Николаю Ивановичу Второву. Впервые — «Русское богатство», 1911, № 10, стр. 204. Записано на первой странице изд. 1856 г., подаренного автором Н. И. Второву; о нем см. стр. 21—22.

Рассказ моего знакомого. Впервые — «Речь», 1911, 23 мая. Автограф — в ГПБ. Другой автограф — в тетр. Нордштейна. В 1861 г. было настолько радикально переработано, что получилось в сущности новое стихотворение — «Исповедь», см. его на стр. 329.

«У кого нет думы...» Впервые — изд. 1869 г., т. 1, стр. 381. Автограф — в архиве Никитина.

«Помню я: бывало, няня...». Впервые — изд. 1869 г., т. 1, стр. 382. Автограф — в архиве Никитина.

<В альбом Н. В. Плотниковой>. Впервые — изд. 1869 г., т. 1, стр. 384. *Плотникова* Наталия Вячеславовна (по мужу Домбровская) — знакомая Никитина, которой он, по свидетельству некоторых биографов, был увлечен. Однако другие биографические данные говорят о том, что в это время поэт был влюблен в М. И. Жюно. Об отношениях Никитина с Плотниковой и Жюно — см. изд. Фомина, т. 3, стр. 165—170.

<В альбом М. И. Жюно>. Впервые — изд. 1869 г., т. 1, стр. 385. Список — в тетр. Нордштейна. Посвящено Матильде Ивановне *Жюно,* швейцарке по национальности, преподававшей французский язык Н. В. Плотниковой.

«Чуть сошлись мы — друг друга узнали...». Впервые — изд. 1859 г., стр. 53. Посвящено, как и следующее стихотворение, по всей видимости, М. И. Жюно. Положено на музыку Г. Эрлангером.

«День и ночь с тобой жду встречи...». Впервые — изд. 1859 г., стр. 75. См. предыдущее примеч. Положено на музыку С. Тернером.

Пахарь. Впервые — «Русская беседа», 1857, № 8, стр. 79. Автограф — в тетр. Нордштейна. В письме к А. А. Краевскому от 20 августа 1856 г. Никитин говорил: «Жаль, если цензура не пропустит «Пахаря»! Я, как умел, смягчил истину, не так бы нужно писать, но лучше написать что-нибудь, нежели ничего, о нашем бедном пахаре» (изд. 1955 г., стр. 220). Было послано в ОЗ, но не было там напечатано. Цензор Лебедев по поводу «Пахаря» писал: «Прекрасное стихотворение, отличается своим мрачным колоритом, так как в нем пахарь упрекает свою горькую участь, состоящую в работах и грудах, не доставляющих надежного средства к существованию» (ЦГИАЛ). Добролюбов относил «Пахаря» к числу лучших стихотворений сборника 1859 г. (Д, стр. 175). Положено на музыку В. Соколовым. *Талан* — см. стр. 580.

В саду. Впервые — в другой редакции — ОЗ, 1856, № 12, стр. 323. Печ. по изд. 1859 г., стр. 58. Автограф первоначальной редакции — в тетр. Нордштейна, без даты.

<Н. В. Плотниковой>. Впервые — изд. 1912 г., стр. 125. Список — в тетр. Нордштейна. Стихотворение было преподнесено Н. В. *Плотниковой* (см. о ней стр. 585) 26 августа 1856 г. в день ее именин.

Сплетня. Впервые — в другой редакции, под заглавием «Пыль» — ОЗ, 1856, № 12, стр. 325. Печ. по «Народному чтению», 1859, № 3, стр. 151. Автограф редакции ОЗ — в тетр. Нордштейна.

«Рассыпались звезды, дрожат и горят...». Впервые — ОЗ, 1856, № 12, стр. 324, под заглавием «Вечер». Печ. по изд. 1859 г., стр. 11.

Гнездо ласточки. Впервые — в другой редакции — ОЗ, 1856, № 12, стр. 326. Печ. по изд. 1859 г., стр. 27. Автограф ранней редакции — в тетр. Нордштейна.

<Н. И. Второву> («Ну вот, я дождался рассвета...»). Впервые — изд. 1869 г., т. 1, стр. 47, в биографии Никитина, принадлежащей М. Ф. Де-Пуле. Автограф — в записке Никитина к Н. И. Второву (архив Второва).

«С кем теперь мне сидеть...». Впервые — изд. 1912 г., стр. 106. Список — в тетр. Нордштейна, без даты. Можно предположить, что стихотворение написано в 1856 г. В начале 1856 г. Никитин потерял двух близких своих знакомых — И. И. Дуракова и И. И. Малышева. По-видимому, этими утратами и навеяно стихотворение.

Певице. Впервые — «Модный магазин», 1866, № 20, стр. 305. Очевидно, относится к 1856 г., так как в это время Никитин устраивал литературные и музыкальные вечеринки.

«Полночь. Темно в горенке...». Впервые — изд. 1912 г., стр. 116. Автограф — в тетр. Нордштейна, без даты. Названная тетрадь Нордштейна содержала произведения, написанные не позднее 1856 г. В то же время мотивы, выраженные в стихотворении «Полночь. Темно в горенке...», характерны для 1856 г., когда поэт начал все шире обращаться к социальной теме. Характерно, что и в «Гнезде ласточки» (1856), и в стихотворении «Полночь. Темно в горенке...» речь идет о мельнике. В одном случае он «чужим добром и пьян и сыт», а в другом непосильная работа «у купца на мельнице» губит здоровье бедняка. Все это дает основание предположительно датировать стихотворение 1856 г.

<Н. И. Второву> («Из библиотеки старинной...»). Впервые — изд. 1869 г., т. 1, стр. 47, в биографии Никитина, принадлежащей М. Ф. Де-Пуле, без даты. В стихотворении речь идет о журнале Н. И. Новикова «Живописец» (1772—1773), хранившемся среди книг отца поэта. Журнал был послан Никитиным в подарок Второву (см. о нем стр. 21). Второв уехал из Воронежа в 1857 г., но в начале 1857 г. он был занят хлопотами по переезду, и Никитин с ним почти не имел возможности встречаться. Таким образом, стихотворение написано, видимо, в 1856 г. *Дмитрич* — приказчик Никитина.

Староста. Впервые — «Русский архив», 1865, вып. 3, стлб. 317. Печ. по изд. 1869 г., т. 1, стр. 377. Н. П. Курбатов, близкий друг Никитина, рассказывает: «Стихотворение это уцелело совершенно случайно. В 1858 г. во время одной из тех переборок Никитиным своих бумаг, о которых мы говорили, войдя в его комнату, мы увидели на полу, между прочими стихотворениями, обреченными на гибель, и это. Поэт хандрил и не хотел слышать о пощаде «Старосты». «Без переделки оно никуда не годится», — говорил он. Однако нам удалось-таки склонить его отдать нам это стихотворение, под условием возвращения после того, как оно будет переделано» (изд. 1869 г., т. 1, стр. 553—554). Никитин, однако, к стихотворению не возвращался, и оно было дважды напечатано Курбатовым уже после смерти поэта. Между текстом «Русского архива» и изд. 1869 г. имеются разночтения. В изд. Фомина и в изд. 1912 г. предпочтен текст «Русского архива», как первопечатный. Но в нем явным образом нарушен ритмический строй стихотворения, написанного трехстопным хореем с дактилическими окончаниями в первой и третьей строках четверостишия. В изд. 1869 г. начало выдержано в этом размере, между тем как в тексте «Русского архива» начало ямбическое, противоречащее всей дальнейшей ритмике. Это дает основание полагать, что авторский текст был искажен именно в «Русском архиве».

«Первый гром прогремел. Яркий блеск в синеве...». Впервые — изд. 1869 г., т. 2, стр. 5.

«Медленно движется время...». Впервые — «Русская беседа», 1858, № 10, стр. 6, под заглавием «Песня». Печ. по изд. 1859 г., стр. 69. Автограф — в архиве Никитина. Стихи 5—6 в автографе:

Молнии путь осветили,
Зарево видно сквозь дым.

Возможно, они были заменены поэтом из цензурных соображений. В конце XIX в. стихотворение пользовалось широкой известностью и распевалось на мотив знаменитой песни Л. П. Радина: «Смело, товарищи, в ногу...» (см.: И. С. Никитин. Сочинения в 4-х томах, т. 2. М., 1960, стр. 268).

Лампадка. Впервые — изд. 1869 г., т. 2, стр. 1. Автограф — в архиве Никитина, без даты. Положено на музыку А. Рутиным.

«Смеркает день. В бору темнеет...». Впервые — ОЗ, 1857, № 11, стр. 104, под заглавием «Прогулка (Отрывок)». Печ. по изд. 1859 г., стр. 6.

«Светит месяц в окна...». Впервые — изд. 1869 г., т. 2, стр. 4. Автограф ранней редакции (начало: «В доме позатихло...»), без даты — в ПД (архив А. И. Порецкого).

«Покой мне нужен. Грудь болит...». Впервые — изд. 1859 г., стр. 71. В изд. 1869 г. вошла ранняя редакция. Добролюбов усматривал в стихотворении не «впечатления прожитой жизни», а либеральную фразеологию, почерпнутую из литературы (Д, стр. 171).

Соха. Впервые — ОЗ, 1857, № 11, стр. 105. Печ. по изд. 1859 г., стр. 135. Добролюбов считал это стихотворение одним из лучших в изд. 1859 г. (Д, стр. 175). Цензор, генерал-лейтенант Штрюмер, давая свое заключение о литературном сборнике, предназначенном для учеников солдатской школы, писал по поводу стихотворений «Песня бобыля», «Соха» и «Пахарь»: «Во всех этих стихотворениях представлена горькая жизнь нашего крестьянства. Находя, что эти стихотворения могут быть вредными для неразвитых учеников солдатской школы, считаю невозможным дозволить их к помещению в сборнике» (ЦГИАЛ).

«Ах ты, бедность горемычная...». Впервые — ОЗ, 1857, № 11, стр. 103, под заглавием «Бедность». Печ. по изд. 1859 г., стр. 129. Добролюбов относил это стихотворение к лучшим в изд. 1859 г. (Д, стр. 171). Положено на музыку Д. Усатовым, Н. Афанасьевым, Н. Дмитриевым и В. Хорошевичем-Терником.

Удаль и забота. Впервые — «Народное чтение», 1859, № 5, стр. 164.

Бесталанная доля. Впервые — изд. 1869 г., т. 2, стр. 13.

«Незаменимая, бесценная утрата!..». Впервые — изд. 1869 г., т. 2, стр. 15.

Разговоры. Впервые — «Русская беседа», 1858, № 12, стр. 4. Печ. по изд. 1859 г., стр. 66. Автограф первоначальной редакции — в архиве Никитина.

Нищий. Впервые — «Русская беседа», 1857, № 8, стр. 81. В изд. 1869 г. были исключены цензурой последние три четверостишия, в которых нищета трактуется как социальная трагедия. Добролюбов считал это стихотворение едва ли не лучшим в изд. 1859 г. (Д, стр. 175).

Деревенский бедняк. Впервые — изд. 1869 г., т. 2, стр. 20.

Тоска. Впервые — изд. 1955 г., стр. 39, по автографу ПД, который был приложен к письму к петербургскому знакомому Никитина А. И. Порецкому. Судя по дате письма, стихотворение следует отнести к 1857 г. Автограф был в очень плохом состоянии и подвергся реставрации.

<Из записки>. Впервые — изд. 1869 г., т. 1, стр. 71, в биографии Никитина, принадлежащей М. Ф. Де-Пуле. Время написания стихотворения неизвестно. Однако Де-Пуле приводит его там, где характеризуется жизнь поэта в 1857—1858 гг. «В немногие часы здоровья и душевного спокойствия, — пишет Де-Пуле, — Никитин был совсем другой человек: живой, веселый, шутник, неумолкаемый рассказчик... В такие минуты Никитин любил болтать по-французски, нарочно коверкая произношение, а к отсутствующим приятелям любил писать французские записки» (изд. 1869 г., т. 1, стр. 71). Публикуемым четверостишием и оканчивалась одна из таких записок.

Ночлег в деревне. Впервые — «Русская беседа», 1858, № 12, стр. 5. Печ. по изд. 1859 г., стр. 34. В стихотворении использована ритмическая структура стихотворения Фета «Шепот, робкое дыханье...». Не лишено основания соображение о том, что Никитин здесь пародирует Фета. Цензор Голохвастов так оценивал «Ночлег в деревне»: «В нем описывается мрачными красками положение крестьян, крайние их нужды. Такое описание тяжкого и безвыходного положения крестьян должно неминуемо вредно действовать на учеников того же сословия, отбивая у них охоту к труду, который, по словам автора, нисколько не улучшает положения крестьян» (ЦГИАЛ).

Дедушка. Впервые — «Народное чтение», 1859, № 2, стр. 212. Добролюбов высоко оценил это стихотворение (Д, стр. 174). «Де-

душка» — одно из популярнейших никитинских стихотворений, вошедших в школьные хрестоматии.

Пряха. Впервые — изд. 1859 г., стр. 94. В стихотворении использованы мотивы, характерные для поэзии Некрасова.

«Постыдно гибнет наше время!..». Впервые — «Былое», 1906, кн. 7, стр. 2. Автограф — в архиве Никитина, без даты. В рукописи после стиха 8 следуют несколько зачеркнутых автором строк, из которых можно разобрать лишь две: «Нас бьют кнутом, нас мучат палкой. Дурачат, грабят, как хотят». Время написания этого стихотворения, как и других («Тяжкий крест несем мы, братья...», «Падет презренное тиранство...»), — неизвестно. Можно лишь приблизительно датировать их 1857—1861 гг. В пользу этого говорят следующие соображения. Несомненно, они написаны до реформы 1861 г., так как проблема социального освобождения трактуется в них как предположительное будущее. Далее — радикальные настроения в кружке Н. И. Второва, наиболее ярким выразителем которых был П. А. Придорогин, М. Ф. Де-Пуле приурочивает к 1857 г. (см. изд. 1869 г., т. 1, стр. 89). Опубликованы стихотворения были внучкой Второва О. В. Яфа. Следовательно, они хранились в архиве Второва, который уехал из Воронежа в 1857 г.

«Тяжкий крест несем мы, братья...». Впервые — «Былое», 1906, кн. 7, стр. 3. Автограф — в архиве Никитина.

«Падет презренное тиранство...». Впервые — «Былое», 1906, кн. 7, стр. 1. Автограф — в архиве Никитина.

«Ах, прости, святой угодник!..». Впервые — изд. Фомина, т. 2, стр. 117. При жизни Никитина не было напечатано из цензурных соображений. Автограф — в архиве Де-Пуле (ПД).

Дачная жизнь. Впервые — изд. 1869 г., т. 1, стр. 66, в биографии Никитина, принадлежащей М. Ф. Де-Пуле.

«В синем небе плывут над полями...». Впервые — изд. 1859 г., стр. 22.

«Ярко звезд мерцанье...». Впервые — «Народное чтение», 1859, № 6, стр. 132, без стихов 13—16. Печ. по изд. 1859 г., стр. 29. Положено на музыку А. Толстой.

«В чистом поле тень шагает...». Впервые — «Русская беседа», 1858, № 12, стр. 6. Печ. по изд. 1859 г., стр. 15.

«Детство веселое, детские грезы...». Впервые — ОЗ, 1859, № 1, стр. 144. Печ. по изд. 1859 г., стр. 37.

«Ехал из ярмарки ухарь-купец...». Впервые — изд. 1859 г., стр. 137. В изд. 1869 г. дано без двух последних стихов, изъятых цензурой. Добролюбов высоко оценивал это стихотворение (Д, стр. 175).

Мертвое тело. Впервые — изд. 1859 г., стр. 146. В стихотворении использованы личные впечатления Никитина, который в бытность «дворником» не раз встречался с явлениями, подобными тем, о которых идет речь в произведении.

<В альбом Е. А. Плотниковой>. Впервые — изд. 1869 г., т. 2, стр. 26. Посвящено Евдокии Александровне *Плотниковой,* матери Наталии Вячеславовны (см. о ней стр. 585).

<В альбом А. Н. О—вой>. Впервые — изд. 1869 г., т. 2, стр. 27. К кому обращено стихотворение, раскрыть не удалось. Известно лишь, со слов редактора изд. 1869 г. Н. П. Курбатова, что стихотворение вписано в альбом некой четырнадцатилетней девочки, которая очень желала получить автограф Никитина (изд. 1869, т. 2, стр. 369).

«В небе радуга сияет...». Впервые — изд. 1859 г., стр. 16.

«В темной чаще замолк соловей...». Впервые — в другой редакции, под заглавием «Ночь» — «Русская беседа», 1858, № 12, стр. 6. Печ. по изд. 1859 г., стр. 33. Добролюбов, отметивший литературные влияния, сказавшиеся в стихотворении, оценивал его все же сочувственно (Д, стр. 162). Положено на музыку рядом композиторов, в том числе Н. А. Римским-Корсаковым и А. Т. Гречаниновым.

«Помнишь? — с алыми краями...». Впервые — «Русская беседа», 1858, № 12, стр. 7. Положено на музыку А. Алфераки.

Горькие слезы. Впервые — ОЗ, 1859, № 1, стр. 143. В литературе о Никитине отмечалось, что в стихотворении заметны следы влияния Гейне, с произведениями которого Никитин в это время познакомился (см. изд. Фомина, т. 3, стр. 190).

«Мне, видно, нет другой дороги...». Впервые — изд. 1859 г., стр. 77.

«Ах, у радости быстрые крылья...». Впервые — «Народное чтение», 1859, № 1, стр. 209, под заглавием «Радость и кручина» и с разночтениями. Печ. по изд. 1859 г., стр. 127. Автограф первоначальной редакции — в архиве Никитина. Добролюбов оценивал это стихотворение очень высоко (Д, стр. 175).

«Опять знакомые виденья!..». Впервые — «Русская беседа», 1858, № 12, стр. 3. Печ. по изд. 1859 г., стр. 64. В изд.

1869 г. не было пропущено цензурой. Добролюбов писал, что стихотворение довольно горячо и живо выражает «чувство сострадания к беднякам» (Д, стр. 174).

Песня бобыля. Впервые — «Народное чтение», 1859, № 2, стр. 213. Песня возникла в результате радикальной переработки стихотворения «Бобыль», написанного в 1854 г. Изменения, внесенные Никитиным в него, оказались настолько существенными, что получилось совершенно новое произведение. «Песня бобыля» несколько раз была положена на музыку, в том числе С. Монюшко. Это стихотворение в детстве любил В. И. Ленин (см.: А. И. Ульянова. Детские и школьные годы Ильича. М., 1955, стр. 10).

«Ноет сердце мое от забот и кручин...». Впервые — «Народное чтение», 1860, № 3, стр. 152.

«Средь жизни пошлой, грустной и бесплодной...». Впервые — «Казанский библиофил», 1921, № 1, стр. 9. Автограф — в ПД (архив М. П. Петровского). Стихи 5—16 в рукописи перечеркнуты, а последняя строка подчеркнута красным карандашом. Судя по имеющимся материалам, стихотворение можно предположительно датировать 1858—1860 гг. В нем, видимо, отразились чувства, которые в это время Никитин питал к дочери своего друга А. Р. Михайлова. В письме к Н. И. Второву от 15 апреля 1860 г. Никитин писал о ней: «Какая у него дочь миленькая, ей-ей, воплощенный ангел кротости! Но, —

Молчи, несчастный рифмоплет:
Не для тебя она цветет!..

Эх, горе! горе! все надейся, терпи и жди, а каково, позвольте вас спросить, ждать, когда дело доходит до зубовного скрежета?..» (изд. 1955 г., стр. 277).

Филантроп. Впервые — «Дело», 1868, № 5, стр. 111.

Старый слуга. Впервые — изд. 1859 г., стр. 140. В письме к Н. И. Второву от 11 сентября 1859 г. Никитин писал: «Стихотворением «Старый слуга» я сам, как и вы, недоволен, да уж так — хотелось пустить его в одном выходе вместе с прочими» (изд. 1955 г., стр. 268).

«Живая речь, живые звуки...». Впервые — изд. 1859 г., стр. 39. Положено на музыку В. Соколовым.

«Перестань, милый друг, свое сердце пугать...». Впервые — изд. 1859 г., стр. 43. *Талан* — см. стр. 580.

«И дождь и ветер. Ночь темна...». Впервые — изд. 1859 г., стр. 49.

Могила дитяти. Впервые — «Народное чтение», 1859, № 5, стр. 165. В письме к Н. И. Второву от 21 августа 1859 г. Никитин отмечал, что стихотворение «внушено мне на кладбище, где похоронен ваш Николенька» (изд. 1955 г., стр. 267); Николенька — сын Второва.

«Я рад молчать о горе старом...». Впервые — «Русское слово», 1860, № 2, стр. 86. Автограф — в архиве Никитина, без даты.

«Обличитель чужого разврата...». Впервые — «Русский архив», 1865, вып. 10—11, стлб. 1359. Автограф — в архиве Второва, в письме Никитина к Второву от 15 апреля 1860 г. По этому тексту стихотворение и было напечатано в журнале. Хотя во всех изданиях сочинений Никитина оно давалось с заглавием «Поэту-обличителю», нет оснований печатать его под этим названием, так как в письме Никитина оно отсутствует. Очевидно, заглавие было дано не поэтом, а М. Ф. Де-Пуле. Стихотворение было оглашено Никитиным в Воронеже на публичном чтении 9 апреля 1860 г. в пользу нуждающихся литераторов. Оно имело большой успех, и по требованию публики Никитин прочитал его два раза. По утверждению Де-Пуле, стихотворение якобы направлено против Некрасова. Но ряд соображений заставляет усомниться в этом указании. Злобный реакционер Де-Пуле в своих работах пытался представить Никитина врагом революционно-демократической поэзии. Он утверждал в принадлежащем ему очерке биографии поэта, что роль обличителя Никитину, «воспитанному в хорошей эстетической школе, всегда казалась недостойной художника» (изд. 1869 г., т. 1, стр. 81). Приписать Никитину активное выступление против Некрасова значило очень основательно подкрепить заведомо ложный тезис. И, наконец, самое серьезное из возможных возражений против точки зрения Де-Пуле заключается в том, что в письмах, где речь идет о литературном чтении, Никитин ни словом не обмолвился насчет того, что он имел в виду Некрасова. В письме к Н. И. Второву от 15 апреля 1860 г. Никитин сообщал: «После обеда зашел гр. Д. Н. Толстой и заметил мне, почему я предварительно не показал ему того, что написал для публичного чтения. Я отвечал, что в стихотворении нет ничего такого, что могло бы быть заподозрено цензурою, и потому беспокоить его без нужды я считал совершенно лишним. „Однако ж, — сказал он, — в городе идут толки; некоторые лица принимают стихотворение ваше на свой счет“. Это меня озадачило. „Ну, а вы, граф, что же вы-то о нем думаете?“ — „О, конечно, я не вижу в нем ничего особенного, иначе там же, в зале, я остановил бы вас, несмотря ни на что“» (изд. 1955 г., стр. 276). Если Никитин действительно выступил в стихотворении против Некрасова, почему он об этом не сказал ничего своему близкому другу Второву? Почему он в виде оправдания перед Толстым прямо не указал, кого он имел в виду? Одно это разъяснение сразу рассеяло бы все толки, о ко-

торых говорит Толстой. Все эти соображения дают основания для того, чтобы усомниться в истинности указания Де-Пуле.

<М. Ф. Де-Пуле> («Mein Freund, от тоски изнываю...»). Впервые — изд. Фомина, т. 2, стр. 155. Это, как и следующее четверостишие, находилось в письме автора к М. Ф. Де-Пуле от 15 августа 1860 г. В стихотворении Никитин намекает на свое увлечение Н. А. Матвеевой (см. о ней на стр. 14).

<М. Ф. Де-Пуле> («Брожу ли я вдоль улиц шумных...»). Впервые — изд. Фомина, т. 2, стр. 155. Стихотворение является шуточным подражанием начальным строкам элегии Пушкина «Брожу ли я вдоль улиц шумных...» (1829).

«Теперь мы вышли на дорогу...». Впервые — И. Никитин. Соч., М., 1886, стр. 56. До этого было запрещено цензурой. Автограф — в архиве Никитина, без даты. Было послано автором в сентябре 1860 г. к Г. Е. Благосветлову для публикации в «Русском слове».

«Бедная молодость, дни невеселые...». Впервые — «Русское слово», 1860, № 2, стр. 86. Печ. по изд. Фомина, т. 2, стр. 147, где дано по автографу позднейшей редакции из архива Никитина, другой автограф, идентичный первому, — там же. Стихотворение перекликается со знаменитой песней Яблочкина в «Дневнике семинариста»: «Вырыта заступом яма глубокая...» (см. ее на стр. 317).

«За прялкою баба в поняве сидит...». Впервые — «Воронежская беседа на 1861 г.», СПб., 1861, стр. 241. Автограф — в архиве Никитина. Положено на музыку В. Хорошевичем-Герницким. *Понява* — покрывало, платок.

Портной. Впервые — «Воронежская беседа на 1861 г.», СПб., 1861, стр. 237. Автограф — в архиве Никитина, без даты. По поводу этого стихотворения Никитин писал Н. И. Второву: «„Портной" — это факт, случившийся на днях; я знал его лично, но я, к сожалению, не знал о его страшном положении. Вот что бывает на свете, а наш брат еще смеет жаловаться» (изд. 1955 г., стр. 284). Прототипом для образа портного послужил Никитину его воронежский знакомый Тюрин, которого он даже похоронил за свой счет. Дочери портного Кате поэт завещал часть своего имущества.

«Вырыта заступом яма глубокая...». Впервые — «Воронежская беседа на 1861 г.». СПб., 1861, стр. 210, в составе «Дневника семинариста», написанного в 1860 г. В «Дневнике семинариста» оно приведено как предсмертное произведение Яблочкина. В биографии Никитина, написанной М. Ф. Де-Пуле, говорится: «Когда Никитин докончил «Дневник семинариста», у него показалась горлом кровь. Последнюю сцену — смерть Яблочкина — и превосходное стихотворение, которым заканчивается повесть, Никитин

прочел мне в своем книжном магазине; по нездоровью он несколько дней не был у меня. «Доконал меня проклятый „Семинарист“!» — воскликнул Никитин, приступив к чтению. С первых же слов смертная бледность покрыла его лицо, глаза его загорелись знакомым мне сухим пламенем; красные пятна зарделись на щеках; голос дрожал, порывался и замер как-то страшно на словах: «О жизни покончен вопрос, больше не нужно ни песен, ни слез! ..» Так написать мог только умирающий, так прочесть можно было только перед открытой могилой! ..» (изд. 1869 г., т. 1, стр. 138—139). Стихотворение — одно из самых популярных произведений Никитина; оно неоднократно перекладывалось на музыку и было переведено на многие иностранные языки.

П о м и н к и. Впервые — изд. 1869 г., т. 2, стр. 52. До этого было запрещено цензурой. Автограф — в архиве Никитина, без даты. В стихотворениях «Поминки», «Погост», «Теперь мы вышли на дорогу...» отразились мысли и чувства поэта, связанные с предстоящей крестьянской «реформой». Подробнее см. об этом во вступит. статье, стр. 41—42.

Н а п е п е л и щ е. Впервые — «Русское слово», 1861, № 1, стр. 5. Было запрещено цензурой для изд. 1869 г. Автограф — в архиве Никитина. Известный критик Н. К. Михайловский очень высоко оценил это стихотворение (см.: Соч., т. 4. СПб., 1897, стр. 481).

М а т ь и д о ч ь. Впервые — ОЗ, 1861, № 3, стр. 121.

П о г о с т. Впервые — ОЗ, 1861, № 3, стр. 1. В изд. 1869 г. стихи 9—16 были изъяты цензурой и восстановлены лишь в изд. 1912 г., стр. 154. Положено на музыку В. Полоцкой.

Ж и з н ь. Впервые — «Модный магазин», 1867, № 4, стр. 54. Датируется предположительно 1860 г., так как по своему настроению стихотворение тесно примыкает к поэме «Тарас», окончательную редакцию которой Никитин создал в 1860 г.

С о б р а т у. Впервые — «Модный магазин», 1867, № 17, стр. 262. Датируется предположительно, по связи со стихотворениями «Бедная молодость, дни невеселые...» и «Вырыта заступом яма глубокая...», написанными в 1860 г.

Х о з я и н. Впервые — «Время», 1861, № 11, стр. 121. Было прочитано Никитиным с большим успехом в Воронеже на вечере в пользу воскресной школы 9 апреля 1861 г. Песня сумасшедшего «На старом кургане в широкой степи...» положена на музыку В. Калинниковым, в свое время пользовалась большой популярностью. В образе сокола, прикованного к цепи, поэт дал символическое изображение России, закованной в цепи рабства.

<Н. А. Матвеевой> («На лицо твое солнечный свет упадал...»). Впервые — изд. 1869 г., т. 1, стр. 173, в биографии Никитина, принадлежащей М. Ф. Де-Пуле. Стихотворение извлечено из письма Никитина к Матвеевой от 19 апреля 1861 г. *Матвеева* Наталия Антоновна — дочь отставного генерала, командовавшего в Крымскую войну воронежским ополчением. Познакомился с ней Никитин у Плотниковых, и с весны 1860 г. между ними завязалась оживленная переписка. Судя по письмам Никитина (ответные письма Матвеевой не сохранились), он питал к ней сильное чувство и встречал с ее стороны полную взаимность.

<Н. А. Матвеевой> («Я вас не смею раздражать...»). Впервые — изд. 1869 г., т. 1, стр. 175—176. См. предыдущее примеч.

Исповедь. Впервые — «Живописное обозрение», 1880, № 1, стр. 11. См. примеч. к стихотворению «Рассказ моего знакомого», стр. 585.

Порывы. Впервые — «Живописное обозрение», 1880, № 2, стр. 25.

ПОЭМЫ

Кулак. Впервые — отдельным изданием: «Кулак. Поэма». М., 1858 (дата цензурного разрешения — 25 августа 1857 г.). Из печати поэма вышла в конце февраля 1858 г. Начата она была в октябре 1854 г., и к сентябрю 1856 г. была закончена первая редакция. Автограф этой редакции, принадлежавший М. Ф. Де-Пуле, хранится в ГПБ. По совету своих друзей — Н. И. Второва и П. А. Придорогина — Никитин продолжал работать над поэмой, вносил в нее существенные исправления. Вторая редакция поэмы сложилась скорее всего к началу 1857 г. Автограф ее — в архиве Никитина. Рукопись третьей, беловой редакции, посланная К. О. Александрову-Дольнику для набора, не сохранилась. Известен только отрывок эпилога, факсимиле которого воспроизведено в изд. 1869 г. Тему «Кулака» подсказали Никитину его воронежские друзья. В поэме сильны автобиографические черты: Лукич во многом напоминает отца поэта Савву Евтихиевича, прототипом для Арины послужила мать поэта Прасковья Ивановна. Бытовые наблюдения поэта, этнографический элемент, историческое прошлое Воронежа, современный Никитину воронежский быт — отчетливо отразились в «Кулаке». Добролюбов в рецензии на поэму писал, что содержание «развито г. Никитиным в ряде сцен и изображений, показывающих, с одной стороны, обстоятельное знание того быта, который он описывает, а с другой, — ясное понимание того характера, который сделал он героем своей поэмы» (Собр. соч., т. 3. М.—Л., 1962, стр. 152). С большим сочувствием говорил Добролюбов об «истинно гуманных идеях» поэмы. Анализируя сборник 1859 г., Добролюбов снова вернулся к поэме, подчеркнув не только ее социальную ценность, но и художественную выразительность. По мнению критика,

«Кулак» заключал в себе «много живых, энергически выраженных стихов» (Д, стр. 168). В анонимной рецензии «Московского обозрения» (1859, кн. 1, стр. 24) было сказано: «Несколько потрясающих по своему драматизму сцен, местами же неподдельный комизм, а всегда теплое чувство общечеловеческой любви... живая передача действительности, типически очерченные характеры и чудные описания природы довершают очарование, производимое этим свежим и истинно поэтическим созданием молодого, но уже шибко развернувшего творческие силы свои, писателя». Академик Я. К. Грот («Известия Академии наук по отд. русского языка и словесности», 1858, т. 7, стр. 289—313) отмечал в «Кулаке» «множество ярких и разнообразных картин русского быта, столь удачных, что это произведение в полном смысле заслуживает названия народного». Эпиграф для поэмы взят из трагедии Шекспира «Ромео и Джульетта» в переводе М. Н. Каткова («Пантеон русского и всех европейских театров», 1841, № 1). О значении слова *«кулак»* в поэме Никитина см. вступит. статью, стр. 36. *Чумаки* — см. стр. 584. *Цейхгауз* — военный склад. *Где был Петра приют простой.* Имеется в виду местопребывание Петра I, который находился в Воронеже в ту пору, когда там строили флот. *Кички* — см. стр. 578. *Серпянка* — бумажная материя редкого плетения. *Ступица* — средняя, основная часть колеса. *Мазница* — деревянная или глиняная посуда для дегтя. *Гаманок* — кожаный кошелек. *Лазаря поют слепцы.* Имеется в виду так называемый духовный стих о Лазаре, который пели нищие. *Тавлинка* — плоская табакерка из бересты. *Китайка* — сорт гладкой хлопчатобумажной ткани. *Шушун* — вид женской одежды. *Кокошник* — женский головной убор. *Чуйка* — длинный суконный кафтан. *Талан* — см. стр. 580. *Пел про туман на синем море* — народная песня «Уж как пал туман на сине море...». *Коник* — см. стр. 584.

Тарас. Впервые — «Воронежская беседа на 1861 г.». СПб., 1861, стр. 1, с пропусками (видимо, цензурного происхождения) в гл. 3 стихов 91—92, в гл. 5 стихов 101—104, 137. Печ. по этому сборнику с восстановлением изъятых строк по автографу архива Никитина. Первая редакция поэмы создана была Никитиным в октябре 1855 г. Список — в тетр. Нордштейна под заглавием «Сорока». Через месяц, в ноябре 1855 г., Никитин закончил вторую редакцию поэмы. Список — в тетр. Нордштейна. Работу над поэмой, однако, Никитин считал незавершенной, и лишь через пять лет, в 1860 г., он вернулся к «Тарасу» и, существенно переработав поэму, создал две новые редакции: одна из них была напечатана в «Воронежской беседе», автограф другой — в архиве Никитина. В изд. Фомина, т. 2, «Тарас» напечатан по рукописи из архива Никитина на том основании, что она, возможно, представляет собой четвертую позднейшую и окончательную редакцию. Это утверждение, однако, не подкреплено вескими доказательствами. Не соглашаясь полностью с А. М. Путинцевым, который безоговорочно считал рукопись из архива Никитина последней редакцией (см.: «Труды Воронежской ученой архивной комиссии», 1908, вып. 4, стр. 39—62),

А. Г. Фомин, однако, полагал, что в пользу мнения Путинцева говорят авторские даты: в «Воронежской беседе» — 1860 г. 12 ноября, а в рукописи — 1860 г.: обычно поэт под поздней редакцией выставлял более общую дату, чем под ранней редакцией» (изд. Фомина, т. 3, стр. 376—377). Этот, в сущности говоря, единственный довод, к которому прибегает Фомин, нельзя признать убедительным, так как известны случаи, когда под последними редакциями Никитин указывал и точные датировки. Во-вторых, если согласиться с аргументацией Фомина, тогда надо будет признать, что Никитин, отдавая поэму в «Воронежскую беседу», сознательно шел на публикацию незавершенной редакции. Допустить это трудно, особенно если учесть, как живо интересовался Никитин печатанием сборника и какие серьезные общественные задачи он перед ним ставил.

Поездка на хутор. Впервые — «Русское слово», 1859, № 5, стр. 1. Представляет собой отрывок из поэмы «Городской голова». Поэму эту, начатую в 1857 г., Никитин не закончил. Написано им было всего лишь три главы, из которых сохранился только один фрагмент. *Вы пойте мне иву, зеленую иву* — строка из песни Дездемоны (героини «Отелло» Шекспира) в переводе И. И. Козлова, ставшем популярным романсом.

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1. *Фронтиспис.* И. С. Никитин. С фотографии Деньера. Издание Мюнстера (музей Института русской литературы АН СССР).
2. *Стр. 283.* Автограф стихотворения «Падет презренное тиранство...» (Центральный государственный архив литературы и искусства).
3. *Стр. 363.* Автограф отрывка из поэмы «Кулак» (Рукописный отдел Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина).

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СТИХОТВОРЕНИЙ И ПОЭМ[1]

[1] При расположении в алфавитном порядке заглавий, представляющих собой фамилии адресатов, инициалы во внимание не принимаются.

СОДЕРЖАНИЕ[1]

[1] Первая цифра указывает страницу текста, вторая (курсивом) — страницу примечания.

ПОЭМЫ

Никитин Иван Саввич

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СТИХОТВОРЕНИЙ

Л. О. изд-ва «Советский писатель», 1965 г. 616 стр. Тем. план вып. 1965 г. № 42

Редактор *В. С. Киселев*

Художник *И. С. Серов*
Худож. редактор *А. Ф. Третьякова*
Техн. редактор *В. Г. Комм*
Корректор *Ф. С. Флейтман*

Сдано в набор 26/XI 1964 г. Подписано в печать 12/IV 1965 г. Бумага $84 \times 108\ ^1/_{32}$ Печ. л. $19\ ^1/_4 + 1$ вкл. (32,44). Уч.-изд. л. 32,19. Тираж 30 000 экз. Зак. № 2207
Цена 1 р. 13 коп.

Издательство «Советский писатель»
Ленинградское отделение,
Ленинград, Невский пр., 28

Ленинградская типография № 5 Главполиграфпрома Государственного комитета Совета Министров СССР по печати
Красная ул., 1/3